

СПбГБУ «Литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой
в Фонтанном Доме»
Кафедра культурологического образования СПб АППО
ГБНОУ «Санкт-Петербургский государственный Дворец творчества юных»

Межмузейный проект
«МУЗЕЙ ОТКРЫВАЕТ ФОНДЫ»

Материалы юношеских и молодежных
научно-практических конференций
(2019–2020)

Выпуск 4

Санкт-Петербург
2021

СОДЕРЖАНИЕ

М. А. Мясникова. Предисловие000

1. Документы рассказывают

Т. С. Позднякова. Вступительная статья.000

Альфея Абдуллаева. Страницы истории литературной студии Ленинградского дворца пионеров: руководитель студии Г. В. Пирусская (по документам из фондов Музея истории Аничкова дворца)000

Анна Андреева. Картограф и нумизмат А. А. Ильин (по документам из Музея Русского географического общества)000

Даниил Басукинский. Календарь учащихся «Товарищ» за 1912-1913 учебный год (по материалам музея «Школа в портфеле» школы № 50)000

Елизавета Белобородова. О чём рассказали списки Легаевского интерната, или Список как исторический источник000

Ева Литвинская. Первый этап эвакуации детского сада № 20 Октябрьского района г. Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (по материалам музея истории школы № 5 г. Чернушки Пермского края и Государственного музея истории Санкт-Петербурга)000

Арсений Бредников. Дневник ленинградского школьника Степана Волка (архив С. С. Волка в фонде Дома Плеханова РНБ)000

Артемию Казанцев. Почтовая открытка как исторический источник. Путешествие в Петербург начала XX века (по материалам частной коллекции)000

Мария Копылова. Адресная табличка как краеведческий документ (история адресных табличек из ГМИ СПб.)000

Арина Ришкунте. Чему и как учили в Тенишевском училище. Размышления над расписанием занятий000

В данный сборник вошли фрагменты докладов лауреатов открытых юношеских городских научно-практических конференций, проходивших в рамках межмузейного проекта «Музей открывает фонды» в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме в 2019–2020 гг., а также статьи кураторов проекта, в которых дан краткий обзор публикуемых работ учащихся.

Сборник состоит из 7 тематических разделов. В первый включены исследования, написанные по документам из фондов музеев — участников проекта «Музей открывает фонды», во второй — работы, посвященные книгам, в третий — исследования, посвященные мемориям, в четвертый — работы о предметах изобразительного искусства, в пятый — исследования фотоматериалов, в шестой — исследования предметов естественно-научной тематики, в седьмой — работы участников Молодежной конференции проекта.

Издание может быть рекомендовано к использованию в качестве учебного пособия для широкого круга исследователей и специалистов в области литературы, искусства, истории и развития музейного дела.

<i>Екатерина Ивлева. Из истории «Дровяного альбома» (по материалам фондов Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук)</i>	.000
<i>Николай Скрипко. Александр Иванович Гегелло — архитектор-конструктивист (письма Н. В. Гегелло из фондов Музея истории Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных)</i>	.000
<i>Дмитрий Крюков. Музейный экспонат: живой голос истории (по архивным документам школьного музея «Из истории гимназии № 402»).</i>	.000
<i>Владислав Куричкис. Аттестат зрелости — путёвка в жизнь (по архивным документам школьного музея «Из истории гимназии № 402»).</i>	.000
<i>Никита Хижняк. Время, события и личность в литературно-публицистических журналах учащихся Второй Санкт-Петербургской Гимназии (по материалам Мемориального музея истории Второй Санкт-Петербургской Гимназии)</i>	.000
<i>Александра Соловьева. Детские каракули на бланке ученого-этнографа (по архивным материалам музея школы № 112 Выборгского района)</i>	.000
<i>Алёна Семченко. Записка директору блокадной школы (по материалам музея школы № 112 Выборгского района Санкт-Петербурга).</i>	.000
<i>Егор Зуев. Блокадный дневник Александра Панцошника (по материалам школьного музея 220-й Гатчинско-Берлинской Краснознамённой ордена Суворова II степени отдельной танковой бригады)</i>	.000
<i>Диана Рукавицына. Гимназист vs школьница. Что расскажет школьный дневник (по материалам фонда Музея Николаевской гимназии).</i>	.000
<i>Диана Ладанова. Дачное место Парголово в середине 1850-х годов глазами петербургского гимназиста</i>	.000
<i>Александра Караваева, Наталия Никитина. Из истории семьи Таганцевых. Письма Е. М. Лазаревской и Г. В. Миштовта Таганцевым в фонде Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме</i>	.000
<i>Елизавета Гришакова, Яна Савельева. Из прошлого в настоящее (по материалам альбома 1950 года, оформленного учащимися 9 класса после поездки в Царское Село)</i>	.000

2. Книга как музейный предмет

<i>В. И. Аксельрод. Вступительная статья.</i>	.000
---	------

<i>Татьяна Макарова. Книга художника Олега Дергачева (по материалам Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)</i>	.000
<i>Александра Липатова. «...И на реснице вдруг умильно Слеза весёлая блеснёт...» (книга Михаила Кузмина «Нездешние вечера». Петроград. 1921).</i>	.000
<i>Амир Мингалиев. О сборнике Николая Гумилева «Шатер» (из фондов Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)</i>	.000
<i>Анастасия Кучина. Леонид Андреев в Петербурге-Петрограде (книга «Ночной разговор» из фондов Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)</i>	.000
<i>Влада Могильниченко. Три книги («Илиада» Гомера в переводе Н. И. Гнедича из фондов Литературно-художественного музея-усадьбы «Приютино» и Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)</i>	.000
<i>Владислав Мацуков. Жизнь и деятельность А. Н. Макарова (Исторический очерк Я. Л. Барскова «Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914» из фондов Педагогического музея СПб АППО).</i>	.000
<i>Елизавета Федотова. Захарий Андреевич Макшеев: жизнь и деятельность (очерк Я. Л. Барскова «Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914» из собрания Педагогического музея СПб АППО).</i>	.000
<i>Ирина Рудникова. Книга о часах — стихи о времени: о чем рассказывает книга Елизаветы Полонской и Николая Лапшина «Часы»</i>	.000
<i>Ульяна Луперьева. «Алгебра на клетчатой бумаге» Я. И. Перельмана: от книги к эпохе (по материалам фондов Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)</i>	.000

3. Вещи — хранители памяти

<i>Н. И. Попова. Вступительная статья</i>	.000
<i>Оксана Абдуселимова. Вокруг Седьмой (по материалам Народного музея «А музы не молчали...»)</i>	.000
<i>Зоя Бирюкова. Военная атрибутика в биографии и произведениях Иосифа Бродского</i>	.000
<i>Алёна Коровкина. О чём говорит рушник</i>	.000
<i>Полина Капитонова. Окно в мир Бенуа (экспонат Музея-квартиры Л. Н. Бенуа)</i>	.000

Артур Хитрик. Деревянная школьная сумка 1930-х годов
(по материалам музея «Школа в портфеле» школы № 50).000
Виктория Карева. Музыка в жизни и творчестве Нади Рушевой000

4. Прошлое в образах и красках

В. М. Львова. Вступительная статья000
Ветрова Анастасия. Немецкие гравюры — часть Педагогического
музея (по материалам Педагогического музея АППО)000
Надежда Овчаренко. Художник И. И. Ваулин и его иллюстрации
к книге «Пушкинский Петербург»000
Вероника Пуляевская. «Есть память обо мне». Иконография Александра
Сергеевича Пушкина (гравюра В. В. Матэ и картина А. И. Зыкова)000
Алексей Суворов. Блокадная скульптура: между признанием
и отрицанием (по материалам Народного музея «А музы
не молчали...»)000
Валерия Демчук. Навеки в памяти, в сердцах (работа художника
А. Ф. Пахомова над созданием эскизов литографий «Ленинградская
летопись» в годы блокады)000
Марина Калинина. Проблема атрибуции фарфоровой коллекции
китайской династии Мин в Музее антропологии и этнографии
имени Петра Великого000
Иван Пискарев. Японская коллекция цесаревича Николая
Александровича в экспозиции Музея антропологии и этнографии
имени Петра Великого000
Михаил Котляров. Изобразительные документы из блокадного
«Ленинградского альбома»000

5. Фотография. Запечатлённое время

С. Е. Качалин. Вступительная статья000
Полина Баданина. Судьба военного корреспондента Александра
Ивановича Бродского (фотоальбом из экспозиции Американского
кабинета Иосифа Бродского в Музее Анны Ахматовой
в Фонтанном Доме)000
Лидия Биджамова. Запечатленное время: Яков Владимирович
Штейнберг (по материалам Центрального государственного архива
литературы и искусства СПб (ЦГАЛИ) и фондам музея «Герои
Ораниенбаумского плацдарма» школы № 238)000

Арина Говорова. «Мы живем вдали от Ленинграда дружною веселою
семьей...»: судьбы сотрудников Легаевского интерната (фотоматериалы
из фондов школы № 5 города Чернушки Пермского края и Народного
музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда»)000
Даниил Голубев, Анастасия Кикнадзе, Таисия Киселева. Время
по-своему судит (фотография Булата Окуджавы из фотофонда Музея
Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)000
Анна Попова. Эвакуация лагеря Ленинградского Литфонда в годы
Великой Отечественной войны (фотография из фондов Краснокамского
краеведческого музея (г. Краснокамск Пермского края)000
Анастасия Сидоранова. Георгий Альфредович Розай. По следам
жизни одного танцора (фотографии из коллекции
Санкт-Петербургского государственного Музея театрального
и музыкального искусства)000
Кьяра Сганга. Исследователь Севера Николай Васильевич Пинегин
(по материалам Российского государственного музея Арктики
и Антарктики и Приморского государственного объединенного
музея им. В. К. Арсеньева)000

6. Научный калейдоскоп

Т. Г. Яковлева. Вступительная статья000
Ольга Замараева. Атрибуция лабораторного прибора, представленного
в фондах музейно-педагогического комплекса «Феникс» (по архивным
материалам Педагогического музея СПб АППО)000
Анна Петрова. Анализ музейных готвален (по материалам
Педагогического музея СПб АППО)000
Иван Холодов. Анализ пособий по изучению глаза
в дореволюционный период и в настоящее время (по архивным
материалам Педагогического музея СПб АППО)000
Андрей Иванов. Индикаторы: вчера, сегодня, завтра (по материалам
Педагогического музея АППО)000
Даниил Ситников. Mandshurosaurus amurensis в Азиатском зале
Центрального научно-исследовательского геологоразведочного
музея им. академика Ф. Н. Чернышева000
Тимофей Малышев. Физическая культура в школе Л. Н. Толстого
(исследование спортивных снарядов, сохранившихся в усадьбе
«Ясная Поляна»)000

Кира Препьялова. Борьба за огонь (учебное пособие «Огонь. Его добывание прежде и теперь» из коллекции Педагогического музея АППО)000

7. На пороге большой науки

С. В. Прасолова. Вступительная статья000
Наталья Перова. «Есть ли чудо?» Книга художника Михаила Карасика (по материалам Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)000
Алёна Сугорковская. О малоизвестном эпизоде биографии Анны Ахматовой (по документам ЦГИА СПб.)000
Игорь Кириллов. Творчество Николая Гумилёва в отечественной рок-культуре.000
Яков Слепков, А. В. Бондарев. Экспонат музея как текст культуры (икона Казанской Богоматери в мемориальной экспозиции Музея-квартиры Л. Н. Гумилёва)000
Екатерина Арашина, Артем Володько, Дария Горнович, Милена Новичкова, Рада Смирнова. «Приоткрывая тайну старинной шкатулки...» Материалы семейного архива тверской ветви Кузьминых-Караваевых (из собрания С. И. Сенина)000
Лю Сыцзя. Тема студии художника в живописи Геррита Дау (XVII в.)
Анна Завьялова. Брюс Чатвин и Иосиф Бродский: четыре открытки из собрания Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме000

Посвящается Исанне Михайловне Лурье

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы держите в руках 4-й выпуск учебно-методического пособия «Музей открывает фонды». Проекту исследовательской деятельности учащихся «Музей открывает фонды» в 2021 году исполнилось 8 лет. Он реализуется с 2013 года Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном Доме совместно с Государственным бюджетным нетиповым образовательным учреждением «Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных» и Педагогическим музеем Санкт-Петербургской академии постдипломного образования. За эти годы к проекту присоединилось множество музеев (государственных, городских, ведомственных, школьных), а также средних и высших образовательных учреждений, учреждений дополнительного образования. География участников проекта обширна. Она охватывает не только Санкт-Петербург и Ленинградскую область, но и Москву, Краснодар, Петрозаводск и другие города.

Особенность проекта «Музей открывает фонды» заключается в том, что работа юного исследователя опирается на музейную коллекцию. В центре исследования находится музейный экспонат или предмет, хранящийся в фондах (произведение искусства, фотография, книга, документ, рукопись, мемориальная вещь и т. д.). Методические рекомендации по работе с музейными предметами опубликованы на официальном сайте музея Анны Ахматовой.

Участники проекта изучают музейные предметы в историческом, биографическом и социокультурном контекстах. Иногда юным исследователям удается оказать реальную помощь музею — уточнить атрибуцию предмета, историю его бытования, найти неожиданные исторические связи. По итогам проекта проводятся ежегодные конференции, в рамках которых юные исследователи представляют результаты своих изысканий.

В данный сборник вошли фрагменты исследовательских работ учащихся и студентов — победителей и призеров итоговых

конференций проекта, проведенных в 2019–2020 годах в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. На протяжении нескольких лет в проекте принимали участие учащиеся 5–6 классов, представляющие свои исследования на Младшей секции конференции «Музей открывает фонды». В этом сборнике впервые представлены их работы. Ещё одним нововведением этого выпуска является объединение школьных и студенческих работ под одной обложкой.

Сборник состоит из семи разделов. В отличие от предыдущих выпусков, внутри разделов статьи впервые объединены не по музеям, участвующим в проекте, а по тематическому принципу — в соответствии с содержанием фондов.

В первом разделе представлены исследования, посвященные документам. Второй раздел включает работы, в которых предмет изучения стали книги, в третьем рассказывается о мемориях (мемориальных предметах, принадлежавших конкретному человеку и хранящих память о нем). Четвертый раздел сборника посвящен произведениям изобразительного искусства, в пятый вошли работы по исследованию фотоматериалов, в шестой — работы, в которых рассматриваются музейные предметы естественно-научной тематики. Завершает сборник раздел студенческих работ, представленных на Молодежной конференции проекта.

Этот сборник мы посвящаем памяти создателя проекта «Музей открывает фонды», его бессменного руководителя и главного вдохновителя — Исанны Михайловны Лурье.

Мария Ивановна Мясникова
*заведующая научно-просветительским отделом
Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме,*

1. ДОКУМЕНТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Документ — один из наиболее ценных, наиболее информативных исторических источников. Правда, иногда он представляется загадочным, требует особенно внимательного прочтения, исследования, привлечения дополнительных материалов для его осмысления. И тогда он действительно становится порталом в историю.

Юные исследователи работали с документами, хранящимися в петербургских школьных музеях, в музее школы № 5 города Чернушки Пермской области, в государственных архивах и библиотеках, в петербургском Дворце творчества юных, во Дворце детского творчества «На Ленской», в Музее истории Санкт-Петербурга, в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, в Музее Русского географического общества, в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в частном собрании.

Статьи, представленные в настоящем разделе, свидетельствуют о работе ребят с самыми различными документами, как официальными, так и сугубо личными (например, эвакуационные списки и дневниковые записи, удостоверения и частная переписка).

Документы отличаются и своей значимостью в сфере культуры: хранящийся в Пушкинском Доме альбом с автографами поэтов Серебряного века и детский рисунок неизвестного автора 1941 года, переписка семьи Таганцевых, сыгравшей заметную роль в истории России, и адресованная директору блокадной школы короткая записка на пожелтевшей страничке из отрывного блокнота. Среди исследуемых документов — расписание уроков в дореволюционном учебном заведении, рукописные школьные журналы, литературное сочинение гимназиста середины XIX века, географические карты, почтовые открытки, старинные адресные таблички...

Исследователи опирались на разные по объему документальные материалы: целый фонд из архива Музея Русского географического

общества и детские каракули на фирменном бланке ученого этнографа В. Г. Богораза.

Владислав Куричкис, Дмитрий Крюков, Александра Соловьева попытались за строками документов увидеть конкретную человеческую судьбу в контексте жизни страны.

Документы, хранящиеся в архиве Дворца творчества юных, помогли Николаю Скрипко дополнить биографию ленинградского архитектора А. И. Гегелло, а Альфее Абдуллаевой — восстановить первые страницы существования известного литературного клуба «Дерзание».

Работая с материалами Музея Русского географического общества, Анна Андреева представила не только обзор жизни и деятельности картографа и нумизмата А. А. Ильина, но и историю предприятия (от «Хромофотографии Полторацкого, Ильина и К» до «Картографического заведения А. Ильина»), и характеристику его картографической продукции, необходимой стране, осваивающей новые территории, участвующей в военных действиях. Анализ архивных материалов направил исследователя к поиску дополнительных источников: неожиданно оказались необходимыми дневники и воспоминания художника Виктора Васнецова, в юности работавшего в семейном предприятии Ильина чертежником и гравером.

Образ жизни советского школьника начала 1930-х годов, его интересы, занятия, круг общения, зависимость его увлечений от общей атмосферы в стране — всё это смог увидеть семиклассник Арсений Бредников, проанализировав дневник Степана Волка. По справедливому утверждению автора этой работы, данный «артефакта эпохи» является «небольшим дополнением к полотну истории». Эта работа особенно интересна тем, что она — часть многолетней работы старших товарищей Арсения с дневниками офицера Степана Степановича Волка, находящимися на хранении в Доме Плеханова.

Ряд исследовательских работ посвящен отдельным страницам истории российского образования.

Диана Рукавицына попробовала сравнить документы учащихся — дневник гимназиста Императорской Николаевской Царскосельской гимназии за 1896/1897 учебный год со своим

собственным дневником и на основе этого сравнения сделать некоторые выводы об особенностях и взаимосвязях двух систем школьного образования в России — в дореволюционной гимназии и в современной средней школе.

Даниил Басукинский провел серьезное исследование экземпляра ученического календаря «Товарищ» за 1912–1913 годы. Свое исследование Даниил начал с внимательного прочтения владельческой надписи на данном экземпляре календаря, дневниковых записей и помет, сделанных рукой ученика, которому принадлежал календарь. Далее следовала кропотливая работа с различными справочниками, краеведческими материалами, и в результате была изучена история самого издания ученического календаря «Товарищ», обнаружено конкретное учебное заведение, где обучался владелец данного экземпляра, выяснены имена его педагогов, найдены любопытные материалы о его семье и о ее реальном вкладе в жизнь нашего города.

Самостоятельная расшифровка и анализ ученического сочинения, написанного гусиным пером 166 лет тому назад учеником 3-й Санкт-Петербургской гимназии, — всё это привело семиклассницу Диану Ладанову к размышлениям о преподавании словесности в старых петербургских гимназиях. Она неожиданно открыла для себя имя выдающегося педагога В. Я. Стоюнина, а своих читателей смогла познакомить и с «парголовскими примечательностями», и с такой формой педагогической работы, как «Литературные беседы».

Исследовательский интерес Никиты Хижняка вызвали литературно-публицистические журналы Второй Санкт-Петербургской Гимназии. В своей работе он обоснованно увидел непосредственную связь содержания журнальных номеров, выходявших в годы Первой мировой войны, с общеполитическими событиями, отметил гражданскую активность авторов журнальных материалов, рассказал об их благотворительной деятельности в пользу «раненых воинов». Никита рассмотрел эти журналы, отражающие «настроение времени и его идеологию», как своеобразную летопись гимназической жизни и жизни страны.

Студентка Первого педколледжа Арина Ришкоте размышляла над расписанием занятий в таком уникальном петербургском

учебном заведении, как Тенишевское училище. Анализируя содержание учебных дисциплин, их ритм, часовую наполненность, подвижность самого расписания занятий, она сделала выводы об особых преимуществах обучения тенишевцев, о необходимости развития современных методик с учетом данного педагогического опыта.

О внеклассной деятельности в советской школе может дать некоторое представление работа семиклассниц Елизаветы Гришковой и Яны Савельевой, посвященная альбому, в 1950-м году оформленному их сверстницами после их поездки в Царское Село.

Егор Зуев, Ева Литвинская, Елизавета Белобородова, Алёна Семченко, исследуя документы, внесли собственный вклад в исследование ленинградской блокады (в частности, блокадной школы), в историю эвакуации. Особого уважения заслуживает кропотливая работа Елизаветы Белобородовой по анализу списков детей — воспитанников ленинградского детского сада № 20, отправленных в эвакуацию в деревню Легаевка Молотовской области.

Понимая значимость каждой отдельной человеческой жизни, Елизавета смогла, учитывая разночтения, искажения в написании фамилий, восстановить судьбы некоторых конкретных маленьких людей, затерявшихся в безумной суматохе войны. С этой целью она провела дополнительную работу в целом ряде архивов.

Очень осмысленная работа Александры Караваевой и Наталии Никитиной оказала существенную помощь Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме в части атрибуции материалов, поступивших в музей из семьи Таганцевых, связанной своей трагической судьбой с судьбой Николая Гумилёва. Александра и Наталия расшифровали и проанализировали письма Г. В. Миштовта (мужа Н. Н. Таганцевой) их приемному сыну Кириллу Владимировичу Таганцеву и письма Елены Михайловны Лазаревской своей подруге Н. Н. Таганцевой. Авторам исследования удалось составить подробное генеалогическое древо Таганцевых, уточнив даты жизни некоторых членов семьи, их родственные и дружеские связи.

Мария Копылова работала с материалами из Музея истории Санкт-Петербурга. Ее по сути дела краеведческое исследование оригинально тем, что она рассматривала петербургские адресные таблички как исторический документ. Мария дала обзор

постепенного формирования адресной системы города. Оценила роль отдельных губернаторов в усовершенствовании этой системы, деятельность производителей по изготовлению различных адресных табличек. Обратила внимание на то, как исторические события — реформы (судебная реформа Александра II 1864 года, полицейская реформа Трепова 1866 года) и покушения на Александра II — повлияли на формирование надомных номерных знаков, номерных фонарей и адресных знаков с подсветкой. Самостоятельно исследовала топографию города для определения конкретных адресов, где были когда-то установлены хранящиеся сейчас в Музее истории города таблички.

При всей ее серьезности и глубине работа Марии Копыловой одновременно веселая: чего стоят, к примеру, увлекательные задачи по поиску этих адресов, которые ставит перед собой и решает в ходе исследования его автор!

Историческим источником в исследовании Артемия Казанцева выступили почтовые открытки из домашней коллекции. Четыре открытки, приобретенные какое-то время назад в антикварном букинистическом магазине и объединенные адресатами с одной фамилией, привели Артемия, как сам он это назвал, «к большой истории».

Расшифрованные тексты определили направления работы: поиски информации о людях, об их родственных связях, об их жизни и деятельности в нашем городе. (Любопытно, что подсказки Артемий нашел в комментариях к письмам А. П. Чехова). Поиски привели исследователя в Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Здесь им были найдены дополнительные материалы о петербургских адресатах и московских отправителях почтовых открыток, представляющих собой только малую часть домашнего архива Казанцевых.

Екатерину Ивлеву заинтересовала тема, связанная с жизнью ее собственной семьи. Ведь ее прапрадед Д. С. Левин и был владельцем так называемого «Дровяного альбома», на страницах которого известные поэты послереволюционного Петрограда оставили свои шуточные стихотворные экспромты о дровах — величайшей ценности в послереволюционном Петрограде. «Дровяной альбом» ныне хранится в Пушкинском Доме. Содержание его уже нашло

отражение во многих научных исследованиях. Хотелось бы пожелать Екатерине искать свой поворот этой истории, которая, конечно же, живет в памяти членов ее семьи, а может быть, и в домашних реликвиях и документах.

Статьи, представленные в настоящем разделе, отражают работы разного исследовательского уровня, тем не менее практически все они свидетельствуют о деятельном интересе ребят к документу как к историческому источнику, о стремлении юных исследователей прочесть этот документ как свидетельство важных событий, человеческих судеб.

В воспитании юных исследователей велика заслуга их научных руководителей: декана Юношеского университета Петербурга В. И. Аксельрода, школьных педагогов и сотрудников музеев.

Татьяна Сергеевна Позднякова

*старший методист научно-просветительского отдела
Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме*

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ СТУДИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ:
РУКОВОДИТЕЛЬ СТУДИИ Г. В. ПИРУССКАЯ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ АНИЧКОВА ДВОРЦА)**

АЛЬФЕЯ АБДУЛЛАЕВА, 10 КЛАСС, ШКОЛА № 546, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ;
ЮНОШЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТЕРБУРГА

Руководитель: **Владимир Ильич Аксельрод**, декан Юношеского
университета Петербурга, канд. ист. наук

Об истории литературной студии Ленинградского дворца пионеров с момента ее открытия в 1937 г. до начала 1960-х, когда она стала литературным клубом «Дерзание», известно очень мало. Ее основателями были С. Я. Маршак и К. И. Чуковский, причем студия была создана ими еще до открытия Дворца пионеров и первые годы работала в Доме литературного воспитания детей. Эти выдающиеся детские писатели работали в студии на общественных началах, курируя ее от Ленинградского отделения Союза писателей. А кто же стал первым «штатным» руководителем студии? Информация об этом скудна и отрывочна.

Благодаря документам, хранящимся в фондах музея истории Дворца творчества юных (до 1990-го года он назывался Ленинградским дворцом пионеров им. А. А. Жданова) и его архиве, я смогла установить, что первым руководителем литературной студии Ленинградского дворца пионеров была Галина Владимировна Пирусская.

Галина Владимировна Пирусская родилась 14 марта 1911 г. в курортном городе Анапа Краснодарского края, на побережье Черного моря.

Родители ПируССкой, Владимир Владиславович и Ольга Алексеевна, были учителями, хотя в ее личном листке указано социальное положение «из мещан». В семье были старший сын Владислав и средняя дочь Вера.

В 1919 г. Г. В. Пирусская поступила в Единую трудовую советскую школу второй ступени в Анапе. Незадолго до окончания школы, 21 октября 1925 г., умерла ее мать. В 1928 г. Пирусская поступила на школьное отделение Черноморского педагогического техникума в Новороссийске. В Новороссийск переехал и ее отец, ставший преподавателем русского языка и литературы в одной из средних школ города.

Из анкеты вступающего в члены ВКП(б) известно, что после окончания техникума (в 1930–1932 гг.) Г. В. Пирусская преподавала в средней школе № 7 г. Туапсе, а затем (в 1932–1933 гг.) в школе первой ступени деревни Жостово Московской области. Можно предположить, что эта работа входила в обязательный педагогический стаж, необходимый для поступления в высшее учебное заведение.

В 1933–1934 гг. Г. В. Пирусская училась в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в Москве, а затем перевелась в ленинградский Коммунистический политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской (впоследствии ставший Ленинградским государственным библиотечным институтом им. Н. К. Крупской, затем переименованный в Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской, а ныне известный как Санкт-Петербургский государственный институт культуры).

В 1936 г. Пирусская окончила институт с дипломом «руководящего работника» и поступила на работу в только еще создаваемый в Ленинграде дворец пионеров. В ее личном деле записано: «С 1936 по 1941 г. руководила Литературной студией Ленинградского дворца пионеров» — правда, в другом документе указаны даты «с 1 января 1937 по 2 июля 1941 г.». В любом случае, на работу в Ленинградский дворец пионеров Г. В. Пирусская была принята еще до официальной даты его открытия 12 февраля 1937 года. Принимал ее на работу первый директор Дворца — Натан Штейнварг.

В первые годы работы Дворца литературная студия входила в состав такого его структурного подразделения, как библиотека, и какое-то время Пирусская, имеющая специальное «библиотечное» образование, заведовала и ею.

Война круто изменила жизнь страны, Дворца пионеров и самой Г. В. ПируССкой. Из личного листка по учету кадров известно, что 2 июля 1941 г. она вместе с детским эшеленом выехала из Ленинграда в эвакуацию. Место эвакуации установить пока не удалось. 8 мая 1942 г. пропал без вести ее брат Владислав, и это стало потрясением для всей семьи. На период эвакуации (с 2 июля 1942 г. по февраль 1944 г.) Пирусская была уволена из Дворца пионеров. На два года связь с ней была утеряна, даже ее друзьям не было

известно, где она и жива ли вообще. В 1944 г. Г. В. Пирусская вернулась в Ленинград и во Дворец пионеров. Некоторое время она руководила здесь работой методического кабинета, а в 1946 г. ей было поручено возобновить работу литературной студии. К этому времени относится начало совместной работы в студии Г. В. Пирусской и О. Ф. Берггольц.

Педагогическую деятельность Пирусская совмещала с научной, работая над диссертацией, которая была посвящена истории Научно-исследовательского института детского чтения (1920–1930 гг.). В 1954 г. она защитила диссертацию «Воспитание актива читателей в советской детской библиотеке» и получила степень кандидата педагогических наук, а еще раньше, в 1953 г., вышло из печати написанное ею руководство «Работа с читательским составом в советской детской библиотеке: Лекция для студентов-заочников по курсу “Руководство детским чтением”».

В Ленинградском дворце пионеров Г. В. Пирусская работала до 1957 г., после чего была приглашена на кафедру детской литературы и библиотечной работы с детьми Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской. На кафедре руководила кружком студенческого научного общества (СНО), результатом деятельности которого стало подготовленное студентами методическое пособие для библиотекарей «Воспитание культуры чтения», выпущенное Кировской областной детской библиотекой в 1963 г.

Мне удалось установить адрес, по которому Г. В. Пирусская жила в Ленинграде: 6-я Советская улица, д. № 8, кв. 14.

Умерла Галина Владимировна Пирусская 14 апреля 1991 г., похоронена на городском кладбище Анапы рядом с родителями.

Источники

Личные документы педагога литературной студии «Дерзание» Г. В. Пирусской (1937–1947) из фонда Музея истории Аничкова дворца.

Литература

1. *Арзамасцева И. Н.* Подвижники детского чтения // *Детские чтения.* 2012. № 1. Вып. 1. Екатеринбург: Кабинетный ученый. С. 8–42.

2. *Иванова Т.* Теплица на Фонтанке // *Наследники великого города. Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на VI региональной олимпиаде по краеведению (9–11 классов).* 2017. Вып. 26. СПб.: ГДТЮ, 2018. С.60–67.

3. *Кречетов В. Н.* По реке времен. Повесть, рассказы, переводы, заметки. СПб.: Алетейя, 2017.

4. *Томашева Е. Н.* Сила притяжения. Традиции кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми 1946–1995 гг. // *Петербургская библиотечная школа.* 2018. № 4 (64). СПб: Санкт-Петербургское библиотечное общество.

Галина Владимировна Пирусская

**КАРТОГРАФ И НУМИЗМАТ А. А. ИЛЬИН
(ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ МУЗЕЯ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА)**

АННА АНДРЕЕВА, 10 КЛАСС, ВТОРАЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГИМНАЗИЯ;
ЮНОШЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТЕРБУРГА

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ АКСЕЛЬРОД**, ДЕКАН ЮНОШЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПЕТЕРБУРГА, КАНД. ИСТ. НАУК

Наше исследование посвящено экспонатам Музея Русского географического общества, связанным с жизнью Алексея Алексеевича Ильина (1857–1942).

Картограф и нумизмат Алексей Ильин родился в Санкт-Петербурге в обеспеченной дворянской семье, долгое время работал на семейной картографической фабрике, которая к концу XIX в. стала самым крупным из подобных заведений в России и производила 90 % всей отечественной картографической продукции. После национализации фабрики А. А. Ильин стал учёным-нумизматом, был членом-корреспондентом Академии наук СССР, возглавлял отдел нумизматики и глиптики Эрмитажа. Умер Ильин во время блокады Ленинграда, отказавшись эвакуироваться из осаждённого города.

Музей находится в штаб-квартире РГО по адресу: Санкт-Петербург, пер. Гривцова, 10. Комплекс музея состоит из библиотеки, архива, исторических и выставочных залов. С архива и началось это исследование — там Ильину посвящён целый фонд. А. А. Ильин много лет был почётным членом общества, его фабрика выполняла картографические заказы РГО. В основном в фонде хранятся поздравительные адреса — на 25 (1884) и 50 лет (1909) существования «Картографического заведения А. А. Ильина». Кроме того, там находятся статьи об Ильине (иногда неизданные), альбом «Картографического заведения» с фотографиями рабочих, наградные листы и благодарности (на английском, французском, японском и др. языках; в основном они связаны с работой Ильина в Обществе Красного Креста).

Алексей Алексеевич Ильин начал работать в семейном картографическом заведении в 1876 году [4, с. 98]. Что же представляло собой это предприятие? В январе 1858 г. Штаб военно-учебных заведений поручил полковнику Генерального штаба В. А. Полторацкому издать военно-исторический атлас войн 1812–1815 гг. для

второго и третьего специального класса военно-учебных заведений [2, с.5]. Для выполнения поручения Полторацкий обратился к капитану Генерального штаба Алексею Афиногеновичу Ильину, который некоторое время работал в Военно-топографическом депо. Вместе они открыли «Хромофотографию Полторацкого, Ильина и К» [6, с. 3]. Благодаря памятным адресам, найденным в архиве РГО, удалось определить точную дату рождения предприятия. Произошло это 23 января 1859 г. Вначале предприятие было небольшим и имело всего 2 ручных станка. Работали на них в свободное от основной работы время гравёры Военно-топографического депо. Первой работой издательства стал вышеупомянутый атлас, второй — карта военных действий на севере Италии, выполненная в 4 краски на двух листах. В архиве РГО находится альбом картографического заведения за 1859–1870 гг., в котором представлены фотографии первых работников — с 1 июля 1860 г. здесь начал трудиться Дмитрий Поляков (впоследствии заведующий конторой по приему заказов), с 1 августа 1862 г. — Иван Махотин [7].

В 1864 г. В. А. Полторацкий был переведен в Туркменистан, а издательство перешло в полное владение А. А. Ильина и сделалось семейным предприятием [6, с.4]. В этот период были напечатаны карта Юго-Восточной Сибири для РГО, атласы рек Волги, Днепра и Северной Двины для Министерства путей сообщения, атлас западнорусского края по вероисповеданиям и атлас церквей для Министерства внутренних дел. Кроме выполнения заказов, картографическое заведение создавало и печатало свои издания, например карту Европейской России и карту Туркестанского генерал-губернаторства, за которую РГО присудило Малую серебряную медаль (1865 г.) [2, с. 6].

С 1867 г. в заведении начал работать чертежником и гравёром будущий русский художник В. М. Васнецов [1, с. 155]. По «Книге для записи работ, проводимых в Картографическом заведении А. Ильина» за 1874 г. можно проследить развитие предприятия [9]. Очевидно, что заказы выполнялись практически ежедневно. Издаваемая продукция разнообразна: карты, планы городов, чертежи, рисунки, таблицы, рисунки-выкройки для портных, портреты царской семьи и известных деятелей, этикетки для продуктов, грамоты и похвальные листы, меню для ресторанов. Число печатных

экземпляров доходило до 100 тысяч, а создателем продукции часто выступало само картографическое заведение.

В 1909 г. предприятию исполнилось 50 лет, и оно получило множество поздравительных адресов, которые сейчас хранятся в музее РГО. Наше внимание привлек поздравительный адрес от типографии А. Бенке. Это красивое письмо, напечатанное на плотной бумаге формата А3. Адрес сделан в стиле модерн, текст обрамлён растительным орнаментом. Буквица выполнена в виде девушки, снимающей с дерева плоды. В тексте упомянуто о более чем 40-летней дружбе предприятий А. Ильина и А. Бенке, что проявлялось и в совместных проектах — так, в 1880 г. ими был совместно выпущен «Гербовник Министерства внутренних дел».

Как указано в каталоге «Картографического заведения А. Ильина» за 1909 г., у владельца предприятия имелись два магазина — в Москве (Петровская линия, д. 17) и Санкт-Петербурге (Екатерининская улица, д. 3), склады изданий в Военно-топографическом управлении Генерального штаба, Императорском русском географическом обществе, Министерстве путей сообщения, Департаменте земледелия, Центральном статистическом комитете, Обществе изучения Амурского края, в Геологическом и Горном комитетах. Издания картографического заведения продавались во всех книжных магазинах Санкт-Петербурга и многих городах Российской империи [3].

В заведении Ильина также изготавливали и продавали учебные глобусы. Причем создавали их в несколько этапов: вначале печаталась карта, потом ее отправляли во Францию для наклейки на шары, а затем на предприятии монтировали глобусы [5, с. 37]. Продукция предприятия представлялась на российских и международных конкурсах и выставках: в Москве, Санкт-Петербурге, Париже, Вене, Лондоне, Чикаго. За профессионализм и высокое качество им были присуждены почетные дипломы и медали [6, с. 10].

Литература

1. Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М.: Искусство, 1987.
2. Двадцатипятилетие Картографического заведения А. Ильина. 1859–1884. СПб.: тип. А. Бенке, 1884.

3. Каталог Картографического заведения А. Ильина, комиссионеров Министерства путей сообщения. (1859–1909), 23 янв. С.-Петербург. СПб.: тип. Первой СПб. Трудовой Артели, 1909.

4. Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. Вып. 6. СПб.: РНБ, 1992. с 5.

5. *Кремпольский В. Ф.* История развития картоиздания в России и в СССР. М.: Геодизиздат, 1959.

6. Пятидесятилетие картографического заведения А. Ильина. 1859–1909г., 23 янв.: Очерк деятельности. СПб.: тип. Первой СПб. Трудовой Артели, 1909.

Источники

7. Архив Русского географического общества. Ф. 64. Оп. 1 Д. 1. Альбом картографического заведения за 1859–1870.

8. Архив Русского географического общества. Ф. 64. Оп. 1 Д. 3. Адрес от типографии А. Бенке в день 50-летия существования Картографического заведения 23 января 1909 года.

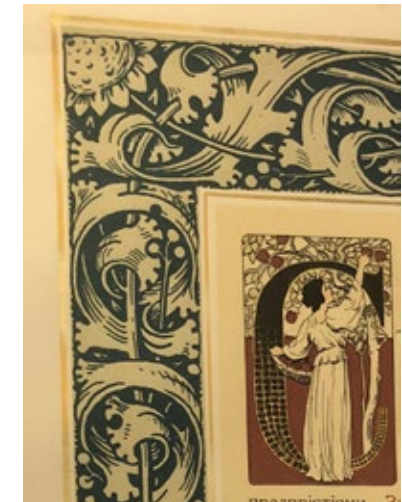
9. ЦГИА СПб. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 12. Касса (Книга для записи работ, проводимых в картографическом заведении А. Ильина).

Алексей Алексеевич Ильин

Поздравительный адрес от типографии А. Бенке в честь 50-летия «Картографического заведения А. Ильина»

Фрагмент поздравительного адреса от типографии А. Бенке в честь 50-летия «Картографического заведения А. Ильина»

**КАЛЕНДАРЬ УЧАЩИХСЯ «ТОВАРИЩ» ЗА 1912–1913 УЧЕБНЫЙ ГОД
(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ «ШКОЛА В ПОРТФЕЛЕ» ШКОЛЫ № 50)**

ДАНИИЛ БАСУКИНСКИЙ, 9 КЛАСС, ШКОЛА № 50, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КОРОТКЕВИЧ**, РУКОВОДИТЕЛЬ МУЗЕЯ «ШКОЛА В ПОРТФЕЛЕ», ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЫ № 50, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Музей в средней школе № 50 был открыт 25 апреля 2017 г. Основной целью музея является исследование истории школьных принадлежностей и одного из главных атрибутов школьной жизни — портфеля, поэтому музей называется «Школа в портфеле». Сейчас в коллекции музея около 1000 предметов. Есть среди них и уникальные: например, аспидные доски, на которых дети учились писать более 100 лет назад, или редкие грифельные тетради, которым 80 лет. Гордостью музея является коллекция портфелей — 40 экземпляров, в числе которых кожаные и деревянные портфели 1930-х гг., картонные ранцы послевоенного времени и разнообразные портфели 1960–1970-х гг. Есть в коллекции популярные в 1980–1990-х гг. портфели-дипломаты. Исследуемый в данной работе календарь учащихся «Товарищ» является частью музейного раздела «Что носили в портфеле 100 лет назад».

Календарь учащихся «Товарищ» с неразборчивыми записями неизвестного владельца, относящимися предположительно к 1912–1913 гг., был куплен для музея в магазине «Старая книга» на Большом проспекте Петроградской стороны в 2016 г. Календарь представлен в экспозиции дореволюционных школьных принадлежностей, но подробной информации об издании, содержании записей и их авторе в музее не было. Поэтому возникла необходимость изучения экспоната.

Календарь был выпущен фабрикой Отто Кирхнера, основанной 23-летним немецким мастером Отто Францевичем Кирхнером и работавшей с 1871 по 1917 г. Первоначально фабрика располагалась на Малой Морской улице в доме 14, однако из-за нехватки помещений производство вскоре было перемещено на Большую Пушкарскую, 14–18 (сейчас Большая Пушкарская, 10). В 1918 г. предприятие было преобразовано в Государственную фабрику «Светоч». В 1990-е она стала частным предприятием, в 2001 г. отметила

130-летний юбилей, а через несколько лет перестала существовать в результате банкротства.

Данных о тираже календаря «Товарищ» Отто Кирхнера найти не удалось, но, очевидно, он был достаточно большим: в собрании Российской государственной библиотеки (Москва) в настоящее время хранится 27 экземпляров календаря, выпущенных с 1884 по 1916 г., а на интернет-аукционе «Meshok.net» по данным на 8 апреля 2020 г. продавалось 8 экземпляров издания.

В дневниковых записях владельца календаря за период с 29 июля 1912 г. по 9 февраля 1913 г. обнаруживается список преподавателей учебного заведения. На странице 25 под заголовком «Начальствующие лица» в строке «Директор» вписана фамилия *Шлеев*. Эта же фамилия значится и в таблице преподавателей. В колонке «Предм.» напротив предмета «Закон» (очевидно, «Закон Божий») читаем — *Симеон Шлеев*.

Симеон Иванович Шлеёв (1873–1921), епископ Русской православной церкви, епископ Уфимский и Стерлитамакский, был в 1912–1917 гг. директором Реального училища имени цесаревича Алексея Николаевича Единоверческого братства при Никольской единоверческой церкви.

Таким образом, становится понятно, что автор дневника в 1912–13 гг. обучался в реальном училище, созданном Единоверческим братством.

Единоверием в России называлось направление в старообрядчестве, сторонники которого, сохраняя древние богослужбные обряды, признавали юрисдикцию Московского патриархата, то есть официальной Православной церкви. Единоверческое братство в Петербурге появилось в 1902 г. при единоверческом храме святого Николая Чудотворца на Николаевской улице, д. 22 (ныне ул. Марата, 24а), где находились женская гимназия, реальное училище (в котором бесплатно или за половинную плату обучалось до 130 мальчиков, детей прихожан) и женская богадельня. В 1912 г. реальное училище переехало в дом 14а по Кузнечному переулку.

Первым директором училища был А. А. Ухтомский, который оставался директором и в момент поступления в училище автора дневника. В 1912 г. его сменил С. И. Шлеёв.

В процессе исследования дневниковых записей было обнаружено много упоминаний о семье автора. Она была верующей, почти каждый день владелец календаря ходил в церковь. Из записей можно узнать состав семьи: мать, бабушка, дедушка, крестный и брат Сергей. На странице 144 мы обнаружили перечисление именин и дней рождений. Все перечисленные на этой странице имели фамилию *Степанов(а)*, из чего можно сделать вывод, что эти люди были родственниками владельца календаря, а значит, и он носил ту же фамилию.

В Государственном историческом архиве (далее — ЦГИА СПб), где хранятся личные дела учащихся Реального училища Единоверческого братства, были обнаружены данные трех Степановых: Степанов В., Степанов Н., Степанов П. Сравнение даты рождения (8 июля 1899 г.) и даты крещения (15 июля 1899 г.) в записях календаря «Товарищ» и личных делах позволило установить, что владельцем календаря был Владимир Степанов. В личном деле содержатся и данные о крестных мальчика (А. Степановой и В. Ф. Степанова), которые соответствуют записям в календаре [3].

Документы ЦГИА СПб позволяют сделать вывод, что Владимир Степанов поступил в училище в 1910 г., в 1914-м учился в третьем классе. В архиве имеются и документы о повторном поступлении в училище — в 1916 г. В личном деле указаны и имена родителей ученика — Мария Петровна и Яков Федотович Степановы. Местом проживания семьи значится ул. Предтеченская (сейчас — Черняховского) д. 11, кв. 5. Этот доходный дом принадлежал судовладельцу Федоту Степановичу Степанову, владевшему также доходным домом на ул. Казанской, 17. Вполне вероятно, что Федот Степанович Степанов был дедом владельца календаря Владимира Степанова. В справочнике «Весь Санкт-Петербург» за 1912 г. Федот Степанович Степанов значится владельцем буксирного парохода, которым в 1913 г. (см. «Весь Санкт-Петербург на 1913 г.») владел уже Василий Федотович Степанов, крестный отец и дядя Владимира, из чего можно заключить, что Ф. С. Степанов скончался в 1912 г.

В «Справочной книге о купцах г. Санкт-Петербурга 1898 г.» имеется запись о купце Федоте Степановиче Степанове. Есть там и информация, что Ф. С. Степанов за свой счёт построил храм Воскресения Христова (не сохранился) на пересечении улиц Воронежской и Глазовской (ныне улица Константина Заслонова).

Записи в календаре свидетельствуют о материальном уровне семьи. Степановы могли позволить себе купить граммофон (56 стр. календаря) и сходить в кинематограф (67 стр. календаря). Из данных личного дела Владимира Яковлевича Степанова известно, что Степановы жили также на даче в Куоккале (ныне Репино). Увы, но обнаружить их в списках владельцев и арендаторов дач в Куоккале начала XX в. нам не удалось. Семья Степановых, по-видимому, немало путешествовала по стране: между титульным листом и оглавлением календаря помещена карта европейской и азиатской России, и на карте европейской России есть пометки по линиям железных дорог в городах Санкт-Петербург, Чудово, Москва, Лозовая, Ростов (современный Ростов-на-Дону). На странице 252 есть и список станций: Ленская, Удельная, Озерки, Шувалов, Парголово, Левашово, Гравская (вероятно, Графская), Дубины (вероятно, Дибунь), Белоостров, Ольгино, Райоки (вероятно, Раяйоки), Куоккала, Келломяки, Териоки и т. д.

Таким образом, в ходе исследования календаря «Товарищ» изучено происхождение издания, его история и содержание, проанализированы записи автора, установлены его имя и фамилия — Владимир Яковлевич Степанов, определены родственные связи, зафиксированы особенности его жизни, быта и учебы. Данные, полученные в результате изучения календаря учащихся «Товарищ», позволяют полноценно представить этот музейный предмет в экспозиции и во время экскурсий по школьному музею, дают материал для дальнейших исследований по истории школьных принадлежностей и образования Санкт-Петербурга.

Литература

1. Весь Петербург на 1912 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [СПб.] : издание А.С. Суворина, [1912].
2. Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [СПб.] : издание А.С. Суворина, [1913].
3. Документы по личному составу и деятельности Реального училища имени Цесаревича Алексей Николаевича Единоверческого братства при Никольской единоверческой церкви. 1907–1918. // ЦГИА СПб. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

4. Доходный дом Ф. С. Степанова. Черняховского ул., 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house4230.html> (дата обращения 19.11.19).

5. Кузьмина Н.Г. История фабрики «Светоч» // Промышленный Петербург в музейных коллекциях. Материалы межмузейной конференции из цикла «Общественная жизнь Петербурга». 12 мая 2016 г. СПб.: Комитет по культуре СПб, СПб бюджетное учреждение культуры «Мемориальный музей «Разночинный Петербург», 2016.

6. Пашкова Т.И. Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга, 1805–1917 гг.: ист. справ. СПб.: Серебряный век, 2015.

7. Реальное училище Единоверческого братства им. Цесаревича Алексея Николаевича, Кузнечный пер., 14А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house4407> (дата обращения 13.12.18).

8. Руденко Н. Страницы истории фабрики «Светоч» (1918–1945) // XII и XIII открытые слушания «Истории Петербурга»: ежегод. конф. по проблемам петербурговедения 2005–2006 гг. СПб.: РОО «Институт Петербурга». 2006.

9. Справочная книга о купцах С.-Петербурга на 1898 год. Петербургская купеческая управа / Сост. И. А. Аверин. СПб, 1898.

10. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.semeyskie.narod.ru>. (дата обращения: 30.01.20).

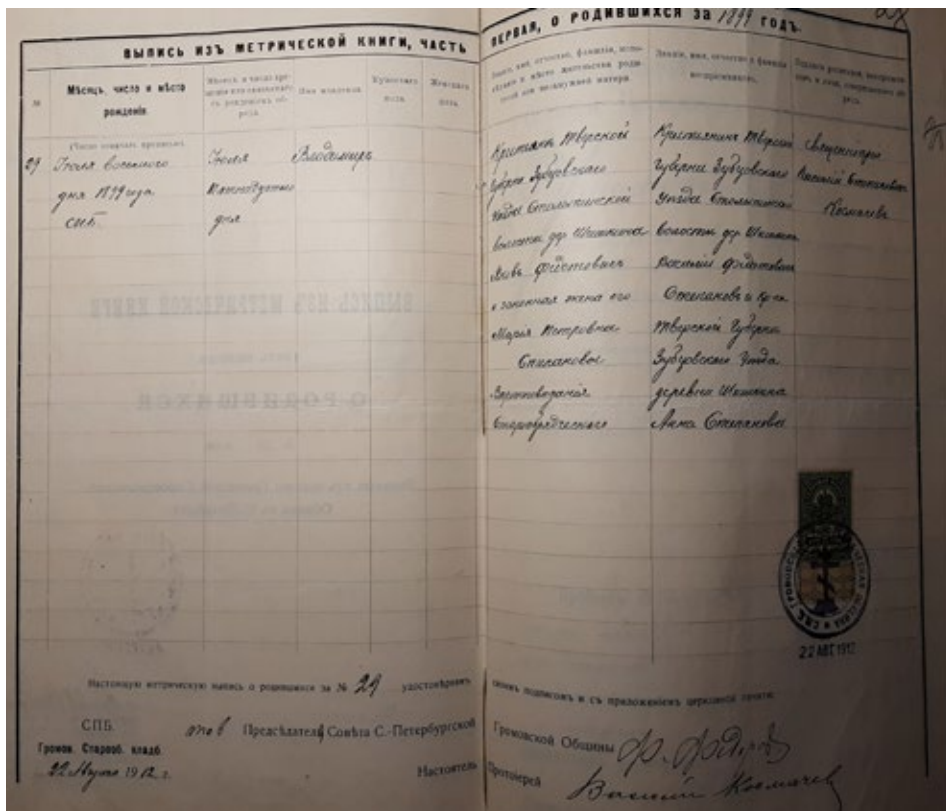
11. Товарищ. 1960 г. KanzOboz.ru. Канцелярские и офисные товары. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kanzoboz.ru/user/foto468564/10/> (дата обращения: 13.12.18).

Обложка календаря «Товарищ» и страницы 62–63. Копия, представленная в витрине музея «Школа в портфеле» школы № 50

Месяц	Число	ИМЕНА	Замечание
Январь			
Февраль	6	М.В. Степанов	
Март			
Апрель			
Май			
Июль			
Июль	5	С.С. Степанов	
Июль	15	С.С. Степанов	
Июль	18	С.С. Степанов	
Июль	21	С.С. Степанов	
Июль	24	С.С. Степанов	
Июль	26	С.С. Степанов	
Июль	28	С.С. Степанов	
Июль	31	С.С. Степанов	
Август			
Сентябрь	24	Мат. родина	
Октябрь	13	А. Степанов	
Ноябрь			
Декабрь			

Страницы 142–143 календаря «Товарищ»

Илл. 3. Личное дело Владимира Степанова. ЦГИА СПб.

О ЧЁМ РАССКАЗАЛИ СПИСКИ ЛЕГАЕВСКОГО ИНТЕРНАТА, ИЛИ СПИСОК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ЕЛИЗАВЕТА БЕЛОБОРОДОВА, 8 КЛАСС, ШКОЛА № 683, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ; ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КЛУБ «ПЕТРОПОЛЬ» ГБНОУ «СПБГТЮ»

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ЕЛЕНА ПАВЛОВНА СТАЛЬМАК**, ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГБНОУ «СПБГТЮ»

Поездом, который отошел от перрона Московского вокзала 29 июня 1941 г., был эвакуирован в деревню Легаевка Молотовской (ныне Пермской) области детский сад № 20 Октябрьского района Ленинграда — после чего его и стали называть Легаевским интернатом.

В музее школы № 5 города Чернушки Пермского края (музей создан Тамарой Анатольевной Павловой) есть отдельная экспозиция, посвященная Легаевскому интернату, — здесь хранятся рисунки и фотографии воспитанников, их стихи, письма воспитателей. Показывают в музее и документальный фильм, посвященный этой странице военной истории.

Я изучала хранящиеся в музее списки воспитанников Легаевского интерната. Установить расхождения в этих списках, обнаружить подлинные имена и фамилии эвакуированных детей мне помогли материалы Чернушинского краеведческого музея им. В. Г. Хлопина, архивного отдела администрации Чернушинского муниципального района, Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» в педагогическом колледже № 8 (Санкт-Петербург), Государственного музея истории Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Объединенного архива Комитета по образованию Санкт-Петербурга и архива Академии постдипломного педагогического образования.

Мне удалось встретиться с бывшими воспитанниками интерната и их родственниками: Риммой Каленовой, Исааком Фарберовым, Ириной Шварц, Александром Юдборовским (сыном воспитанника Исаака Юдборовского), Галиной Федосовой и Людмилой Тюсиковой (внучками воспитательницы Александры Трещаловой). Все они предоставили нам реликвии из семейного архива (документы, письма) и поделились личными воспоминаниями.

Самый важный документ — «Список эвакуированных граждан, размещенных на станции Чернушка, Молотовской области,

в деревне Легаевке». Этим списком с нами поделилась заведующая музеем чернушинской школы №5 Т. А. Павлова. Этот список представляет собой два листа формата А4, выполнен на бланке. Информация, которая содержится в списке, сообщает о количестве детей, датах их рождения, национальности, ленинградских адресах. Сохранность документа удовлетворительная, все записи читаются. В верхнем правом углу бланка указано, что форма составления этого документа была утверждена постановлением Совета по эвакуации 11 декабря 1941 г.

В списке значится 41 воспитанник.

Нам удалось установить, что документ был составлен не ранее осени 1942 г. Дело в том, что в списке нет фамилии воспитанницы интерната Ирины Марковны Шварц, которая была эвакуирована в Молотовскую область (Пермский край) только в августе 1942 г. Это выяснилось из личной беседы с И. М. Шварц летом 2019 г., а также из предоставленных ею документов.

Не значится в списке и Ефим Блох, который по дороге в эвакуацию заболел туберкулезом, и его вынуждены были оставить в больнице села Некоуз Ярославской области. Когда мальчик поправился, за ним приехала воспитатель Александра Алексеевна Трещалова и забрала в Легаевский интернат, чтобы не разлучать с сестрой Бэллой.

Воспитанник Гусев Альвиал (так в списке) во всех других документах был поименован как Олег — вероятно, такая путаница возникла потому, что нередко записывали не полные, официальные имена детей, а те, которыми их называли в интернате.

В изученном списке множество расхождений с другими архивными документами — в буквах, датах. Например, в этом списке упомянуты братья Бобровы, а в других — братья Бодровы. Воспоминания Евгении Николаевны Скотниковой и письма Зои Тайдышко позволили уточнить фамилию — Бобровы.

Список воспитанников Легаевского интерната был бы обычным листочком бумаги, однако в сочетании с другими архивными документами, воспоминаниями, фотографиями, материалами семейных архивов он стал важным свидетельством о судьбе нескольких десятков детей, эвакуированных из Ленинграда за несколько месяцев до начала блокады.

Источники

1. Воспоминания воспитанника Легаевского интерната Валентина Трыкова // Архив народного музея «Дети и дошкольные работники Легаевского интерната».
2. Годовой отчет Легаевского интерната станции Чернушка Молотовской области деревни Легаево. Январь 1945 / Архив школы №5 города Чернушка Пермского края.
3. Интервью с Р. Е. Каленовой. Август 2019.
4. Интервью с Е. Н. Тайдышко. 11 сентября 2019.
5. Интервью с Г. Л. Тюсиковой. 18 сентября 2019.
6. Интервью с И. М. Шварц. Июнь 2019.
7. Интервью с В. В. Шманцер. Июль 2019.
8. Интервью с А. И. Юдборовским. Октябрь 2019.
9. Письмо от 12.08.2019 уполномоченному по правам ребенка в Санкт-Петербурге / Отдел регистрации актов гражданского состояния Администрации Чернушкинского муниципального района Пермского края.
10. Список на обслуживающий персонал детского сада №20 Октябрьского района г. Ленинграда / Архивный отдел Чернушкинского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.
11. Список детей детского сада №20 города Ленинград на станции Некоуз, Ярославской области, помещающегося в деревне Лукино.
12. Список детей дет. сада №20 Октябрьского района г. Ленинграда / Архивный отдел Администрации Чернушкинского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.
13. Список детей — воспитанников интерната д. Легаево Молотовской области станции Чернушка, реэвакуированных в Ленинград в 1945 г. / Объединенный архив Комитета по образованию. Ф. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 21.
14. Список эвакуированных граждан, размещенных на станции Чернушка, Молотовской области, деревне Легаевка.
15. Список работников Легаевского интерната и их иждивенцев / Архивный отдел Чернушкинского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
16. Справка о Легаевском интернате. 1944 г. / Архив школы №5 города Чернушка Пермского края

Литература

1. Вторая Победа // Дети военной поры: [сборник] / сост. Э. Максимова. М., 1984
2. Дворец культуры имени Первой Пятилетки / Citywalls.ru: архитектурный сайт Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: citywalls.ru/house.html (Дата обращения: 13.01.2020).
3. От 3 июля до 9 января. Как в блокадном Ленинграде переименовали 20 улиц [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://spb.aif.ru/society/people/ot_3_iyulya_do_9_yanvarya_kak_v_blokadnom_leningrade_pereimenovali_20_ulic (Дата обращения 25.12.2019).
4. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб., 2002.

СПИСОК эвакуированных граждан, размещённых на станции Чернушка Молотовской области, деревня Легаевка

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Дата рождения	Пол	Профессия	Место рождения	Состояние здоровья	Специальность	Дата эвакуации		Место размещения	Примечания
										в	из		
1	Александров	Александр	Александрович	1912	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
2	Борисов	Борис	Борисович	1915	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
3	Васильев	Василий	Васильевич	1918	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
4	Григорьев	Григорий	Григорьевич	1920	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
5	Давыдов	Давид	Давыдович	1922	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
6	Зинин	Зина	Зинич	1925	ж	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
7	Иванов	Иван	Иванович	1928	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
8	Климов	Клима	Климович	1930	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
9	Кузнецов	Кузнец	Кузнецович	1932	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
10	Левин	Лев	Левин	1935	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
11	Михайлов	Михаил	Михайлович	1938	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
12	Новиков	Новик	Новикович	1940	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
13	Осипов	Осип	Осипович	1942	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
14	Петров	Петр	Петрович	1945	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
15	Рябов	Ряба	Рябович	1948	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
16	Сидоров	Сидор	Сидорович	1950	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
17	Тихонов	Тихон	Тихонович	1952	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
18	Ульянов	Ульян	Ульянович	1955	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
19	Федотов	Федот	Федотович	1958	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
20	Харин	Хар	Харин	1960	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
21	Цыганов	Цыган	Цыганович	1962	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
22	Чайков	Чайка	Чайкович	1965	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
23	Шарин	Шар	Шарин	1968	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
24	Щербинин	Щербин	Щербинин	1970	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
25	Юсупов	Юсуп	Юсупович	1972	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
26	Яковлев	Яков	Яковлевич	1975	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	

СПИСОК эвакуированных граждан, размещённых на станции Чернушка Молотовской области, деревня Легаевка

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Дата рождения	Пол	Профессия	Место рождения	Состояние здоровья	Специальность	Дата эвакуации		Место размещения	Примечания
										в	из		
27	Александров	Александр	Александрович	1912	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
28	Борисов	Борис	Борисович	1915	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
29	Васильев	Василий	Васильевич	1918	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
30	Григорьев	Григорий	Григорьевич	1920	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
31	Давыдов	Давид	Давыдович	1922	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
32	Зинин	Зина	Зинич	1925	ж	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
33	Иванов	Иван	Иванович	1928	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
34	Климов	Клима	Климович	1930	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
35	Кузнецов	Кузнец	Кузнецович	1932	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
36	Левин	Лев	Левин	1935	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
37	Михайлов	Михаил	Михайлович	1938	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
38	Новиков	Новик	Новикович	1940	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
39	Осипов	Осип	Осипович	1942	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
40	Петров	Петр	Петрович	1945	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
41	Рябов	Ряба	Рябович	1948	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
42	Сидоров	Сидор	Сидорович	1950	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
43	Тихонов	Тихон	Тихонович	1952	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
44	Ульянов	Ульян	Ульянович	1955	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
45	Федотов	Федот	Федотович	1958	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
46	Харин	Хар	Харин	1960	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
47	Цыганов	Цыган	Цыганович	1962	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
48	Чайков	Чайка	Чайкович	1965	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
49	Шарин	Шар	Шарин	1968	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
50	Щербинин	Щербин	Щербинин	1970	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
51	Юсупов	Юсуп	Юсупович	1972	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	
52	Яковлев	Яков	Яковлевич	1975	м	рабочий	Ленинград	зд	рабочий	1942	Ленинград	Чернушка	

Список эвакуированных граждан, размещённых на станции Чернушка Молотовской области, деревня Легаевка

**ПЕРВЫЙ ЭТАП ЭВАКУАЦИИ ДЕТСКОГО САДА № 20
ОКТАБРЬСКОГО РАЙОНА Г. ЛЕНИНГРАДА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ШКОЛЫ № 5
Г. ЧЕРНУШКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)**

ЕВА ЛИТВИНСКАЯ, 8 КЛАСС, ШКОЛА № 555 «БЕЛОГОРЬЕ»,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КЛУБ «ПЕТРОПОЛЬ» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **ЕЛЕНА ПАВЛОВНА СТАЛЬМАК**, педагог
дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Объектом этого исследования стал хранящийся в фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга рисунок дома в деревне Лукино Ярославской области. Именно здесь был размещен эвакуированный в 1941 г. из Ленинграда детский сад № 20, для которого пребывание под Ярославлем стало первым этапом эвакуации. Изучением первого этапа эвакуации детского сада я занимаюсь в рамках проекта «Спасенное детство».

На детском рисунке, выполненном цветными карандашами на картоне, изображен одноэтажный деревянный дом с большими воротами. Рядом — дорога и пруд, окруженный зарослями рогоза¹. Сопоставляя фотографии, сделанные осенью 2019 г., когда исследовательская группа клуба «Петрополь» побывала в деревне Лукино, с рисунком, я попыталась выяснить, какой же из современных домов является тем зданием, где были размещены эвакуированные дети.

Детский сад № 20 Октябрьского района города Ленинграда был эвакуирован в деревню Лукино близ станции Некоуз Ярославской области 29 июня 1941 г. [1]. В воспоминаниях Валентина Михайловича Трыкова, которому в тот момент было 14 лет², говорится: «Поместили нас вначале в 2-этажный покосившийся дом у большого заросшего пруда, но с большим количеством густой травы во дворе, которой в Ленинграде из нас никто не видел. Затем перевели в два других помещения. Одно на окраине — одноэтажное, другое — в середине деревни, куда мы и ходили питаться»[3].

¹ Это растение часто по ошибке называют камышом.

² Школьник Валентин Трыков был эвакуирован вместе с младшими сестрами, посещавшими детский сад № 20.

На картинке, вероятно, изображен одноэтажный дом на окраине.

Когда мы встретились с бывшей воспитанницей эвакуированного детского сада³ Риммой Ефимовной Каленовой (в замужестве Князюк), нам удалось узнать, что она и есть автор этого рисунка на картоне [2]. Рассмотрев рисунок, можно заметить, что фасад дома разделен на три секции, из которых левая выполняет служебную функцию (судя по дверям, там была конюшня или подсобные помещения), центральная прорезана дверью и двумя окнами, правая также прорезана двумя окнами. Среди домов в деревне Лукино нам удалось отыскать похожее здание с такой же сложной крышей. Местные жители рассказали, что дом перестраивали (возможно, прорезали дополнительные окна). Однако одна деталь не совпала — перед домом нет пруда, который мы видим на рисунке.

Мы связались с Р. Е. Каленовой, чтобы уточнить, не является ли пруд на рисунке придуманным. Римма Ефимовна рассказала, что пруд — это главное впечатление детства, потому что именно там она впервые увидела ряску. Мы продолжили поиски и действительно обнаружили на окраине деревни уголок с прудом, очень похожим по конфигурации и расположению относительно дороги на тот, что мы видим на рисунке из музея. Однако дома рядом не оказалось. Старожилы деревни рассказали нам, что рядом с этим прудом когда-то действительно находилось здание, похожее на изображение на рисунке, но оно сгорело.

Так всего один музейный экспонат — детский рисунок — помог дополнить исследование истории Легаевского интерната.

Источники

1. Годовой отчет Легаевского интерната на станции Чернушка Молотовской области деревня Легаево январь 1945 года. // Архив школы № 5 города Чернушка Пермского края.
2. Каленова Р. Е. Интервью. Сентябрь 2019.
3. Трыков В. Воспоминания. Архив школы № 5 города Чернушка Пермского края.

³ Он вошел в историю под названием Легаевского интерната

*Детский рисунок с изображением дома,
где располагался детский сад в деревне Лукино
(архив Государственного музея истории Санкт-Петербурга)*

**ДНЕВНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО ШКОЛЬНИКА СТЕПАНА ВОЛКА
(АРХИВ С. С. ВОЛКА В ФОНДЕ ДОМА ПЛЕХАНОВА РНБ)**

АРСЕНИЙ БРЕДНИКОВ, 7 КЛАСС, ДОМ ТВОРЧЕСТВА «ИЗМАЙЛОВСКИЙ»,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА ЖУЧЕНКО**, ПЕДАГОГ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДОМА ТВОРЧЕСТВА «ИЗМАЙЛОВСКИЙ»,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Дневниковые записи — ценный вид исторического документа. Конечно, история знает случаи фальсификации чужих и собственных дневников, но большая часть дневниковых свидетельств действительно способна пролить свет на те или иные события.

Историк Михаил Мельниченко, директор Центра изучения эго-документов «Прожито» при Европейском университете в Санкт-Петербурге, считает, что «работа с большим корпусом текстов может дать исследователю гораздо больше, чем отдельные дневники» [3]. Иначе говоря, необходимо изучать дневниковые записи самых разных людей, даже если их содержание кажется на первый взгляд не слишком важным.

Так и дневник ленинградского школьника Степана Волка, которому посвящена эта работа, может добавить несколько штрихов к полотну истории.

Тетрадь «Дневник №3» поступила в фонд Дома Плеханова в 1996 г. вместе со всеми материалами С. С. Волка, которые передала его вдова. При обработке сотрудниками фонда он был включен в архив С. С. Волка как единица хранения №42. Никакими дополнительными сведениями об истории дневника работники фонда не располагают.

Документ представляет собой школьную тетрадь в обложке бледно-зеленого цвета. На передней части обложки — линейки для записей о владельце и предназначении тетради. Бумага не самого высокого качества (видны вкрапления опилок). Тетрадь состоит из 18 листов, разлинованных в клетку и скрепленных металлическими скобами. На внутренних частях обложки и ее задней части размещены некоторые учебные сведения: соотношения величин, различные советы для школьников. На задней части обложки также имеется стандартная информация о производстве, тираже и цене тетради. Состояние экспоната близко к отличному:

страницы и обложка не имеют сильно потрепанного вида, загнуты лишь некоторые уголки. Бумага, конечно, стала более хрупкой, страницы пожелтели.

Записи в тетради сделаны чернилами, иногда встречаются кляксы. Первые страницы оформлены не слишком аккуратно, затем записи становятся оформленными более тщательно: автор дневника обводит даты в чернильную рамку. Запись о смерти В. В. Куйбышева сопровождается вклеенной иллюстрацией — вырезанным, очевидно, из газеты портретом этого партийного деятеля.

«Дневник № 2» Степана Волка, хронологически предшествующий рассматриваемому нами документу, был ранее изучен Екатериной Пинковской, работа которой была представлена на конференции «Музей открывает фонды» в прошлом году.

В «Дневнике № 3», если сравнивать его с предыдущим, школьник стал писать намного больше — записи сделались более объемными и более подробными. В предыдущем дневнике Степан Волк меньше рассказывал об отношениях со сверстниками, об учебном процессе. Из сравнения двух дневников можно сделать вывод, что для их автора ведение ежедневных записей постепенно становится не обязанностью, а необходимостью. Впрочем, он, как и раньше, описывает события и факты, а не свои мысли и чувства.

Записи в дневнике велись с 1 января по 1 марта 1935 г. По содержанию «Дневник № 3» (как и «Дневник № 2») является своего рода хроникой жизни его автора: здесь есть записи о школьных буднях, об одноклассниках, о главных политических событиях, о прочитанных книгах. Автор дневника упоминает, откуда он взял ту или иную книгу, когда он читал ее, но не рассказывает о своем отношении к прочитанному, а лишь иногда ставит книге оценку: нравится / не нравится или интересно/неинтересно.

Поскольку Степана Волка можно, по всей видимости, назвать обычным, среднестатистическим ленинградским подростком эпохи 1930-х гг., то его дневник свидетельствует о повседневной жизни школьников той эпохи. Что же их всех объединяет?

Во-первых, они много читают: произведения из школьной программы, классику и пропагандистскую литературу. Во-вторых, они часто ходят друг к другу в гости. Конечно, можно сказать, что сейчас у школьников есть мобильная связь, но кажется, что

в советскую эпоху сверстники Степана Волка были более свободны в своих перемещениях, нежели современные. Они вместе делали уроки, играли в шахматы или просто веселились. В-третьих, дневник Волка, как и многие другие дневники школьников той эпохи, отражает увлечение шифрованием: Степан Волк вместе со своим другом Кимом придумал особый шифр, и они зашифровывали послания друг другу. В-четвертых, большое место в жизни молодых людей 1930-х гг. занимала политика. Трудно представить, чтобы кто-то из современных подростков уделял столько внимания политическим событиям в своем личном дневнике.

В дальнейшем я планирую проанализировать последующие дневники Степана Волка, а также дневники его сверстников и сделать более глубокий и детальный анализ дневниковых записей школьников 1930-х гг.

Литература

1. *Венявкин Илья* «Найден зашифрованный дневник школьника сталинской эпохи», 2017, Сайт «Арзамас» <https://arzamas.academy/mag/396-chernevsky>
2. *Волк С. С.* «Дневник № 3» РНБ. АДП. Ф.1405 (Волк С. С.) Оп.1. Ед. хр. 43. Поступление 1996 год.
3. *Мельниченко М.* «Как мы проводили время без мамы»: зачем изучать личные дневники [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/17021-kak-my-provodili-vremya-bez-mamy-zachem-izuchat-lichnye-dnevniki>.
4. Национальная Российская библиотека, отдел Дома Плеханова. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nlr.ru/domplekhanova>.
5. *Черневский О. В.* Дневниковые записи 1937–1938 годов. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://prozhito.org/person/808>.

**ПОЧТОВАЯ ОТКРЫТКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.
ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕТЕРБУРГ НАЧАЛА XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ)**

АРТЕМИЙ КАЗАНЦЕВ, 8 КЛАСС, ШКОЛА № 579, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА ЕЛИСЕЕВА**, УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ ШКОЛЫ № 579, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Часто ли сегодня для передачи информации или общения мы используем почтовые карточки? Думаю, что нет, хотя их можно купить в любом городе. Для нас проще открыть компьютер или телефон и отправить любое сообщение, которое адресат получит через несколько секунд. Люди, жившие в конце XIX и в XX вв., такими возможностями не обладали, поэтому достаточно часто использовали открытки (почтовые карточки).

У меня появился шанс изучить открытки из прошлого: Светлана Анатольевна Елисеева предложила провести работу по исследованию нескольких почтовых открыток из ее домашней коллекции. Четыре открытки, которые мне предстояло изучить, были приобретены в антикварном магазине и выбраны потому, что они были адресованы людям, носившим одну и ту же фамилию — Голике.

После прочтения текстов, написанных на открытках, я поставил своей задачей разыскать информацию о людях, которые там упоминаются (Роман Романович Голике, Гульда Мартиновна Голике, Лидия, Ина, Саша(?), Маргарита, Дага, Роби (Robi), Ренаточка), и установить родственные связи между ними.

Текст на открытке, которую мы обозначили № 1, начинается словами: «Милый папа, мы очень обрадовались Твоим карточкам и Ина как увидит свою все вспоминает “Grosspar.”»¹ (здесь и далее текст приводится в современной орфографии, пунктуация подлинника сохранена). Эта почтовая открытка написана Лидией Берзен и адресована Роману Романовичу Голике.

Роман Романович Голике (1849–1919) был известным книгоиздателем, основателем и владельцем (вместе с Артуром Ивановичем Вильборгом) акционерного художественно-книгоиздательского «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» (1902–1918). Он получил от отца, прошедшего путь от наборщика до владельца типографии (1852), издательскую фирму в которую входило 4 типографии,

¹ Нем. Grosspara — дедушка, дедуля.

позднее открыл первую школу печатного дела при Русском техническом обществе. Не без помощи Голике было создано Русское общество деятелей печатного дела и проведен Первый Всероссийский съезд деятелей печатного дела. В «Товариществе» был издан ряд отличающихся высокохудожественным исполнением малотиражных изданий классической литературы, в создании которых участвовали в качестве иллюстраторов известные художники: Д. Н. Кардовский, М. В. Добужинский. Были напечатаны шедевры полиграфического искусства: «Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны» А. Н. Бенуа (1910) с иллюстрациями «миriskусников»; «Горе от ума» А. С. Грибоедова (1913) в оформлении Д. Н. Кардовского и Г. И. Нарбута; «Пиковая дама» А. С. Пушкина (1911) с иллюстрациями А. Н. Бенуа; «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (1911) с рисунками Е. П. Самокиш-Судковской; «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого (1916) в оформлении и с иллюстрациями Е. Е. Лансере; «Книга маркизы» Ф. Блэй (1918) с иллюстрациями К. А. Сомова. Полиграфическая продукция «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» неоднократно удостоивалась высших наград на отечественных и зарубежных выставках: в Дрездене (1909), Турине (1911), на выставке «Искусство в книге и плакате» в Петербурге (1912) [3].

Р. Р. Голике был знаком с А. П. Чеховым, переписывался с ним, так как в «Товариществе Р. Голике и А. Вильборг» печаталось первое издание чеховского сборника «Пестрые рассказы» (СПб., 1886). «Великолепнейший парень», — так отзывался о нем Чехов в одном из писем [4].

Открытка, которую мы обозначили № 4, адресована Гульде Мартиновне Голике — жене Р. Р. Голике. Эту информацию удалось найти благодаря комментариям к переписке Чехова и Голике. Так, в письме от 8 декабря 1886 г. Чехов пишет: «Пользуюсь случаем, дорогой Роман Романович, чтобы поклониться Вам и Вашей семье. Сестра шлет поклон и восьмиэтажное спасибо Гульде Мартыновне...» В комментариях читаем: «Голике Гульда Мартыновна, жена Р. Р. Голике» [5].

Ина, которая упоминается в тексте на открытке № 1, — Ина Коллиандер (урожденная Берзен), внучка Р. Р. Голике, художник, резчик по дереву, иконописец. Эта открытка, как и открытка № 4,

подписана словами «Твоя Лидия». Очевидно, автором этих открытых писем была мать Ины и одна из дочерей Р. Р. и Г. М. Голике — Лидия Иоанна Луиза, в замужестве Берзен. Всего у Голике было две дочери — Лидия и Вера.

Мужем Л. Р. Голике и отцом Ины Коллиандер был Рихард Андреевич Берзен (1869–1958) — гражданский инженер-строитель, представитель рационалистического направления в архитектуре рубежа XIX–XX вв. Один из основоположников «кирпичного стиля» и раннего модерна в России [2]. В 2018 г. в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга состоялась выставка, посвященную 150-летию со дня рождения Р. А. Берзена. Кроме этого, сотрудниками архива был создан виртуальный проект, где представлены важные для моего исследования фотоматериалы.

В июне 1903 г. Р. А. Берзен, тогда штатный преподаватель Института гражданских инженеров Императора Николая I, гражданский инженер, надворный советник, подал прошение о разрешении вступить в первый законный брак с дочерью статского советника Л. Р. Голике. Прошение было удовлетворено, и 1 октября 1903 г. в лютеранской церкви святой Анны в Санкт-Петербурге состоялось венчание [1]. В семье Рихарда и Лидии Берзен родились две дочери, о чем свидетельствуют записи в метрической книге лютеранской церкви Св. Петра в Санкт-Петербурге. Первая дочь, Ина, родилась 12 июня (26 июня по новому стилю) 1905 г. Восприемниками, то есть крестным отцом и матерью, стали жена статского советника Гульда Голике и служащий в банке Павел Берзен. Вторая дочь, Рената, родилась 4 октября (по старому стилю) 1909 г., и ее восприемниками стали статский советник Роман Голике и Луиза Берзен [1].

Дальнейшие поиски привели меня в Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Здесь в семейном фонде художницы Веры Владимировны Милютиной (1903–1987) и музыковеда Александра Семеновича Розанова (1910–1994) хранятся документы, содержащие информацию о финской художнице Ине Коллиандер-Берзен.

Всего в моем распоряжении оказалось 16 дел (639 листов). Это ученическая тетрадь по логике 1921 г., принадлежавшая Ине Берзен; вырезки, буклеты, фотографии с репродукциями картин И. Коллиандер; ее письма Вере Милютиной, фотографии; рукопись

В. В. Милютиной с воспоминаниями об Ине Коллиандер-Берзен. Так как материал для изучения оказался достаточно объемным, его следовало разделить. В настоящей работе представлено описание фотографий и писем Ины Коллиандер, отправленных в период с 1924 по 1932 г.

Моя работа с архивными документами началась с чтения воспоминаний В. В. Милютиной об Ине Коллиандер, которые были написаны в январе 1987 г.

Памятные записи начинаются такими строчками:

Вспоминаю «Поощрение Искусств». На Демидовом переулке, д. № 6 (в помещении бывшей пересыльной тюрьмы) в 1922 году. В нашу натопленную, обшарпанную мастерскую однажды днем пришла девочка в матроске. Темная голова, волосы на прямой пробор, две косички. Большие светлые серые глаза, окаймленные густыми, черными ресницами, они смотрели прямо, спокойно и очень уверенно. Удивительно красиво вылепленные губы улыбались редко.

Девочку звали Ина Берзен. Она только что окончила Трудовую школу в Детском (Царском) Селе. Там же в интернате она и жила.²

Таким образом состоялось знакомство двух будущих художниц. За время обучения девушки подружились, доверяли друг другу свои мысли, делились переживаниями, секретами.

О крепкой дружбе свидетельствует и многолетняя переписка, которая началась после отъезда Ины в 1923 г. за границу. Семьи Голике и Берзен, как и многие семьи в это время, оказались в тяжелых условиях сначала революции, затем Гражданской войны, становления новой власти, поэтому вынуждены были покинуть Россию. Сначала уехала семья Голике, затем Рихард и Лидия Берзен, беспокоясь о будущем, отправили свою старшую дочь Ину в Финляндию, куда в 1925 г. уехали и сами.

В письмах и открытках к «Милому Верверунчику», «Дорогой Верочке», «маленькой хорошей светлой Верке» Ина Берзен делится с подругой всем, что радует и огорчает, удивляет и вдохновляет, тревожит и успокаивает. Она пишет о людях, которые её окружают, о творчестве, о книгах, о религии, о своей работе в детском

² ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-495. Опись 2. Дело 203.

доме, о непростых отношениях с родственниками. Интересуется жизнью своей подруги в России, передает многочисленные приветствия старым знакомым. Пишет о встрече с Тито Коллиандером, который стал в будущем её мужем.

После эмиграции в Финляндию Ина, которой на момент отъезда исполнилось только 18 лет, оказалась вдали от близких, друзей, привычной жизни. Ее письма наполнены тревогой, безысходностью, желанием вернуться домой.

О своих впечатлениях она пишет подруге в письме от 6 мая 1924 г.:

*Люди здесь холодные с виду. Все хорошее они заканчивают в себе. То, что мы с тобой считаем высшим достижением т. е. всякую откровенность и если кто-нибудь расскажет о самом хорошем, что есть в душе, — они смотрят на это как на слабость, нецельность человека и отвечают только презрением. Так встретили и меня, когда я хотела подойти с открытой душой...*³

В письме от 26 июля 1924 г. видим такие строчки:

*Верочка, вчера рождение справляла. Вот уже 19 лет теперь мне. Было тяжело в этот день, но и радостно потому что подруги все будто переродились в этот день для меня и ближе стали. Все были радостны и добры для меня: цветов много подарили и я наверно писать их буду! Посмотрим! Тут обычай рано утром петь для того, кто празднует именины или рождение. И вот они, не знаю откуда, узнав об моем празднике, в 6 часов разбудили песню а потом вышли и улыбаясь и волнуясь поздравили и принесли цветов, конфет и душистого мыла.*⁴

В одном письме у Ины и радостные, и тяжелые впечатления о дне своего рождения. Далее читаем:

*Днем свезла дочку Ир' в казенный финский дом в местечко *aggelby*. Впечатление тяжелое: темные комнаты, нет водопровода, 5 изнуренных женщин ухаживающих за детьми. Там же этой зимой крысы от'ели части лица у 2-х ребят, потому что ночная дежурная так устала, что невольно уснула тяжелым сном.*⁵

³ ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-495. Опись 1. Дело 344.

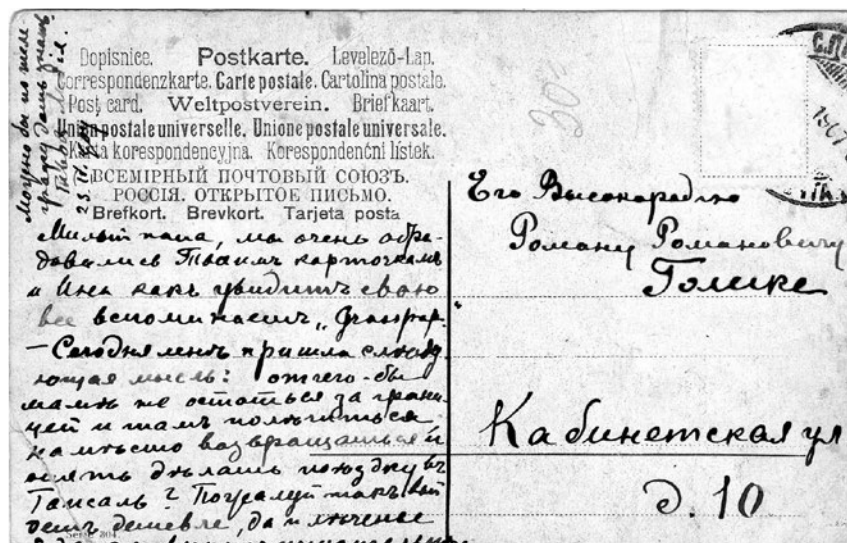
⁴ Там же.

⁵ Там же.

Моя работа над проектом началась в 2017 г., количество материала постепенно увеличивалось, что значительно расширило рамки исследования. Еще многое предстоит изучить: оставшуюся часть писем из семейного архива В. В. Милютиной и А. С. Розанова, архивные материалы, которые связаны с деятельностью архитектора Р. Берзена, творчество Ины Коллиандер и Тито Коллиандера, жизнь и творчество В. В. Милютиной. Каждая из тем интересна для продолжения исследования.

Литература

1. Архитектор Рихард (Ричард) Андреевич Берзен (1868–1958) / Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://spbarchives.ru/Bersen_3 (дата обращения: 11.05.21).
2. Берзен Р. А. / Энциклопедия Petrischule [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://allpetrischule-spb.org/index.php?title> (дата обращения: 11.05.21).
3. Голике и Вильборг (издательство) / Википедия [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 11.05.21).
4. Громов М. П. Тропа к Чехову: Документально художественная книга о жизни и творчестве А. П. Чехова. М.: Дет. лит., 2004.
5. Имена и названия из писем Чехова (В-Г) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://chegov-lit.ru/chegov/text/letters/imena-2.htm> (дата обращения: 11.05.21).

Текст на открытке, адресованной Л. Р. Берзен Р. Р. Голице

Ина Коллиандер-Берзен. ЦГАЛИ СПб. Ф. 495. Оп. 2. Д. 205. Л. 6.

АДРЕСНАЯ ТАБЛИЧКА КАК КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ (ИСТОРИЯ АДРЕСНЫХ ТАБЛИЧЕК ИЗ ГМИ СПБ.)

МАРИЯ КОПЫЛОВА, 10 класс, 73 Ломоносовской гимназии,
Юношеский университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Руководители: **ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ АКСЕЛЬРОД**, декан Юношеского
университета Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», канд. ист. наук;
ЕЛЕНА ПАВЛОВНА СТАЛЬМАК, педагог дополнительного образования
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

В зале № 21 Музея истории Санкт-Петербурга в Петропавловской крепости есть стенд, который называется «Знаки настенные номерные».

Адресная система города — это, прежде всего, удобство для горожан и гостей, что для Санкт-Петербурга, центра туризма, особенно значимо. А информационная составляющая любой адресной системы — это адресная табличка.

Предметом данного исследования стали музейные этикетки на четыре номерных знака из ГМИ СПб (см. Приложение).

В работе «История адресной системы Петербурга или “петербургская чётность”» я подробно рассказываю, как формировалась современная адресная система нашего города с конца XVIII в. [7]. Но, как бы хорошо ни была разработана эта система, без информационных составляющих, то есть без доски с названием улицы и номерного настенного знака, нужный дом в большом городе найти невозможно. В 1858 г. в Петербурге была введена полицейская нумерация домов, что привело к массовой замене номерных настенных знаков, которые домовладельцы вынуждены были изготавливать кустарным способом, так как предприятий, которые бы делали такие знаки, просто не существовало.

Первая русская фабрика по производству металлических вывесок была создана в 1865 г. в Петербурге предпринимателем Германом Карловичем Корнфельдом [4, с. 6–19; 11, л. 5–7], за что он был отмечен почетной наградой «За введение в России производства металлических надписей» и медалями на европейских и российских выставках [3, л. 35: 8; 15].

В конце 1866 г. Корнфельд получил от Санкт-Петербургского обер-полицмейстера Ф. Ф. Трепова большой заказ на изготовление унифицированных адресных табличек. Собственно, полицейская

реформа Ф. Ф. Трепова и послужила толчком к централизованному введению типовых настенных номерных знаков в столице. Сначала Корнфельд разработал «безымянную» доску, на которой предполагалось отражать номер дома, название части города и полицейский участок. Примерно такую надомную доску я нашла в ГМИ СПб (см. Приложение, № 2). Очевидно, такие доски провисели на домах достаточно долго — историк С. Ф. Светлов в своей книге «Петербургская жизнь в 1892 г.» писал: «Каждый дом имеет свой номер, который означается на особых досках. На угловых домах ставятся двойные номера (по счету обеих улиц)» [14, с. 50]. Сегодня такую доску можно увидеть не только в музее, но и на доме 2А на 2-й линии Васильевского острова.

Позднее Корнфельд разработал новый вид доски, где сгруппированы все полезные для администрации сведения, то есть добавлены номер мирового участка и фамилия домовладельца [10, л. 23]. Подобная табличка хранится в ГМИ СПб (см. Приложение, № 4). А, кроме того, такие номерные настенные знаки можно увидеть в Санкт-Петербурге на доме № 10 по Малой Гребецкой улице и на доме № 43 по Фурштатской улице.

С 7 апреля 1879 г. должность временного генерал-губернатора Санкт-Петербурга занял Иосиф Владимирович Гурко-Ромейко [14, с. 51]. И. В. Гурко пробыл на этом посту меньше года, но в Петербурге его не забудут — ведь именно Гурко приказал установить на каждом доме фонари, на которых был написан номер дома [14, с. 51; 10, л. 447]. Эти номерные фонари вывешивались у ворот, у подъездов и вообще на видном месте — во-первых, для скорейшего отыскания нужного дома в тёмное время суток, а во-вторых, как дополнительные светильники к простым фонарям [12; 13]. В Петербурге похожие фонари сохранились по нескольким адресам: Каменноостровский проспект, дом 26/28, и улица Марата, дом 72.

Позднее эти номерные фонари переделали — так получились номерные надомные знаки с подсветкой. Пример такого знака с подсветкой хранится в ГМИ СПб. (см. Приложение, № 3)

Только на одном адресном знаке из коллекции ГМИ СПб есть клеймо производителя. Этот номерной знак с дома Федора Петровича Дедова (см. Приложение, № 1) был изготовлен на бронзо-цинколитейном заводе Эд. Эд. Новицкого в Санкт-Петербурге

(согласно музейной этикетке и клейму на обороте). В адресной книге за 1902 г. [1, с. 751] я нашла рекламу следующего содержания: «Нумера для квартир и домовъ, орнаменты и фигуры. Эд. Эд. Новицкій. Контора Гороховая, 36 телеф. № 3106. Магазины Невскій пр. 34 (Пассаждь № 48), Садовая 9. Смѣты по требованію». Видимо, по этому адресу и обратился Ф. П. Дедов с заказом на изготовление настенного номерного знака для своего дома № 5 по Николаевской улице в селе Рыбацкое, Александровского полицейского участка [2, с. 455].

Бронзо-цинколитейный завод Новицкого выпускал разнообразные кабинетные предметы и скульптурную пластику, отличающуюся качественным исполнением. На заводе также отливалась городская скульптура из цинка и бронзы. На всех изделиях ставилось клеймо: «Бронзо-цинколитейный заводъ Эд. Эд. Новицкаго въ С-Петербурѣ».

Эдмунд Эдмундович Новицкий — успешный предприниматель и заводчик, талантливый изобретатель и инженер [6]. В 2014 г., при последней реставрации галереи Пассажа на Невском проспекте, д. 34, была восстановлена именная вывеска его заведения, которая навсегда увековечила память об этом незаурядном человеке.

Одной из задач моего исследования стал поиск домов, на которых висели безымянные адресные знаки, которые хранятся в ГМИ СПб (см. Приложение, № 2,3).

Самый загадочный из них — № 2 (см. Приложение), на котором нет названия улицы. Пришлось решать следующую задачу:

Дано — Московская часть, 2 участок, дом № 11; вторая половина XIX в. Найти — дом в Петербурге.

Согласно адресной книге за 1900 г., где приведен подробный план Московской части Петербурга, можно установить, какие дома на 2-м участке имели № 11 — это семь домов на следующих магистралях: Щербаков пер., Кузнечный пер., Свечной пер., Большая Московская ул., Загородный пр., Коломенская ул., Чернышев пер.

С адресным знаком № 3 (см. Приложение) дело обстоит проще — на нём указан адрес: Волховский пер. / Тучкова наб. 1/4». Адресная книга за 1900 г. позволяет установить, что дом 1/4 на Тучковой набережной принадлежал графу А. А. Стенбок-Фермору. В 1900–1901 гг.

архитектор Цейдлер возвёл на этом участке трёхэтажный доходный дом [5], который сегодня имеет адрес: наб. Макарова, дом 12.

Номерные настенные знаки являются необходимой информационной составляющей адресной системы, позволяя легко найти нужный адрес в Петербурге. Такую задачу перед производителями адресных табличек и ставили петербургские губернаторы, когда заказывали и утверждали подобные номерные знаки, которые можно увидеть не только в ГМИ СПб, но и на фотографиях старого Петербурга и в историческом центре нашего города. Каждый представленный в работе номерной настенный знак уникален, за каждым скрывается большой пласт истории — это информация и о губернаторах Петербурга, и о предпринимателях столицы, и о предприятиях по производству металлических надписей, и о домовладельцах, которые заказывали эти знаки, и о домах, на которых они находились.

В результате работы в библиотеках, архивах и музеях города мне удалось доказать, что адресные таблички, хранящиеся в ГМИ СПб, являются краеведческими документами — в этих табличках, как в зеркале, отражена эпоха.

Свою работу я передала в ГМИ СПб.

Литература

1. Адресная книга города С.-Петербурга на 1902 г. СПб.: Лештук-ковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1902.
2. Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1913].
3. Дело об открытии комис. конторы куп. Г. Корнфельда // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 11. Д. 427.
4. *Динерштейн Е. А.* «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. М.: Книга, 1986.
5. Доходный дом А. А. Стенбок-Фермора [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house375.html> (Дата обращения 07.05.2019)
6. Из области инициативы и предприимчивости // Огонек. 1911. № 12. – с. 48.
7. *Копылова М. А.* История адресной системы Петербурга или «петербургская чётность» // XI Анциферовские краеведческие чтения, 2018. СПб., Европейский дом. 2018. С. 144–156.

8. Международная выставка садоводства в С.-Петербурге (5–18 мая 1869 года). СПб.: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1870.

9. Музейный комплекс // ГМИ СПб [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.spbmuseum.ru/themuseum/museum_complex/ (Дата обращения 04.11.2018).

10. О проверке и исправлении нумерации домов // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 72. Д. 475.

11. Об осмотре фабрики метал. надписей Корнфельда // ЦГИА СПб. Ф. 338. Оп. 1. Д. 90.

12. Приказ с.петербургского градоначальника «Об освещении лестниц и фонарей с номерами домов» // Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1889. № 26. С. 159.

13. Приказ с.петербургского градоначальника № 202 от 4.09.1893 «О проверке номеров и номерных фонарей на домах» // Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1893. № 28. С. 763.

14. *Светлов С. Ф.* Петербургская жизнь в 1892 году. СПб.: ГИПЕРИОН, 1998.

15. Список похвальных наград по Всероссийской Мануфактурной Выставке 1870 года в С.-Петербурге. Бронзовые медали // Листок мануфактурной выставки. 1870. № 50. С. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Знаки настенные номерные Государственный музей истории Санкт-Петербурга

1. Фонд архитектурных деталей. Знак настенный номерной с дома № 5 Федора Петровича Дедова. Вторая половина XIX в. Россия. Санкт-Петербург. Бронзо-цинколитейный завод Эд. Эд. Новицкого. Металл (шпиатр?), Литье. 27,0x36,5 см. Из коллекции В. Д. Никандрова. Дар от Махониной Галины Дмитриевны. ГМИ СПб КП-382601-осн. Инв. № IV-653-м

2. Фонд архитектурных деталей. Знак настенный номерной с дома № 11 Московской части, 2-го участка. Вторая половина XIX в. Россия. Санкт-Петербург. Металл (шпиатр?). Литье. 31,5x31,5 см. Закрашен краской серого цвета. ГМИ СПб КП-402166-осн. Инв. № IV-712-м

3. Фонд архитектурных деталей. Знак настенный номерной с дома № 1/4 по Волховскому пер. / Тучковой наб. Начало XX в. Россия. Санкт-Петербург. Металл, стекло, Слесарная работа. 57(в) x 28(ш) x 28(д) см. Закрашен голубой краской. ГМИ СПб КП-40098-осн. Инв. № IV-436-м

4. Фонд архитектурных деталей. Знак настенный номерной с дома № 9 Московской части 3-го участка (дом построен в 1904 году, домовладелец — Мерзлоухов Константин Иванович). Около 1904 г. Россия. Санкт-Петербург. Металл (шпиатр?), дерево, литье. 42(в) x 33(ш) x 6,5(д) см. Утрачена нижняя часть. ГМИ СПб КП-403333-осн. Инв. № IV-711-м

ЧЕМУ И КАК УЧИЛИ В ТЕНИШЕВСКОМ УЧИЛИЩЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД РАСПИСАНИЕМ ЗАНЯТИЙ

Арина Ришкоте, студентка Педагогического колледжа № 1
им. Н. А. Некрасова, Санкт-Петербург

Руководитель: Иосиф Георгиевич Скаковский, преподаватель
детской литературы Педагогического колледжа № 1
им. Н. А. Некрасова, Санкт-Петербург

В фондах Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранится ряд интересных документов, связанных с Тенишевским училищем. Тенишевское училище — это одно из самых известных общеобразовательных учебных заведений Санкт-Петербурга в начале XX в. Известно оно, в том числе, благодаря своей особой, новаторской постановке учебного процесса. Среди этих документов есть расписание занятий училища за 1912–1916 гг. В музей оно было передано в 2008 г. из Российской национальной библиотеки.

Нам стало интересно, что мы сможем узнать об училище, изучив подробно расписание уроков. Для получения дополнительных сведений о жизни Тенишевского училища мы использовали и другие источники: воспоминания О. Э. и Е. Э. Мандельштамов и княгини М. К. Тенишевой, школьные дневники В. М. Жирмунского, памятную и справочную книжки Тенишевского училища.

Первое, что бросается в глаза при изучении расписания Тенишевского училища, — в нем нет привычного для нас деления на классы. Обучение шло не по годам, а по семестрам, равным полугодиям. Это было главным новшеством, введенным Вячеславом Николаевичем Тенишевым (основателем училища). Тенишевцы через каждые полгода переходили не в следующий класс, а на следующий семестр. Следовательно, неуспевающие ученики оставались на повторное обучение не на год, а всего лишь на полугодие (семестр).

Обучение в училище длилось 8 лет или 16 семестров, где первый год назывался подготовительным. Но так было не всегда — изначально подготовительный класс отсутствовал. Можно предположить, что тогда в училище отбирали с помощью вступительных экзаменов, но несмотря на это поступившие слишком отличались по уровню подготовки. Поэтому со временем было решено открыть обязательный для всех подготовительный класс, после окончания

которого на совете обсуждалось, кого из учеников уже можно перевести на 1 семестр. Тех, кто был не готов, оставляли в промежуточном семестре ещё на полгода, давая, таким образом, возможность пополнить свои знания [2].

Система оценивания в Тенишевском училище была похожа на ту, которая практикуется, например, в современной Финляндии или в рамках программы Монтессори, популярной в частных школах Санкт-Петербурга, — то есть и оценки, и экзамены отсутствовали. Учеников переводили с одного семестра на другой на основе характеристики педагогического совета и классного наблюдателя. Следовательно, перед учителями Тенишевского училища стояла непростая задача — они должны были знать о способностях и умениях каждого. В случае плохой учёбы учителя сообщали родителям об успеваемости учеников [4].

В расписании указаны приёмные часы классных наблюдателей. Термин наблюдатель возник потому, что основной функцией преподавателя, к которому был прикреплен определённый семестр, было наблюдение за успехами учащихся, чтобы по результатам семестра можно было дать им ту или иную рекомендацию.

Главное в расписании Тенишевского училища — содержание образования. Единственным предметом, который проходит через все семестры (не считая Закона Божьего, который был обязательной дисциплиной во всех образовательных учреждениях), был русский язык. В расписании вы не найдёте ни литературы, ни словесности, но на старших семестрах, где русский язык преподавал Владимир Васильевич Гиппиус, содержание этого предмета было гораздо шире — например, в его рамках читались лекции по древнерусской литературе [1, с. 104].

Для второй половины XIX в. самыми бурно развивающимися науками были естественные, поэтому в Тенишевском училище естествознание вводилось ещё на уровне подготовительного семестра, затем изучалось на протяжении 8 семестров, после чего сменялось другими естественными науками — геологией, географией и другими.

Важное место в процессе обучения занимали языки. На втором месте по объёму учебного времени после русского языка был немецкий (15 семестров), на третьем месте — французский (10 семестров).

Большое внимание уделялось точным наукам: алгебре (8 семестров), геометрии (7 семестров), физике (8 семестров), химии (2 семестра).

Немаловажным в Тенишевском училище был эстетический цикл. Приобщение к искусству происходило не через искусствознание, а через творчество: рисование (14 семестров), лепка (5 семестров), которая способствует не только развитию творческих способностей, но и развитию мелкой моторики.

В расписании уроков строго соблюдалось правильное чередование трудных и легких предметов. Точные науки сменялись гуманитарными, умственное напряжение — физическим.

Особое место занимал такой предмет, как чистописание. В Тенишевском училище эта дисциплина присутствовала в расписании в течении всей начальной школы (с 1 по 2 семестр дважды в неделю), а также в подготовительных семестрах. Письмо воздействует примерно на те же зоны мозга, которые отвечают за речь, за умение формулировать мысли. Для того чтобы развивать речь, необходимо развивать мелкую моторику, поэтому в Тенишевском училище было отведено время и таким предметам, как ручной труд, лепка и рисование [3, с. 4].

Ещё одной особенностью Тенишевского училища было то, что, по сравнению с гимназиями, в его программе отсутствовали так называемые мёртвые языки (в первую очередь латынь). Отказ училища от изучения данных предметов был твердой позицией учебного заведения. Князь В. Н. Тенишев, как и А. Н. Острогорский, директор училища, были сторонниками нового образования, исключая зубрёжку и заучивание. Однако знание латыни было необходимо для поступления в университет, поэтому классическими языками многие ученики занимались с учителями дополнительно. Казалось бы, готовящимся к поступлению в университет логичнее было бы обучаться в классической гимназии, однако многие родители отдавали предпочтение именно Тенишевскому училищу, что говорит о его авторитете [6].

После занятий тенишевцы посещали организованные в училище всевозможные кружки, экскурсии (которые входили в обязательную программу обучения), поэтические и театральные вечера.

Одной из главных особенностей Тенишевского училища было особое внимание к физической форме обучающихся. Внизу расписания указаны медицинские сотрудники, работающие в школе: врач по детским болезням и школьной гигиене А. С. Вирениус, врачи по глазным и зубным болезням, которые в начале каждого учебного года на торжественной линейке читали лекции о здоровом образе жизни [5].

С 1 по 6 семестры первыми уроками у обучающихся всегда была гимнастика. С 7 по 12 семестры этот предмет присутствовал уже дважды в неделю в середине дня. В последних 4 семестрах его нет совсем, однако ученики занимались физической активностью на переменах.

После каждых 45 минут учебы детям давалось 10 минут абсолютной свободы, где никто не мешал им прыгать, бегать и играть. После третьего урока была большая перемена, во время которой ученики завтракали, выполняли физические упражнения и проводили время на свежем воздухе: летом играли в футбол, лапту, городки, зимой катались с горок и на коньках. Уже с третьего года обучения ученики ходили на лыжах по Неве [1, с. 12].

Таким образом, на основе анализа расписания Тенишевского училища, можно сделать вывод о том, что оно являлось эталоном образовательного учреждения своего времени и было уникально в своём роде. Отмена оценок и экзаменов, дабы не убивать интерес к учебе, отсутствие в первые годы обучения домашних заданий, включение в обязательную программу экскурсий (по городу, на производство, в другие регионы страны) — всё это делает Тенишевское училище учебным заведением, инновационный характер которого очевиден даже сегодня, через 100 лет после его закрытия, поскольку многое из того, что считается в начале XXI в. педагогическими новациями, в стенах Тенишевского училища уже существовало.

Литература

1. *Жирмунский В. М.* Начальная пора: Дневники. Переписка // публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М.: НЛО. 2013.
2. *Журавлева Л. С.* Педагогическое наследие князей Тенишевых. Смоленск: 2000.

3. Журенков К., Кудрявцева Е. Ушли от ручки // Огонёк. 2018. № 2. С. 4.

4. Корневская О. В. Из истории Тенишевского коммерческого училища // Образовательный портал «schoolfiles.net» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://schoolfiles.net/3173083> (дата обращения: 10.02.2020).

5. Мандельштам. О. Шум времени. Л.: Время, 1925.

6. Мягких А. С. Проблемы классического образования во взглядах русских общественных деятелей середины XIX века // Педагогика: традиции и инновации: материалы X Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2018 г.). Казань: Молодой ученый. 2018. С. 11–12.

Расписание уроков Тенишевского училища на I полугодие 1915–1916 учебного года

Приемные часы классных наблюдателей

Врачи: по дѣтскимъ болѣзнямъ и школьной гигиенѣ
д-ръ медицины Вал. Влад. Гориневскій.
глазнымъ болѣзнямъ Ан. Яков. Исленко.
зубнымъ А. С. Рубиновичъ.

Врачи Тенишевского училища

**ИЗ ИСТОРИИ «ДРОВАНОГО АЛЬБОМА»
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)**

ЕКАТЕРИНА ИВЛЕВА, 10 КЛАСС, «МАЛАЯ АКАДЕМИЯ», КРАСНОДАР

РУКОВОДИТЕЛИ: **НАТАЛЬЯ ЯКОВЛЕВНА ПАСКЕВИЧ**,
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА ИВЛЕВА, ПЕДАГОГИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ «МАЛОЙ АКАДЕМИИ», КРАСНОДАР

В фондах Пушкинского Дома хранится так называемый «Дровяной альбом» — один из свидетелей исторической судьбы Петрограда в первые годы советской власти. Этот альбом принадлежал моему прапрадеду Д. С. Левину, и на его страницах — уникальные автографы: шуточные стихотворения-экспромты о дровах, сочиненные и собственноручно записанные известными поэтами. Авторами стихотворений были работавшие в издательстве «Всемирная литература» (перечисление соответствует последовательности в альбоме) Н. О. Лернер, Н. С. Гумилёв, А. А. Блок, К. И. Чуковский, Н. А. Оцуп, Ф. К. Сологуб, А. В. Амфитеатров, М. А. Кузмин, а также два поэта-сатирика из журнала «Смехач», выпускавшегося издательством «Гудок», ленинградское отделение которого Д. С. Левин возглавил, уйдя в 1923 г. из «Всемирной литературы»: И. К. Прутков (псевдоним Б. В. Жирковича) и А. д'Актиль (псевдоним А. А. Френкеля).

Об альбоме всегда помнили в нашей семье, рассказывали и мне. В семейном архиве мне удалось обнаружить редкую фотографию, на которой на праздновании юбилея Максима Горького вместе с моим прапрадедом запечатлены литераторы, о которых пойдет речь ниже.

4 сентября 1918 г. в Петрограде Максимом Горьким было создано издательство «Всемирная литература», просуществовавшее до 1924 г. (В 2018 г. издательству исполнилось сто лет, и этому событию было посвящено три выставки: в Музее-квартире А. А. Блока, Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и в Доме-музее К. И. Чуковского в Москве.)

Целью его создания был не только перевод и выпуск книг, но и поддержка творческой интеллигенции в тяжелых материальных условиях.

После революции в город прекратились поставки топлива, зима была суровой, были введены пайки для различных групп

населения. Интеллигенция снабжалась продуктами в последнюю очередь, а часто и вовсе оставалась без пайка. В таких условиях издательство оказалось привычным кругом прежних друзей и знакомых, а главное — местом, где литераторам оказывали материальную поддержку.

Давид Самуилович Левин (1891–1928) заведовал хозяйственно-техническим отделом «Всемирной литературы». Он обеспечивал издательство и его работников продовольствием и дровами.

Д. С. Левин родился в семье владельца переплетной мастерской, которая располагалась на улице Троицкой (сейчас — Рубинштейна), учился в университете в Германии, вольноопределяющимся артиллеристом участвовал в Первой мировой войне, работал в издательстве газеты «Новая жизнь», а в 1919 г. по приглашению Горького перешел в издательство «Всемирная литература».

Сначала издательство располагалось на Невском, 64, в бывшей конторе той самой газеты «Новая жизнь», но к зиме переехало в здание на Моховой, 36. Редакционные собрания проходили по вторникам и пятницам «вокруг длинного стола, покрытого красным сукном»; члены коллегии под председательством Горького «тщательно обсуждали те книги, которые надлежало выпустить в ближайшие годы» [7].

В письмах и воспоминаниях сотрудников сохранились свидетельства о деятельности Давида Самуиловича Левина. Так, в письме А. Н. Тихонова, заведующего издательством, Е. П. Струковой, секретарю издательства, есть такое поздравление: «Поздравляю Вас с рыбой прочими радостями Петроградского жития» [1]. Речь, вероятно, идет о командировке Д. С. Левина в Мурманск — для того, чтобы доставить туда книги издательства и привезти обратно мурманскую рыбу для сотрудников «Всемирной литературы». Кроме рыбы, Левин смог достать в Мурманске и дрова, которые он доставил в Петербург. В историко-биографическом альманахе «Прометей» в 1967 г. в статье «Поэты о дровах» [3] Ю. Д. Левиным было опубликовано командировочное удостоверение Д. С. Левина в Мурманск (илл. 3).

Чуковский так отзывался о Левине в своей знаменитой «Чукоккале»: «очень милый молодой человек, каким-то чудом добывавший для нас, “всемирных литераторов”, дрова» [6].

В холодную зиму 1919–1920 гг. и возник альбом, который впоследствии получил название «Дровяного».

Альбомная культура является одной из линий развития «культуры быта» — именно поэтому альбомы, подобные «Дровяному», становятся свидетельством культурной жизни эпохи. А то, что темой стихотворных посвящений стали дрова, объясняется должностью, которую Левин занимал в издательстве. В обледеневшем, промерзшем насквозь Петрограде дрова ценились на вес золота. Поэтому неудивительно, что в морозную зиму 1919–1920 гг., когда «дровяник» Левин решил завести альбом, основным его содержанием стала «дровяная» тема. О возникновении этого альбома К. И. Чуковский писал в дневнике от 23 ноября 1919 г.: «Теперь Левин завел альбом, и ему наперебой сочиняют стишки о дровах — Блок, Гумилев, Лернер» [5].

Записи в альбоме позволяют реконструировать условия жизни и личные отношения литераторов в этот период. «Альбом Д. С. Левина — документ эпохи, который дает возможность представить, пусть несколько односторонне, обстановку тех лет. Он показывает, что в тяжелых условиях жизни русские литераторы сохраняли в полной мере чувство юмора» [2]. Т. А. Кукушкина отмечала, что, «пожалуй, ни в одном из литературных объединений 1920-х гг. не бытовало такое многообразие “домашней”, кружковой литературы... как в созданном М. Горьким издательстве “Всемирная Литература”» [1].

Помимо альбома Д. С. Левина, в издательстве существовали еще два подобных альбома (В. А. Сутугиной и Р. В. Руры), но они появились позже, чем альбом Левина.

Альбом Д. С. Левина поступил в Пушкинский Дом в 2002 г., передан сыном владельца, профессором Ю. Д. Левиным. Хранится под шифром: ф. 865, архив Ю. Д. Левина. Поступление № 34, 2002.

Внешне «Дровяной альбом» представляет собой мини-альбом, больше похожий на блокнот, небольшой по размеру: 21 x 14 см, толщина 3 см (илл. 4).

Черный кожаный переплет, золотой обрез, белые муаровые авантюлы. Записи расположены в хронологическом порядке: с осени 1919-го по зиму 1925 г. Заполненных страниц — всего 20.

1. Н. О. Лернер — 7/20 ноября 1919; стихотворение «Я открываю Ваш альбом, / Любезнейший товарищ Левин...».

2. Н. С. Гумилев — 20/XI 1919; стихотворение «Левин, Левин, ты суров! / Мы без дров...».

3. А. А. Блок — 21.XI.1919; стихотворение «Enjambements».

4. К. И. Чуковский — декабрь 1919 г.; стихотворение «О Розе (Васильевне) по прочтении стихов Гумилева и Блока, написанных в этом альбоме».

5. Ю. П. Анненков — зима 1919–1920, Петербург; рисунок-автошарж.

6. Аким Волынский — 4 декабря 1919; запись «Я не мастер парадокса и афоризма...».

7. Н. А. Оцуп — 11/XII.19 г.; стихотворение «Пророчески поэта / Сбываются слова...».

8. Ф. Сологуб — 16 декабря 1919 г.; стихотворение «Не надо дров — без них горишь / От лихорадки и от голода...».

9. А. В. Амфитеатров — 1919. XII, Петроград; стихотворение «Как прочитал / я Ваш альбом / Печален стал, / Нахмурысь лбом...».

10. Е. И. Замятин — 2-1-1920. СП.; миниатюра «Снег».

11. М. А. Кузмин — 2 февраля 1920; стихотворение «Я не любим “литературой” / Не раз я это замечал...».

12. В. А. Рождественский — зима 1920 (в статье Д. М. Климовой [2] ошибочно указано «3 июля», что нарушает идею хронологического порядка; при ближайшем рассмотрении удалось установить, что это «зима 1920»); стихотворение «Утро» с эпиграфом «Дав. Сам.! Здесь все пишут “о дровах”. Вы позволите и мне “о тепле”?».

13. Ф. Д. Батюшков — 17 февраля 1920 г.; запись «Человек есть то, что он ест, сказал Фейербах. Прибавлю: и то, насколько он согрет, обут, одет...».

14. В. К. Шилейко — 20 марта 1920; запись «Истинное слово некрасиво, а красивое слово — неистинно...».

15. Неизвестный художник — 1923; рисунок.

16. И. К. Прутков — Ленинград 12 авг. 25 г.; басня «Дрова и революция».

17. Д’Актиль — 1925 (вместо 1919) «Смехач» (вместо «Вселита»); стихотворение «Что вижу? Все, чей стих напевен, / Кому дано пленять царевен...».

18. Н. Э. Радлов — рисунок с подписью «Последнее заседание “Смехача” на Литейном».

Альбом Давида Самуиловича Левина представляет собой довольно редкий эксперимент, когда множество поэтов посвящает свои стихотворения-экспромты одной теме — в данном случае такой, казалось бы, незначительной, как дрова. Однако в те годы вряд ли можно было отыскать тему более насущную.

Перелистаем вместе страницы «Дровяного альбома» и рассмотрим подробнее 4 записи, оставленные Гумилёвым, Блоком, Замятиным и Шилейко.

Важно отметить, что все приведенные тексты являются экспромтами, то есть литературными произведениями, созданными в момент исполнения без подготовки.

Экспромт Н. Гумилёва

Это стихотворение — единственное из всего альбома, которое не только не один раз публиковалось, но и анализировалось текстологами.

*Левин, Левин, ты суров,
Мы без дров,
Ты ж высчитываешь триста
Мерзких ленинских рублей
С каталей
Виртуозней даже Листа.
В пятисотенный альбом
Я влеком
И пишу строфой Ронсара,
Но у бледных губ моих
Стынет стих
Серебристой струйкой пара.
Ах, надежда всё жива
На дрова
От финляндцев иль от чукчей,
А при градусах пяти,
Уж прости,
Сочинять нельзя мне лучше.
Н. Гумилев*

20/XI 1919

Опубликовано впервые: Гумилев Н. С. Неизданное и несобранное / Сост., ред., коммент. М. Баскер и Ш. Греем; Худ. А. Ракузин.

Paris: YMCA-Press, 1986. С. 23. Публикация сделана по машинописи с искаженной четвертой строкой («Обесцененных рублей»), ошибочной датой («До ноября 1919»), снабжена примечанием: «Текст предоставлен нам анонимным русским собирателем» и информацией о том, что «это шуточное стихотворение находится в альбоме Д. С. Левина (1891–1928)».

В издательстве «Всемирная литература» Н. С. Гумилёв был членом коллегии экспертов и заведовал изданием французской литературы (совместно с А. Я. Левинсоном).

Этим стихотворением Гумилёв положил начало шуточному спору между ним, Блоком и Чуковским. Следующее стихотворение в альбоме как раз принадлежало перу Блока: «... не раз и не два здесь будут писаться слова: “Дрова”».

Д. Климова отмечает: «Перед нами типичная стихотворная шутка “на случай”. Заметим кстати, что задача текстолога и комментатора не зависит от жанра, темы и художественных особенностей произведения. И непритязательная шутка может дать ценные сведения о жизненной и творческой биографии писателя, его литературных пристрастиях и особенностях поэтики. В шутовском экспромте сквозит присущая Гумилёву изысканность. И если первая строка явно отсылает к пушкинской “Ветер, ветер, ты могуч...”, то строфика действительно заимствована у французского поэта Пьера Ронсара (1524–1585)» [2].

Ронсарову строфу иногда называют перевернутой секстиной (то есть это шестистишная строфа на три рифмы: ababcc, или abbacc). Легко сравнить схемы рифмовки: секстина — abbacc; ронсарова строфа — aabccb. Размер (слоговой метр), предпочтительный для этой формы, строго не обозначается: здесь всё на усмотрение самого автора. Гумилёв начинает стихотворение «пушкинским» 4-стопным хореем, и в остальных стихах двусложный ритм, характерный для хореев, полностью выдерживается. Соблюдает поэт и другое правило ронсаровой строфы: 2-й и 5-й стихи должны быть укороченными.

В целом стихотворение получилось лёгким, ритмичным, «танцующим»; даже о невероятных трудностях жизни лирический герой говорит с усмешкой. А упоминания Листа и Ронсара в совокупности с особой строфикой действительно придают произведению некую изысканность.

Цикл стихотворений Гумилёв — Блок — Чуковский нигде не был опубликован полностью. Труднее всего до читателей доходил экспромт Гумилёва. Причиной этому были запрет на его имя в советское время, а также фраза «мерзких ленинских рублей» из стихотворения, написанного в альбоме Левина. Во время «оттепели» Ю. Д. Левин пытался издать это стихотворение, изменив «дерзостную четвертую строку» безобидным «обесцененных рублей», но эта мера не помогла, стихотворение из печати было изъято [2].

«Изъято» на протяжении всей советской эпохи было не только творчество, но даже изображение Гумилёва. Так, на фотографии, сделанной Виктором Булла на праздновании юбилея М. Горького 16 марта 1919 г. (илл. 6) и запечатлевшей гостей, в числе которых были и сотрудники издательства (А. Блок, Н. Гумилёв, К. Чуковский, В. Рождественский, Е. Замятин, Д. Левин), лицо Гумилёва при публикации снимка подверглось ретуши (илл. 7). После ареста по подозрению в участии в заговоре и расстрела даже изображения Гумилёва были изъяты из официальных хроник. Ретушеры вносили изменения в ранее сделанные снимки, чтобы привести их в соответствие с требованиями политического режима и стереть изображения людей, ставших жертвами репрессий. Людей не только физически уничтожали, но и стирали их изображение из всех форм иллюстраций.

Но те, кто отдавал приказ ретушировать фотографию, вероятно, не предполагали, что в семейных альбомах участников памятного горьковского юбилея могли сохраниться подлинные снимки, сделанные рукой знаменитого петроградского фотохудожника. На этих снимках — подлинная история. А её ни стереть, ни ретушировать никому не удавалось

Экспромт А. Блока

Enjambements

Давид Самуильч! Едва

Альбом завели — голова

Пойдет у Вас кругом: не раз и не два

Здесь будут писаться слова:

«Дрова».

*Ал. Блок
21.XI.1919*

В издательстве «Всемирная литература» А. А. Блок был членом коллегии экспертов и заведовал изданием немецкой литературы (совместно с Ф. Д. Батюшковым и Ф. А. Брауном).

Опубликовано впервые: Блок А. Собр. соч.: В 12 т. / Примеч. Вл. Орлова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932–1936. Т. 12. 1936. С. 280, с примечанием: «Печатается впервые по списку, сообщенному частным лицом» (с. 301).

В этой прелестной миниатюре на 4 строки приходится 4 анжамбемана; три строки написаны 3-стопным, а одна — 4-стопным амфибрахийем; последнее слово «дрова» вынесено в отдельную строку и является самой сильной позицией текста; все строки связаны единственной рифмой: *едва — голова — два — слова — дрова.*

Экспромт Е. Замятина

Снег

Всю ночь — снег с неба. К утру — земля вылечится. К утру из насквозь процелованной — снова станет застенчивой синеглазкой с длинной косой, и всё — удивленное, новое, всё сначала: только дожить до утра.

Утро. Синий снег — весь изляпан сапожищами.

*Евг. Замятин
2–1—1920. СП.*

В издательстве «Всемирная литература» Е. Замятин был председателем коллегии экспертов, заведовал изданием англо-американской литературы (совместно с К. И. Чуковским).

Текст опубликован впервые Д. М. Климовой [2].

Поражает резкий контраст этой лирической зарисовки, окрашенной трагическими нотками, и шуточных посланий в альбоме. Перед нами не шутка, не игра, как у многих других авторов, а сильное и яркое художественное произведение.

Это настоящее стихотворение в прозе — ритмичное, мелодичное, красивое и очень эмоциональное. Антитеза *ночь — утро* подчеркивает абсурдность и жестокость происходящего в мире: лирический герой страстно мечтает дожить до утра, чтобы увидеть, как земля вылечится. Ночь — время, в поэзии традиционно ассоциируемое с хаосом, — должна смениться светлым утром, то есть временем обновления и гармонии. Но этого, увы, не происходит. Разговорная лексика еще больше усугубляет это ощущение

несбывшихся надежд: слова *изляпан сапожищами* словно перечеркивают все мечты героя.

Эти два заключительных слова важны и на фонетическом уровне текста. Они звучат явным диссонансом после тончайшей мелодии снегопада, построенной на аллитерации звуков [с] и [н]. Текст звучит гармонично, одно слово становится отзвуком, эхом другого: например, *снег с неба*. Поэтому грубые и неожиданные *ляп* (изляпан) и *жищ* (сапожищами) буквально режут слух.

В этом произведении явственно проявляется тяготение Замятина к эстетике экспрессионизма, представители которого стремились повышенно эмоционально, страстно выразить свою мысль о мире и неблагополучии человека в нем. «Искусство крика» — так образно называют экспрессионизм искусствоведы.

Как и художники-экспрессионисты, Замятин не дает детального изображения, а лишь намечает контуры, выделяя в описываемом объекте самое впечатляющее, ударное, самое существенное. Мы не найдем в тексте ни одной случайной детали. Метафора земли, тоже построенная на антитезе, — основной образ произведения. Но «крик», похожий на взрыв, мы слышим только в самом конце миниатюры, когда становится понятно, что все надежды рухнули.

Экспромт В. Шилейко

Истинное слово некрасиво, а красивое слово неистинно. Истинное добро несотворимо, а сотворимое не есть добро. Истинное знание непостижимо, а постижимое не есть знание.

(Дао-дэ-кинг)

20 марта 1920

В. Шилейко

В издательстве «Всемирная литература» В. Шилейко был членом восточной коллегии экспертов, куда был приглашен порекомендации Гумилева, с которым, как и с Лозинским, его связывали давние тесные дружеские и творческие отношения, в частности, совместная работа над ассиро-вавилонским эпосом «Гильгамеш».

Текст опубликован впервые Д. М. Климовой [2].

В. К. Шилейко обладал большим поэтическим даром и блестящим остроумием, однако в альбоме сделал запись серьезную, не имеющую ни малейшего отношения к дровам. Он поместил туда

собственный перевод заключительной, 81-й главы из древнекитайской философской книги «Дао-дэ-кинг», оказавшей сильное влияние на философскую мысль не только Востока, но и Запада.

Мы можем лишь догадываться о мотивах такого решения. Видимо, для Шилейко было очень важно оставить на память в альбоме свою версию прочтения и трактовки древнекитайской мудрости, поделиться ею с друзьями. При этом в общем контексте альбома данная миниатюра вовсе не выглядит диссонансом. Напротив, перевод становится своеобразным итогом, выводом о торжестве истинного Добра и истинного Слова над любыми, самыми жестокими обстоятельствами. Альбом Д. С. Левина — лучшее доказательство справедливости этой древней истины.

Итак, «Дровяной альбом», содержащий малоизученные и вовсе не известные автографы выдающихся литераторов начала XX в., представляет собою уникальный документ эпохи. В нем сохранены драгоценные отблески повседневной жизни и творческих отношений известных русских поэтов, писателей, переводчиков, художников в крайне тяжелое для страны время.

Альбом Левина во многом продолжает, хотя и в гротескной форме, традиции ушедшего жанра «литературного альбома» XIX в. Но вместе с тем он обладает рядом особых черт.

Во-первых, авторами его стали не «уездные барышни» или просто любители поэзии, а выдающиеся мастера слова — соответственно, каждый текст-экспромт в альбоме можно расценивать как полноценное художественное произведение.

Во-вторых, все авторы были членами одного творческого коллектива — коллектива издательства «Всемирная литература», собравшего и объединившего вокруг себя десятки единомышленников.

В-третьих, все тексты созданы в труднейшую, переломную эпоху военного коммунизма в Петрограде, особенно страдавшем от нехватки продовольствия и топлива. Поэтому шуточные и серьезные экспромты о дровах (и не только о дровах) являются еще и свидетельством стойкости, мужества, величия духа людей искусства, не покинувших страну в столь трудное время, а оставшихся делить с ней и горе, и радость.

Альбом Д. С. Левина с незаурядными именами и блестящими образцами жанра предстает перед читателем и исследователем

как единое целое и дает огромные возможности для текстологического и литературоведческого изучения.

Для меня исследование данного документа, находящегося в фондах Пушкинского Дома, является еще и глубоко личностным, поскольку это связано с биографией и профессиональной деятельностью моего родного прапрадеда Д. С. Левина.

Литература

1. Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов: (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры) / Публикация Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 341–402.

2. Климова Д. М. Альбом Д. С. Левина как элемент литературного быта Петрограда в первые годы советской власти // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 756–796.

3. Левин Ю. Д. Николай Гумилев и Федор Сологуб о дровах // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1997.

4. Левин Ю. Д. Поэты о дровах // Прометей. Вып. 4. М., 1967.

5. Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 128.

6. Чуковский К. И. Блок // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 томах. Т. 5. М.: Терра — Книжный клуб, М., 2001.

7. Чуковский К. И. Горький // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 томах. Т. 5. М.: Терра — Книжный клуб, М., 2001.

Удостоверение Левина Д. С., заведующего хозяйственно-техническим отделом издательства «Всемирная литература»

Семья Д. С. Левина (он в верхнем ряду слева; на фотографии также его отец, мать, брат, сестра с мужем и, вероятно, дочерью)

Ах, если бы наружу
Из песни их извлечь,
Развезть эту ступу
И эту печь замечь.

Увы! Они бесплодны —
Дрова горючки строф —
Вы первый раз бесплодны,
И Блок и Гумилев.

И вот поет Чуковский
О пламени моем, —
И мой удел таковский:
Не грею мы — поем!

Но если б эти * строки
Сменить на сажен пять,
Мы пламя в нашем блоке **
Сумею поддержать!

Ник. Оцуп

11/XII 19 г.

* Конечно, не только эти, но и предыду-
щие, — все согласен.

** Если писать с большой буквы «Блок»,
то пять сажен понадобятся для пшлания одно-
го Александра Александровича, а для Блока
всех дровосеков неизмеримо больше.
Поддерживайте всех поэтов, Давид Самуи-
лович!

Писатель-прозаик Александр Валентинович
Амфиатов (1862—1938) присоединился к
поэтам и написал стихотворение:

Магаришкото
Всемишная Литература
— Издаваема в София —

№ 2329

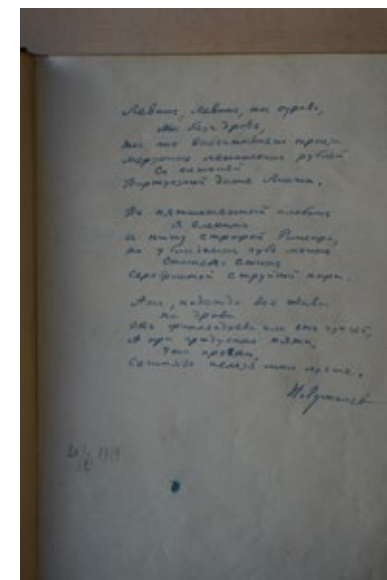
Книга 22-го том 1-а

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Настоящи Издавателство "ВСЕМИШНА ЛИТЕРАТУРА" - Государственное Издавателство, удостоверяет, что пред капиталом сего даяма Самойлови Д. Е. В. И. И. командирован в город ЮУМАНСК в Партом Р. И. П. для доставки книг Издавателства "ВСЕМИШНА ЛИТЕРАТУРА".

ЗАВЕДУЮЩИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ

Л. Горачин

Командировочное удостоверение Д. С. Левина

Страница «Дровяного альбома» с экспромтом Н. Гумилева

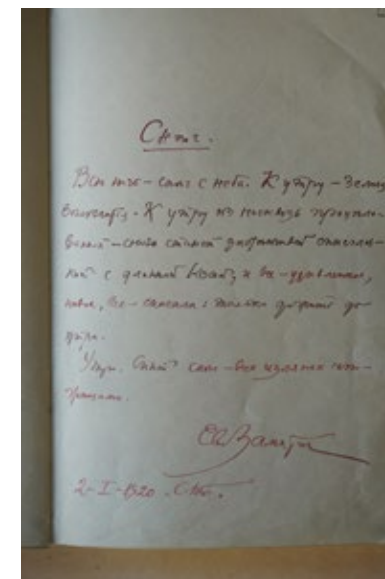
Обложка «Дровяного альбома»

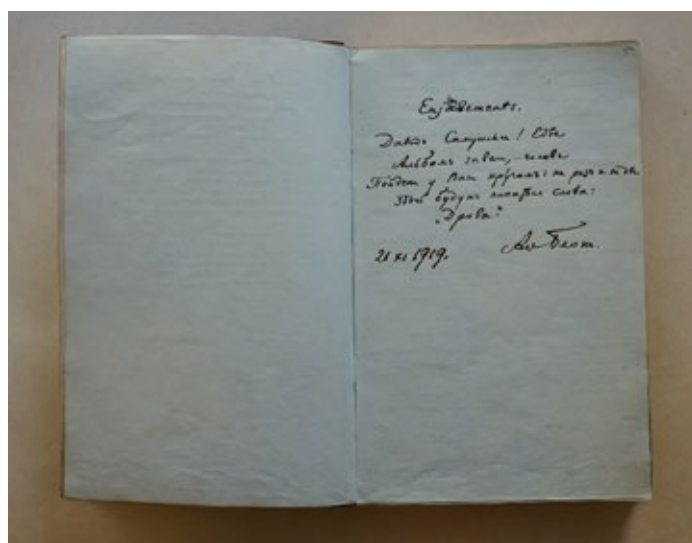
Празднование юбилея М. Горького 16 марта 1919 г.
Фото В. Булла. Снимок из архива семьи Левиных

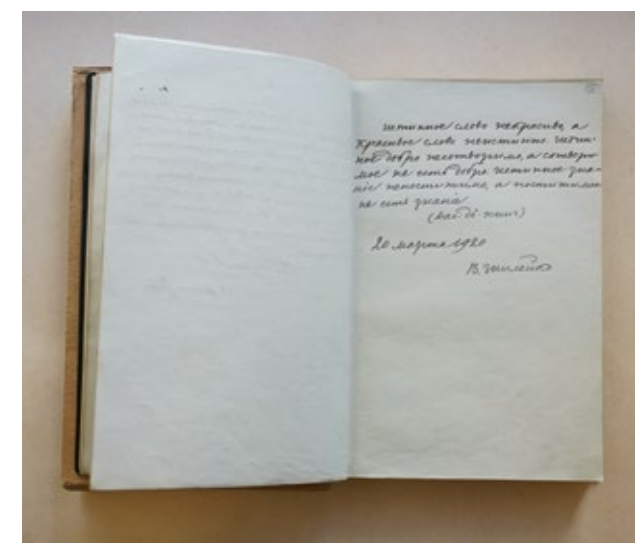
Празднование юбилея М. Горького 16 марта 1919 г.
Отретушированное фото

Страница «Дровяного альбома с экспромтом Е. Замятина

Страница «Дровяного альбома» с экспромтом А. Блока

Страница «Дровяного альбома с экспромтом В. Шилейко

**АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕГЕЛЛО — АРХИТЕКТОР-КОНСТРУКТИВИСТ
(ПИСЬМА Н. В. ГЕГЕЛЛО ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО ДВОРЦА
ТВОРЧЕСТВА ЮНЫХ)**

Николай Скрипко, 8 класс, школа № 355, Историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ, Санкт-Петербург

Руководитель: **Мария Михайловна Осипова**, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», Санкт-Петербург

Моё исследование посвящено жизни архитектора Александра Ивановича Гегелло (1891–1965) — автора таких работ, как Дворец культуры имени А. М. Горького, Дворец культуры и техники имени И. И. Газа, памятник В. И. Ленину «Шалаш» и др. Однако его биография не получила широкого освещения в литературе.

В ходе работы я использовал книгу самого А. И. Гегелло «Из творческого опыта: Возникновение и развитие архитектурного замысла», а также архивные документы: личный листок по учёту кадров А. И. Гегелло из ЦГАИПД СПб, эвакуационную карточку и письма его жены, Нины Васильевны Гегелло, хранящиеся в музее истории Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных. В этой статье я хотел бы рассказать подробнее о её письмах, поскольку эти документы стали для меня ценным источником, дополняющим биографию архитектора.

А. И. Гегелло был эвакуирован из блокадного Ленинграда в Новосибирск в ноябре 1941 г. Из имеющихся источников и литературы мне удалось узнать лишь то, что Гегелло занял там должность главного архитектора и уполномоченного по Новосибирской области, осуществил три проекта, за что был награждён грамотой и вернулся обратно в Ленинград в ноябре 1943 г. [2, с. 3 об; 1, с. 375]. Однако в изучении данного периода жизни архитектора мне помогли два письма его жены (1942 и 1943 гг.), Нины Васильевны Гегелло, которая была театральной и книжной художницей, а также организатором в Аничковом дворце театра кукол [3]. Давайте подробно рассмотрим их.

Письмо 1942 г. написано чернилами синего цвета, а 1943 г. — красными. Читаются они достаточно легко: почерк аккуратный, разборчивый, среднего размера, с правым наклоном и высокой связностью. Однако в некоторых местах обоих документов

чернила размылись или выцвели, края листов неровные, видны следы от складывания бумаги в треугольник. На лицевой стороне письма 1943 г. находятся пять штемпелей: четыре круглых и один прямоугольный.

Дата написания первого письма — 17 июля 1942 г., второго — 15 февраля 1943 г., то есть первое письмо было написано во время блокады Ленинграда, а второе — после ее прорыва (18 января 1943 г.), но до полного снятия. Так как это личные письма, то тип документа неофициальный. Из их содержания становится известно, что они отправлялись Н. В. Гегелло из Новосибирска её воспитаннику из Ленинградского Дворца пионеров Всеволоду Панфиленко в блокадный город с той целью, чтобы узнать, как он поживает, а также попросить написать ей о тех людях, которые были дороги Н. В. Гегелло и с которыми был знаком В. Панфиленко (она спрашивает, живы ли они, как у них дела, по возможности просит указать их адреса).

Благодаря этим письмам я дополнил биографию А. И. Гегелло и описал историю его жизни во время эвакуации.

Письмо от 17 июля 1942 г. помогло мне установить следующее:
— семья Гегелло в проживала в Новосибирске по следующему адресу: Коммунистическая улица, д. 26, кв. 26 [Л. 1];

— Н. В. Гегелло занимала должность старшего руководителя группы на оздоровительной площадке сада им. И. В. Сталина для детей фронтовиков; О себе в то время она пишет: «...а меня не узнаешь, т. к. я стала худенькой седенькой старушкой»¹ [Л. 1 об.];

— семья Гегелло в течение 4 месяцев не знала, где находится их дочь Юлия. О дочери она пишет следующее: «Но наконец ее [Юлию] нашли и она явилась к нам, выросшая поздоровевшая, — все время она работала в колхозе; учится приходилось мало и теперь наверстываем летом, сдаем [экзамены] за 8 класс в школе для взрослых» [Л. 1 об.];

— Н. В. Гегелло сообщает, что ее муж очень много работает, а комнату, где они жили вместе с дочерью, сравнивает с каютой парохода. [Л. 1 об.]

Благодаря письму от 15 февраля 1943 г. Всеволоду Панфиленко, который проживал в Ленинграде, на пр. Огородникова (ныне — Рижский пр.), д. 12, кв. 9 [Л. 1], я узнал, что:

¹ Здесь и далее сохранена орфография автора.

— адрес проживания семьи в Новосибирске остался прежним, а Н. В. Гегелло по постановлению Горисполкома была назначена «зам. директора по учебной части, вновь организуемого дворца Пионеров» [Л. 1 об.];

— семье Гегелло уже было известно о прорыве блокады: «Счастливы и рады так, что и словами не выразишь, что наконец то блокада родного города прорвана» [Л. 1 об.];

— после двух месяцев колхозной жизни А. И. Гегелло похудел и переболел ревматизмом, а их дочь продолжала учиться и вела всё хозяйство [Л. 1 об.];

— А. И. Гегелло, по-видимому, знал многих друзей и учеников жены. В завершение автор письма Нина Васильевна пишет В. Панфиленко: «Мы все тебя очень часто вспоминаем» [Л. 1 об.].

Данные письма не содержат информации, которая противоречила бы сведениям, полученным из других источников. Они помогли узнать о том периоде жизни А. И. Гегелло и его семьи, когда они были эвакуированы из блокадного Ленинграда в Новосибирск (ноябрь 1941 — ноябрь 1943).

Текст моего исследования передан в музей истории Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных.

Музейные предметы

Письмо Н. В. Гегелло Всеволоду Панфиленко. 17.07.1942 г. // Музей истории Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных. ОВ П-10 К 46. – 1 л.

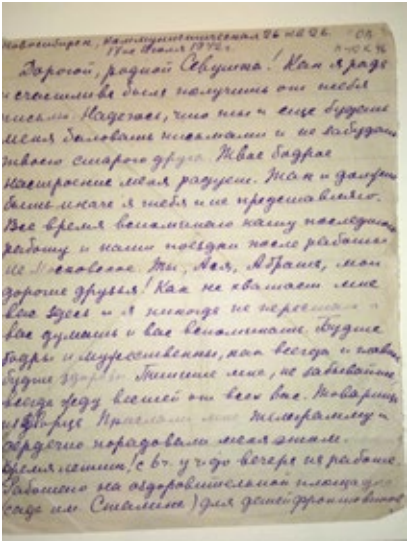
Письмо Н. В. Гегелло Всеволоду Панфиленко. 15.02.1943 г. // Музей истории Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных. ОВ П-10 К 46. – 1 л.

Литература

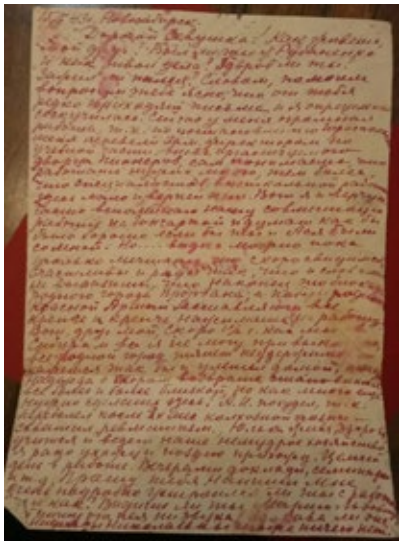
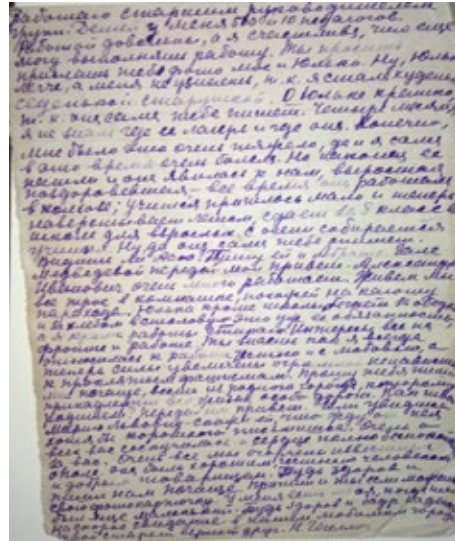
1. Гегелло А. И. Из творческого опыта: Возникновение и развитие архитектурного замысла. Л.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962.

2. Личный листок по учету кадров А. И. Гегелло. 23.12.1943 г. // ЦГАИПД СПб. Л. 3–4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://spbarchives.ru/architecture_3.1 (дата обращения: 12.09.2020).

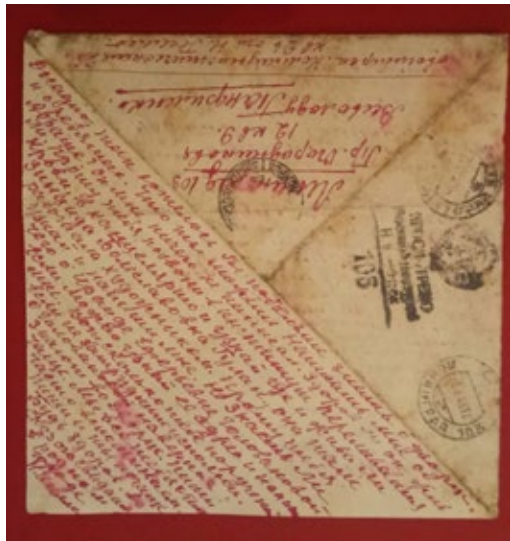
3. О театре // Театр Кукол. Аничков дворец. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tkad.spb.ru/about/> (дата обращения: 27.03.2019).

Письмо Н. В. Гегелло. 1942

Письмо Н. В. Гегелло. 1943

**Музейный экспонат: живой голос истории
(по архивным документам школьного музея
«Из истории гимназии № 402»)**

Дмитрий Крюков, 8 класс, гимназия № 402, Санкт-Петербург
Руководители: **Галина Ивановна Сулягина, заведующая музеем**
«Из истории гимназии № 402», Галина Алексеевна Ефремова,
документовед музея «Из истории гимназии № 402»,
Санкт-Петербург

Свою работу в качестве экскурсовода в музее «Из истории гимназии № 402» я начал, будучи учеником 7 класса. Музей был открыт в 2014 г., но экспонаты для него собирались в течение десятилетий. В экспозиции музея можно увидеть редкие подлинные документы, свидетельствующие о директорах и учителях школы, о ее выпускниках, об истории самой школы за 100 лет её существования.

Среди учителей, которые много лет отдали педагогической деятельности, — Нина Николаевна Морозова, проработавшая в школе около 30 лет. Н. Н. Морозова была участником Великой Отечественной войны, бойцом 212 Отдельной роты МПВО, директором блокадной вечерней школы рабочей молодёжи г. Колпино.

В музее истории гимназии № 402 хранится удостоверение об окончании Ниной Николаевной Морозовой в 1927 г. Борисоглебской советской единой трудовой школы второй ступени № 2 [13]. Этот документ и стал для меня отправной точкой для исследования жизненного пути человека, чья судьба была неразрывно связана с судьбой страны и нашей школой № 402.

Основные источники, использованные мной в исследовательской работе, это документы и фотографии из личного дела Н. Н. Морозовой [13], трудовая книжка [17], статьи из местных газет и журналов [4; 9], а также книги колпинских авторов-краеведов [1; 2; 5; 6; 7; 8]. Все эти материалы хранятся в школьном музее и в архиве гимназии.

Сотрудники школьного музея познакомили меня с двоюродной правнучкой Н. Н. Морозовой — Ольгой Викторовной Кирюшиной, работающей в нашей гимназии учителем начальных классов. Встреча с ней, интервью [19], некоторые документы из семейного архива позволили больше узнать о моей героине.

Родилась Нина Николаевна Морозова 7 января 1910 г. (25 декабря 1909 г. по старому стилю) в селе Станичная Слобода Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в семье крестьян. Позже ее отец, Морозов Николай Иванович, стал работать машинистом на железной дороге; мать, Мария Васильевна, была домохозяйкой. Семья состояла из девяти человек. Из семерых детей Нина была самой младшей. У неё было два брата: старший — Дмитрий и младший — Николай. Особенно дружна Нина была с сёстрами Надей и Женей. В автобиографии Нина Николаевна пишет: «Помогали маме все. Особенно трудно стало, когда умер отец. Ему было всего 54 года. Заботу о семье взял на себя старший брат — Дмитрий. Он был к нам, малышам, очень требователен, строго следил, чтобы мы прилежно учились и помогали маме по хозяйству. По окончании школы первой ступени я продолжила учебу» [13]. В 1922 г. Нина Морозова поступила в Борисоглебскую советскую единую трудовую школу второй ступени № 2 и через пять лет (в 1927 г.) успешно ее окончила.

Я бы хотел обратить ваше внимание на экспонат нашего музея — пожелтевший, с оборванными краями, на котором можно увидеть штамп, печати и прописанную от руки чернилами фиолетового цвета дату: 28 мая 1928 года. Именно это удостоверение о начальном образовании дало Н. Н. Морозовой путёвку в жизнь, определило её дальнейший жизненный путь, связанный с педагогической деятельностью. Добросовестная, трудолюбивая, Н. Н. Морозова получила возможность продолжить обучение на педагогических курсах, а затем успешно окончить Воронежский аграрно-педагогический институт с дипломом учителя русского языка и литературы. (Я сделал запрос в Воронежский государственный педагогический университет (такой статус получил в 1993 г. аграрно-педагогический институт Воронежа) и получил оттуда копию записи из регистрационного журнала о выдаче Н. Н. Морозовой в январе 1941 г. диплома [18]).

Начавшаяся Великая Отечественная война нарушила мирную жизнь советских людей. Колпино стал городом-фронтом. Старшеклассники, учителя, оставшиеся в городе, работали на строительстве оборонительных сооружений, рыли окопы, траншеи, служили бойцами 212 Отдельной роты МПВО. Таким бойцом стала и Нина Николаевна Морозова. Она несла службу в различных

подразделениях: во взводе управления, была бойцом аварийной команды, дежурным диспетчером в пожарном взводе. В декабре 1942 г. Н. Н. Морозова была отозвана Колпинским РОНО из рядов МПВО для организации работы вечерней школы рабочей молодёжи и была назначена её директором [6]. Днём ученики вечерней школы стояли у станков, заменив ушедших на фронт старших братьев и отцов, а вечером садились за парты. Колпинцы назвали эту школу блокадной. В блокадной школе работала библиотека, а уроки вели оставшиеся в Колпине учителя и некоторые сотрудники Ижорского завода.

В мае 1944 г. состоялся первый выпуск учащихся вечерней школы. Их было всего семь человек.

В свою работу я включил фотографии и воспоминания тех людей, которые рука об руку работали с Н. Н. Морозовой. Именно они в 1944 г. принялись за восстановление родной школы — о чём свидетельствуют записи в личной книжке участника восстановления городского хозяйства Нины Николаевны Морозовой. С 1 сентября 1944 г. школа начала работать на Стахановской улице, дом 14. В здании на разных этажах располагалась и мужская, и женская школы. «Работать в мужской школе было непросто», — вспоминала Морозова, но педагогический коллектив пополнялся мужчинами-фронтовиками, которые часть трудностей взяли на себя.

Последний выпуск в этом здании школы состоялся в 1961 г. Педагогический коллектив переехал в новое здание — дом 18 на Тверской улице, где школа располагается и по сей день. Впереди были новые свершения, новые победы. Свой вклад в эти достижения внесла и Нина Николаевна Морозова, которая продолжала трудиться учителем русского языка и литературы. В 1966 г. Н. Н. Морозова выпустила свой последний класс и ушла на заслуженный отдых. Но со своими выпускниками она встречалась еще не один десяток лет [15].

На протяжении всей жизни она не стояла в стороне от общественных дел, работала в профсоюзной организации, была активным участником партийного бюро школы, принимала ленинские зачёты у старшеклассников, была постоянным ассистентом экзаменационных комиссий. А позже, будучи уже на пенсии, выступала перед учащимися на Уроках мужества. Имея многочисленные

военные награды, Н. Н. Морозова считала для себя святой медаль «За оборону Ленинграда».

Не последняя роль принадлежит Н. Н. Морозовой в создании Зала боевой славы, в сборе материалов для будущего Музея педагогической памяти Колпинского района на базе гимназии № 446 и музея «Из истории гимназии № 402».

Архивариус Музея педагогической памяти Н. Н. Махровская отмечала: «У неё было много друзей, и все, кто повстречался с этим замечательным человеком, запомнили её энергичной труженицей, неунывающей подругой, гостеприимной хозяйкой. Она сохраняла удивительную живость ума, жадный интерес к жизни, великолепную память» [4]. Н. Н. Морозова прожила долгую плодотворную жизнь и умерла на 94 году жизни. Похоронена она на Колпинском городском кладбище.

Музейные экспонаты хранят историческую память и могут передавать её следующим поколениям. Исследование такого экспоната, как удостоверение об окончании Н. Н. Морозовой в 1927 г. Борисоглебской советской единой трудовой школы, способствовало появлению новых экспонатов в школьном музее.

Все исследовательские работы, написанные учащимися нашей гимназии, позволяют углубиться в её историю. Навыки, приобретенные в работе с документами, их тщательное исследование, опыт общения с разными людьми, безусловно, пригодятся во взрослой жизни. Данная работа стала отправной точкой для проведения экскурсий о Н. Н. Морозовой, вызвала у других учащихся интерес к исследовательской деятельности.

Литература

1. Александров Н. А. Невыдуманные рассказы. СПб.: Петербург-Колпино, 2010.
2. Бранц Л. Ю., Бурим Л. Д., Ефимова Г. А. Колпино — город воинской славы. СПб.: КОВЧЕГ, 2012.
3. Лифшиц В. А. Миллион братьев: Стихи. Л., 1943.
4. Махровская Н. Н. Светлый человек // Ведомости Колпинского городского совета. 2003. 04 сент. С. 2.
5. Сизёнов Е. П. Морозова Н. Н. // Колпинцы. Историко-биографический справочник. СПб.: Серебряный век, 2009.

6. Сизёнов Е. П., Иволга Р. С., Ефимова Г. А. История Колпина. СПб.: Серебряный век., 2008.

7. Спасов О. Б. Полыхание. Девчонки на войне. Л.: Лениздат, 1989.

8. Черезов О. А., Дембовская Е. М., Ефимова Г. А. и др. Блокадные воспоминания // Помним. СПб.: Агат, 1995. С.106–109.

9. Яновская Е. Ф. Школа — вся её жизнь // Ижорец. 1990. 27 янв. С. 1.

Источники

Архивные материалы музея «Из истории гимназии № 402» (10–15):

10. Ф. 01: Личное дело Горбылёвой Т. В. Д.4. 1905–1974 гг. 79 л.

11. Ф. 01: Личное дело Гормаковой В. С. Д.5. 1953–1965 гг. 23 л.

12. Ф. 01: Личное дело Новосельской А. А. Д.9. 1947–1953 гг. 19 л.

13. Ф. 02: Личное дело Морозовой Н. Н. Д.17. 1939–1966 гг. 27 л.

14. Ф. 02: Личное дело Сулягиной Г. И. Д.24. 1961-н.в. 48 л.

15. Ф. 04: Материалы по истории школы. Воспоминания выпускников школы об учителях. Д.3. 22 л.

Архивные материалы музея педагогической памяти гимназии № 446 г. Колпино:

16. Личное дело Н. Н. Морозовой, папка 43.

Архивные материалы гимназии № 402

18. Ответ на запрос в отдел документации ВГПИУ.

19. Интервью с О. В. Кирюшиной, правнучкой Н. Н. Морозовой, и фотографии из семейного архива.

*Морозова Нина Николаевна, учитель русского языка и литературы
средней школы № 402, 1939 г.*

Удостоверение Н. Н. Морозовой об окончании школы в 1927 г.

Здание блокадной школы в г. Колпино, пр. Ленина, д.5

*Первый выпуск блокадной школы, 1944 г.
В нижнем ряду слева направо учитель Н. Н. Морозова*

Почетная грамота Н. Н. Морозовой, первому директору блокадной вечерней школы рабочей молодёжи, в честь 25-летнего юбилея, 1968 г.

**АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ — ПУТЁВКА В ЖИЗНЬ
(ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ
«ИЗ ИСТОРИИ ГИМНАЗИИ № 402»)**

Владислав Куричкис, 10 КЛАСС, ГИМНАЗИЯ № 402, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
РУКОВОДИТЕЛИ: **ГАЛИНА ИВАНОВНА СУЛЯГИНА**, ЗАВЕДУЮЩАЯ
МУЗЕЕМ «ИЗ ИСТОРИИ ГИМНАЗИИ № 402»,
ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА ЕФРЕМОВА, ДОКУМЕНТОВЕД МУЗЕЯ «ИЗ ИСТОРИИ
ГИМНАЗИИ № 402», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Со школьным музеем «Из истории гимназии № 402» меня связывают четыре года работы: экскурсии на разные темы, исследовательская деятельность. Наш историко-краеведческий музей небольшой, но в нём хранятся редчайшие и интереснейшие экспонаты.

В этом году предметом моего исследования стал один из таких документов — аттестат зрелости, выданный Анне Сергеевне Федосеевой, которая окончила нашу школу в 1941 г. Имя А. С. Федосеевой мне уже встречалось — в музее сохранились некоторые документы и фотографии выпускников 10-А класса 1941 г. Я поставил перед собой цель разыскать все возможные свидетельства о судьбе своей героини.

Жизнь А. С. Федосеевой, неразрывно связанная с историей страны, была наполнена яркими событиями. Благодаря тесным связям между школой и ее выпускниками, в архиве музея сохранились личное дело Федосеевой [15], переписка ее одноклассников, множество фотографий, документов, которые выпускница передала в музей [16]. Дополнительными источниками исследования послужили интервью с коллегами, с друзьями и студентами А. С. Федосеевой [18; 20; 21].

Я благодарен тем, кто поделился со мной сведениями о судьбе героини этого исследования. Особенная благодарность — дочери фронтового командира Федосеевой, И. Л. Ганкевич, которая передала в фонд школьного музея бесценные документы военной поры (красноармейскую книжку, наградные документы, справки военных лет [17]), и соседке Федосеевой, С. М. Михайловой, поделившейся своими воспоминаниями [19]. Кроме того, я воспользовался документами из личного дела А. С. Федосеевой, хранящегося в архиве СПбГУКиТ [10]. Все эти материалы нашли отражение в исследовательской работе.

Но всё начиналось с документа — аттестата зрелости. Как экспонат школьного музея «Из истории гимназии № 402» он представлен в витрине раздела экспозиции, который носит название «Завтра была война» и всегда вызывает особый интерес у экскурсантов.

Анна Сергеевна Федосеева, владелица аттестата, окончила школу блестяще, с одной лишь оценкой «хорошо» (по рисованию). Но моё внимание в первую очередь привлек сам бланк аттестата, на котором текстовая часть документа напечатана поверх герба СССР.

Согласно административно-территориальному делению СССР в 1936 г. в состав Советского Союза входили 11 союзных республик. Поэтому в изображении герба на лентах, обвивающих колосья, лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» написан на языках народов 11 союзных республик: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР, Таджикская ССР, Казахская ССР и Киргизская ССР. Таким образом, можно сделать вывод, что бланк аттестата был напечатан в типографии до 1940 г. — именно тогда, когда в состав СССР входили эти 11 союзных республик. Изучение этого герба стало для меня в какой-то степени открытием.

Я решил сравнить перечень предметов в аттестате А. С. Федосеевой с предметами, которые вписываются в современный аттестат об окончании средней школы. Прошло почти 80 лет! И количество предметов практически не изменилось — изменились названия некоторых из них. Так, вместо алгебры появился предмет «алгебра и начала анализа», вместо естествознания — биология. Ряд предметов сегодня исчез из школьных аттестатов: арифметика, тригонометрия, естествознание, Конституция СССР, геология и минералогия, рисование, черчение, военное дело. Однако появились другие: информатика и ИКТ, обществознание (включая экономику и право), искусство (МХК), физическая культура, ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности). Кроме того, в классах гуманитарного направления в нашей гимназии изучаются два иностранных языка, и оба вписываются в аттестат.

После перечня предметов следует надпись, выполненная типографским шрифтом. Она гласит: «НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО

КОМИТЕТА ВКП(б) ОТ 3/IX 1935 г. — далее чернилами вписаны фамилия, имя и отчество: Федосеева Анна Сергеевна — ПОЛЬЗУЕТСЯ ПРАВОМ ПОСТУПЛЕНИЯ В ВЫСШУЮ ШКОЛУ БЕЗ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ». В левом углу аттестата стоит дата его выдачи: «14 июня» 1941 г.

Впереди была целая жизнь с её мечтами, надеждами. Но всё перечеркнуло одно слово — война. Всем выпускниками предвоенной поры пришлось пройти через страшные испытания военного лихолетья. А моей героине к началу Великой Отечественной было всего 18 лет!

Анна Сергеевна Федосеева родилась 4 мая 1923 г. в деревне Третьяково Духовщинского уезда Смоленской губернии. Ее отца звали Сергей Петрович Федосеев, сведений о матери не сохранилось. У Анны была старшая сестра Марина.

Когда девочке ещё не исполнился год, родители перевезли её в Колпино, на родину отца. Отец был потомственным кузнецом и работал на Ижорском заводе [14]. Семья проживала в Колпине, на улице Пролетарской, дом 4.

В 7 лет Анна Федосеева пошла в школу, которая располагалась на улице Володарского, дом 4, в класс нулёвок. В 1932 г. умер отец, и мать с детьми уехала к родителям в деревню в Смоленской области, где девочки продолжили учёбу. Вернулись в Колпино они лишь в 1936 г. Анна вернулась в родную школу, в новое здание на Стахановской улице, дом 14 [3; 4; 6; 9], в знакомый ей коллектив. 20 июня 1941 г. состоялся выпускной бал, к которому активно готовились учащиеся двух десятых классов. И никто из них не предполагал, что вместе с окончанием школы заканчивается счастливая юношеская пора и начинается пора испытаний на зрелость, проверка того, что воспитала страна, воспитала школа, на что неоднократно указывает А. С. Федосеева в своих воспоминаниях и статьях... [7; 8].

Начало трудовой деятельности Федосеевой связано с работой на Ижорском заводе. Но уже в конце 1941 г. моя героиня с частью рабочих Ижорского завода была эвакуирована в Саратов, где работала на заводе № 180 и откуда была командирована на курсы шоферов: работала в транспортном цехе, перевозила снаряды. В 1943 г. была направлена в освобождённый Воронеж вместе с полевой

танкоремонтной бригадой, а в 1944 г. добровольцем отправилась в действующую армию вместе с 4 подвижным танкоремонтным заводом (ПТРЗ), в должности инженера-экономиста.

Дочь фронтового командира нашей героини, Ирина Леонидовна Ганкевич, рассказала мне и работникам школьного музея об этом периоде жизни А. С. Федосеевой. И. Л. Ганкевич отмечала, что её отец, Леонид Петрович Ганкевич, высоко отзывался о личных качествах и способностях Анны Сергеевны: «Блестящая память, эрудиция, начитанность, трудолюбие, склонность к изучению иностранных языков делали её незаменимым сотрудником». Великую Отечественную войну она закончила в поверженном Берлине. И. Л. Ганкевич передала в музей гимназии № 402 подлинники документов, указывающих на то, что А. С. Федосеева участвовала в боевых действиях и на Дальневосточном фронте.

Демобилизовалась Федосеева в октябре 1945 г. — и в 1946 г. стала студенткой химико-технологического факультета Ленинградского института киноинженеров по специальности «технология кинофотоматериалов». Институт она окончила в 1951 г., и через пять лет была направлена в аспирантуру Берлинского университета имени Гумбольдта, которую успешно окончила в 1961 г., защитив на немецком языке диссертацию и получив диплом доктора естественных наук [10]. На основании этого в СССР ей была присвоена учёная степень кандидата химических наук.

Все последующие годы, вплоть до ухода на пенсию в 1993 г., Анна Сергеевна Федосеева связала с родным институтом, где после возвращения из ГДР руководила лабораторией, став в 1964 г. старшим преподавателем, а в 1966 г. доцентом кафедры органической, физической и коллоидной химии, читала лекции, проводила семинарские занятия. А. С. Федосеева является автором многих научных трудов. За участие в подготовке специалистов и многолетний добросовестный труд ей было присвоено звание «Отличник кинематографии СССР» с вручением нагрудного знака.

Анна Сергеевна Федосеева была очень энергичным человеком, много путешествовала. В 2003 г. была в качестве почётного гостя приглашена на празднование 85-летия СПбГИКиТ. Тринадцать медалей и орден Отечественной войны II степени говорят о её вкладе в Победу и процветание Отечества.

Так, от одного документа, аттестата зрелости, я сумел проследить судьбу бывшей выпускницы 402 средней школы Анны Сергеевны Федосеевой. Благодаря этому исследованию экспозиция музея пополнилась новыми экспонатами.

Литература

1. Багаева Г. Г., Блюмберг И. Б., Федосеева А. С. Душевое окрашивание матриц при гидротипном способе обработки цветных фильмов // Труды Ленинградского института киноинженеров. Л., 1959. С. 219
2. Брензей С., Меньшиков Д. Вечный костёр молодости // Ижорец. 1971. 18 мая. С. 2.
3. Блюм Р. Н. Сердцем прикоснувшись к подвигу // Ижорец. 1969. 01 февр. С. 3.
4. Кокарцев В. К. Любимые её ученики // Ижорец. 1969. 15 февр. С. 4.
5. Сизёнов Е. П., Добронравов Б. К., Недилько С. П., Новосельская А. А., Сашонко В. Н., Шабан Б. Т. // Колпинцы. Историко-биографический справочник. СПб.: Серебряный век, 2009.
6. Сизёнов Е. П., Иволга Р. С., Ефимова Г. А. История Колпина. СПб.: Серебряный век., 2007.
7. Федосеева А. С. Всем хорошим во мне я обязана школе...// Ижорец. 1969. 22 февр. С. 3.
8. Федосеева А. С. Памяти друга // Рэм Блюм. Избранные статьи. В воспоминаниях: [сайт] / Анна Федосеева. 2005. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://muuseum.jewish.ee/Culture/Blum%20Fedoseeva.pdf> (дата обращения: 16.12.2019).
9. Яновская Е. Ф. Первая Образцовая школа // Окно. 2005. 24 нояб. С. 4.

Источники

10. Архив Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. Ф. 4802: Личное дело Федосеевой А. С. Д. 286. 1951–1993 гг. 61 л.
11. Архив школьного музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 01: Личное дело Горбылёвой Т. В. Д. 4. 1905–1974 гг. 79 л.
12. Архив школьного музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 01: Личное дело Новосельской А. А. Д. 9. 1947–1953 гг. 19 л.

13. Архив школьного музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 02: Личное дело Морозовой Н. Н. Д. 17. 1939–1965 гг. 27 л.

14. Архив школьного музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 03: Материалы о выпускниках школы. Личное дело Федосеевой А. С. Д. 17. 89 л.

15. Архив школьного музея «Из истории гимназии № 402». Ф.04: Материалы по истории школы. Д.3. 22 л.

16. Личный архив Ирины Леонидовны Ганкевич (фотографии, документы).

17. Интервью с Ириной Леонидовной Ганкевич, дочерью фронтового командира А. С. Федосеевой.

18. Интервью со Светланой Михайловной Михайловой, соседкой А. С. Федосеевой.

19. Интервью с к.т.н. Наталией Константиновной Рясинской (Чернышёвой), бывшей студенткой, затем коллегой А. С. Федосеевой.

20. Интервью с доктором химических наук Игорем Георгиевичем Чезловым, профессором и коллегой А. С. Федосеевой.

Аттестат зрелости А. С. Федосеевой об окончании 402 средней школы Колпинского района г. Ленинграда. Дата выдачи: 14 июня 1941 г.

Фотография учащихся выпускного 10-А класса с классным руководителем Марией Григорьевной Сычёвой, 1941 г. (Аня Федосеева — во втором ряду вторая слева)

А. С. Федосеева среди сослуживцев (второй ряд, вторая слева)
Леонид Петрович Ганкевич (первый ряд, в центре), 1944–1945 гг.

Справка об участии А.С. Федосеевой в штурме Берлина, 1945 г.

**ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ И ЛИЧНОСТЬ
В ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ УЧАЩИХСЯ
ВТОРОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ
ВТОРОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ)**

НИКИТА ХИЖНЯК, 9 класс, Вторая Санкт-Петербургская Гимназия
Руководитель: **Ирина Михайловна Денисова**, руководитель
Мемориального музея истории Второй Санкт-Петербургской
Гимназии

Мемориальный музей истории Второй Санкт-Петербургской Гимназии хранит многие вещи, которые помогают нам воссоздать мир образования XIX и XX вв. Учебники, дневники, тетради, фотографии позволяют нам узнать, чему и как учили гимназистов раньше.

Среди находящихся в музее экспонатов есть такие, которые ярко отражают время, сквозь которое, словно сквозь призму, преломляются исторические события и человеческие судьбы.

В коллекции нашего музея самыми интересными с этой точки зрения экспонатами я бы назвал машинописные журналы, которые выпускали сами гимназисты. Мы, к сожалению, не знаем, с какой периодичностью они выходили, сколько всего номеров было выпущено. Журналы интересны сами по себе, но особенно тем, что сохранившиеся номера были созданы в очень непростое время: в период Первой мировой войны — в 1914 г. и в начале 1917 г.

В нашем музее есть сканированные с подлинников журналы № 2 и № 3 за 1914 г., которые были переданы потомками Сергея Астахова, окончившего гимназию в 1918 г., и подлинный журнал № 1 (январь-февраль) 1917 г., подаренный Юрием Александровичем Пантелеевым, также выпускником нашей гимназии, ставшим известным флотоводцем и адмиралом.

Журналы в мягких обложках, размером 17 см x 28,5 см. На внутренней стороне обложки — содержание сборника с указанием авторов. Записи в журналах 1914 г. сделаны от руки, в старой орфографии. Страница украшена рисунком: сверху — водная гладь, берег, маяк, слева — спасательный круг с надписью «АЛЕКСАНДР I», канат, якорь, бочки. Конечно, рисунок имел какой-то символический смысл. Быть может, он связан с тем, что средства от

продажи журнала предполагалось направить в помощь раненым: на обложке № 2 и № 3 имеется надпись «В пользу раненых».

На последней, 28-й странице сделана запись от редакции: «На первый номер журнала было затрачено 16 руб. 30 коп. Прибыль с этого номера равна 39 р. 91 к. Из этой суммы оставлено для будущего номера 14 руб. 25 коп., покрыта часть расходов, именно 11 руб. 80 коп. и отдано на содержание лазарета Гимназии Императора Александра I-го — 12 руб. 85 коп. за квитанцией № 322. Редакция»

Журналы, которые выпускали гимназисты, хочется рассмотреть и как средство помощи раненым, и как пример юношеского творчества.

Журналы за 1914 г. состоят из произведений учащихся. Некоторые из них — о войне, некоторые — рассказы и стихи на другие темы.

Гимназист А. Аникин поместил в журнале несколько произведений. Рассказ «Кому веселье, кому горе» начинается с описания прекрасной природы, которая позволяет человеку почувствовать себя счастливым, но в эту красоту вмешивается война — она приносит горе, дети остаются сиротами. Стихотворение А. Аникина «Не только наяву, но также и во сне» — с политическим подтекстом:

*Не только наяву, но так же и во сне,
Вильгельм с Россиею дерется.
И неудачи все несет.
Нарушен сон его былой, спокойный,
Победой бредит он несбыточной своей...*

Под Вильгельмом явно подразумевается Германия, бывшая во время Первой мировой войны противником России. Сопровождается стихотворение карикатурой. Смысл стихотворения и карикатуры: Вильгельм дерется с Россией, но ему не победить — зря мечтает.

Чем эти журналы могут быть интересны современному читателю или исследователю?

Ни один творческий объект не обходится без влияния своего времени. Но, изучая его, можно всё-таки многое узнать о прошлом. Журнал — это своеобразная летопись, которая несёт настроение времени и его идеологию.

Перелистаем страницы сохранившегося машинописного журнала за январь-февраль 1917 г.

Ю. А. Пантелеев, передавший этот журнал в дар гимназии, с детства мечтал стать моряком. В номере напечатан его рассказ «Развитие подводного плавания в России. Он помещен под псевдонимом Юредин, но позднее Ю. А. Пантелеев раскрыл псевдоним, написав свою фамилию рядом с псевдонимом на странице с оглавлением.

В очерках и рассказах этого номера журнала ярко проявляется тревожная атмосфера начала 1917 г.: все беспокойно, хочется перемен, вопросов намного больше, чем ответов. В номере есть размышления гимназистов о творчестве А. С. Пушкина и С. Я. Надсона, и свои мнения ученики высказывают очень откровенно.

К сожалению, журналы ничего не рассказывают о гимназической жизни. О том, что авторы учатся во Второй Санкт-Петербургской Гимназии, говорит только журнальная обложка.

И всё же, читая сохранившиеся журналы, мы можем увидеть наших сверстников в другой исторической эпохе, почувствовать их неравнодушный взгляд на происходящее.

Литература

1. Балашова Ю.Б. Школьная журналистика начала XX века как форма социально-культурной деятельности [Электронный ресурс] Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002977209.pdf (дата обращения: 07.03.2019).

2. Леденева Ж.А. К истории гимназической журналистики (по материалам российских педагогических журналов XIX-начала XX вв.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2010/01/2010-01-30.pdf> (дата обращения: 07.03.2019).

Обложки школьных журналов

Илл. 2. Рисунок на внутренней стороне обложки № 2, 1914

**ДЕТСКИЕ КАРАКУЛИ НА БЛАНКЕ УЧЕНОГО-ЭТНОГРАФА
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ ШКОЛЫ № 112
ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА)**

АЛЕКСАНДРА СОЛОВЬЕВА, 8 класс, школа № 112, ДДЮТ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **Ирина Борисовна Фурманова**, педагог ДДЮТ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Восстанавливая школьный музей, который на время переезда и ремонта школы приостанавливал свою работу, мне и моим друзьям из объединения «Юный экскурсовод» приходится разбирать старые фотографии, документы и письма. Так мне довелось познакомиться с папкой «Архив Богораза», в которой хранятся тетради и разрозненные листы со стихами, фронтовые «треугольнички» переписки Всеволода Богораза с отцом и матерью. Именно в этой папке нашелся один забавный документ.

Лист бумаги размером 23 x 30 см, на просвет имеет водяные знаки в виде надписи «оригинал» на английском языке по всей странице. Бумага пожелтела и находится в ветхом состоянии. Углы листа замяты, на нем имеются загрязнения, надрыв — справа до середины страницы по линии сгиба. В правом верхнем углу листа типографским способом напечатан шаблон для даты: «190_ год». Это помогло предположить, что листы для писем были заказаны в типографии около в 1900 г. и должны были бы служить своему владельцу с 1900 по 1909 г. Следовательно, этому листу более 110 лет! На листе имеется инвентарный номер № 475, сделанный красными следопытами в 1980 г., когда архив Богораза был передан в школьный музей.

Лист первоначально заказывался владельцем в типографии с фирменным оттиском: в верхнем левом углу в рамке размером 7 x 12 см расположен текст на английском и русском языках. Текст в рамке (прописью на английском языке, затем, через вертикальный пробел, оформленный виньеткой, на русском языке):

Владимиръ Германовичъ Богоразъ

ЧЛЕНЪ

СЪВЕРО-ТИХО-ОКЕАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

снаряженной

Американскимъ Музеемъ Национальной исторіи

при содѣйствіи
Императорской Академіи Наукъ
и Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества

Над рамкой простым карандашом написано печатными буквами (очевидно, детской рукой) слово «ПРЕДИСЛОВИЕ». Под рамкой — приписка (красной шариковой ручкой) «Дед Севы» (очевидно, сделана сыном В. Г. Богораза, Владимиром Владимировичем Богоразом). Рядом с рамкой находится детский рисунок, поверх которого — жирно и многократно обведенная чернилами детская ладонь. Моему брату 4 года и, сравнив его ладонь с ладонью, нарисованной на документе, я увидела, что ладонь автора рисунка значительно больше. Вероятно, автору рисунка было не меньше 6 лет. Всеволод Богораз, внук В. Г. и сын В. В. Богораза, родился в 1925 г. — следовательно, детский рисунок нанесен на документ не ранее 1931 г.

На оставшейся части листа — «сочинение» ребенка, написанное карандашом, печатными буквами. Оно озаглавлено: ЧЕЧ. (возможно, речь?) ГИТЛЕРА. Текст, расположенный под заглавием, обведен рамкой неправильной формы, вокруг которой нарисованы многочисленные штыки от ружей и фашистское знамя со свастикой. Внутри рамки слова (орфография источника сохранена): «НАСТУПАЙТЕ НАСТУПАЙТЕ НАСТУПАЙТЕ РЕЧ ГИТЛЕРА БУДЕТ ПРОВА ОРУЖИЯ БЕРИТЕ НА ЛАВОЧКУ КЛАДИТЕ И ИТИТЕ ТУДА» (Илл. 2).

На оборотной стороне листа — еще один детский рисунок (Илл. 3). Над рисунком надпись красной шариковой ручкой: «"Автографы" Севы. Ему 4 года». На рисунке изображены военные самолеты, военный транспорт, многочисленные фигурки вооруженных людей. Просматривая другие документы Всеволода Богораза, я убедилась, что рисовать он любил и делал это великолепно!

Так на одном листе воедино сплелись имена трех членов семьи Богораз: деда, Владимира Германовича, отца, Владимира Владимировича, и внук, Всеволода Владимировича. Эта работа посвящена двум из них — деду и внуку.

В. Г. Богораз (1865–1936) — писатель, выдающийся этнограф и языковед (специалист по языку палеоазиатских народов),

северовед, общественный деятель. Им проделана громадная работа по изучению луораветланского (чукотского) языка: составлена грамматика, опубликованы фольклорные тексты, издан словарь. Кроме того им были собраны и опубликованы тексты на корякском и камчадальском языках. Издал также очерк грамматики эскимосского языка; занимался изучением эвенского (ламутского) языка, материалы по которому опубликовал в виде грамматического очерка с приложением текста и словаря. В Нью-Йорке больше года занимался обработкой на английском языке материалов экспедиции, став одним из крупнейших российских специалистов по малым народам Севера [4].

Его внук Всеволод родился 15 сентября 1925 г. Родители, Мария Кирилловна и Владимир Владимирович, так вспоминали о сыне: «Сева рос любознательным, очень любил чтение. Начал рано читать. Любил сочинять стихи. Сева учился старательно. Имел много друзей. В школе писал стихи. Посещал литературный кружок в городском дворце пионеров, руководил которым будущий советский писатель Николай Тихонов. В 1941 году Сева закончил 9-й класс. В 1943 году Сева пошел в армию добровольцем. Служил в воинской части, полевая почта 75793-АБ.» [1].

В 1942 г. Всеволод Богораз занимался начальной военной подготовкой на Лесном, в здании школы № 106, и находился на казарменном положении. До начала августа 1943 г. служил в воинской части на станции Ириновка, был пулеметчиком. В августе его часть вела тяжелые бои под Синявином. Всеволод Владимирович Богораз погиб 16 августа 1943 г.

В архиве школы № 112 сохранились его военные письма.

Письмо от 30.06 1941:

Дорогая моя мамочка!

Только что сейчас получил от тебя письмо, первое с моего приезда. Видно, дела с питанием у тебя неважны. Только не падай духом, моя милая. Если мы пережили 41 год, то все лишения сейчас для нас должны казаться пустяками. Живу я всё также. Чувствую себя хорошо. Сплю как убитый, даже снов не вижу. Времени свободного совсем нет. Ну, пока всё. Целую крепко-крепко. Привет всем. Твой сын Всеволод.

Если прикажет родина
Если Родина скажет:
— Иди, защищай свой дом.
Если нам совесть прикажет —
Все мы на бой пойдём.
Мы все — молодые ребята.
Но если скажут: «Иди!»,
Мы — воины, мы — солдаты,
Будем всегда впереди!
Так нас страна воспитала,
Так обучила нас,
Совесть нам приказала
В трудный для родины час.

Сейчас меня, к огромной моей радости, на целый день посадили за написание стихов, для полкового литературного журнала. Как я люблю эту работу.

Письмо от 3.08 1942:

Мое отделение живет в отдельной землянке. Время свободного до черта. Книг совершенно нет. Поэтому, чтобы не отказала память, занимаемся тем, что вспоминаю различных писателей, их произведения, вспоминаю историю, географию. Итого вспомнил я русских писателей — 412 человек, американцев — 37, англичан — 48, французов — 65, немцев — 56, прочих — 60, всего — 678.

Должен сообщить тебе одну новость, которой ты конечно не будешь доволен — начал курить. Здесь такая уйма комаров, особенно вечером и утром, что положительно спасаешься от них только дымом.

Письмо от 2.04.1943:

Сейчас у нас наступают горячие деньки! Через несколько дней мы кончим программу и будем изучать свою специальность — блокировщиков. У меня будет к тебе, моя мамочка, просьба: все письма и стихотворения, которые я буду присылать тебе — собирай и откладывай, так как дневник вести я не имею возможности, а письма помогут мне или тебе восстановить картину моей жизни.

Письмо от 14.06.1943:

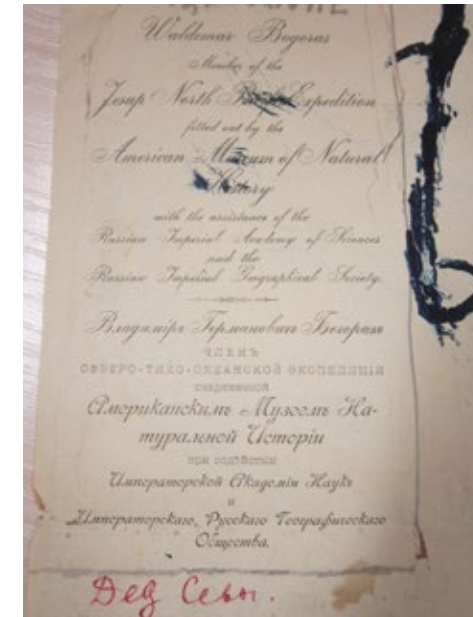
Милый папочка! Еле-еле урвал минутку чиркнуть тебе несколько строк. Самочувствие отличное. Каждое мгновение уделяю чтению. Как хочется учиться! Так и сидел бы дни и ночи напролет над учебниками и книгами. Я почему-то твердо уверен, что выживу, может быть вернусь безрукий или безногий, но закаленный и живой. Обязательно буду журналистом и поэтом.

Последнее письмо от Всеволода Богораза было получено 2 июля 1943 г., а 16 августа стало известно, что его нет в живых. Извещения о гибели не было, и он числился как без вести пропавший. Н. В. Сидорова, дочь одноклассницы Богораза, опубликовала в своем очерке «Здесь живет моя душа» письма, написанные ее матери с фронта Всеволодом Богоразом и его отцом, Владимиром Владимировичем, только что узнавшим о гибели сына: «Мы никогда не забудем нашего мальчика, такого чистого, благородного, у которого ум, талант и культура гармонично сочетались... Рана будет сочиться кровью до конца нашего земного существования» (1.10.1943) [3].

Благодаря работе в объединении «Юный экскурсовод» мне посчастливилось прикоснуться к уникальным, ранее не опубликованным материалам из жизни блокадного города и жизни талантливого ученика моей школы. Несомненно, литературный талант мальчик унаследовал от своего деда, Владимира Германовича. Дед умер, когда Всеволоду было 10 лет, оставив в доме огромную библиотеку. Об этом мне рассказала Елена Борисовна Пигалкина (Жохова), которая в 1979 г., будучи активной пионеркой, председателем совета дружины школы, активным членом клуба красных следопытов, впервые встретилась с родителями Севы Богораза. «Поразила библиотека в квартире, от пола до потолка книжные полки», — вспоминала спустя 40 лет Е. Б. Пигалкина. Встреч с родителями было три. Сначала отец Севы разрешил ей переписать письма и переснять фотографии. Во время последней встречи, когда отцу Всеволода Богораза исполнился 81 год, он передал школьному музею подлинные письма сына и его детские рисунки, школьные сочинения. Так школьный музей пополнился папкой «Архив Богораза».

Литература

1. Интервью с Пигалкиной Е. Б. Май 2017.
2. Интервью с Михайловым Н. В. Сентябрь 2018.
3. Сидорова Н. В. «Здесь живет моя душа» / Лесной: исчезнувший мир. Очерки петербургского предместья. СПб.: Центрполиграф, 2011.
4. Шошин В. Богораз Владимир Германович / Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век» [Электронный ресурс]. Режим доступа: lavkarisateley.spb.ru/enciklopediya/b/bogoraz- (дата обращения: 13. 03. 2018).

Текст на листе для писем

«Сочинение» Севы Богораза на лицевой стороне листа для писем

Рисунок Севы Богораза на оборотной стороне листа для писем

Всеволод Богораз. Фото 1943 г.

**ЗАПИСКА ДИРЕКТОРУ БЛОКАДНОЙ ШКОЛЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ ШКОЛЫ № 112 ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)**

АЛЁНА СЕМЧЕНКО, 8 КЛАСС, ШКОЛА № 112, ДДЮТ ВЫБОРГСКОГО Р-НА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ИРИНА БОРИСОВНА ФУРМАНОВА**, ПЕДАГОГ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГБУ ДО ДДЮТ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В процессе переезда нашей школы в новое здание музей истории школы демонтировали до лучших времен. В вихре перестройки, ремонтов и смены идеологии, музейные экспонаты и архив школы не потерялись, а были бережно сохранены. Спустя 40 лет музей открылся заново, и мы внимательно рассматриваем его экспонаты.

На пожелтевшей картонке открыточного формата с перфорацией с правого края — записка. Предположительно, это страница отрывного блокнота. На лицевой стороне, в левом крайнем углу дата: 20/1.44. Подпись неразборчива, чернила расплылись. Приводим текст записки с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Уважаемая Надежда Ивановна!

Я, мать фронтовика (бывшего Вашего воспитанника) Бредис В. не могу умолчать о столь чутком отношении ко мне Вашей воспитанницы Глаши Алексеевой. Я совсем одинока, да к тому же сильно заболела, что вставать с постели не было возможности, так Глаша Алексеева не смотря на большую загруженность разной работы, она сумела заготовить, заверить станд. справку, напоить по утрам чай и вообще, как приходит со школы, сразу забегает ко мне со своими предложениями. Все она успевает и на все она готова. Надежда Ивановна, очень прошу вынести благодарность от моего имени Глаше Алексеевой в присутствии всего класса. Вам лично большое спасибо за воспитание таких чутких, хороших учеников.

На лицевой стороне документа стоит инвентарный номер 154, написанный простым карандашом. Этот номер был поставлен красными следопытами нашей школы, создававшими школьный музей. Руководил музеем Николай Викторович Михайлов,

учивший ребят оформлять экспонаты, вести учет и заполнять картотеку. Картотека сохранилась, но самая важная графа («Легенда документа») пуста. Мы попытались ее восстановить.

Записка адресована директору школы Надежде Ивановне Ленгер.

Вся трудовая жизнь Н. И. Ленгер была посвящена школе № 112. Своей семьи у Ленгер не было — и ее семьей стала школа. Директор проживала в квартирке при школе с братом Константином, который в 1942 г. погиб в концлагере в возрасте 22 лет.

В школьном архиве сохранились анкеты бывших учеников блокадной школы. В анкете более 10 вопросов, среди которых есть и просьба рассказать о любимых учителях. И во всех анкетах (их около 50) в числе любимых учителей названа Н. И. Ленгер; также упоминались Зинаида Павловна Шабунина, Лидия Пименовна Максимова и другие, но первым всегда стояло имя директора.

Ленгер в 1937–1942 гг. работала завучем, а с апреля 1942 по 1950 г. — директором неполной школы № 112, в 1950–1960 гг. была учителем естествознания, в 1958–1960 гг. — завучем начальных классов.

Школа № 112 была построена в 1935 г., и о том, что Н. И. Ленгер работала здесь с первых дней, говорят фотографии. Первое упоминание о Н. И. Ленгер встретилось мне в газете «У станка», которую выпускал завод имени Ф. Энгельса, шефствовавшего над школой. В заводской газете, помимо производственных новостей, нередко публиковались заметки учителей, учеников школы и их родителей. Эти публикации помогают живо представить достижения школы, мечты и планы учеников. Каждый год 1 сентября все страницы малотиражки отдавались репортажам о подшефной школе, где учились многие дети заводчан.

Газета «У станка». 15 февраля (№ 12) 1936 г., с. 3.

Первое полугодие закончено

Я, мать ученика Дуднева хочу вынести благодарность воспитателю Н.И. Ленгер. Мой сын Евгений остался на повторный курс в 4 классе, но на него обратила внимание Надежда Ивановна Ленгер — занималась им лично, сумев заставить его учиться, научила ценить ее замечания. Вот почему мой сын Евгений вторую четверть закончил с хорошими отметками. Ведь мне раньше казалось, что

из него ничего не сделаешь, но на конкретном примере я убедилась, что школа умеет по-настоящему воспитывать наших детей.

Еще один важный документ — «Книга посещения уроков за 1955–60 год», которую вела завуч Дарья Георгиевна Пономарева. В этой тетради зафиксированы и уроки биологии у Н. И. Ленгер, отмечен высокий уровень ведения урока, четкая постановка вопросов учителем, а в графе «Замечания» однажды указано: «Девочки опоздали и пришли в класс в шароварах и без дневников».

Узнать, чем жила школа в годы войны и блокады, мне помогла книга приказов по РОНО и школе («Приказ № 184 по Ленгоруно от 30 июля 1942 г.», «Приказ № 47 по ОНО Выборгского района от 2 марта 1943 г.»).

Из этих приказов видно, что во время войны школы были переведены на военное положение и спрос с директоров был как с военных. Н. И. Ленгер за военный период получала и выговоры, и благодарности. Видна ее огромная работа с детьми и педагогическим коллективом. Н. И. Ленгер была награждена орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд», «За оборону Ленинграда».

В школьном архиве не сохранилось ни личного дела Ленгер, ни ее трудовой книжки, ни других документов, позволяющих точно установить год рождения и дату смерти. На традиционные вечера встреч выпускников и встреч с учителями Н. И. Ленгер, по-видимому, не приходила — ее нет на фотографиях этих встреч. Красные следопыты школы № 112 в 1983 г. навестили бывшего директора, расспросили ее о погибшем брате, записали воспоминания и сделали групповой снимок. Как вспоминает учитель русского языка и литературы Бронислава Давыдовна Лурье, которая пришла работать в школу в 1955 г. и была дружна с Ленгер, она всю свою жизнь была «скромняга и работяга», «была всегда аккуратна, подтянута, неизменно вежлива, никогда не повышала голос на детей, а ее кабинет естествознания утопал в зелени». Б. Д. Лурье рассказала также, что во время Гражданской войны погиб любимый человек Н. И. Ленгер, отчего та всю жизнь оставалась одна. По воспоминаниям ученицы блокадной школы № 112

Валентины Павловны Шек-Иовсепянц (Кожановой), Н. И. Ленгер родилась в 1905 г., умерла в 1985 г., похоронена на Богославском кладбище.

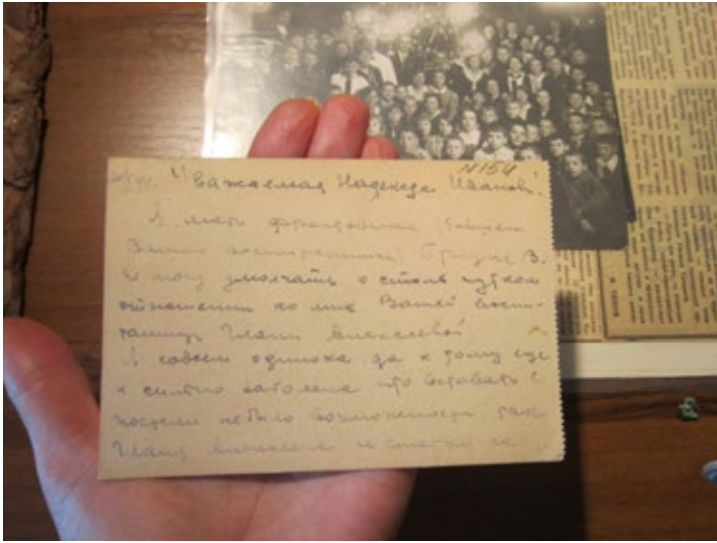
Чтобы установить автора записки, я обратилась к сайту «Память народа. Подлинные документы о Второй мировой войне», где нашла имена нескольких бойцов с фамилией Бредис, имя которых начинается на букву В. К сожалению, установить (по месту призыва) кто из них был выпускником школы № 112, сыном автора записки. В. И. Бредис, не удалось.

В книге выдачи аттестатов среди выпускников 1946–1948 гг., а также других документах (например, журналах поступления в школу), которые хранятся в школьном архиве, имени Глафиры Алексеевой я не нашла. Очевидно, в школе она училась очень короткое время (во время войны школы нередко закрывались, объединялись). Однако в школьном журнале за 1944 г. список учеников открывается именем Алексеевой Глафиры Андреевны, 1924 г. р. В журнале также отмечено, что Глафира Алексеева была председателем совета дружины. Адрес не указан, куда и когда выбыла — не указано.

Для изучения одного маленького экспоната школьного музея — записки директору блокадной школы, мне пришлось познакомиться с множеством архивных документов. Они помогли изучить жизненный путь замечательного человека — Надежды Ивановны Ленгер, воспроизвести жизнь школы в военные годы. В книге приказов зафиксированы выговоры и предупреждения: за неучастие в лыжных соревнованиях в марте 1943 г., за плохую организацию торфоразработок в выходные дни... Обход домов для выявления детей, не посещающих школу, борьба с педикулезом, организация питания и многое-многое другое — всё это было заботой школьного директора. Есть среди этих документов и такие, на которых запечатлены светлые моменты школьной жизни: и предметные олимпиады, и сбор подарков для бойцов госпиталя, расположенного по соседству, в здании Лесотехнической академии. Но главной для учителей школы № 112 в блокадные годы была забота о детях. Учителя и директор школы всеми силами старались подарить им настоящее детство — с играми, сказками и человеческим теплом.

Литература

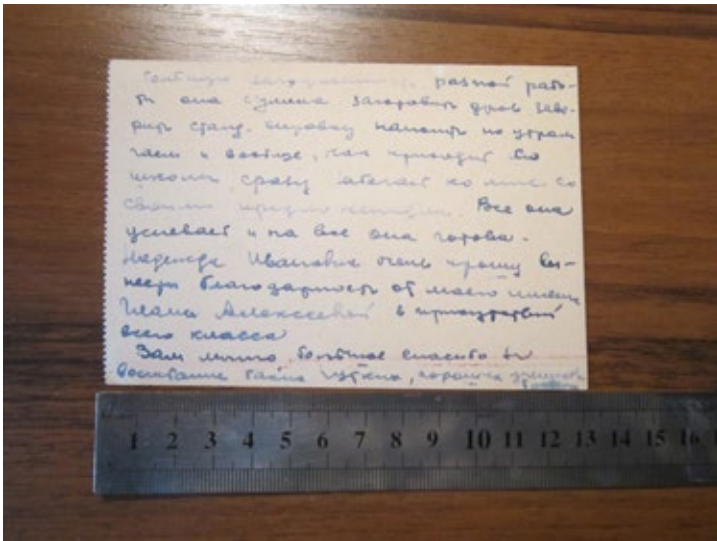
1. Первое полугодие закончено // У станка. 1936. 15 февраля (№ 12), с. 3.
2. Память народа. Подлинные документы о Второй мировой войне [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=8304672833582afd9b90d3b2661e39c3v1 (дата обращения 06.06.2021).
3. Книга приказов по школе № 112. Архив школы № 112.
4. Интервью с ученицей школы № 112 военной поры В. П. Кожановой (Шек-Иовсепянц). Май 2018 г.
4. Интервью с учителем русского языка (1955–1995) Б. С. Лурье. Октябрь 2019 г.

Записка директору блокадной школы Ленгер Н. И. Лицевая сторона

Н. И. Ленгер. Фрагмент группового снимка. Ок. 1940 г.

Записка директору блокадной школы Ленгер Н. И. Обратная сторона

Красные следопыты в гостях у Н. И. Ленгер. Фото 1983 г.

**БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРА ПАНЦОШНИКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ
220-Й ГАТЧИНСКО-БЕРЛИНСКОЙ КРАСНОЗНАМЁННОЙ
ОРДЕНА СУВОРОВА II СТЕПЕНИ ОТДЕЛЬНОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ)**

ЕГОР ЗУЕВ, 10 КЛАСС ШКОЛЫ 467, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА АЛЕКСЕЕВА, УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ,
ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЫ № 467,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В школьном музее 220-й Гатчинско-Берлинской Краснознамённой ордена Суворова II степени отдельной танковой бригады более 40 лет хранится блокадный дневник Александра Иосифовича Панцошника. Однако его содержание до настоящего времени не было представлено широкому читателю. Свой блокадный дневник, в котором описаны события из жизни блокадного города в сентябре-октябре 1941 г., ветеран передал в школьный музей в 1970-е гг.

Дневник представляет собой общую тетрадь в линейку в мягкой обложке серого цвета, какие имели ученические тетради того времени. На 60 пожелтевших страницах тетради — рукописные записи фиолетовыми чернилами. Слева, в верхней части обложки, надпись: «Ленинград, 27/IX-41. Истфак. ЛГУ. Госпиталь». В центре обложки — имя и фамилия автора: «Александр Панцошник». Ниже — домашний адрес: «Ленинград, 104, ул. Маяковского 22-6».

Александр Иосифович Панцошник — коренной ленинградец, 1919 г. рождения. Окончив школу-восьмилетку в 1935 г., получил специальность радиотехника в Ленинградском морском техникуме. С началом войны ушел добровольцем на фронт.

Первая запись в дневнике от 19 сентября 1941 г. предваряется словами: «К любимому городу рвётся враг! Город родной, где цвела моя молодость — грудью тебя защитим! Этот день я никогда не забуду. Был хороший сентябрьский день: ярко светило солнце, безоблачное небо тонуло в бескрайней голубизне. И хотя стояла отличная погода, город был настороже. Хорошая погода не предвещала ничего хорошего. Так оно и случилось...»

После ранения при выполнении первого боевого задания старший сержант Панцошник оказался в госпитале. Больные лежали в палате. Каждый занимался своим делом — читали газеты, писали письма, сестры перевязывали больных. Подходило время обеда.

И вдруг спокойную тишину осеннего дня разорвал пронзительный вой сирен и тревожный рёв фабричных гудков. Они сигналили о воздушной тревоге! Сразу же заухали, затарахтели, залаяли наши зенитки. Сквозь их стрельбу всё отчётливее слышался нарастающий свистящий рёв моторов. Послышались взрывы бомб — значит, немецкие бомбардировщики прорвались. Враг над Ленинградом! Стрельба становилась всё сильнее и сильнее. Зенитки трещали под окном непрерывно, посылая в небо ураган огня. Вой моторов, стрельба зениток, трескотня пулемётов, разрывы снарядов — всё перемешалось в общем грохоте. Но бомбы, сброшенные с самолётов, заглушали всё своими жуткими разрывами. Бомбы ложились уже рядом. Ещё взрыв и удар потрясающей силы, от которого задрожали стены, посыпалась штукатурка, со звоном вылетели стёкла окон в палате. Стало ясно, что бомба попала в здание. А. И. Панцошник, лёжа на кровати, наблюдает ужасную картину: кругом мечутся больные, ползут, прыгают, ведь они не могут ходить. В воздухе крики о помощи и стоны. Все бросились к выходу. Сёстры растерялись. Одна из них, закрыв руками лицо, прикинула к стене. За стенами рвутся бомбы. Всё здание дрожит, как в минуты землетрясения. С пронзительным воем пикируют бомбардировщики. Грохот разрывов, треск стрельбы. Нервы у всех как струны, натянутые до предела. Страха нет, только сердце тревожно стучит, стиснуты зубы, сжаты кулаки. В сердце закипает ненависть к проклятым извергам, бомбящим госпитали и больных.

Ещё бомбы, ещё разрывы. Бомбы колоссальной силы попали в соседний госпиталь через дорогу. Под него было отведено помещение Ленинградского Текстильного института имени Кирова. Огромное новое чудесное здание и в нём тысячи тяжелораненых бойцов. И вдруг, такой кошмар... Панцошник бросился к окну. В госпитале было несколько корпусов. Несколько авиабомб попали в корпус напротив. Из-под крыши показались языки пламени. Автор дневника видит из окна своей палаты, как из окон первого этажа выпрыгивают раненые. Одни завёрнуты в простыни и одеяла. Другие совсем босые, в нижнем белье. Они в ужасе бегут по мостовой. Со всех сторон к ним бросаются на помощь люди, чтобы вынести оставшихся раненых из горящих зданий. Из окон подаются раненых на носилках, организовали цепочку. Вот уже десятки

носилок лежат у здания. С воем подъезжают санитарные кареты, погружают раненых. Прибыли пожарные машины, пытаются отстоять дом, но уже поздно. Всё здание охвачено огнём. С грохотом проломилась крыша. Весь дом пылает, как стог соломы. Бомба пробила межэтажное перекрытие и разорвалась внизу. Пожар начался снизу. Пожарные не в силах справиться с огнём! До пожара пытались спасти людей, сколько могли. Но сотни остались под обломками и погибли в огне. Сержант пишет в дневнике: «Мы им этого никогда не простим, и никогда не забудем! Чем больше беснуется враг, тем беспощаднее будет расправа! Мы всё припомним ему: разрушенные города, сожжённые сёла, растоптанные поля, убитых и замученных наших людей».

На пяти следующих страницах дневника автор размышляет о борьбе испанского народа против фашистов, о героической обороне Мадрида.

Далее опять о событиях осени 1941-го. Размеренный ритм жизни госпиталя ежедневно прерывался воздушными тревогами, бомбёжками и артиллерийскими обстрелами днём и ночью, изнурительным сидением в убежище. Забыт покой и отдых. Бессонные ночи. С немецкой педантичностью воздушные тревоги начинаются в половине восьмого утра и заканчиваются глубокой ночью. Ночи бойцы батальона выздоравливающих проводят в убежище. Лишь к утру перебираются в казармы и там засыпают. Спят мало — по три-четыре часа в сутки. Тяжело, все страшно устали. 11 октября впервые прошли по городу — ходили в баню на Петроградской стороне. Вид у города суровый, везде видны следы налётов вражеской авиации. На улицах не увидишь молодёжи — все ушли на фронт. Чаще встречаются женщины, старики, дети.

12 октября. Ночь спали спокойно. «Очевидно, немец объявил выходной», — иронизирует боец. Холодное октябрьское утро, выпал снег. В воскресенье, как обычно, приёмный день. К Панцошнику пришли родители и сестрёнки. Отец здесь впервые, они давно не виделись. Он и сегодня с трудом отпросился с завода, где он работает техническим директором. Выходного там нет. Отец выглядит неважно. Вид у него усталый, измученный. Тяжёлая изнурительная работа наложила отпечаток. Он работает по 12–14 часов в сутки без выходных, а питание — двести граммов хлеба в день. Кроме хлеба,

едят кашу и баланду. Но ещё тяжелее, что нет утешительных известий с фронтов, что сильно действует на моральное состояние, как и непрекращающиеся бомбёжки города. Самое прискорбное для ленинградцев в эти дни — это вести с фронта: наши сдали Орёл, Брянск... Враг рвётся вперёд, торопится закончить военную кампанию до наступления суровой русской зимы. Он бросил на Восточный фронт все армии, все резервы, моторизованные дивизии и авиацию. Враг не жалеет ни людей, ни техники, старается выиграть время.

На следующих страницах — мечты автора дневника о будущем, о том времени, когда нацистская чума будет уничтожена. Затихнет грохот войны, отдохнёт измученная земля: «Вновь отстроим города и сёла. <...> И вспомнят люди, как наступал враг и как сражался советский воин в 1941».

16 октября. «Когда наступила прекрасная осенняя ночь, где-то высоко в небе загудели самолёты, в тёмное звёздное небо ударили десятки прожекторов. Тишина и покой осенней ночи разрываются в клочья от грохота зениток, рвущихся бомб и снарядов. Вспыхивают зарева пожарищ. Земля гудит от взрывов. Сколько ещё таких ночей придётся пережить!» — восклицает автор.

17 октября. «Из утренней сводки узнали, что сдали немцам Калинин, враг продолжает наступление на Москву. По радио передавали обращение ЦК Компартии Германии к своему народу, к своей армии о том, что эта война не нужна германскому народу. Она на руку только Круппам, Эссенам и Герингам. Кровью немецких солдат они наживают свои миллиардные сверхприбыли. Ценой их жизнью они хотят добиться мирового господства. <...> Долой войну! Долой Гитлера!» — Александр Панцошник восхищается мужеством деятелей коммунистической партии Германии, которые продолжают бороться, находясь в глубоком подполье.

20 октября. После многих хлопот Панцошник получил увольнение в город на 4 часа. Это было чудо! Оказавшись за воротами казармы, сел в трамвай и поехал дальше в город. За окном мелькали знакомые дома, улицы, Нева. У города суровый вид: витрины заколочены досками, у ворот и на окнах лежат мешки с песком, по тротуарам ходят вооружённые патрули. У ленинградцев сосредоточенные, серьёзные лица. Сейчас не до веселья. Мужчины

и женщины идут быстрыми шагами с противогазами на плече. По улицам движутся броневики и машины с красноармейцами, много военных. В воздухе стоит гул артиллерийской канонады. Война... Город живёт напряжённой трудовой жизнью.

Далее в записях дневника следует перерыв. Он связан с тем, что Александр Панцошник на трое суток попал на гауптвахту. Причина — непочтительный разговор с командиром взвода. Автор дневника называет его полуграмотным «фельдфебелем», который издевательски относится к красноармейцам. Сидя за решёткой, он спрашивает себя: «Сашка! Ты ли это?» Обидно: в этот день он должен был выписаться, получить справку, устроить дела — и вдруг такая неприятность! Теперь он арестованный, сидит в камере первый раз в жизни. Причём ни за что. Камера маленькая, метров 12. Сидят в ней 16 человек. Арестанты валяются на грязном полу. Но есть у гауптвахты и приятная особенность — отличное питание. По словам автора дневника, никогда после он не был так сыт, как на гауптвахте. В госпитале все жадно наблюдают за каждой ложкой супа, который разливают повар, за каждой крохой хлеба. Здесь первое блюдо состоит из двух-трёх тарелок супа и полной тарелки доброй каши. Первый раз встал сытым из-за стола. Приятная полнота ощущается в животе. «Ну если так кормят, то здесь жить можно», — подумал он.

Через двое суток он напишет: «Время здесь тянется чертовски медленно. Впереди ещё целые сутки, чёрт возьми! Сажу на лавке и внимательно осматриваюсь. Камера небольшая, народу много, духота ужасная. “Преступления”, которые могут привести тебя сюда, — самые различные. Вот один парень сидит за то, что взял лишнюю порцию сахара, которая, однако, ему принадлежала, так как он накануне был дневальным и сахара не получал. Его начальство не разобралось и сунуло сюда, якобы за воровство у своих товарищей. Начальство сыплет щедрой рукой “награды”. Арест — любимая мера взыскания, за грубый ответ, за курение в неуказанном месте, за нехватку обеда при делёжке, таковы методы красноармейского воспитания. Командование разговаривает с бойцами языком выговоров, нарядов и арестов. Ребята валяются на полу и затевают бесконечный разговор о войне. Настроение у них жуткое — пораженческое: не верят в нашу силу, в нашу армию. У них

только одно на уме: немец силён, немец наступает, громит и берёт города». Частично они правы, считает Александр Панцошник, но нельзя забывать, какой ценой достаётся врагу каждая пядь нашей земли. «Нельзя закрывать глаза на те колоссальные потери, которые несёт враг. Ещё нужно всегда помнить, что ещё никто никогда не покорил Россию. Нет такой силы, что могла бы сокрушить нашу страну». В отличие от всех остальных в камере, он уверен в победе, которую добудет Красная армия.

В кошмаре первых месяцев войны — короткие редкие встречи с Верочкой, первой любовью, трогательная переписка. А дальше — выписка из госпиталя и фронтовые дороги в составе 220-й отдельной танковой бригады.

Незаурядная личность человека, предстающая сквозь строчки дневника, указывает на одну из причин нашей победы в Великой Отечественной войне — человеческий фактор. Такие люди не могли не победить. Теперь, спустя 75 лет, этот дневник фронтовых лет перестал быть просто личной биографией. Это документ большой силы. В нём — суровое дыхание войны, блокады Ленинграда и величие человеческого духа.

ГИМНАЗИСТ VS ШКОЛЬНИЦА. ЧТО РАССКАЖЕТ ШКОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА МУЗЕЯ НИКОЛАЕВСКОЙ ГИМНАЗИИ)

Диана Рукавицына, 8 класс, Дискуссионный исторический клуб
ГБУ ДО ЦДЮТТИТ, Санкт-Петербург

Руководитель: **Татьяна Юрьевна Бровкина**, заведующая
Музеем Николаевской гимназии, методист ГБУ ДО ЦДЮТТИТ,
Санкт-Петербург

Предметом данной исследовательской работы являются два дневника: дневник гимназиста IV класса Императорской Николаевской Царскосельской гимназии Глеба Ивашенцова за 1896/1897 учебный год из собрания Музея Николаевской гимназии и дневник автора исследования, ученицы 8 класса школы № 335 г. Пушкина, за 2017/2018 учебный год. Целью работы стало сравнение на примере двух школьных дневников двух систем школьного образования в России — в дореволюционной гимназии и современной средней школе.

Исследовательская гипотеза — система школьного обучения в России 120 лет назад не так сильно отличается от современной, как это принято думать.

В ходе исследования было проведено сравнение биографий владельцев дневников и описана история бытования дневника гимназиста.

Основной частью исследования стала характеристика дневника гимназиста и сравнение дневников гимназиста и современной школьницы с точки зрения внешнего вида и с точки зрения содержания. Подробно проанализированы домашние задания, которые получали гимназисты, и домашние задания в современной школе по изучаемым дисциплинам, на основании чего можно сделать вывод, что объем заданий современного школьника несколько выше. Чтобы сравнить систему обучения в России конца XIX в. и России современной, было проведено исследование гимназических учебников и учебников для 8 класса в современной школе. Большой интерес для исследования составило сравнение распорядка дня гимназиста и современного школьника, а также объема выходных дней и праздников.

Сравнивая внешний вид двух дневников, можно увидеть, что отличия между ними весьма незначительны: форма советского

(позднее — современного российского) дневника практически совпадает с формой дореволюционного дневника гимназиста.

Для сравнения систем обучения исследователю понадобились дополнительные данные. Ими стали: сведения о системе обучения в Николаевской гимназии, в которой учился гимназист, чей дневник стал объектом исследования; расписание уроков Николаевской гимназии, распорядок дня гимназиста, учебники и учебная литература гимназического курса дореволюционной России.

Сравнив все эти данные, мы пришли к выводу, что отличия в системе обучения были более значительными, чем может показаться при рассмотрении только дневников. Во-первых, в течение долгих десятилетий обучение было отдельным для мальчиков и девочек. Со временем появились объединенные учебные заведения, хотя многие специалисты по-прежнему считают, что совместное обучение в подростковом возрасте вызывает падение нравов в обществе. В дореволюционной России существовало разнообразие форм школьного образования: классические гимназии, реальные училища, коммерческие училища, начальные училища и т. д. Возможность обучения в них зависела не только от объема знаний, усвоенных учеником, но и от сословия, к которому относился ученик, или материальному положению семьи.

Количество школьных предметов, преподаваемых в современной школе, больше, вследствие чего времени на изучение каждого из них отводится меньше. Изучаемые в современной школе предметы отличаются от тех, которые преподавали в России конца XIX в. Предметов в гимназии было меньше — в силу того, что было больше разных учебных заведений с разными программами, то есть специализация по наукам начиналась не с высшей школы, а уже со средней. Выпускники гимназий далее шли учиться в университеты, куда без знания древних языков было не попасть, поэтому эти языки составляли основу программы и им уделялось значительное время.

В дореволюционной гимназии на изучение древних языков отводилось в старших классах до 40 % всего учебного времени. В современной школе нет ни одного предмета, которому бы

уделялось столько времени. Вторыми после древних языков по объему часов на их изучение были современные иностранные языки — немецкий и французский. Набор изучаемых предметов, изучаемых сегодня, гораздо шире, но количество времени, выделяемого на изучение каждого предмета, значительно меньше, что не может не сказаться на глубине изучения темы и предмета в целом. Например, в современных школах на изучение математики отводится 5 часов в неделю (2 часа — геометрия, 3 — алгебра), русский язык в современной школе изучается 4 часа в неделю (в гимназии — 2 часа). Иностранному языку в современной школе уделяется всего 2 часа, а в гимназии — целых 18 (учитывая, что иностранный язык в современной школе всего один, в гимназии же их было 4). История и физика по количеству часов совпадают.

Школьная программа за 120 лет претерпела огромные изменения. Это связано и с существенным развитием наук, и с пересмотром системы среднего образования. Исключены из школьной программы древние языки (латынь и греческий), перестало уделяться внимание религии, потому исчезла из школьной программы дисциплина «Закон Божий». После революции, когда В. И. Ленин назвал религию «опиумом для народа», церковь была отделена от государства (до этого момента духовная и образовательная сферы были одним целым) и школе придали светский характер обучения. Долгое время религия не изучалась в школе вообще. Однако в последнее десятилетие в школьную программу введен предмет, связанный с изучением основ православия и истории мировых религий, хотя он есть не во всех школах, а если и изучается, то всего один год. Для сравнения: в дореволюционной гимназии курс «Закон Божий» был единственным предметом, который изучался в течение всего школьного курса, от подготовительного до выпускного класса. В современной школе ему соответствует предмет «Основы религиозных культур и светской этики», и на выбор предоставляется, ходить на урок по изучению истории православия или по изучению светской этики. Сейчас не преподают одновременно и немецкий, и французский, и английский языки: существуют специальные школы с углубленным изучением иностранных

языков, а в обычной школе из иностранных языков изучается только один. При этом появились новые предметы (например, ОБЖ и информатика) — вследствие развития научно-технического прогресса и общества в целом.

Количество дней отдыха и учебы гимназистов и школьников примерно совпадают. В дореволюционной России праздничными днями были не только светские праздники, но и праздники церковного календаря. К примеру, выходным днем в Николаевской гимназии было 18 февраля — День отмены крепостного права. Единого дня начала занятий не было: гимназисты начинали учиться после летних каникул с середины августа. Со временем появились новые праздники. Например, такой праздник, как День Победы, появился в результате победы советского народа в Великой Отечественной войне, а Международный женский день хотя и отмечали в России еще с 1913 г., но государственным праздником он стал только после 1917 г. В ходе этой работы не удалось установить доподлинно все поводы для дней, отмеченных в дневнике гимназиста, как «Праздник». Это интересная задача на будущее, для продолжения этого исследования или в рамках другого, тематически с ним связанного.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что за 123 года в России произошли значительные изменения — как в духовной сфере, так и в социальной, что значительно повлияло и на образование.

Дневник как отдельный музейный предмет не смог дать ответы на все поставленные нами в начале работы вопросы — потребовались дополнительные источники, но даже дневник гимназиста содержит очень много интересной информации о том, какой была система образования в конце XIX в. в сравнении с современной.

Литература

1. Ивашенцов Глеб Александрович // Музей Николаевской гимназии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.google.com/document/d/19XzK-AZC_OFEvQIkBQXBH8OnJRlTxR-jWBMzGCX-7Ek/edit (дата обращения 29.03.2019).

2. Краткий исторический очерк Императорской Николаевской гимназии за XXV лет (1870–1895). СПб, 1895.

3. Краткий отчет об Императорской Николаевской Царскосельской гимназии за последние XV лет ее существования. (1896–1911). СПб, 1912.

4. Совместное обучение / Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. Режим доступа: <https://rykovodstvo.ru/exspl/8964/index.html> (дата обращения 29.03.2019).

ДАЧНОЕ МЕСТО ПАРГОЛОВО В СЕРЕДИНЕ 1850-Х ГОДОВ ГЛАЗАМИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГИМНАЗИСТА

Диана Ладанова, 7 класс, школа № 181, Санкт-Петербург

Руководители: **Зоя Владимировна Ладыгина**, заведующая музеем истории школы № 181, **Татьяна Геннадьевна Смирнова**, заведующая сектором, старший методист, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Музей истории школы № 181 был открыт в январе 2008 г. — так она отметила своё 185-летие. Фонд музея в то время составлял 500 единиц хранения, включая как основной, так и вспомогательный. За 12 лет существования музея он увеличился вдвое, и, что замечательно, — прибавилось значительное количество уникальных, ценных с исторической точки зрения документов и артефактов. Ученическое сочинение 1854 г. под названием «Парголово» — один из таких документов. Он уникален не только тем, что написан гусиным пером 166 лет тому назад учеником знаменитой 3-й Санкт-Петербургской гимназии, но ещё и потому, что надписи, сделанные в нём учителем, принадлежат выдающемуся педагогу, методисту-словеснику В. Я. Стоюнину.

Появился этот документ в музее в 2013 г. — в тот день, когда школа отмечала своё 190-летие, с момента открытия в январе 1823 г. Санкт-Петербургской мужской классической гимназии, предшественницы 181-й школы в занимаемых ею зданиях. Как один из наиболее ценных экспонатов, он помещен в витрине под стеклом, и посетителям музея виден только его титульный лист. Остальные 18 страниц сочинения скрыты под титульным листом. На нём мы можем видеть год написания сочинения — 1854, класс и фамилию автора — ученик VI класса Н. Бочаров, а ниже надпись — «читанное на Литературной беседе 25 февраля в среду». Эти три «зацепки» и наметят предварительные маршруты наших исследований сочинения. В самом же низу титульного листа приписаны ещё три строки, помельче и другим почерком, которые в начале работы с сочинением не привлекли моего внимания.

Хранясь в витрине, сочинение оставалось «вещью в себе». Его извлекли из неё спустя 4 года для того, чтобы сделать снимки (титульного листа + 18 стр.) для цифровой инвентарной книги. Кроме того, нужно было отсканировать все листы сочинения,

отпечатать, сброшюровать, чтобы с ним можно было работать, выдавая ученикам вместе с его копией различные задания. Первым заданием стало: перевести текст сочинения на современную орфографию, поскольку написано оно было в русской орфографии середины XIX в. Сделать это было поручено мне, тогда ещё ученице 5-го класса, и оказалось оно для меня не очень простым: нужно было привыкать к почерку автора сочинения, к непривычным окончаниям прилагательных мужского рода в родительном падеже (вместо -его: -аго или -яго), к другому написанию некоторых букв русского алфавита, но особенно к букве «ять» и ещё нескольким, которых в современном алфавите вообще нет. Когда текст сочинения был переписан в современной орфографии, я отдала его вместе с копией в музей.

В следующем учебном году мне было предложено продолжить работу с сочинением, но на этот раз были поставлены более серьёзные цели и задачи:

— изучить методику преподавания русской словесности в 3-й Санкт-Петербургской гимназии середины XIX в.;

— найти в фонде школьного музея материалы, относящиеся к появлению в ней традиции «Литературных бесед», а также установить, когда и с какой целью проводились эти беседы;

— проанализировать содержание сочинения и сравнить описание Парголово, сделанное гимназистом середины XIX в., с описанием этого дачного места в других источниках той эпохи и моим собственным восприятием современного района Парголово.

Сочинение Н. Бочарова «озадачило» меня ещё тогда, когда я переводила его на современную орфографию. Уже тогда передо мной встало много вопросов, ответы на которые я не знала. Было много незнакомых мне слов, неизвестных названий местностей под Санкт-Петербургом. А его автор Н. Бочаров? Что я знала о нём, кроме того, что он ученик VI класса 3-й Санкт-Петербургской гимназии, что у него красивый почерк, о чём можно судить по рукописи сочинения? Поэтому я начала с того, что захотела узнать о нём больше. Помогла в этом редкая книга из фонда музея — «Памятка бывшим ученикам Санкт-Петербургской 3-й гимназии», изданная в 1911 г. В ней есть не только полный список её выпускников до 1910 г., но и отдельные списки по годам выпусков. И поскольку

автор сочинения в 1854 г. учился в VI классе, то окончить гимназию он должен был в следующем — 1855 г. (тогда учебный курс составлял 7 лет). Среди выпускников 1855 г. я и нашла Николая Бочарова. Но, к сожалению, об этом ученике было сказано лишь то, что по окончании гимназии он поступил в университет.

Сведения о «Литературных беседах», которые в 1846–1855 гг. по распоряжению Управления Санкт-Петербургского учебного округа каждую неделю проводились для гимназистов старших классов во всех подведомственных гимназиях, я обнаружила в работе Н. М. Аничкова [1] и в сборнике, посвященном столетию школы [6]. «В 1845 году от управления учебным округом последовало распоряжение по гимназиям о введении литературных бесед, имевших целью возбудить соревнование между воспитанниками гимназий С.-Петербургского учебного округа. Беседы устраивались в неклассное время для VI и VII классов по одному разу в неделю, и в них принимали участие начальство гимназии, учителя русского языка и учитель того предмета, к которому относилось предстоящее сочинение. Кроме учеников VI и VII классов, на беседы допускались и лучшие ученики IV и V классов. Беседой руководил учитель словесности. На каждой беседе прочитывалось по одному или по два сочинения, смотря по объёму. По прочтении сочинения, ученики-товарищи могли делать свои замечания. Каждый из присутствующих учителей делал свою оценку труду ученика, и затем преподаватель словесности передавал сочинение директору с своими письменными замечаниями. Этот же последний пересылал их каждые полгода попечителю округа, от которого они возвращались с замечаниями профессора. Вместе с тем особым циркуляром давалось знать об особенно успешных трудах учеников с указанием заглавия сочинения и фамилии автора. В январе 1846 г. была первая литературная беседа, на которую представили свои сочинения воспитанники VII класса: Стоюнин “Беглый взгляд на историю образования”, и Мельников “Изображение характера правления Иоанна III”. Как об этих, так и о других 7-ми сочинениях замечено было, что они вообще удовлетворяют требованиям теории словесности и правилам языка» [6].

В 1854 г. на одной из таких «Литературных бесед» Н. Бочаров и читал своё сочинение, которое старший учитель словесности

Стоюнин оценил так: «Удовлетворительно. Язык его чист и правилен, но однообразен в оборотах».

Значит, ученик 1846 г. Стоюнин к 1845 г. стал учителем в той же гимназии?

Ответить на этот вопрос мне опять помогла «Памятка бывшим ученикам 3-й Санкт-Петербургской гимназии». В списке выпускников 1846 г. я нашла Владимира Яковлевича Стоюнина, а справа от его имени было указано: «Выдающийся педагог...», и дальше приведены биографические сведения, список его заслуг и педагогических трудов. Это стало для меня важной находкой. Ведь на страницах сочинения, на полях, мы видим пометки карандашом, а на 19-й странице — уже чернилами, оценку сочинения и подпись самого Стоюнина. И три строки, более размашистым почерком, внизу титульного листа: «На беседе присутствовали: Его Превосходительство Г. Директор, Г. Инспектор и Старший учитель Словесности Стоюнин» — как оказалось, написаны тоже им.

В нашем музее есть книга «За сто лет — воспоминания, статьи и материалы», изданная в 1923 г., к столетию открытия гимназии. Из неё я узнала, что В. Я. Стоюнин — выдающийся педагог, методист, преподавал в ней в 1853–1871 гг. русский язык и русскую словесность. В книге есть воспоминания самого Стоюнина, а также его ученика, будущего педагога, В. П. Острогорского об учёбе в гимназии. Тогда в ней не было даже библиотеки для учащихся. Уроки состояли только из чтения хрестоматии и заучивания наизусть. Сочинения же Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Жуковского для большинства гимназистов середины XIX в. не были доступны. Отсюда следует вывод: методика преподавания словесности отсутствовала и начала складываться лишь с приходом в гимназию В. Я. Стоюнина.

Теперь о содержании сочинения. Во вступлении к нему Николай Бочаров сообщает, почему петербуржцы выбирали для дачного отдыха именно Парголово: за его «безмятежную, спокойную и тихую жизнь» и за то, что это дачное место было «самым близким и удобным по сообщению посредством дилижансов». Затем следует описание дороги «в 15 вёрст», ведущей в Парголово, и въезда на Поклонную гору, где «начинается деревня Парголово». И наконец — гора Парнас, у «подошвы которой два старинных пруда

с необычными названиями: Рубаха Наполеона и Шапка Наполеона». На горе раскинулся Шуваловский парк с «мызой», господским домом графини Шуваловой и церковью при нём, построенной «в готическом вкусе», а вблизи от неё — грот с гробницей супруга графини. Как сообщает нам автор сочинения, это «Парголовские примечательности».

О парголовских же дачниках он пишет, что жили они в нанятых у местных крестьян избах, по обеим сторонам Выборгской дороги, вблизи Суздальских озёр. В озерах тогда в большом количестве водилась рыба, и дачники забавы ради удили рыбу с берега или с крестьянских лодок. Быт и времяпрепровождение дачников тех лет существенно отличались от сегодняшней дачной жизни. На грядках они не работали, овощи не выращивали, заготовок на зиму не делали. «Большую частью прямо от сна они спешат купаться, по возвращении откуда приходят к чаю. Затем всё утро обыкновенно они занимаются». И чем же? Автор сочинения описывает следующее: «Где слышите вы игру на фортепиано, где пение, где как учится кто-то на скрипке или другом каком-нибудь инструменте; кто читает книгу, кто вышивает, а кто вяжет». Были и такие, кто «нанимая телеги, с самого утра отправляются семейством в Юрки, в Порошки или в Токсово, просёлочная дорога в которое великолепна своими местностями. А другие скитаются по лесам, холмам, полям или катаются на приземистых деревенских лошадёнках по окрестностям и заезжают пить густые сливки с крупными ягодами у садовника, который выстроил себе за барской церковью несколько беседок». Как повествует Н. Бочаров, «дачники могут всё лето там провести весело, не нуждаясь ни в чём. Там есть молочная лавка, мясная, булочная, сверх того ездят по Парголову мясники, зеленщики. А разносчикам всякого рода — и счёту нет...»

Добирались же столичные жители в Парголово на следующих средствах передвижения: на дилижансе (многоместной карете на конной тяге), на «машине» (так тогда называли паровоз), в экипаже (2- или 4-местной карете), реже — на «чухонской таратайке», называемой ещё «двуколкой» (двухколёсной крестьянской коляске с впряжённой в неё лошадью). Понятно, что электричек тогда не было, как не было и автотранспорта.

Таким образом, нам удалось не только узнать, где и как отдыхали летом петербургские дачники середины XIX в., но и ближе познакомиться с удивительно живописной и романтической частью современного нам Парголова, которым является Шуваловский парк, познакомиться с его историей и достопримечательностями.

Но еще более важным результатом исследования стало то, что в сочинении гимназиста Бочарова обнаружился автограф В. Я. Стоюнина, оставленный выдающимся русским педагогом в самый начальный период его служения в своей alma mater — в 3-й Санкт-Петербургской гимназии.

Литература

1. *Аничков Н. М.* Историческая записка 50-летия 3-й СПб гимназии. СПб, 1873.
2. *Гусенцова Т., Добрынина И.* Путешествие по Выборгской стороне. Петербургские этюды. СПб: ОСТРОВ, 2007.
3. *Зуев Г. И.* Шувалово и Озерки. М. СПб: ЦЕНТРПОЛИГРАФ: МиМ-Дельта, 2008.
4. *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам С.-Петербургской 3-й гимназии. СПб: Типо-Литография Вильям Кене и К., Мойка № 92, 1911.
5. *Локшина С. М.* Краткий словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1978.
6. Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Петроград: Издание 13-й советской трудовой школы, 1923.

Обложка «Памятки бывшим ученикам С.-Петербургской 3-й гимназии»

В. Я. Стоюнин

Церковь Петра и Павла в Парголове. Фото Д. Ладановой

Церковь Петра и Павла в Парголове. Рис. Д. Ладановой

**ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ТАГАНЦЕВЫХ.
ПИСЬМА Е. М. ЛАЗАРЕВСКОЙ И Г. В. МИШТОВТА ТАГАНЦЕВЫМ
В ФОНДЕ МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ**

**АЛЕКСАНДРА КАРАВАЕВА, НАТАЛИЯ НИКИТИНА, 10 КЛАСС, ГИМНАЗИЯ
№ 171, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

Руководитель работы: **АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ КУСТОВ**, учитель истории
гимназии № 171, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Тема этой работы связана с судьбой дворянской семьи Таганцевых. Широко известно «Таганцевское дело», определившее гибель поэта Николая Гумилева, появляются публикации о выдающемся правоведе Н. С. Таганцеве, в литературе о Петербурге можно встретить упоминания о столичной Таганцевской гимназии. В фондах архива Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранятся материалы о семье Таганцевых, переданные туда в 2011 г. Кириллом Владимировичем Таганцевым. А в Музее-квартире Л. Н. Гумилёва экспонируется посвящённая «Делу Таганцева» временная выставка, на которой представлены отдельные материалы из домашнего архива семьи, в том числе фотографии и письма. Наше исследование посвящено семье Таганцевых и, в первую очередь, письмам, которые писали ближайшие друзья семьи её представителям. Удалось составить подробное генеалогическое древо, уточнив даты жизни и родственные связи, биографии; расшифровать и систематизировать около тридцати писем, прокомментировать их. Мы обработали только две группы писем: письма Г. В. Миштовта (мужа Н.Н. Таганцевой) приемному сыну Кириллу Владимировичу Таганцеву и письма Елены Михайловны Лазаревской Н. Н. Таганцевой. Работа была сложной и кропотливой. Многие письма написаны неразборчивым почерком, имеют плохую сохранность. Для авторов это был первый опыт работы с таким историческим источником, как письма.

Мы благодарим за помощь заведующую сектором учета и хранения архива Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме Елену Ивановну Арефьеву, а также Исанну Михайловну Лурье и Татьяну Сергеевну Позднякову, без помощи и настойчивости которых мы бы не смогли закончить работу, а также сотрудников Отдела петербурговедения Городской публичной библиотеки имени В. В. Маяковского, которые помогли нам с рядом источников для составления родословной Таганцевых.

В данной публикации мы вынуждены ограничиться лишь краткой информацией о Н. С. Таганцеве и его сестре. Н. С. Таганцев (1843–1923) вошел в отечественную историю как выдающийся юрист и государственный деятель. Он получил признание во всех кругах российского общества, стал почетным членом Российской академии наук, был удостоен многими знаками отличия Российской империи. В конце XIX в. он издал книгу «Русское уголовное право» — главный труд своей жизни, сделав неоценимый вклад в развитие русской юриспруденции. О нем и его деятельности существует обширная литература, основные его работы переиздаются до сегодняшнего дня. В 1870 г. Н. С. Таганцев женился на сестре своего друга Зинаиде Александровне Кадьян (1853–1882). Вскоре в семье появились дети: Надежда (1871–1942) и Николай (1873–1946). Через пять лет после ранней смерти жены Таганцев женился на её младшей сестре Евгении Александровне Кадьян (1851–1921). У них тоже родились двое детей: дочь Зинаида (1884–1946) и сын Владимир (1889–1921). Октябрьский переворот 1917 г. Н. С. Таганцев воспринял как трагедию России, уничтожение её демократических завоеваний. Ему предстояло вскоре пережить череду трагедий: в апреле 1921 г. умерла жена, начались первые аресты по «Таганцевскому делу», по которому будут проходить его сын Владимир, его жена, близкие семьи, будет временно задержан он сам. В августе 1921 г. сын и невестка были расстреляны. В своем дневнике за 1 сентября 1921 г. Таганцев сделал запись: «На дворе ясно, но прохладно... Больше писать не буду: сейчас получил известие, что убили и Володю, и Надю — расстреляны, царство им небесное, а убийцам вечное проклятие со всем их режимом, и чадцами, и домочадцами» [11, с. 140]. В 1923 г. Н. С. Таганцев умер.

Любовь Степановна Таганцева (1845–1914) вошла в историю отечественной педагогики как создательница и руководитель известной женской гимназии. Женская гимназия Таганцевой считалась одной из лучших в столице, в ней преподавали известные деятели отечественной культуры. Л. С. Таганцева вела педагогическую деятельность с 1870 г. в течение почти полувека. Преподавала математику в Мариинской женской гимназии, в Николаевском сиротском институте, а в 1883 г. открыла «женское перворазрядное учебное заведение» (с 1885 — женская гимназия). В семье Таганцевых существовало предание, что деньги на открытие частного учебного заведения появились только

после удачного выигрыша в лотерею. Гимназия располагалась на Моховой улице, на четвертом этаже дома №27 [1, стб. 686], где жила члена семьи Таганцевых. Как указано в некрологе, она «умела привлекать в гимназию хорошие, нередко лучшие педагогические силы, чутко и твердо организуя ядро, которого она желала для своей школы» [7]. Здесь преподавали: филологи Н. А. Котляревский, Н. К. Кульман, Н. К. Пиксанов, историки А. И. Заозерский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков, физики Я. И. Ковальский и В. В. Скобельцын, химик С. И. Созонов, математик А. Н. Страннолюбский. Гимназию Таганцевой, просуществовавшую до 1918 г., окончили тысячи выпускниц, в том числе поэтесса Елизавета Пиленко (Кузьмина-Караваева, известная также как мать Мария), балерина Ида Рубинштейн, писательницы Надежда Войтинская и Лидия Чуковская, деятельница революционного движения Елена Стасова. К сожалению, в фонде Таганцевых, временно хранящемся в собрании Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, нет писем и открыток, которые адресованы Н. С. и Л. С. Таганцевым. Нет и упоминаний о них в тех письмах, которые мы расшифровали.

В семье Николая Степановича было четверо детей: две дочери, Надежда и Зинаида, и два сына — Николай и Владимир. Старший сын Николай (1873–1946) окончил юридический факультет Петербургского университета, служил по Министерству юстиции, стал председателем Петроградской судебной палаты, сенатором. В Гражданскую войну он сражался в рядах Белой армии и занимал пост министра юстиции в правительстве барона Врангеля, затем оказался в эмиграции, где активно занимался общественной деятельностью. Николай Таганцев с 1907 г. был женат на разведенной Марии Александровне Дукельской, урожденной Фридрих (р. 1879). У них были общий сын Андрей (р. 1914). Младший сын Владимир Николаевич Таганцев (1889–1921) стал известным географом, гляциологом. Изучал ледники Азии, пустынное выветривание, составлял карту почвенных зон Ферганской области. Был участником Первой мировой войны. С 1919 г. преподавал на кафедре географии и антропологии Петроградского университета, был инициатором создания Опытной сапропелевой станции в Залучье под Вышним Волочком, в бывшем имении Таганцевых. 31 мая 1921 г. его арестовали по обвинению в заговоре против советской власти («заговор Таганцева»). По этому делу было привлечено свыше 800 человек, из них расстреляны

три группы (81, 18 и 8 человек), более 100 отправлены в лагерь. Точная дата расстрела Владимира Таганцева неизвестна. Была расстреляна также его жена Н. Ф. Таганцева. Их реабилитировали 27 апреля 1992 г. [10]. Более благополучно сложилась жизнь младшей дочери Н. С. Таганцева Зинаиды (1883–1946). Она вышла замуж за чиновника Евгения Николаевича Фену (1873–1954). В семье родилось две дочери. После революции им удалось эмигрировать.

Старшая дочь Николая Семеновича Таганцева Надежда родилась 27 ноября 1871 г. О ней сохранилось мало информации, необходима серьезная работа в архивах. В документах Женской гимназии Л. С. Таганцевой в ЦГИА СПб (фонд 177 «Петроградская женская гимназия Л. С. Таганцевой (1883–1918)») хранится личное дело Надежды Николаевны, она долгие годы преподавала там арифметику, а потом возглавляла гимназию. Скорее всего, в 1911 г. она вышла замуж за врача Георгия Викентьевича Миштовта. В адресной книге на 1912 г. указано, что супруги проживали вместе с родителями Надежды Николаевны на Знаменской улице [2, с. 601]. После смерти Л. С. Таганцевой ее дочь стала начальницей Женской гимназии. В 1918 г. в семье Миштовт родился сын Александр. Тяжелые годы Гражданской войны, голод, эмиграция или гибель родных и близких (матери, отца, братьев, друзей) — всё это выпадет на долю Надежды Николаевны Таганцевой. Мы практически ничего не знаем о советском периоде ее жизни. Известно только, что она работала учительницей в 15-й единой трудовой школе. После ареста и казни брата Владимира и его жены Надежды Феликсовны Миштовты усыновили пятилетнего Кирилла. Умерла Н. Н. Миштовт в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г. Вот что писал Г. В. Миштовт 20 февраля 1942 г. в письме на фронт К. В. Таганцеву, своему приемному сыну: «Вечером около 7 ½ час. наша дорогая мамочка тихо скончалась; просто заснула, так что я даже не сразу и заметил, что она мертва...» Место захоронения Н. Н. Таганцевой неизвестно [6].

В фонде Таганцевых хранится 66 открытых писем, адресованных Надежде Николаевне Таганцевой и относящихся к первым двум десятилетиям XX в. Они представляют собой, в основном, поздравления с праздниками (Рождеством, Пасхой, именинами), причем большинство из них — от учениц или выпускниц гимназии Таганцевой. Четыре написаны Анной Юльевной Кадьян — женой Александра

Александровича Кадьяна, дяди Н. Н. Таганцевой. Большую часть из открытых писем еще не удалось атрибутировать, так как они либо без подписи, либо подписаны инициалами. Среди открыток, представляющих наибольший интерес, 14 открыток, которые написаны близкой подругой Н. Н. Таганцевой Еленой Михайловной Лазаревской и её мужем Николаем Ивановичем. Письма Лазаревских наиболее информативны. Общая атмосфера, переданная через них, пропитана дружескими чувствами, любовью и счастьем. Все открытки написаны в одном стиле и во многом характеризуют дореволюционную эпоху. Каждое письмо неизменно начинается со слов «Ея Высокопревосходительству Надежде Николаевне Таганцевой». В них часто можно встретить слова или даже целые фразы на французском языке. В письмах к Н. Н. Таганцевой Елена Михайловна Лазаревская неизменно называет её дружеским «Надирочка». Она часто начинает письмо со слов «Дорогая Надирочка...» или же «Надирочка, Надирочка, nous vous embrassons...».¹ Все свои письма Елена Михайловна подписывает как «Лелука». Она рассказывает о здоровье и благосостоянии близких, в первую очередь мужа, которого всегда в письмах называет Колей (например, письмо от 12 июня 1905). Зачастую основной темой переписки является описание путешествий, в которых бывала семья Лазаревских. Одно из самых интересных писем Лазаревской содержит в себе целую историю. Елена Михайловна описывает произошедший в ее доме инцидент и «Униженно благодарит за гортензию» (письмо от 7 июня 1911). Письма всегда наполнены теплотой, заботой и любовью. По письмам мы можем сделать вывод, что для Надежды Николаевны Таганцевой чета Лазаревских — ближайшие друзья, и они были тесно связаны друг с другом, часто встречались, вместе отдыхали.

Немного о семье Лазаревских. Н. И. Лазаревский (1868–1921) происходил из известной дворянской семьи, был родственником Тургенева и Фета, до революции занимал ряд крупных постов по судебному ведомству, а в 1917 г. был сенатором [4]. Он являлся крупным специалистом по русскому государственному праву, автором научных трудов, был профессором государственного права Петербургского университета, Высших женских курсов, в 1921 г. проректором Петроградского университета и профессором Института народного хозяйства и Института экономических

¹ С французского: мы обнимаем вас.

исследований. Он также был расстрелян по «Таганцевскому делу». Елена Михайловна происходит из дворянской фамилии Репинских. В «Петербургском некрополе» упоминается Михаил Козьмич Репинский (1831–1879), действительный статский советник [8, с. 646], отцом которого был известный деятель реформ Сперанского сенатор К. Г. Репинский (1796–1876). Дату рождения Елены Михайловны и то, какое образование она получила, установить не удалось. По письмам видно, что она была хорошо образована, знала иностранные языки, как это было принято в дворянских семьях. В адресно-справочной книге «Весь Петроград на 1915 год» указано, что Е. М. Лазаревская, «жена статского советника», проживает вместе с мужем по адресу Александровский проспект, дом 13 [3, с. 364]. Удалось найти упоминания о том, что ей принадлежат переводы трудов Кнута Гамсуна, Б. Челлини, Россо ди Сан Секондо и др. [9]. Все эти публикации относятся к началу 1900-х и первой половине 1920-х гг. (перевод «Жизни Бенвенуто...» Б. Челлини не был опубликован и хранится в РГАЛИ в Москве). Е. М. Лазаревская скончалась через три года после казни мужа, в 1924 г. Нашему преподавателю А. Б. Кустову удалось обнаружить в архиве запись о ее смерти, что позволило уточнить не только точную дату её ухода из жизни, но и примерный год рождения, и место захоронения. В ЦГА СПб в «Книге регистрации записи о смерти...» указано, что вдова Елена Михайловна Лазаревская умерла 18 августа 1924 г., в возрасте 53 лет, и ее прах был захоронен на Смоленском кладбище.²

Муж Надежды Николаевны Таганцевой Г. В. Миштовт родился в 1879 г. в Вятке. По матери он был внуком Михаила Карловича Кюхельбекера (1798–1859), брата известного поэта и декабриста. Он окончил Гатчинский Сиротский институт, а в 1903 году — Военно-медицинскую академию [5]. После служил ординатором в Петербургском Семеновском Александровском госпитале, затем также в хирургической больнице при Александровской общине сестер милосердия. После окончания академии работал там же на кафедре физиологии под руководством выдающегося физиолога И. П. Павлова, написал диссертацию о некоторых формах торможения условных рефлексов, и в 1907 г. защитил диссертацию на степень

² ЦГА СПб, ф. 6143, оп.4, д.315: Книга регистрации записи о смерти на 1924 год. Лист 53.

доктора медицины.³ Согласно адресно-справочной книге на 1915 г. Миштовты проживают в доме 26 по Баскову переулку [3, с. 440]. После революции Миштовт трудится врачом. Его биография советского периода не исследована, и в ней много непонятных поворотов.

В фонде Таганцевых в Музее Анны Ахматовой хранятся 16 почтовых карточек и 32 письма Г. В. Миштовта, адресованных приемному сыну Кириллу Владимировичу Таганцеву и написанных в период Великой Отечественной войны в 1942–1945 гг. Во время подготовки нашей работы удалось расшифровать все почтовые карточки и десять писем. Здесь же хранятся одиннадцать открыток от разных лиц (основная часть — от неустановленных) Георгию Викентьевичу Миштовту. Переписка Г. В. Миштовта и К. В. Таганцева велась, скорее всего, с момента призыва его в армию, в том числе в течение всей войны. Пишет Георгий Викентьевич приемному сыну часто, называет его в письмах, несмотря на уже не юный возраст, по-домашнему — Кика. Пишет он о многочисленных несчастьях и бедствиях, постигших его и его близких. Так, например, в письме от 20 февраля 1942 г. он сообщает об уходе из жизни своей жены и приемной матери Кирилла Надежды Николаевны Таганцевой. В письме от 17 августа 1944 г. сообщает о смерти Л. К.: «На днях написал Тебе о тяжелой потере моей — смерти Л. К.». Тем не менее, в его письмах нет отчаяния и страха. Единственная строка в одном из писем, которая говорит о реальном состоянии души: «У нас теперь в квартире пусто, темно, мрачно, запущено — вообще жутко» (письмо от 18.07.1942). В письмах не описаны реальные ужасы блокады, скорее всего потому, что они проходили военную цензуру, о чем свидетельствует штамп «Просмотрено военной цензурой» (так, например, в письме от 29.09.43 одно предложение заштриховано). В письмах описывается его пребывание в больнице, а после снятия блокады — проблемы с жилищной площадью. Удивительно, что во время всей блокады у Г. В. Миштовта была возможность получать денежные переводы от Кирилла, об этом автор часто упоминает в письмах. Письма Георгия Викентьевича Миштовта — интересный источник для исследования истории ленинградской блокады.

³ Его диссертация: Миштовт Г.В. Выработанное торможение искусственного условного рефлекса (звукового) на слюнные железы: Дис. на степ. д-ра мед. Г.В. Миштовт / Из Физиол. лаб. Воен.-мед. акад. Санкт-Петербург: тип. Штаба Отд. корп. жандарм., 1907.

История любой семьи представляет ценность, так как через нее можно проследить историю страны, историю города. Письма Е. М. Лазаревской и Г. В. Миштовта дают интересный материал для истории семьи Таганцевых, а также их ближайших друзей. Сравнивая эти письма, можно обнаружить яркий контраст: мрачная сторона войны с ее блокадными реалиями (обыденность смерти, бытовые проблемы, борьба за жилплощадь) и, напротив, дореволюционная эпоха. Здесь нет войны, письма по большей части посвящены повседневной жизни, впечатлениям, полученным от заграничных путешествий, от интересных встреч и знакомств. Письма, частная переписка — важный исторический источник. В нем, как в зеркале, отражается эпоха, со всеми ее сложностями и радостями для рядового человека. В конце хотелось бы привести для примера два письма из более чем тридцати расшифрованных.

Лазаревская Е. М. — Таганцевой Н. Н.

Russie. Via Moscou. жел. дор. Станция Академическая, Ея Высокпревосходительству Надежде Николаевне Таганцевой. / 12 июня 1905. Дорогая Надирочка, молчали, п[отому] ч[то] долго все были в суете; вчера послали большое письмо, потому сегодня только крепко тебя целую. Ев[гению] Алек.⁴, Зину⁵ и всех сердечно приветствую. Мы здесь пробыли 4 дня, очень отдохнули, Коля, слава Богу, даже потолстел. Завтра едем через Корфу в Бриндизи⁶, там ж[елезной] д[орогой] в Неаполь. Путешествие пока замечательно хорошо и приятно, если так дальше, надеюсь, Коля очень поправится. Очень хотим знать о здоровье [так!] Евгении Алекс. Вообще с нетерпением ждем твоего письма. Твоя Лелюка. Пожалуйста, Надирочка, пиши новости.

(Почтовая карточка с изображением Temple de Victoire в Афинах. Первый штемпель утрачен с маркой, второй — Москва 24.06.1905.)

Миштовт Г. В. — Таганцеву К. В.

Дорогой Кика! Получил твое письмо от 7 сент. №5. Ты, судя по твоим письмам, хорошо справляешься со своим делом. Если я найду в магазине что-нибудь по автомобильному делу, то куплю и вышлю тебе бандеролью, если примут

⁴ Таганцева Евгения Александровна.

⁵ Фену (урожд.) Таганцева Зинаида Николаевна.

⁶ Бриндизи — город и порт в Италии вблизи Бари.

на почте. Но т[ак] к[ак] сейчас я сижу дома на бюллетене, то сделать этого не могу. Какая у меня болезнь — сам не знаю, а еще меньше знает лечащий меня врач д[окто]р Лившицина⁷, которая, оказывается, училась в 15 сов[ет-ской] школе, а теперь является участковым врачом нашего участка. Думаю, что у меня имеется кл[ассическая] легкая инфекция, которая, попав на дистрофическую почву, дает видоизмененную картину заболевания, проявляется это небольшой т^о и слабостью сердечной деятельности.

Откуда у тебя неверные сведения о моем пайке??? Август мес[яц] я имел дополнит[ельные] карточки, а теперь не имею и этого, а звание доктора медицины аннулировали (?) и только высшая квалификац[ионная] комиссия в Москве может дать звание или кандидата мед[ицинских] наук или доктора мед[ицинских] наук. Я писал в Москву через Ин[ститу]т, где ... [два слова неразб.] диплом и теперь жду решения, а пока ничего дополнительного не получаю и сижу на рабочей карточке⁸ без всякой добавки, а это же сказывается. Плохо, что Л.К. находится не карточке служащей⁹, а потому приходится делиться еще с ней.

Сейчас заходил М.Д.¹⁰, который на два часа приехал в Л[енинград]. Он в хорошем виде, но только в заботах о своей семье. Он огорчен, что не получил ответа на свое письмо, которое написал тебе по адресу, полученному от меня.

Вот ты вывозишь дрова из лесу, а я живу без дров и как достать их не знаю, хотя имею и деньги. А холода уже дают себя знать. Хорошо, что удалось отчасти застеклить, отчасти зафанерить окна — т[ак] ч[то] к зиме частично всё таки я готов. Домохозяйство старается пустить воду — выйдет ли из этого что — не знаю: тут как-то

⁷ Лившицина — в адресной книге «Весь Ленинград» на 1935 год отсутствует.

⁸ С 23 февраля 1943 г. рабочие и ИТР получали по карточкам 600 граммов хлеба в день.

⁹ С 23 февраля 1943 г. служащие получали по карточкам 500 граммов хлеба в день.

¹⁰ М. Д. — Туберовский Михаил Дмитриевич (1899–1977) — писатель, близкий знакомый семьи Миштовт-Таганцевых. Жил с ними в одном доме (Моховая ул., д. 27, кв. 6). В 1943 г. служил на Ленинградском фронте переводчиком 623 Отдельного радиодивизиона ОСНАЗ в звании старшего лейтенанта адм. службы.

пустили воду, но у нас в ванне тотчас же началась протечка — пришлось закрыть. Сейчас водопроводчицы опять явились и что-то делают. Привет тебе от Л.К., а К.А.¹¹ я не видел — она больше живет за городом.

Целую крепко. Пиши. Папа.

(Письмо на 4-х страницах, на первой — штамп «Просмотрено военной цензурой». На 1-й странице письма запись другой рукой о получении «+25.IX.43».)

Литература

1. Весь Петербург на 1894 год: Адресная и справочная книга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1894.

2. Весь Петербург на 1912 год: Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1911.

3. Весь Петроград на 1915 год: Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Издание А. С. Суворина, 1914.

4. Лазаревский Николай Николаевич / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лазаревский,_Николай_Иванович (дата обращения: 17.08.2020).

5. Миштовт Георгий Викентьевич / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:735286> (дата обращения: 17.08.2020).

6. Миштовт Надежда Николаевна / Блокада: 1941–1944. Ленинград. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vizn.nl.ru/blockade/show/1314463> (дата обращения: 17.08.2020).

7. Новое время. 1914. № 13677 от 11 апреля.

8. Петербургский некрополь. Т. 3 (М–Р). СПб., 1912.

9. Писательницы России / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rgali.ru/obj/12847631>, <https://fantlab.ru/work690797>, <https://search.rsl.ru/ru/record/01009193550>. (дата обращения: 17.08.2020).

10. Таганцев Владимир Николаевич / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Таганцев,_Владимир_Николаевич. (дата обращения: 17.08.2020).

11. Таганцев Н. С. Дневник 1920–1921 гг. / публ. К.В. Таганцева; подгот. текста Н. Б. Орловой-Вальской; коммент. В. Ю. Черняева // Звезда. 1998. № 9.

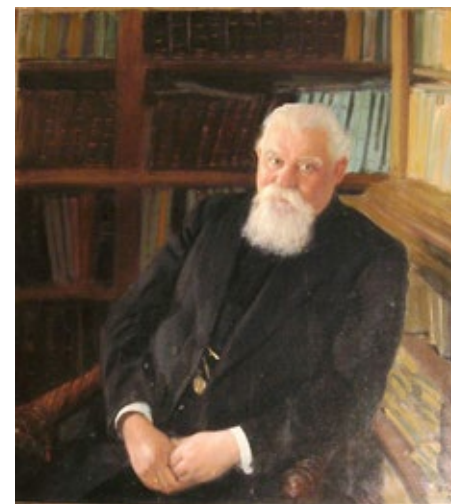
¹¹ К. А. — скорее всего, речь идет о К.А. Басковой.

Н. С. Таганцев. Фото опубликовано в ж. «Искры» 17 марта 1913

Н. С. Таганцев. 1900-е

Кустодиев Б. М. Портрет Н. С. Таганцева. 1909

Кустодиев Б. М. Портрет Евгении Александровны Таганцевой. 1909

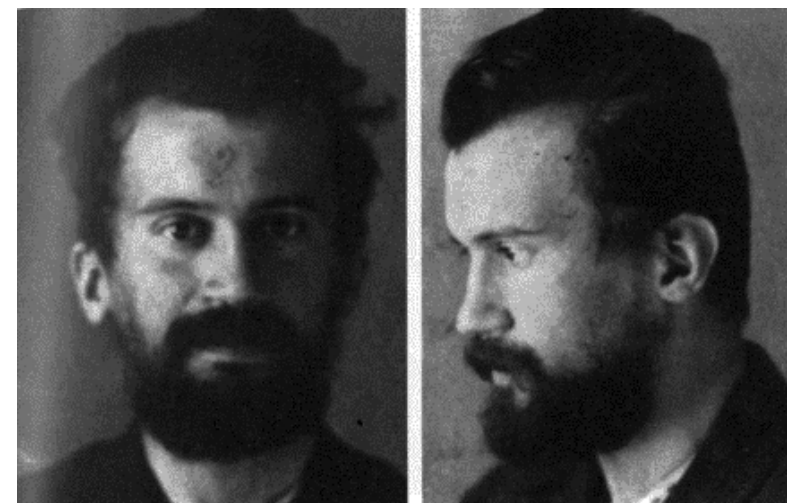
*Любовь Степановна Таганцева. Начало 1900-х гг.
Из собрания Музея-квартиры Л. Н. Гумилева*

Владимир Николаевич Таганцев. 1910-е гг.

*Дом № 27–29 по Моховой улице, где находилась Женская гимназия
Л.Н. Таганцевой. Фотография Буллы. Начало 1900-х гг.*

В. Н. Таганцев. Фотография из следственного дела. 1921

*На веранде дома в имении Залучье:
(справа налево) сидят — Н. С. Таганцев, А. А. Кадьян,
дочь Н. С. Таганцева Зинаида с детьми, за ними жена Н. С. Таганцева
Е. А. Таганцева, Н. Н. Таганцев, А. Ю. Кадьян и А. Е. Таганцева*

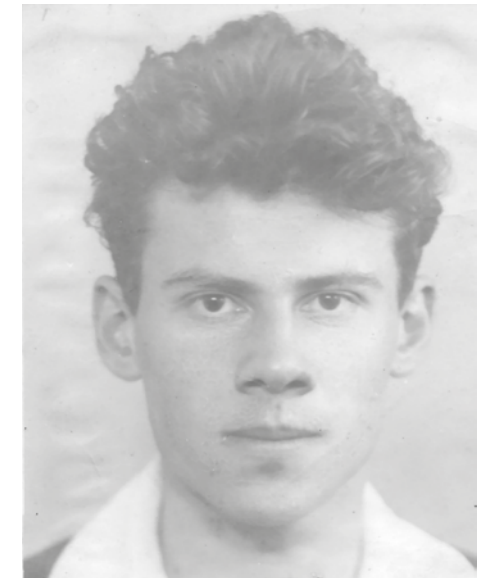
*Надежда Феликсовна Таганцева
(урожд. Марцинкевич). 1910-е гг.*

*Николай Иванович и Елена Михайловна Лазаревские (сидят),
братья Н. И. Лазаревского Михаил и Иван (стоят). 1901*

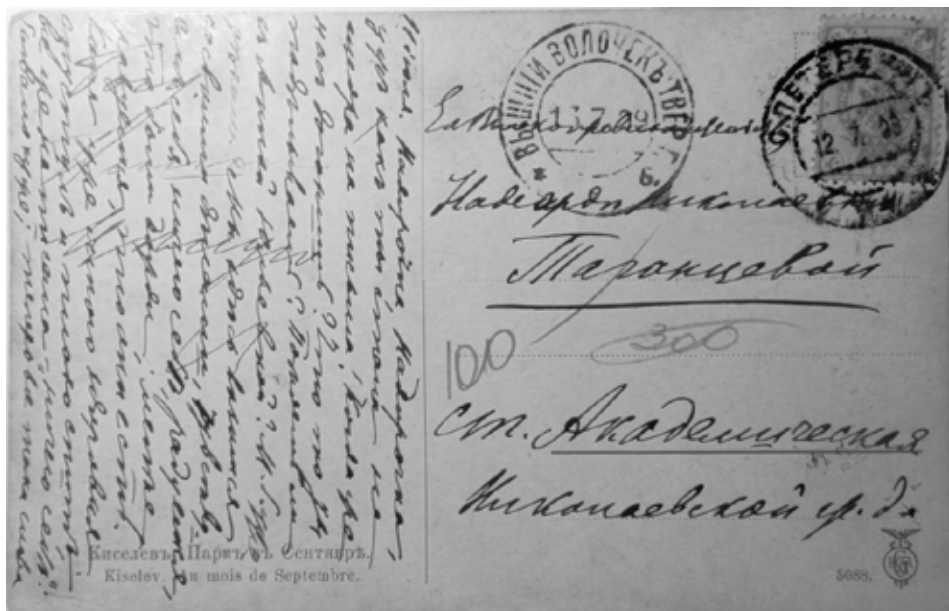
*Николай Иванович Лазаревский.
Фотография 1910-х гг.*

*Кирилл Владимирович Таганцев
в студенческие годы.
Конец 1930-х гг.*

Кирилл Владимирович Таганцев. 2-я половина 1940-х гг.

Почтовая открытка, отправленная Е. М. Лазаревской Н. Н. Таганцевой. Из личного собрания А. Кустова

ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АЛЬБОМА 1950 ГОДА, ОФОРМЛЕННОГО
УЧАЩИМИСЯ 9 КЛАССА ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ В ЦАРСКОЕ СЕЛО)

ЕЛИЗАВЕТА ГРИШАКОВА, ЯНА САВЕЛЬЕВА, 7 КЛАСС, ШКОЛА № 490, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **ОКСАНА ВАЛЕРЬЕВНА ХВЕДЧЕНЯ, ПЕДАГОГ**
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЫ № 490, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Однажды мы поехали на экскурсию в музей «История детского движения Красногвардейского района», который находится во Дворце детского (юношеского) творчества «На Ленской», открытом в мае 1990 г.

Экспозиции этого историко-краеведческого музея рассказывают о становлении и развитии детского движения в районе начиная с 1920 г. и до сегодняшнего дня. Во время экскурсии мы обратили внимание на необычный экспонат — альбом, оформленный учащимися 9-го класса 135-й школы после поездки в Царское село 10 сентября 1950 г. Эта поездка состоялась 70 лет назад! Тем, кто его создавал, сегодня должно быть уже около 85 лет. О чем они мечтали осенью 1950-го? Как сложилась их судьба?

Сейчас на месте 135-й школы находится школа № 499 Красногвардейского района, в которой, увы, история школы № 135 оказалась никому не известна.

В альбоме указано, что классным воспитателем 9-го класса была Елизавета Васильевна Абрамова, учитель русского языка и литературы. Всё, что нам удалось найти о Елизавете Васильевне, — воспоминания её ученицы, которая могла учиться в 9 классе в 1950-м г. К сожалению, этой ученице уже нет в живых.

В музей «История детского движения Красногвардейского района» альбом принесла Ольга Александровна Связева, дочь учительницы, которая не работала в школе № 135. Но, возможно, Ольга Связева училась в 9 классе этой школы в 1950 г.

«Мы посетили места юности Александра Сергеевича Пушкина» — так написано на одной из первых страниц альбома. Текст помещен на передний план, а на заднем плане нарисована Чесменская колонна. Оформлением альбома занималась Н. Григорьева. Сведений о других учениках нет. Школа в те годы была женской, на всех фотографиях только девочки.

Альбом картонный (формата А4), обернут в тонкую, оборванную бумагу с надписью «Альбом», состоит из 38 страниц. Состояние экспоната хорошее. Текст написан красиво и аккуратно, надписи остались чёткими.

Вот основные особенности оформления альбома:

— текст написан рукописным почерком, все подписи сделаны одной из учениц, Н. Григорьевой;

— имеются фотографии (21 черно-белая фотография формата 10 см на 15 см), открытки (10) и рисунки (2);

— среди записей присутствуют цитаты из стихотворений, воспоминаний и других текстов (мы составили полный список таких цитат).

Что бы мы предложили добавить в альбом, если бы учились в 9 классе 135-й школы в 1950-м:

— список всех учащихся класса;

— маршрут путешествия;

— личные отзывы учащихся о поездке.

Мы тоже посетили Царское Село, сделали много фотографий и решили сравнить наши фотографии с фотографиями 1950 г, чтобы проанализировать состояние некоторых памятников.

Один из памятников — Екатерининский дворец. В альбоме 1950 г. есть несколько его фотографий, по которым видно, что дворец уже начали восстанавливать: окна кое-где вставлены, а где-то еще заколочены, основания колонн полуразрушены. На одной из фотографий видны сильные повреждения дворца, в окнах отсутствуют рамы, некоторые окна крест-накрест перекрыты досками. По черно-белым фотографиям трудно оценить степень разрушения, но эта фотография явно передаёт атмосферу спасённого, но ещё не восстановленного дворца.

Каким спокойным, ярким и величественным выглядит дворец сейчас! И сколько сил потребовалось, чтобы восстановить его! Мы прочитали, что война уничтожила всё убранство дворца: паркеты, шелковую обивку стен, резьбу, иконы... Первые отреставрированные залы Екатерининского дворца открылись только в 1959 г. Восстановительные работы продолжают идти до сих пор.

Подводя итог, хочется сказать, что мы рады проделанной работе. Знакомство с Царским Селом через историю экспоната

состоялось. Конечно же, было бы очень интересно найти этих учащихся! В будущем мы надеемся это сделать.

Литература

1. Виртуальный музей «История довоенных школ на Малой Охте» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://3school-ohra.uscoz.site/index/shkola_499/0-4 (дата обращения 20 февраля 2020).

2. Голлербах Э. Ф., Успенский А. И., Вильчковский С. Н. Истории Царского Села. Императорские дворцы и парки. М.: ОлмаМедиа-Групп; Просвещение, 2016.

3. Из истории музея-заповедника «Царское село» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/239205/ (дата обращения 19 марта 2020).

4. Ленинград, 24 января 1944: Пригородные дворцы в руинах, «Самсон» исчез без следа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/spb-news/909150> (дата обращения 19 марта 2020).

5. Литературный клуб гимназии № 157 имени принцессы Е. М. Ольденбургской [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gym157.spb.ru/rus/literat_klub_gym157/bobrova.html (дата обращения 20 февраля 2020).

6. Музей «История детского движения Красногвардейского района» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://na-lenskoj.ru/otdely/muzej-istoriya-detskogo-dvizheniya-krasnogvardejskogo-rajona> (дата обращения 23 января 2020).

7. Музей после войны. Царское село [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://gorod-plus.tv/navi/334.html> (дата обращения 19 марта 2020).

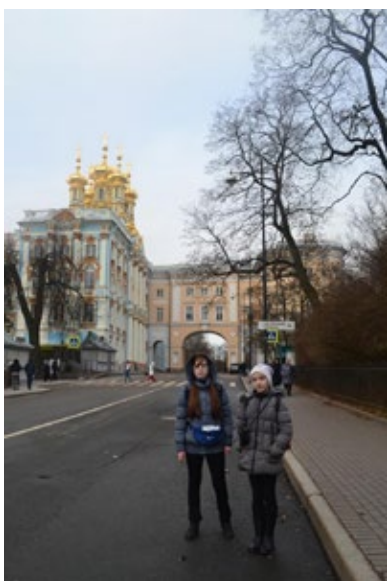
8. Камеронова галерея [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://izi.travel/ru/912e-kameronova-galereya/ru> (дата обращения 19 марта 2020).

9. Павильон «Грота» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.spb-guide.ru/page_19501.htm (дата обращения 19 марта 2020).

10. Царское село. Адмиралтейство [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://peterburg.center/maps/carskoe-selo-admiralteystvo.html> (дата обращения 19 марта 2020).

*Авторы работы, Яна Савельева и Елизавета Гришакова,
в музее «На Ленской» (Фото О. В. Хведчени. 2019)*

*Елизавета Гришакова и Яна Савельева на улице Садовой (г. Пушкин)
(Фото О. В. Хведчени. 2019)*

II. КНИГА КАК МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В данном разделе сборника представлены девять статей победителей и призёров городского проекта «Музей открывает фонды»: шесть — из книжного фонда музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, две — из фондов Педагогического музея Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования и ещё одна — из фондов Музея-усадьбы А. Н. Оленина в Приютино Всеволожского района Ленинградской области.

Большинство книг из фонда Музея Анны Ахматовой, выбранных в качестве исследования участниками проекта, поступили сюда из коллекции М. С. Лесмана, которая на протяжении уже многих лет служит источником изучения юными исследователями.

Одна из них, «Нездешние вечера» Михаила Кузмина, изданная в Петрограде в 1921 году, особенно заинтересовала ученицу 9 класса гимназии № 116 Приморского района Александру Липатову. К творчеству одного из самых ярких представителей поэзии Серебряного века Александра пришла через переводы её любимого английского поэта Оскара Уайльда, сделанные Михаилом Кузминым.

Юная исследовательница, отметив, что «в коллекции М. С. Лесмана, согласно каталогу находилось пять экземпляров “Нездешних вечеров” из одного тиража, с 1221 по 1225 номера», пишет, что выбранная ею книга «выделяется не только судьбой, “жизнью рядом с поэтом” после акта дарения, но и особой сердечностью, душевной исполненностью слов, выведенных рукой Михаила Алексеевича Кузмина в июне 1921 года». Предметом исследования Александры Липатовой и становится «выполненная орешковыми чернилами» дарственная надпись поэта на шмуцтитуле книги его другу Юрию Юркуну, уже после смерти Кузмина расстрелянному по сфабрикованному делу о подготовке к террористическому акту против представителей советской власти.

Ученица 10 класса, слушательница Юношеского университета Петербурга Анастасия Кучина обращается к необычной истории книги Леонида Андреева «Ночной разговор», изданной в 1915 году в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки), в издательстве «Библион», ставшем одним из ведущих издательств русского зарубежья. Писатель, в первые месяцы Первой мировой войны охваченный всеобщим ура-патриотическим угаром, очень скоро пришел к горькому разочарованию от вестей, приходящих с фронта, и занял пацифистскую позицию, проявившуюся в рассказе «Ночной разговор». В нем Андреев воссоздает диалог императора Германии Вильгельма II, напыщенного, самовлюбленного, опьяненного победой над защитниками маленького бельгийского городка, и русского революционера, политического эмигранта, профессора права, вставшего на защиту бельгийцев. Из этого диалога победителем выходит не Вильгельм, убийца и насильник, а «побежденный» им в неравном бою русский, на стороне которого и находятся симпатии автора. Как справедливо замечает Анастасия Кучина, эта книга уникальна не только потому, что у нее был маленький тираж, но и потому, что ее автор «почувствовал жизнь глубже и тоньше, чем многие его современники, — сформулировал итоговую оценку происходящего вокруг него».

Третья из собрания Лесмана книга, изданная в 1921 году, роковым для поэзии Серебряного века (это год смерти Александра Блока и расстрела Николая Гумилева), — сборник стихотворений Гумилёва «Шатер». К истории его создания обратился ученик 11 класса школы № 376 Московского района Амир Мингалиев. Юный исследователь не просто дает подробное описание книге, вышедшей в Севастополе в издании «Цеха поэтов», но и восстанавливает историю дарственной надписи Н. Гумилева («Вы сегодня бледней, чем всегда») на сборнике, подаренном автором своему ученику-студенту Константину Вагинову. Отталкиваясь от этой надписи, Амир Мингалиев восстанавливает историю сложных отношений учителя и ученика, выбравшего свой, независимый от учителя, путь в литературе, и даже наделившего чертами Гумилева героя своего романа «Козлиная песнь» Александра Петровича Заэфратского, поэта и страстного путешественника: «Его нога ступала во все причудливые дворцы, он беседовал со всеми

известными властителями». А саму надпись на сборнике Амир справедливо связывает со строками, взятыми из стихотворения «Либерия» анализируемого им поэтического сборника «Шатер»:

*Вы сегодня бледней чем всегда,
Позабывшись, вы скажете даме,
И что дама ответит тогда,
Догадайтесь, пожалуйста, сами.*

Но главный, на мой взгляд, итог этой работы состоит в том, что она вызвала у юного исследователя желание продолжить изучение русской литературы начала XX века.

Две представленные в этом разделе публикации выполнены учащимися Президентского физико-математического лицея № 239. Первая из них, написанная ученицей 6 класса Ириной Рудниковой, озаглавлена «Книга о часах — стихи о времени: о чем рассказывает книга Елизаветы Полонской и Николая Лапшина «Часы», вторая — «"Алгебра на клетчатой бумаге" Я. И. Перельмана: от книги к эпохе», выполненная ее одноклассницей Ульяной Луперьевой. Несмотря на юный возраст авторов статей, это вполне зрелые исследования. Так, Ирина Рудникова пытается подробно проанализировать литературную форму и художественный стиль иллюстраций. «Мотивы круга, цикличности и одновременно стремительности бега времени, идея технического прорыва и стремления в светлое будущее к новым рубежам — всё это отражено как в тексте Елизаветы Полонской, так и в художественной манере Лапшина», — замечает исследовательница. Обращается Ирина и к драматической судьбе авторов книги, «наследников классического русского искусства, которые прожили тяжелую жизнь, неразрывно связанную с жизнью страны», и «вынуждены были уйти в детскую литературу, как в тихую гавань, находя в ней возможность скрыться от идеологического давления». Предметом изучения Рудниковой становится и трагическая судьба поэта, переводчика и литературного критика Исаака Выгодского, которому Елизаветой Полонской была посвящена дарственная надпись на книге. Он был осужден за антисоветскую пропаганду и погиб в лагере в Караганде в 1943 году.

Отправной точкой исследования Ульяны Луперьевой стала миниатюрная книжка известного математика и популяризатора науки Я. И. Перельмана «Алгебра на клетчатой бумаге». В своей

статье, рассказав о Доме занимательной науки, с 1935 по 1941 годы располагавшемся в Фонтанном Доме и осуществлявшем грандиозную просветительскую деятельность, исследовательница на основе проанализированных ею источников пытается полностью описать схему расположения залов Дома занимательной науки в её соотнесённости с залами Шереметевского дворца, понять, какие экспонаты находились в этих залах и как они выглядели. Интересны и размышления Ульяны по поводу того, как к Дому занимательной науки относились гости А. А. Ахматовой: «...Людям круга Ахматовой — представителям дореволюционной интеллигенции и хранителям уходящей культуры — претила идея всеобщего образования с опорой на науку в ущерб религии».

В определенной мере предшественниками создателей Дома занимательной науки были руководители Педагогического музея военно-учебных заведений в Соляном городке на набережной реки Фонтанки, д. 10, — Аполлон Николаевич Макаров и сменивший его на этом посту Захарий Андреевич Макшеев. Симптоматично, что об этих подвижниках военного образования написали учащиеся Санкт-Петербургского кадетского корпуса Следственного комитета Российской Федерации: ученик 10 класса Владислав Мацуков, автор работы, посвящённой А. Н. Макарову, и ученица 9 класса Елизавета Федотова, посвятившая своё исследование З. А. Макшееву. Источником для их работы и одновременно объектом исследования стал очерк Я. Л. Барскова «Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914» из собрания Педагогического музея Академии постдипломного педагогического образования, который является восприемником того дореволюционного заведения в Соляном городке, передового информационно-методического центра научно-профессиональной направленности в области образования.

Одна из работ, вошедших в этот раздел, была посвящена трём редким экземплярам «Илиады» Гомера в переводе Н. И. Гнедича. Два из них хранятся в литературно-художественном Музее-усадьбе А. Н. Оленина «Приютино», а третий — в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Автор исследования «Три книги» Влада Могильниченко, студентка 1 курса Садово-архитектурного колледжа, задалась вопросами, что объединяет книги, какую историю они хранят, почему они находятся в музейных экспозициях? Изучение

«приютинских» и «ахматовского» экземпляров «Илиады» помогло ей установить сложную сквозную связь между судьбами поэта-переводчика Николая Гнедича, директора Императорской публичной библиотеки Алексея Оленина, князя Алексея Гагарина, актрисы Екатерины Семёновой, поэта Николая Гумилёва, востоковеда Владимира Шилейко и Анны Ахматовой.

В отличие от этой книги, вышедшей в Петербурге в 1829 году, и тех, что были опубликованы при жизни Ахматовой, исследованная ученицей 7 класса школы № 580 Татьяной Макаровой книга художника Олега Дергачёва (его арт-объекта) вышла в свет совсем недавно и подарена автором музею потому, что в ней помещено стихотворение Анны Ахматовой 1961 года «Пусть молчанье станет тайным знаком...». Этими «тайными знаками», запечатленными и в словах, и в рисунках, пронизана вся книга Олега Дергачёва. Автор представленного в этом разделе исследования, несмотря на юный возраст, демонстрирует глубокое проникновение в «тайный смысл» этой книги, её философию и эстетику. Многозначителен и вывод, к которому приходит Татьяна Макарова: «Мне кажется, что Олегу Дергачеву интересна тема зодиаков и их символики, от которой веет загадочностью так же, как от произведений Анны Ахматовой, и Дергачев создает новую загадку. А может быть, Дергачев представляет творчество Ахматовой как нечто, что волнует множество людей, отсюда и сотни глаз, смотрящих с его иллюстраций. Футуристические пейзажи говорят о том, что творчество Анны Ахматовой принадлежит будущему, оно бессмертно»

Всех авторов этого раздела, несмотря на их разный возраст, от 5 до 11 класса, при выборе предмета исследования объединил интерес к книгам и желание разгадать скрытый в них таинственный код. Важно отметить, что юные исследователи овладели методикой описания избранных ими книжных артефактов. И в этом заслуга их музейных кураторов и педагогов, пробудивших интерес к исследовательской работе. Хочется выразить благодарность заведующей библиотекой гимназии № 116 Приморского района Евгении Николаевне Казаковой, педагогу дополнительного образования ДДЮТ Московского района Ольге Васильевне Блинецовой, учителям русского языка и литературы Президентского физико-математического лицея № 239 Вере Дмитриевне Кастрель

и Санкт-Петербургского кадетского корпуса Следственного комитета Российской Федерации Гаянэ Нодариевне Шагинян, педагогу дополнительного образования ДД(Ю)Т ДО Всеволожского района Ленинградской области Диане Юрьевне Могильниченко, музейным кураторам Наталье Петровне Пакшиной (заведующей книжным фондом Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме), Людмиле Владимировне Дербиловой (заведующей Педагогическим музеем Академии постдипломного педагогического образования), Татьяне Владимировне Ильиной (методисту Музея-усадьбы «Приютино»).

Владимир Ильич Аксельрод

*канд. ист. наук, методист ГБНОУ «СПБГДТЮ»,
декан Юношеского университета Петербурга*

КНИГА ХУДОЖНИКА ОЛЕГА ДЕРГАЧЕВА

(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ)

ТАТЬЯНА МАКАРОВА, 7 КЛАСС, ШКОЛА № 580, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **БОРИС БОРИСОВИЧ РОМАНОВ**, ПЕДАГОГ

ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЫ № 580, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Я решила проанализировать арт-объект художника Олега Дергачева, вдохновленный творчеством Анны Ахматовой.

Книга художника — это художественный объект, в котором текст, обложка, иллюстративные материалы являются единым целым.

Художник Олег Дергачев родился в 1961 г. в Ростове-на-Дону. Окончил среднюю художественную школу, затем Львовскую академию печати по специальности «Графика и оформление книги» в мастерской профессора Юрия Чарышникова. Участвовал в 300 национальных и международных выставках авторской книги, карикатуры, графики. Основал фантомное издательство «ДО Пресс», в котором выпустил более 30 авторских книг визуальной поэзии и графики, в том числе — книгу карикатур «Новые персонажи» (1990) и «Рука» (2005). Лауреат более 70 международных конкурсов в области визуального юмора и графики в 25 странах (Япония, Польша, Россия, Сербия, Словакия, Украина, Италия, Бразилия, Германия, Голландия, Корея, Китай и другие). Работы Дергачева находятся в многочисленных частных и музейных коллекциях многих стран мира, например — в кабинете графики Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, отделе графики Русского музея в Петербурге, Российской государственной библиотеке, в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, Музее современного искусства Мёнчехаус в Германии, Арт-музее Падуи в Италии, медиатеке Центра Жоржа Помпиду в Париже и многих других [3].

Размеры арт-объекта, созданного Олегом Дергачевым, составляют 440 x 320 мм. В книге 79 страниц. Обложка пшеничного цвета; сделана, вероятно, из нескольких слоев марли и картона, скрепленных клеем ПВА; на ощупь зернистая. Могу предположить что обложка была выполнена в технике папье-маше.

Название «А. А» на пространстве обложки занимает примерно одну восьмую часть. Две буквы светлого оливково-коричневого цвета написаны будто небрежными мазками, толстой кистью. Буквы разного размера, между ними нет расстояния — они имеют

общую сторону. Также на обложке имеются два пятна такого же оливково-коричневого цвета, как и буквы.

Стихотворения и иллюстрации занимают лишь около 40 % пространства каждой страницы, и за счет обилия свободного места создается впечатление легкости и чистоты.

Бумага плотная, слегка зернистая, цвета слоновой кости, сделана вручную и похожа на загрунтованный холст. Стихотворения и иллюстрации автор располагает не на одной странице, а чередует их. На каждой странице мы можем увидеть желтый квадрат и изображенные на нем разные символы. В книге присутствуют особые символы — в виде спирали, треугольника, иногда обычной прямой линии. На пространстве некоторых страниц есть закорючки и загогулины, спирали, точки и кривые, как будто сделанные в задумчивости или недописанные.

Спираль — что означает этот символ? Спираль можно увидеть в природе: узоры на пальцах, смерчи, водовороты, галактики. Это очень многозначный знак. Спираль можно расшифровать как символ времени, символ духовной и созидательной силы, знак скрытой энергии.

Стихотворения Анны Ахматовой в книге написаны от руки, на двух языках. Переводы стихотворений с русского на английский язык располагаются на той же или следующей странице, отделенной тонкой калькой. Под каждым переводом на указано имя его авторы: Sergey Roy (Сергей Николаевич Рой), Raissa Bobrova (Раиса Сергеевна Боброва), Peter Tempest (Питер Темпест).

Иллюстрации, сделаны в технике «тушь, перо» и вклеены на страницы.

Страницы (так же, как и символы на желтом квадрате) отмечены штампами «уплачено ВЛКСМ». В этом видится ирония над властными запретами.

Более всего в книге художника меня привлекли иллюстрации самого Дергачева, особенно серия на тему «Знаки зодиака». Эти работы отличаются наличием множества мелких деталей, геометрических фигур. Даже сама сюжетная картинка располагается в кругу или в квадрате.

Те фигуры, которые находятся в кругу, пугающе напоминают глазное яблоко. Глаз присутствует на многих страницах, в разных

формах: масонский глаз в треугольнике, человеческий глаз, глаз животного и множество других. На некоторых рисунках геометрические фигуры и объекты складываются в глаз. Повсюду в книге мы встречаем тайные знаки. Так, на странице 71 в книге художника мы можем найти стихотворение Анны Ахматовой 1961 г., в котором тоже упоминаются тайные знаки:

*...Пусть молчанье будет тайным знаком
Тех, кто с вами, а казался мной,
Вы ж соединитесь тайным браком
С девственной горчайшей тишиной,
Что во тьме гранит подземный точит
И волшебный замыкает круг...*

Мне кажется, что Олегу Дергачеву интересна тема зодиаков и их символики, от которой веет загадочностью так же, как от произведений Анны Ахматовой, и Дергачев создает новую загадку. А может быть, Дергачев представляет творчество Ахматовой как нечто, что волнует множество людей, отсюда и сотни глаз, смотрящих с его иллюстраций. Футуристические пейзажи говорят о том, что творчество Анны Ахматовой принадлежит будущему, оно бессмертно. Но самое главное — Дергачев показывает, что разные стили творчества можно гармонично связать между собой. Футуристическая иллюстрация и классическая поэзия сплелись в нечто новое и интересное.

Литература

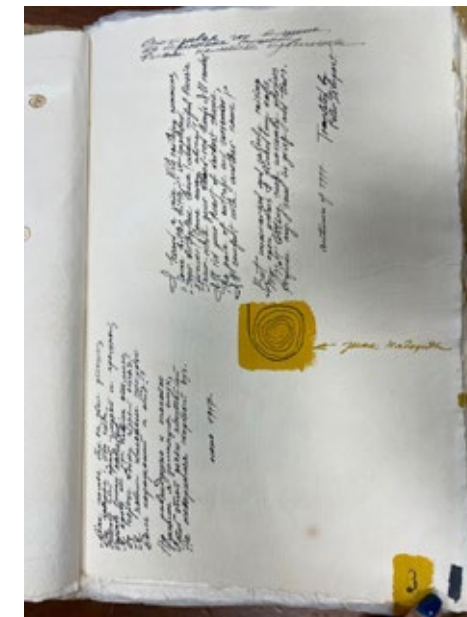
1. Глаза // Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Глаза> (дата обращения: 06.06.2021).

2. Григорьянц Е. И. Развитие традиций российских футуристов в современной российской книге художника // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 213. Книжное дело: вчера, сегодня, завтра: материалы XVIII международной научно-практ. конференции «Смирдинские чтения». СПб., 2016.

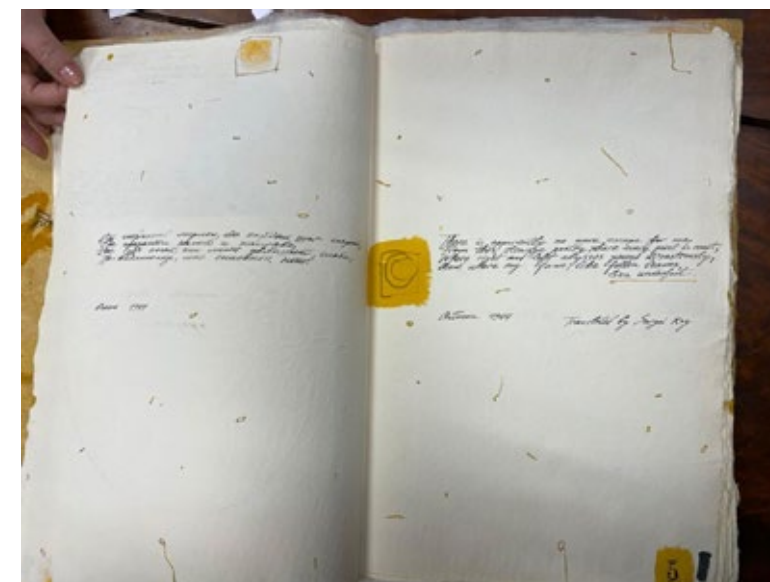
3. Дергачев Олег // Большая энциклопедия карикатуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cartoonia.ru/ru/entsiklopediya-karikatury/d/dergachev-oleg-dergachev-oleg/> (дата обращения: 06.06.2021).

Обложка книги Олега Дергачёва

Страница 3 книги

Страница 5 книги

Козерог

Лев

Весы

**«...И НА РЕСНИЦЕ ВДРУГ УМИЛЬНО
СЛЕЗА ВЕСЁЛАЯ БЛЕСНЁТ...»
(КНИГА МИХАИЛА КУЗМИНА «НЕЗДЕШНИЕ ВЕЧЕРА».
ПЕТРОГРАД. 1921)**

АЛЕКСАНДРА ЛИПАТОВА, 9 КЛАСС, ГИМНАЗИЯ № 116, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Руководитель: **ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА КАЗАКОВА**, ЗАВЕДУЮЩАЯ
БИБЛИОТЕКОЙ ГИМНАЗИИ № 116, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С именем Михаила Алексеевича Кузмина я познакомилась благодаря творчеству Оскара Уайльда. Прочитав произведения Уайльда на английском языке, нашла эти тексты на русском — в том числе переведённые Кузминым. Между этими поэтами отмечено значительное сходство в эстетике, пристрастие к дендизму, склонности к театрализации жизни.

Я не ставлю перед собой задачи исчерпывающего описания философских, мифологических, культурологических моделей, связанных с автором. В центре моего внимания — особенности создания и бытования конкретного экземпляра поэтической книги Кузмина, обстоятельства жизни поэта в момент появления этого сборника стихотворений.

В книжном фонде музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранятся несколько книг Кузмина. Сборник «Нездешние вечера» с автографом автора поступил в музей из коллекции М. С. Лесмана. Примечательно, что в коллекции библиофила, согласно каталогу, находилось 5 экземпляров «Нездешних вечеров» из одного тиража. Однако выбранная мною книга выделяется не только судьбой, «жизнью рядом с поэтом» после акта дарения, но и особой сердечностью, душевной исполненностью слов, выведенных рукой М. А. Кузмина в июне 1921 г.

Сборник «Нездешние вечера», вышедший в июне 1921 г. в петроградском издательстве «Петрополис», — первая прижизненная публикация восьмой книги Михаила Кузмина. В неё вошли 55 стихотворений, написанных в 1914–1920 гг.

Книга в издательской бумажной обложке охристого цвета, рисунок на обложке и изображение марки издательства выполнены Мстиславом Валериановичем Добужинским, одним из крупнейших мастеров книжной графики, живописцем, театральным художником.

На авантитуле указано: «Отпечатано в 15-ой Государственной типографии (бывш. Голике и Вильборг) в июне 1921 года, под наблюдением В. И. Анисимова, для издательства “Петрополис”».

Формат издания небольшой — 17,2 на 13 см, в книге 135 страниц.

Тираж — 1 000 экземпляров, из них 62 именные и 100 нумерованные, в продажу не поступают. Для книги использована высококачественная веленевая бумага.

Книга из коллекции известного петербургского библиофила М. С. Лесмана была передана в дар музею его вдовой Наталией Георгиевной Князевой в 1990 г. В верхнем углу титульного листа, на страницах 13 и 69 — владельческая монограмма М. С. Лесмана.

Но самое примечательное и ценное в книге — это, конечно же, выполненная орешковыми чернилами дарственная надпись Михаила Кузмина:

Безцѣнному Юрочкѣ
единственному моему другу
его М. Кузминъ
1921 Июнь.

Автограф на шмуцтитуле¹ указывает на то, что Кузмин подарил этот экземпляр своему ближайшему другу Юрию Юркуну. «Бесценный Юрочка» познакомился с поэтом весной 1913 г. И на 23 года его дальнейшая судьба оказалась тесным образом связана с судьбой Кузмина.

Михаил Алексеевич Кузмин — поэт, прозаик, драматург, переводчик, композитор — родился в 1872 г. в Ярославле, в семье отставного морского офицера. Печататься Кузмин начал сравнительно поздно — в 1905 г., когда ему было уже 33 года. Творчество Михаила Кузмина занимает важное место в русской литературе Серебряного века.

В 1934 г. Кузмину был поставлен диагноз «грудная жаба»². Врачи признали невозможность лечения и отводили поэту всего лишь 2 года жизни. В феврале 1936 г. его положили в Куйбышевскую (теперь снова Мариинскую) больницу на Литейном проспекте, дом 56, где 1 марта он и умер от воспаления легких. Как вспоминала

Анна Ахматова, «его простудили, забыв закрыть форточку. В день смерти к нему пришел его приятель, Юркун, они долго разговаривали, в заключение К. сказал: “Теперь остались только детали”. Когда Юркун одевался в гардеробе, ему сообщили, что К. умер»[6]. Именно Юрий Юркун и его мать Вероника Карловна Амброзевич стали наследниками Кузмина [19].

20 сентября 1938 г. Юрий Юркун был осужден к расстрелу за то, что, согласно обвинительному заключению, «с 1936 года являлся активным участником антисоветской право-троцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации, действовавшей среди писателей г. Ленинграда, был организационно связан с одним из руководящих участников этой организации Лившицем, по заданию которого вербовал новых лиц, неоднократно присутствовал на нелегальных собраниях организации, на которых обсуждались вопросы борьбы с Советской властью и вырабатывались конкретные планы подготовки совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства» [19]. Приговор был приведен в исполнение «немедленно», то есть в ночь на 21 сентября 1938 г. Как полагалось в таких случаях, родственникам погибших было сообщено, что осужденные приговорены к «десяти годам заключения без права переписки». Уже после расстрела, 8 октября 1938 г., сотрудниками НКВД были изъяты из пустых комнат квартиры Юркуна его рукописи, коллажи, рисунки, книги и принадлежавшие ему архивы М. А. Кузмина.

В 2017 г. на фасаде дома по адресу ул. Рылеева, д. 17–19, где в квартире 9 жили Юрий Юркун и Михаил Кузмин, была установлена мемориальная доска проекта «Последний адрес» с данными Ю. И. Юркуна. Проект «Последний адрес» — это общественная инициатива, увековечивающая память людей, ставших жертвами политических репрессий и государственного произвола в годы Советской власти. Небольшая, размером с открытку, доска прикрепляется на дом, откуда человека увезли на смерть, и напоминает о хрупкости жизни, о мировой несправедливости.

Каким образом конфискованная книга с автографом «Бесценному Юрочке» попала в собрание М. С. Лесмана? Это остаётся загадкой, которую хотелось бы разрешить. Несомненно

¹ Шмуцтитул — страница, размещённая перед титульным листом для защиты последнего от грязи и порчи или предваряющая часть, главу издания.

² Так в ту эпоху называли стенокардию.

лишь то, что судьба экземпляра «Нездешних вечеров» непроста и витиевата.

Этот сборник является ярким образцом книгопечатания первых послереволюционных лет. Издательство, выпустившее «Нездешние вечера», славилось среди библиофилов особым отношением к книге как произведению искусства. Наличие дарственной надписи от автора делает книгу уникальной.

Литература

1. *Аренин Э. М.* Имени первопечатника: рассказ о типографии, носящей имя подвижника русской культуры Ивана Федорова. М., 1967.
2. *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург. СПб, 2003.
3. *Богомолов Н. А., Малмстад Джон Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. СПб, 2007.
4. *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995.
5. *Брюсов В.* Близкие люд». М: АСТ. 2019.
6. *Будыко М.* Рассказы Ахматовой // Звезда. 1989. № 6, С. 81.
7. *Гильдебранд О. М. А.* Кузмин / Предисл. и коммент. Г. Морева // Лица: биографический альманах. 1992, № 1.
8. *Ивнев Р.* Встречи с М. А. Кузминым / Ивнев Р. Избранное. М., 1988.
9. *Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина. // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13, М.-СПб. 1993.
10. *Кузмин М.* Стихотворения. Пьеса. Переписка / Публ. А. Тимофеева. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993.
11. *Кузмин М.* Избранные произведения». Л., 1990.
12. *Лозинский Г.* Petropolis // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1928.
13. Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990.
14. *Решетова О. К.* К истории товарищества «Р. Голике и А. Вильборг» // Книга в меняющемся мире: VII науч. конф. по проблемам книговедения. Тезисы докладов. М., 1992.
15. *Тараканова О. Л.* Антикварное и букинистическое дело: Библиофильские издания: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУП, 2000.

16. *Тимофеев А. Г.* Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» (Новые материалы по истории «Русского Берлина» // Русская литература. 1991. № 1.

17. Художники группы «Тринадцать». Из истории художественной жизни 1920–1930-х годов. / Вступ. статья и сост. М. А. Немировской. М., 1986.

18. *Цветаева Марина.* Нездешний вечер // Цветаева Марина. Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т. 2.

19. *Шаталов А.* Предмет влюбленных междометий. Ю. Юркун и М. Кузмин: к истории литературных отношений // Вопросы литературы. 1996. № 6.

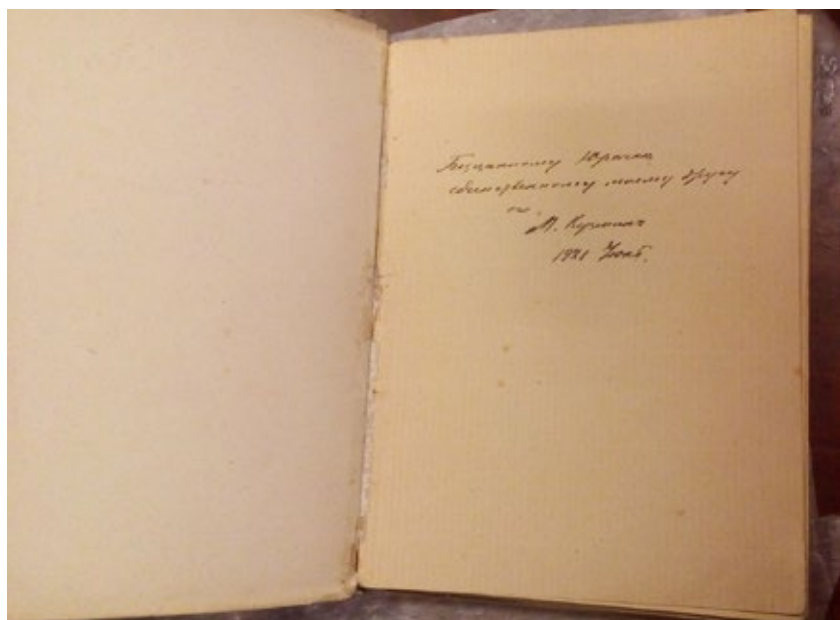
20. *Шумихина С.* Три удара по архиву Михаила Кузмина // Новое литературное обозрение. 1994. № 7.

Обложка книги М. Кузмина «Нездешние вечера»

М. Кузмин и Ю. Юркун. 1920

Автограф М. Кузмина на книге «Нездешние вечера»

**О СБОРНИКЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА «ШАТЕР»
(ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ)**

АМИР МИНГАЛИЕВ, 11 КЛАСС, ШКОЛА № 376, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА БЛИЗНЕЦОВА**, ПЕДАГОГ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОТДЕЛА КРАЕВЕДЕНИЯ ДДЮТ
МОСКОВСКОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В фондах Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранится сборник стихотворений Николая Гумилева «Шатер», изданный в 1921 г.

На фронтисписе книги — дарственная надпись: «Косте Вагинову. Вы сегодня бледней, чем всегда. Н. Гумилев».

Издание представляет собой тоненькую книжку небольшого формата в обложке из выцветшей синей бумаги. На обложке указано: «Издание Цеха поэтов». Хранитель книжного фонда музея Анны Ахматовой Наталия Петровна Пакшина рассказала, что сборник поступил в музей в составе коллекции М. С. Лесмана.

Сборник включает 12 стихотворений 1918 г., посвященных Африке («Вступление», «Красное море», «Египет», «Сахара», «Судан», «Абиссиния», «Галла», «Сомали», «Готтентотская космогония», «Дагомея», «Либерия», «Экваториальный лес»). Судьба данного издания связана со следующей историей: в мае 1921 г. Осип Мандельштам познакомил Гумилёва с неким Владимиром Павловым — молодым энергичным человеком, поэтом, почитателем творчества Гумилева. Новые знакомые вскоре нашли общий язык — их отношения стали приятельскими. Павлов взял на себя оформление всех необходимых документов: труда ему это не составило, так как он занимал ответственный пост при командующем Черноморским флотом адмирале Немитце. Путешествие началось 1 июня 1921 г. Ехали в адмиральском вагоне. С собой в поездку поэт взял рукопись цикла африканских стихотворений «Шатер» [3].

Имя Павлова некоторые называли в связи с гибелью Гумилева, но ни подтвердить, ни опровергнуть ничего нельзя. КГБ не раскрыло имена доносчиков [12, с. 619].

В Севастополе сборник был напечатан в рекордные сроки — всего за несколько дней. Тираж — 50 экземпляров. На обложку пошла оберточная синяя бумага. Текст изобилует ошибками.

Гумилёв вернулся в Петроград «загорелый, отдохнувший, полный планов и надежд» [12, с. 621]. Он был доволен и поездкой, и новыми стихами. Весь тираж сборника «Шатер» он раздарил друзьям и ученикам.

Среди учеников Гумилёва был и Константин Вагинов, посещавший студию «Звучащая раковина». Дарственная надпись «Вы сегодня бледней, чем всегда» на экземпляре, подаренном Вагинову, отсылает к стихотворению «Либерия» из сборника «Шатер», где есть такие строки:

*«Вы сегодня бледней, чем всегда!» —
Позабывшись, вы скажете даме,
И что дама ответит тогда,
Догадайтесь, пожалуйста, сами.*

В стихотворении автор с горькой иронией описал нравы, царившие в государстве Либерия, созданном переселенцами из Америки, потомками чернокожих рабов. Они привезли на родину своих предков внешние атрибуты культуры белых людей — «дамские шляпы и фраки», но не только не смогли сделать свободным коренное население Либерии, но и сами стали эксплуататорами и угнетателями. Чернокожая либерийская дама из высшего общества не может побледнеть, как и дикарь не может стать культурным европейцем — так считал Николай Гумилев.

Но сам Гумилев «возился с дикарями» — преподавал поэзию молодым людям. И одним из самых талантливых его учеников был Константин Вагинов.

Константин Константинович Вагинов (до 1915 г. Вагенгейн) родился 21 сентября 1899 г. в Санкт-Петербурге. Его отец, Константин Адольфович Вагенгейм, был подполковником жандармерии. С 1908 по 1917 г. Вагинов учился в гимназии Я. Г. Гуревича, одном из самых прогрессивных частных средних учебных заведений Санкт-Петербурга. Уже в то время начал писать стихи. Увлекался Эдгаром По и Бодлером. После окончания гимназии, летом 1917 г., поступил на юридический факультет Петроградского университета. В 1919 г. был призван в Красную армию. Воевал за Уралом и на польском фронте. Вернулся в Петроград в 1920 или в начале 1921 г., когда дома семьи Вагиновых были конфискованы, а в Северной столице царил разруха.

Несмотря на тяжелое время, культурная жизнь в городе была ключом, и Вагинов принимал в ней активное участие: входил в разные поэтические группы, посещал занятия в студии «Звучащая раковина», в 1921 г. был принят в «Цех поэтов». Имя К. Вагинова в 1920-е гг. было хорошо известно в литературных кругах Ленинграда. Его поэзия не относилась ни к одной из существующих в то время школ. Она носила очень индивидуальный характер.

Из прозаических произведений Вагинова наиболее известны «Монастырь Господа нашего Аполлона» и «Звезда Вифлеема» (1922), романы «Козлиная песнь» (1931), «Труды и дни Свистонова» (1929), «Бамбочада» (1931), «Гарпагопиана» (1933).

Вагинов умер в 1934 г. на 35 году жизни — Гумилев погиб, когда ему было 35 лет. В остальном они были совершенно не похожи.

Вагинов с уважением относился к творчеству и личности Гумилева, но как будто постоянно спорил с ним. Например, иронизировал над культивируемой некоторыми членами «Цеха поэтов» элитарностью: «В рощах холма Джаникола собралась Аркадия. Шепелявит Георгий Иванов, пророчествует Адамович, играет в футбол Оцуп. Истребляют они дурной вкус», — писал он в ранней прозе [9].

Образ Гумилева угадывается в чертах героя романа Вагинова «Козлиная песнь» Александра Петровича Заэфратского. Заэфратский не только поэт, но и страстный путешественник: «...он взбирался на Арарат, на Эльбрус, на Гималаи... Его палатку видели оазисы всех пустынь. Его нога ступала во все причудливые дворцы, он беседовал со всеми цветными властителеми» [1, с. 81]. В этом описании современники без труда узнали черты Николая Гумилева, уловили намек на африканские путешествия поэта, его ориенталистские стихи, литературные вкусы, события личной жизни [9].

Ирония, с которой Вагинов описывает своего героя, может свидетельствовать о желании преодолеть влияние учителя. Очевидно, что Вагинов вел внутренний спор с Гумилевым. Возможно, именно поэтому сборник «Шатер» с автографом Гумилева Вагинов не стал хранить его у себя, а передал в 1931 г. своему родственнику С. Б. Рудакову.

Литература

1. Вагинов К. Козлиная песнь. СПб: Леонардо, 2011.
2. Вагинов К. Песня слов. М: ОГИ, 2012.

3. Васильев А. Крымский шатер Николая Гумилева // Николай Гумилёв: Электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gumilev.ru/biography/48/> (дата обращения: 06.06.2021).

4. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. М: Худ. лит., 1990.

5. Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л: Лениздат, 1990.

6. Нанпельбаум И. Мэтр // Николай Гумилёв: Электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gumilev.ru/biography/158/> (дата обращения: 06.06.2021).

7. Нанпельбаум И. Угол отражения. Краткие встречи долгой жизни. СПб: Логос, 1995.

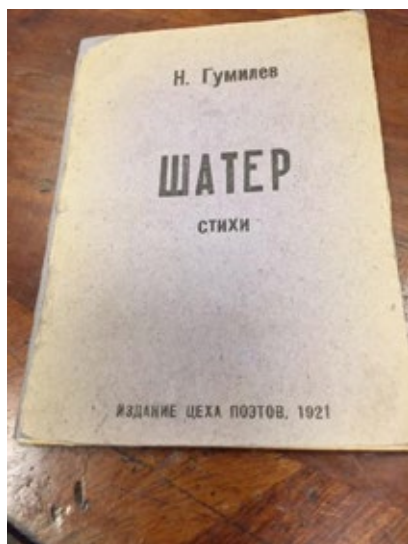
8. Никитин А. Л. Неизвестный Николай Гумилев. Исследование и публикация текстов. М.: Интерграф Сервис, 1996.

9. Никольская Т. Н. Н. Гумилев и П. Лукницкий в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Николай Гумилёв: Электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gumilev.ru/biography/48/> (дата обращения: 06.06.2021).

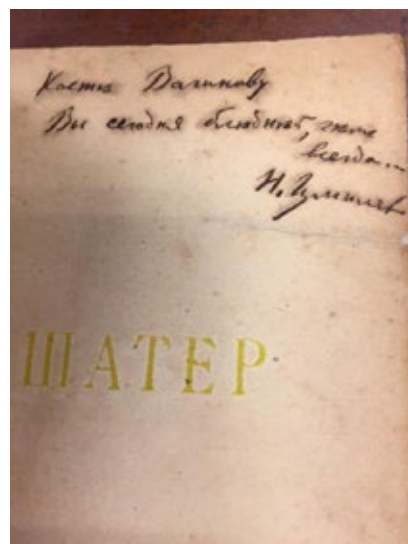
10. Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989.

11. Шиндина О. Несколько замечаний к проблеме «Вагинов и Гумилев» // Николай Гумилёв: Электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gumilev.ru/about/26/> (дата обращения: 06.06.2021).

12. Шубинский В. Зодчий. Жизнь Николая Гумилева. М: АСТ, 2014.

Обложка книги Н. Гумилёва «Шатер». Фото А. Мингалиева

Автограф Н. Гумилёва на фронтисписе книги. Фото А. Мингалиева

Константин Вагинов

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ В ПЕТЕРБУРГЕ-ПЕТРОГРАДЕ (КНИГА «НОЧНОЙ РАЗГОВОР» ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ)

АНАСТАСИЯ КУЧИНА, 10 КЛАСС, ГИМНАЗИЯ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ РУССКОМ МУЗЕЕ, 1 КУРС ЮНОШЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПЕТЕРБУРГА

Руководители: **Владимир Ильич Аксельрод**, декан Юношеского университета Петербурга, канд. ист. наук;

Алексей Дмитриевич Ерофеев, педагог дополнительного образования Юношеского университета Петербурга

В книжном фонде Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранится экземпляр книги Леонида Андреева «Ночной разговор». Книга попала в Музей Анны Ахматовой из собрания известного библиофила Моисея Семёновича Лесмана.

Л. Н. Андреев — один из моих любимых писателей, поэтому я была рада возможности изучить это издание.

Книга размером 22 x 14,5 см, состоит из 93 страниц, имеет неплохую сохранность (обложка немного потрепана, но на ней различим витиеватый орнамент). Была напечатана в 1921 г. издательством «Библион» в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки). Еще недавно бывший частью Российской империи, после окончания Первой мировой войны Гельсингфорс стал столицей уже независимой Финляндии и пристанищем для многих русских эмигрантов. Издательство «Библион» было образовано в 1919 г. как филиал финско-шведской акционерной компании «Издательство Хольгера и Шильдта» — для того чтобы обеспечить европейский и американский рынки русскоязычной литературой. В «Библионе» были изданы книги Л. Н. Андреева «Дневник Сатаны» и «Ночной разговор» (издательство приобрело у вдовы писателя права на издание его сочинений, созданных после 1911 г.), сборник рассказов А. И. Куприна «Звезда Соломона», хрестоматия для русских школ В. В. Белевича «Родные стихи» и другие. «Библион» имел коммерческие контакты с 15 книжными магазинами и фирмами Ревеля, Берлина, Парижа, Праги, Лондона, Кишинёва, Нью-Йорка и других городов, а также творческие контакты с видными русскими писателями: И. А. Буниным, К. Д. Бальмонтом, В. Ропшиным (Б. В. Савинковым) и другими. Из-за финансовых трудностей к концу 1921 г. издательство фактически прекратило функционировать (юридически ликвидировано в 1924 г.).

«Ночной разговор», написанный Леонидом Андреевым в 1915 г., не был опубликован при жизни автора, и это произведение увидело свет только через 6 лет после написания и 2 года после смерти писателя.

После гельсингфорского издания этот рассказ не перепечатывался долгие десятилетия и был опубликован лишь в 1995 г. в составе собрания сочинений Леонида Андреева в 6 томах (М.: Художественная литература, 1990–1996), а затем в составе однотомного «Полного собрания романов, повестей и рассказов» (М.: Альфа-книга, 2017).

Леонид Андреев создал рассказ «Ночной разговор» после попытки самоубийства, идеологических расхождений с лучшим другом и смерти любимой жены. Однако в целом произведение стало реакцией писателя на Первую мировую войну.

Современники Андреева о той эпохе писали так: «Зима 15–16 года впятеро тяжелее и дороже прошлой... в воздухе чувствовалась особенная тяжесть, какая-то чреватость» (Зинаида Гиппиус); «Как подумаешь, что происходит со всеми и со мной, можно сойти с ума. Полное разложение. Петербургу — finis <конец>» (Александр Блок).

В рассказе «Ночной разговор» Андреев воссоздаёт диалог императора Германии Вильгельма II и русского революционера, политического эмигранта, профессора права. Действие происходит в бельгийском городке, который захватила немецкая армия. Вильгельм должен радоваться победе, но его почему-то мучает бессонница, что-то грызёт изнутри. Он приказывает привести к нему пленного бельгийца — наверное, в надежде, что в разговоре с пленником поверженной страны он сможет почувствовать триумф победы. Однако по ошибке к нему приводят бывшего русского революционера. В начале диалога Вильгельм отказывается общаться с пленным: «...мне нужен человек этой старой дурацкой крови, а не русский полудикарь». Но по мере развития сюжета император Германии вынужден доказывать своему собеседнику, что он не убийца, а могильщик. Он утверждает, что просто хочет похоронить старый, прогнивший мир.

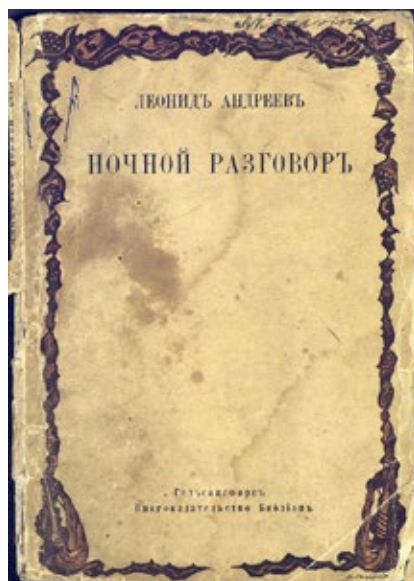
Интересное совпадение — у русских революционеров было похожее мировоззрение. Они также мечтали построить новый мир, разрушив старый.

В рассказе «Ночной разговор» Леонид Андреев рисует два типа героев: того, кто ради идеи может пойти на любые жертвы, и другого, гуманиста, для которого человеческая жизнь священна. Писатель размышляет о том, что человек не может основываться только на чётком расчёте и идее, о месте человека в мире, о том, способен ли человек его изменить и какими средствами он это имеет право делать. Читая этот рассказ, мы понимаем, что в диалоге побеждает русский эмигрант, а следовательно, автор на его стороне.

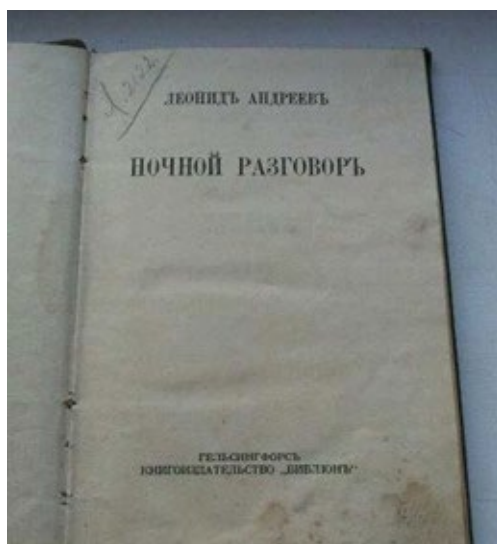
«Ночной разговор» написан Леонидом Андреевым незадолго до смерти, и можно предположить, что именно в этом рассказе автор — фаталист, который почувствовал жизнь глубже и тоньше, чем многие его современники, — сформулировал итоговую оценку происходящего вокруг него.

Литература

1. *Андреев Л.* Дневник сатаны: Романы. Повести и рассказы. Письма. Воспоминания современников. М.: Школа-Пресс, 1996.
2. *Андреев Л.* Ночной разговор. Гельсингфорс: Библион, 1921.
3. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. Справочник. Под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб: Пилигрим, 1996.
4. *Кен Л. Н.* Петербург-Петроград в жизни Леонида Андреева. / История Петербурга, 2002.
5. *Привалов В. Д.* Каменноостровский проспект. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.
6. *Чудаков В. Н.* Леонид Николаевич Андреев / Русские писатели. 1800–1917: Библиографический словарь. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия. 1992.

Обложка книги Л. Н. Андреева «Ночной разговор»
(Гельсингфорс: Библион, 1921)

Л. Андреев. Ночной разговор.
Гельсингфорс, книгоиздательство «Библион»

Три книги

(«Илиада» Гомера в переводе Н. И. Гнедича

из фондов Литературно-художественного музея-усадьбы
«Приютино» и Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)

Влада Могильниченко, Садово-архитектурный колледж, I курс,
Санкт-Петербург

Руководители: Диана Юрьевна Могильниченко, педагог
дополнительного образования ДД(Ю)Т ДО Всеволожского района
Ленинградской области, Татьяна Владимировна Ильина, методист
Литературно-художественного музея-усадьбы «Приютино»

Предметами моего исследования стали три книги, каждая из которых имеет свою историю. У книг один автор, одно название, один год и место издания — первый полный русский перевод «Илиады» Гомера, выполненный Николаем Ивановичем Гнедичем в размере подлинника и изданный в Санкт-Петербурге в 1829 г. Основная цель работы — исследовать и сравнить две книги перевода «Илиады», хранящиеся в литературно-художественном музее-усадьбе «Приютино», и узнать историю третьей, которая находится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Среди вопросов, на которые я стремилась получить ответы, были такие: что объединяет книги, какую историю они хранят, почему они находятся в музейных экспозициях? В Литературно-художественном музее-усадьбе «Приютино» я исследовала 2 экземпляра первой части перевода. Один из них с автографом переводчика. Эти экземпляры оказались связаны с судьбами поэта-переводчика Николая Гнедича, первого директора Императорской публичной библиотеки Алексея Оленина, князя Алексея Гагарина, актрисы Екатерины Семёновой, поэта Николая Гумилёва, востоковеда Владимира Шилейко и поэтессы Анны Ахматовой.

Музей-усадьба «Приютино» находится между 5-м и 6-м километрами легендарной Дороги Жизни. В господском доме хозяина усадьбы Алексея Николаевича Оленина (1764–1843) — известного знатока древностей, любителя и почитателя искусств, разносторонне образованного и талантливого человека, впоследствии государственного деятеля, первого директора Императорской публичной библиотеки, президента Императорской академии

художеств — в 1990 г. был открыт Литературно-художественный музей-усадьба «Приютино». В выставочном зале музея находится экземпляр перевода «Илиады» 1829 года издания. В фондах хранится экземпляр с автографом автора перевода: «Его Сиятельству Князю Ивану Алексеевичу Гагарину в знак вечной благодарности от Переводчика. С.п.бург Дек.23 1829».

Большая часть жизни Николая Ивановича Гнедича (1784–1833) оказалась тесно связана с домом А. Н. Оленина. Благодаря покровительству Оленина Гнедич в 1811 г. был избран в члены Российской академии наук и назначен библиотекарем публичной библиотеки, где стал заведовать отделением греческих книг. В салоне Оленина Гнедич познакомился с учёными, художниками, писателями, которые оказали ему помощь в разысканиях, необходимых для перевода «Илиады». Для Гнедича перевод «Илиады» стал самым важным делом его жизни. Он был очарован красотой поэмы Гомера. На этот труд у автора перевода ушло более 20 лет. В летний период Гнедич работал над переводом в усадьбе Оленина. Сам поэт об этом пишет в элегии, которую посвящает в 1820 г. хозяйке Приютина Елизавете Марковне Олениной:

*Здесь часто по холмам бродил с моей мечтою,
И спящее в глуши безжизненных лесов
Я эхо севера вечернею порою
Будил гармонией Омеровых стихов.*

Ещё осенью 1809 г. Гнедич получил пособие на совершение перевода, небольшую пенсию. Её выхлопотал у великой княгини Екатерины Павловны князь Иван Алексеевич Гагарин (1771–1832) в благодарность за занятия с драматической актрисой Екатериной Семёновной Семёновой (1786–1849), которой князь покровительствовал. Князь был действительным тайным советником, сенатором, театралом. Н. И. Гнедич обучал драматическую актрису театральной декламации. Специально для неё переводил пьесы. И именно она попросила камергера двора князя Гагарина, впоследствии ставшего её мужем, выхлопотать для Гнедича «пенсион» за перевод «Илиады».

Третьей книгой, с историей появления которой в Фонтанном Доме я познакомилась, стала книга, подаренная Анне Андреевне Ахматовой её вторым мужем, востоковедом, поэтом и переводчиком,

профессором Владимиром Казимировичем Шилейко. На форзаце рукой Шилейко написано:

“Я закрыл «Илиаду» и сел у окна”.
На память о дочитавшем Гомера.
24.II.1926.
Шилейко

Первая строка этой надписи — из стихотворения Гумилёва «Современность», написанного в начале 1910-х гг.

На форзаце «Илиады» стоит также владельческая надпись Ахматовой:

Анна Ахматова.
Шер(еметевский) Дом
3 янв(аря)

В книгу вложен листок с записью греческих и русских слов, сделанной рукой Владимира Шилейко. С внутренней стороны обложки прикреплена фотография с портрета автора перевода «Илиады» — Н. И. Гнедича.

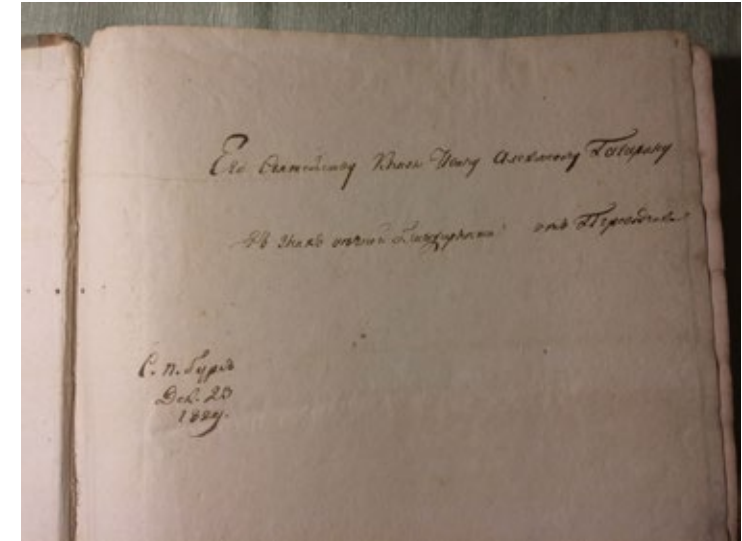
Итак, третья книга подарена Ахматовой на память о тех, кто читал и изучал «Илиаду». В том числе и о её первом муже Николае Степановиче Гумилёве.

Сравнивая книги, я обратила внимание на размеры и переплёт. Они разные. Несколько экземпляров предназначались в подарок (23 декабря 1829 г. по экземпляру получили Гагарин и Пушкин, о экземпляре лично для Оленина ничего не известно), 3 предназначались для Цензурного комитета, 2 должны были поступить в Императорскую публичную библиотеку; кроме того, несколько экземпляров, несомненно, были преподнесены членам императорской фамилии — и я предполагаю, что именно эти «особые» экземпляры имели больший формат.

Благодаря проведённому исследованию я узнала не только как описывать книгу, но и названия книжных терминов. «Илиада» заставила задуматься о ценности книг, о том, что сейчас дети мало читают и не понимают, как важны те произведения, которые читали наши предки. А ведь в каких только руках не побывала «Илиада», где только не путешествовала! Сам Николай Гумилёв брал её в свои путешествия, была она с ним и на фронтах Первой мировой войны. Взял он её с собой и при аресте...

Литература

1. Агамаян Л., Ефимова И. Антология русской усадьбы. СПб., 2008.
2. Айзенштадт В., Айзенштадт М. Очерки Фонтанки. М.-СПб., 2014.
3. Беньяш Р. М. Катерина Семёнова: 200-летию со дня рождения первой русской трагической актрисы посвящается. Л.: Искусство, 1987.
4. Попова Н., Рубинчик О. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб., 2018.
5. Тимофеев Л. В. «Приют, любовью муз согретый». СПб., 2007.
6. Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин. СПб., 2006.

Автограф автора перевода. «Илиада» Гомера
в переводе Н. И. Гнедича, 1829г. Из фондов музея-усадьбы «Приютино»

Вид Приютина. Акварель Л. Х. Фрикке. 1833. ГЛМ

Жизнь и деятельность А. Н. Макарова
(Исторический очерк Я. Л. Барскова «Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914» из фондов Педагогического музея СПб АППО)

Владислав Мацуков, 10 класс, Санкт-Петербургский кадетский корпус Следственного комитета Российской Федерации

Руководитель: **Гаянэ Нодариевна Шагинян**, учитель русского языка и литературы Санкт-Петербургского кадетского корпуса Следственного комитета Российской Федерации

С открытием в России в начале XXI в. большого количества кадетских корпусов возник интерес к опыту учителей-практиков XIX столетия, внесших огромный вклад в воспитание и обучение кадет.

Одним из таких учителей был Аполлон Николаевич Макаров, посвятивший жизнь кадетскому корпусу и воспитанию будущих офицеров. Это имя я услышал от Людмилы Владимировны Дербилловой, заведующей музеем Академии постдипломного педагогического образования. К сожалению, сейчас имя Макарова известно только узким специалистам. Поэтому я захотел более подробно познакомиться с биографией А. Н. Макарова и реформой военного образования 1860-х гг.

Наиболее полное представление о деятельности А. Н. Макарова дает исторический очерк Я. Л. Барскова «Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914» [1], составленный по инициативе и под редакцией З. А. Макшеева, преемника А. Н. Макарова на посту директора Военно-педагогического музея. Интересные сведения о работе Макарова я почерпнул в его краткой исторической записке «Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений» [4].

После окончания Морского кадетского корпуса А. Н. Макаров прошёл длинный путь от мичмана до генерал-майора. Свою педагогическую деятельность он начал в 19 лет в качестве преподавателя Морского кадетского корпуса. В числе его учеников в первый год работы в Морском корпусе были юноши, всего лишь на 1–2 года моложе своего преподавателя.

В разные годы Макаров исполнял обязанности помощника директора учительской семинарии военного ведомства, руководил

2-й Московской военной гимназией, а в 1891 г. был назначен директором Педагогического военного музея, став преемником первого директора, Всеволода Порфирьевича Коховского.

А. Н. Макаров считал воспитание важнейшим условием обучения. Многолетний опыт работы привел педагога к убеждению, что неудовлетворительные результаты обучения в кадетских корпусах объясняются, главным образом, тем, что офицеры поступают на должность воспитателей без подготовки к этому трудному и ответственному делу. Это убеждение привело Макарова к мысли о необходимости организовать курсы, на которых офицеры могли бы получать педагогическую подготовку. «Школа всегда будет являться отражением личных взаимоотношений ученик-учитель», — считал реформатор [4]. Беззаветно любя науку и относясь с глубоким уважением к ее представителям, А. Н. Макаров сумел привлечь на курсы выдающихся педагогов.

В 1900 г. А. Н. Макаров был назначен представителем от военного министерства в учрежденную при министерстве народного просвещения комиссию по обсуждению существующего строя средней школы, а в следующем году вошёл в состав комиссии по преобразованию средней школы [5].

Всеми миру известно имя внучки генерала, княгини Веры Аполлоновны Оболенской, — героини французского Сопротивления. Вики, как её звали близкие, оказалась во Франции в возрасте 9 лет. Здесь она окончила среднюю школу. До войны Вики была манекенщицей и считалась одной из самых красивых женщин русского Парижа. После оккупации Франции гитлеровцами стала активной участницей Сопротивления и 17 декабря 1943 г. была арестована на одной из конспиративных квартир. На допросах Оболенская отказывалась сообщать какую-либо информацию, в связи с чем получила прозвище «Princessin ich weiss nicht» («Княгиня ничего-не-знаю»). В 1944 г. была гильотинирована в Берлине в возрасте 33-х лет.

На кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем в память о княгине Оболенской установлен кенотаф. Посмертно она была награждена Кавалеристским крестом ордена Почётного легиона, орденом Отечественной войны первой степени, Военным крестом с пальмовой ветвью и медалью Сопротивления.

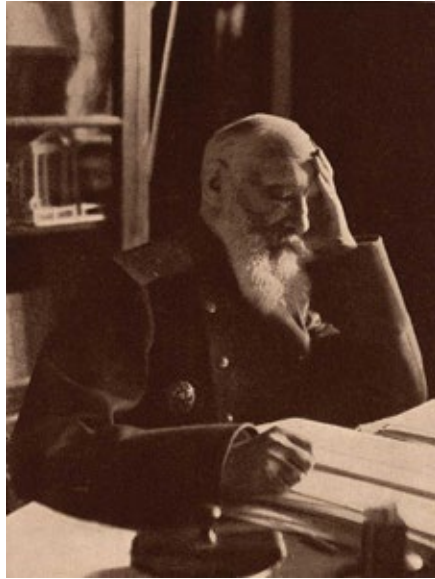
Сохранилось свидетельство о следующем эпизоде: следователь гестапо с недоумением спросил у Оболенской, как это русские эмигранты могут оказывать сопротивление Германии, воюющей против коммунизма: «Они с ума сошли, что ли? Какой им смысл быть с голлистами, в этом коммунистическом гнезде? Послушайте, мадам, помогите нам лучше бороться с нашим общим врагом на востоке». «Цель, которую вы преследуете в России, — возразила Вики, — разрушение страны и уничтожение славянской расы. Я русская, но выросла во Франции и здесь провела всю свою жизнь. Я не предаю ни своей родины, ни страны, меня приютившей» [2].

Эти слова подтверждают неотъемлемую связь поколений: внучка человека, который готовил настоящих русских офицеров, осталась в истории примером благородства и достоинства.

Литература

1. Барсков Я. Л. Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914: Исторический очерк. СПб, 1914.
2. Волков С. В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II: в 2 томах. М.: Центрполиграф, 2009. Т. 1: А–К. С. 690.
3. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. В 2 томах. 2-е изд. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1895. Т. 1. С. 345–348, 452–454.
4. Ломан Д. Н. Пятидесятилетний юбилей Аполлона Николаевича Макарова 14-го мая 1906 года. Царское Село: Центр. царскосел. тип., 1906.
5. Макаров А. Н. Труды руководителей и слушателей педагогических курсов военно-учебных заведений. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. С. 252.
6. Макаров А. Н. Педагогические курсы для подготовки офицеров к воспитательной деятельности в кадетских корпусах. // Труды руководителей и слушателей Педагогических курсов военно-учебных заведений. Вып. X. СПб., 1914.
7. Макаров А. Н. // Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб.; [М.]: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915.
8. Педагогические курсы для приготовления офицеров к воспитательной деятельности в кадетских корпусах. Вып. 1–3. СПб.: Пед. музей воен. учеб. заведений, 1902.

9. Пономарёв В. П., Шабанов В. М. Кавалеры Императорского ордена Святого Александра Невского, 1725–1917: биобиблиографический словарь в 3 тт. Т. 2. М., 2009. С. 315–316.

А. Н. Макаров в своем кабинете. 1905

В. А. Оболенская

**ЗАХАРИЙ АНДРЕЕВИЧ МАКШЕЕВ: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(ОЧЕРК Я. Л. БАРСКОВА «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. 1864–1914»
ИЗ СОБРАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ СПб АППО)**

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОТОВА, 8 класс, Санкт-Петербургский кадетский корпус Следственного комитета Российской Федерации

Руководитель: **Гаянэ Нодариевна Шагинян**, учитель русского языка и литературы Санкт-Петербургского кадетского корпуса Следственного комитета Российской Федерации

Объектом этого исследования стал очерк Я. Л. Барскова «Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914» [2], в котором представлена история музея за 50 лет его существования.

Очерк был составлен по инициативе и под редакцией З. А. Макшеева и дает наиболее полное представление о роли Макшеева в деятельности музея — «вольного университета». Интересные сведения о работе З. А. Макшеева я почерпнула в его краткой исторической записке «Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений» [6].

Захарий Андреевич Макшеев происходил из дворянского рода (польск. Makosiej, Mokosiej), многие представители которого служили Российскому престолу и жалованы были в 1673 и других годах поместьями.

На протяжении многих лет служба Макшеева была тесно связана с военно-учебными заведениями. У него рано проявились способности к математике и талант педагога. Так, Макшеев преподавал курс математики в Пажеском корпусе, затем в течение двух с половиной лет служил ротным командиром в 1-м Кадетском корпусе. С 1894 по 1900 г. исполнял обязанности инспектора классов (начальник учебной части) Александровского кадетского корпуса. За это время Макшеев проделал успешную карьеру от штабс-капитана (1882) до подполковника (1888), а в 1892 г. был досрочно произведен в полковники (за заслуги). В 1900 г. З. А. Макшеева назначили директором Александровского кадетского корпуса, и в этой должности он находился до 1906 г.

В 1906 г. З. А. Макшеев занял должность директора Педагогического музея военно-учебных заведений [2] и на этом посту продолжил дело А. Н. Макарова: курсы по психолого-педагогической

подготовке офицеров-воспитателей и преподавателей для военно-учебных заведений. Я считаю это очень важным аспектом в сфере преподавания: ведь педагог — это не только предметник, но и хороший психолог, который способен найти к каждому ученику особый подход.

Макшееву удалось восстановить прерванную систему отчетности, возродить многие из музейных отделов. При отделах стали создаваться экскурсионные бюро. Наметился конструктивный музейный модуль: предметный кабинет и при нем бюро информационно-справочного характера. Централизацию системы бюро должен был осуществлять справочный отдел музея. Этот спланированный и продуманный подход к организации Педагогического музея помог наладить работу и направить по правильному руслу. Главной задачей музея, по мнению З. А. Макшеева, являлось не собирание коллекций, а наблюдения за развитием теории и практики обучения. Новый директор не хотел, чтобы Педагогический музей походил на Кунсткамеру — то есть на собрание множества разнородных экспонатов, у которого нет целостности и законченности. Макшеев пытался «сосредоточивать у себя, по возможности, все заслуживающее внимания в деле наглядного обучения и, систематизируя этот материал, дать возможность современному педагогу без большой потери времени и труда ознакомиться с техническими средствами его профессии (приборами, картами, моделями, картинами и пр.)» [2].

При Макшееве Педагогический музей военно-учебных заведений стал центром развития военной подготовки, обеспечивал подбор и издание учебных пособий и иной учебно-методической литературы. Сам генерал (в 1901 г. Макшеев был произведен в генерал-майоры, в 1907 г. — в генерал-лейтенанты) неоднократно выезжал в зарубежные командировки, наладил тесные контакты с педагогическими учреждениями за рубежом — в частности, с Кенсингтонским педагогическим музеем в Англии. Будучи сторонником использования прогрессивного зарубежного опыта, Макшеев стремился к расширению закупок западного оборудования и литературы. Он был одним из инициаторов введения кино в педагогический процесс, хотя и понимал ограниченность возможностей современного ему кинематографа. С этой целью

велись переговоры с известным акционерным обществом «А. Ханжонков и К», однако этот процесс прервала Первая мировая война. Макшеева можно смело назвать реформатором системы образования [2].

Библиотека Педагогического музея при З. А. Макшееве составляла свыше 30 тысяч томов, преимущественно по педагогике, психологии, физиологии, гигиене. Большой отдел составляли учебники, книги для детского чтения и книги для народа. В 1912 г. эти фонды пополнились благодаря Н. П. Михневичу (русский генерал от инфантерии, военный писатель, один из крупнейших русских военных теоретиков), который пожертвовал обширную библиотеку своего умершего брата А. П. Михневича.

Макшеев старался обучить педагогов разным методикам, но также хотел, чтобы учителя сами всегда могли найти нужную им информацию в сфере обучения, не выходя из Педагогического музея.

В 1914 г. Педагогический музей военно-учебных заведений подводил итог своей пятидесятилетней деятельности. К этому времени он представлял собой информационно-методический центр научно-профессиональной направленности [2].

В начале апреля 1917 г. З. А. Макшеев вступил в должность начальника ГУВУЗ (Главное управление военно-учебных заведений), о чем было объявлено в приказе по военно-учебным заведениям за № 36 от 14 апреля 1917 г. Но на этом посту прослужил всего несколько месяцев и был уволен с мундиром и пенсией.

В Белом движении уже немолодой генерал и военный педагог активного участия не принимал, однако находился в рядах вооружённых сил юга России и русской армии до эвакуации из Крыма. После эвакуации он проживал преимущественно в Югославии. Там же и продолжил преподавание в эвакуированных Владикавказском, Сводном и Крымском кадетском корпусах фактически до их закрытия и даже несколько лет являлся директором Харьковского девичьего института в Ново-Бечее (до его расформирования в 1932 г.).

После ухода на пенсию жил в семье сына Леонида. Умер З. А. Макшеев 1 марта 1935 г. в Белграде и был похоронен на Новом кладбище (parcelла 80, могила 4).

Литература

1. Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год [Электронное репринтное издание]. Петербургский генеалогический портал: Изд-во ВИРД, 2005.
2. Барсков Я. Л. Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914: Исторический очерк. СПб, 1914.
3. Волков С. В. База данных «Участники Белого движения в России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.swolkov.org (дата обращения: 02.12.18).
4. Залесский К. А. Кто был кто в первой мировой войне: Биографический энциклопедический словарь. М.: 2003.
5. Кавтарадзе А. Г. «Скорее пополнить действующую армию офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба...» // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 48–55.
6. Макшеев З. А. Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений. [1864–1914]: (Крат. ист. записка). СПб.: тип. В. Я. Мильштейна, 1914. С. 19.
7. Педагогические курсы ведомства военно-учебных заведений за 10 л., Спб., 1911; Г. Ф. Гирс, Деятельность офицеров-воспитателей и преподавателей, окончивших Пед. курсы, «Педагогический Сборник» 1911 г., № 10;
8. Подкопаева И. В. Становление музейной педагогики (по материалам российских журналов второй половины XIX — начала XX века. Из фонда отдела редких книг зональной научной библиотеки ВГУ // Вестник Воронежского государственного университета. 2009. № 2.

Обложка книги Я. Л. Барскова
Педагогический музей
военно-учебных заведений.
1864–1914

З. А. Макшеев

Илл. 3. Воспитанники и педагоги
Харьковского девичьего института в Ново-Бечее

КНИГА О ЧАСАХ — СТИХИ О ВРЕМЕНИ:

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ КНИГА

ЕЛИЗАВЕТЫ ПОЛОНСКОЙ И НИКОЛАЯ ЛАПШИНА «ЧАСЫ»

Ирина Рудникова, 6 класс, ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ № 239, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **Вера Дмитриевна Кастрель**, учитель русского языка и литературы ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЛИЦЕЯ № 239, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Объектом моего исследования стала редкая книга 1925 г. из фонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Над книгой работали писатель Елизавета Полонская и художник Николай Лапшин. На обложке книги их имена указаны как равноправные, ведь недаром книга представляет собой удивительное единство текста и иллюстраций. Как детская книга оказалась в музее Анны Ахматовой? Что объединяет автора, художника книги и Д. Выгодского, которому посвящена дарственная надпись на книге? Как определить жанр книги? Каковы ее художественные особенности? Насколько часто в ту эпоху издавались подобные книги?

Мне хотелось понять, сколь многое может рассказать книга (на примере «Часов») об эпохе, людях и литературе; описать книгу как таковую с разных сторон: как продукт издательской деятельности, как музейный экспонат и как произведение литературы и художественно-оформительского искусства; соотнести особенности данной книги с эпохой и судьбами людей, имевших к ней отношение.

В интернете доступно издание этой книги 1927 г. Более того, в Википедии (в статье о Елизавете Полонской) и во многих других источниках издание 1927 г. значит как первое. Однако если текст в изданиях 1925 и 1927 гг. одинаков, то иллюстрации разнятся: в 1925 г. они гораздо ярче, подробнее и интереснее. С чем может быть связана замена иллюстраций?

Например, я обнаружила в издании 1927 г. замену логотипа иностранного часового завода на одной из картинок на логотип отечественного производителя. Возможно, это говорит о смене вектора развития страны в 1920-е гг. Вероятно, детская книга, по мнению государства, должна была воспитывать юного читателя в духе любви к отечественным, а не зарубежным достижениям техники и механики. Так, книга отсылает нас к приметам

постреволюционного времени, когда всё привычное сменялось новым, необычным. Еще я обратила внимание, что одновременно с упрощением и ухудшением качества иллюстраций в 1927 г. увеличился тираж книги, а в конце издания появилась реклама серии «Дешевая библиотечка для детей». Это позволило мне сделать предположение: издатели стремились выпустить более дешевую и доступную широкому читателю книгу. И действительно, в те времена государство хотело охватить образованием и культурой как можно большее количество людей. Стремление к всеобщему образованию не могло не повлиять на удешевление книг: ведь главное, чтобы их могли себе позволить как можно больше трудящихся.

Мне удалось узнать, что книга Полонской и Лапшина «Часы» стала одним из первых и очень ценным поступлением в Фонд редкой книги Музея Ахматовой [1, с. 175]. Ее передала в дар музею Наталья Георгиевна Князева, вдова известнейшего библиофила Моисея Семеновича Лесмана, вернувшего нам, как свидетельствовали его современники, литературу Серебряного века [5, с. 227–229]. И это несмотря на то, что первое собрание Лесмана погибло во время блокады, и с 1946 г. до конца жизни в 1985 г. ему пришлось по крупицам восстанавливать свою коллекцию. Перед нами предстает образ библиофила как участника истории. К слову, М. С. Лесман был знаком с Анной Ахматовой и не раз бывал у нее.

Я решила проанализировать литературную форму книги «Часы» и стиль иллюстраций к ней. Мотивы круга, цикличности и одновременно стремительности и бега времени, идея технического прорыва и стремления в светлое будущее к новым рубежам — всё это отражено как в тексте Елизаветы Полонской, так и в художественной манере Николая Лапшина.

Подчеркнутый «геометризм» стиля иллюстраций сочетается с темой текста — точность и необходимость часов. В иллюстрациях можно заметить повторяющуюся тему круга или кольца: циферблаты, симметрия первого и последнего рисунков (на обоих дети поднимаются по лестнице), лампочки, стекла очков, помпон на шапочке школьника, колеса машин и поездов, круглое солнышко, большая круглая картинка на обложке книги. Интересно, что рамкой этой круглой картинке на обложке служит своего рода орнамент, деталями которого стали пароходы, машины, завод,

поезд, вокзал, подводная лодка, самолет... И всё это находится в непрерывном движении, всё подчиняется времени. Мне кажется, такое изображение отражает идеи советской власти (насколько я себе представляю эти идеи): техника идет вперед, а вместе с ней движется к прогрессу и сильный современный человек. Недаром симметричные картинки в начале и в конце текста изображают детей, идущих по лестнице вверх! Мы наблюдаем кольцевую композицию и в рисунках, и в иллюстрациях. Время бежит, темп жизни ускоряется, но важно идти не по кругу, а вперед.

Кроме того, иллюстрации дают представление о повседневной жизни эпохи: мы узнаём, как именно выглядели часы, на чем ездили в те времена (на лошадях, и на машинах, поездах, пароходах...), как одевались школьники и взрослые люди.

Конечно, нельзя было обойти стороной и судьбы Елизаветы Полонской и Николая Лапшина. Оба они — наследники классического русского искусства, прожившие нелегкую жизнь, неразрывно связанную с жизнью страны. Елизавета Полонская во время Первой мировой была врачом военного госпиталя, Николай Лапшин умер от голода в 1942 г. в блокадном Ленинграде... Пути Полонской и Лапшина в детскую литературу были, с одной стороны, случайными, но, с другой стороны, вполне закономерными для той эпохи. В 1920-е в стране вырос спрос на книги для детей. Появились детские издательства, многие поэты и писатели стали сочинять для детей. В то же время, не имея возможности писать свободно, многие художники уходили в детскую литературу как в тихую гавань, находя в ней возможность скрыться от идеологического давления.

Адресат дарственной надписи на книге — поэт, переводчик и литературный критик Давид Исаакович Выгодский. Елизавета Полонская познакомилась с Выгодским, когда он жил в Доме искусств, куда она ходила на собрания литературной студии, и была дружна с ним и его женой всю жизнь. Исаак Выгодский был осужден за антисоветскую пропаганду и в 1943 г. погиб в лагере в Караганде. Знаток иностранных языков и литературы, он работал во многих издательствах и примерно с 1914 г. входил в сообщество петербургских литераторов. Анна Ахматова подарила Выгодскому свой портрет с дарственной надписью, а Осип Мандельштам посвятил ему шуточное стихотворение «На Моховой семейство из

Полесья...» (написано в 1924–1925 гг. в соавторстве с Б. К. Лившицем). Книга «Часы», подаренная Д. И. Выгодскому, могла предназначаться и его сыну Исааку, которому в 1925 г. исполнилось три года. Остается только гадать, какой путь проделала эта книга от библиотеки Д. И. Выгодского до коллекции М. С. Лесмана. Но безусловным чудом является то, что она сохранилась.

Итак, книга может поведать внимательному читателю об эпохе своего написания: дарственная надпись в юмористическом стиле рассказывает о том, что несмотря на все трудности, которые преподносила эпоха, люди продолжали шутить и радоваться. Замена картинок символизирует экономические и идеологические перемены, сопровождающие эпоху. Необычные иллюстрации, стиль текста отражают новые веяния в искусстве того времени. Изучение судеб людей, связанных с книгой, показывает, в какую непростую эпоху они жили и как были связаны порой незримыми нитями, а порой и глубокими отношениями. Я считаю, что мне удалось прийти к цели исследования — понять, о чем может рассказать книга.

Так «случайный» экспонат музея, его непростая и не до конца известная история несет в себе, отражает свою эпоху. В этом смысле кажется символичным, что выбранная мной книга называется «Часы» и рассказывает об изобретении человека для наблюдения и отсчета времени.

Литература

1. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. М.: Книга, 1989. Стр. 175.
2. Полонская Е., Лапшин Н. Часы. Л.: Гос. изд-во, 1925.
3. Полонская Е. Часы. М.-Л.: Гос. изд-во, 1927.
4. Полонская Е. Г. Города и встречи: Книга воспоминаний. М.: НЛО, 2008.
5. Фирсов Б. М. Ленинградские коллекционеры как культурно-исторический феномен // Неприкосновенный запас. 2009. N 2. С. 227–229.

Обложка книги «Часы» (1925)

Обложка книги «Часы» (1927)

Иллюстрации к книге «Часы» (1925)

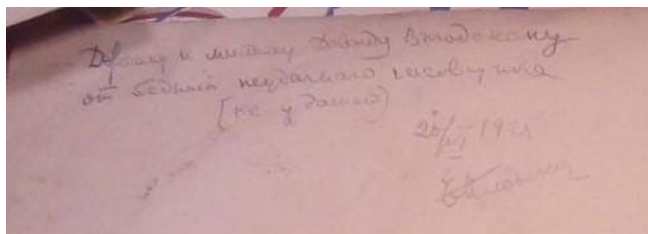
Иллюстрации к книге «Часы» (1925)

Е. Г. Полонская (1890–1969)

Н. Ф. Лапшин (1891–1942)

Дарственная надпись на книге

**«АЛГЕБРА НА КЛЕТЧАТОЙ БУМАГЕ» Я. И. ПЕРЕЛЬМАНА:
ОТ КНИГИ К ЭПОХЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ МУЗЕЯ
АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ)**

Ульяна Луперьева, 6 класс, Президентский физико-математический лицей № 239, Санкт-Петербург

Руководитель: **Вера Дмитриевна Кастрель**, учитель русского языка и литературы Президентского физико-математического лицея № 239, Санкт-Петербурга

Отправной точкой моего исследования стала миниатюрная книжка Я. И. Перельмана «Алгебра на клетчатой бумаге» из серии «Дом занимательной науки» из научной библиотеки музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Брошюра привлекла моё внимание тем, что совсем не похожа на современные красочные и многостраничные издания Перельмана. Мне захотелось узнать историю самого Дома занимательной науки, выставочные залы которого размещались в Шереметевском дворце, историю людей, создававших экспозиции выставочных залов ДЗН, а также историю усадьбы графа Шереметева, которая на долгие годы стала домом для Анны Ахматовой. Почему «Алгебра на клетчатой бумаге» была опубликована именно в таком виде? Какова роль этой книги в воссоздании исторического контекста эпохи?

Математик Я. И. Перельман с группой ученых создали Дом занимательной науки в 1935 г. — как просветительский проект для популяризации наук. Это была одна из первых попыток создать настоящий интерактивный музей науки (наподобие современных «Экспериментариума» в Москве или «ЛабиринтУма» в Петербурге), где дети могли бы в игровой форме получить знания об основных научных законах. В Доме занимательной науки проводились экскурсии, читались популярные лекции, устраивались встречи школьников с учеными, работали кружки математики и физики. При ДЗН было создано издательство, всё с той же целью популяризации наук: дешевые брошюры, выпускавшиеся большими тиражами, были доступны каждому. Образование перестало быть элитарным. Таким образом, амбициозный проект государства — всеобщее школьное образование — как нельзя лучше можно проиллюстрировать феноменом ДЗН в 1930-е гг. Дом занимательной

науки закрылся в августе 1941-го. Вся его экспозиция погибла в период блокады Ленинграда. ДЗН не восстановили после войны, а сегодня в Шереметевском дворце располагается Музей музыки.

На обратной стороне книги Перельмана «Алгебра на клетчатой бумаге» напечатан рекламный текст: «Если эта книга вас заинтересовала, то посетите отдел математики Дома занимательной науки, Ленинград, Фонтанка, 34. Вы найдете там целую серию математически развлечений и загадок — в том числе: “12=13”, “Как вас зовут?”, “Автоматический отгадчик чисел”, “Как велик миллион” и др.» Очевидно, что речь шла об экспонатах зала математики. Но как они выглядели? Как посетитель мог с ними взаимодействовать? Где находился этот зал?

Я предприняла попытку полностью описать схему расположения залов ДЗН в ее соотнесенности с залами Шереметевского дворца, понять, какие экспонаты находились в этих залах и как они выглядели. По результатам проделанной работы я составила иллюстрированные ментальные карты залов с использованием фотографий, рисунков и скриншотов архивных кинохроник.

Открытием для меня оказалось то, что на месте домово́й церкви Шереметевых внутри дворца в ДЗН располагался зал астрономии с искусственным звездным небом под куполом (нечто вроде планетария). Там, где еще совсем недавно красовался иконостас, появились экспонаты музея науки, связанные совсем с другой картиной мира. Этот факт потянул за собой вопросы: как могли относиться к ДЗН современники, еще помнившие царскую Россию или даже церковь графов Шереметевых?

В книге Л. К. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой» читаем: «Сквозь Дом Занимательной Науки (какое дурацкое название!) я прошла в сад. Сучья деревьев росли будто из ее стихов или пушкинских» [8, стр. 16]. Другое свидетельство находим у Ахматовой: «В это время в Шереметевском доме был так называемый “Дом занимательной науки”. Проходить к нам надо было через это сомнительное заведение. Осип <Мандельштам> озабоченно спросил меня: “А может быть, есть другой занимательный выход?”» [1, стр. 72] Кажется, что Мандельштам, Ахматова и Чуковская относились к ДЗН по меньшей мере пренебрежительно. Возможно, такое отношение могло быть связано с концепцией ДЗН, которая была ориентирована на

массового посетителя и на детей. А людям круга Ахматовой — представителям дореволюционной интеллигенции и хранителям уходящей культуры — претила идея всеобщего образования с опорой на науку в ущерб религии. Может быть, их возмущал тот факт, что один из залов ДЗН находился на месте домово́й церкви Фонтанного Дома. Вот так символично занимательная наука (ДЗН) вытеснила религию (домовую церковь в усадьбе Шереметевых).

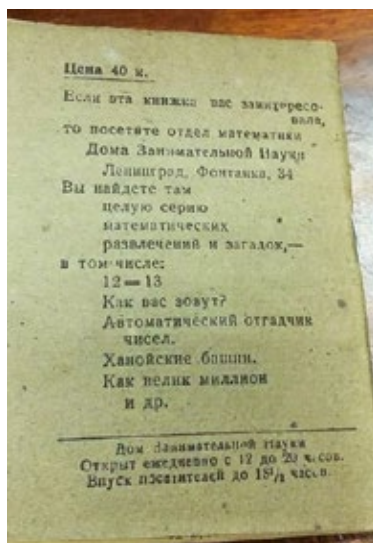
Мне кажется, что Дом занимательной науки — это одно из ярчайших явлений, отражающее сломы в образовании и культуре эпохи. Во главе нового образования не Бог, а точные науки. Если символом «старой» России может быть старинная коллекционная книга для просвещенного читателя, то символом «молодой» советской страны становится книжка-малютка, совсем простая и дешевая, зато доступная любому. Такой книге я и посвятила свое исследование.

Литература

1. Ахматова А. От царкосельских лип: Поэзия и проза. М.: Эксмо, 2009. С. 72.
2. Дом занимательной науки. В помощь школе. Л.: ДЗН, 1941.
3. Краско А. В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. М.: Центрполиграф, 2009.
4. Мишкевич Г. И. Доктор занимательных наук. Жизнь и творчество Якова Исидоровича Перельмана. М.: Знание, 1985.
5. О Ленинградском Доме Занимательной Науки // Киножурнал «Союзкиножурнал». 1939. № 34. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=qG-wlfOt2YU&t=18s> (Дата обращения 19.04.2020).
6. О Ленинградском Доме Занимательной Науки // Киножурнал «Пионерия». 1936. № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FFcJG9R9VMY&t=8s> (Дата обращения 19.04.2020).
7. О Ленинградском Доме Занимательной Науки // Киножурнал «Пионерия». 1941. № 71. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=tsWyg5nvWbs&t=10s> (Дата обращения 19.04.2020).
8. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М.: Согласие, 1997.

Передняя сторона обложки книги Я. И. Перельмана
«Алгебра на клетчатой бумаге»

Задняя сторона обложки книги Я. И. Перельмана
«Алгебра на клетчатой бумаге» (с перечислением экспонатов
зала математики Дома занимательной науки)

III. ВЕЩИ — ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Работы, представленные в этом разделе, посвящены анализу бытования нескольких музейных экспонатов, очень разных, из разного исторического времени и разных культурных эпох: от инструментов оркестра, исполнившего Седьмую симфонию Шостаковича в блокадном Ленинграде в августе 1942 года, от школьного портфеля предвоенного времени, современных игрушечных солдатиков из коллекции Иосифа Бродского, пластинок, аудиопленок и рисунков Нади Рушевой — до вышитого полотенца конца XIX века и венецианского окна архитектора Леонтия Бенуа, созданного в 1897 году.

Не может не восхищать, как точно и подробно, до каких мельчайших деталей, каким острым зрением видит эти предметы каждый, пишущий их историю.

История рушника из собрания музея «Приютино», рассказанная Алёной Коровкиной, ученицей 7 класса школы № 163 Санкт-Петербурга (руководители Т. М. Салимурзаев, учитель истории школы № 163, и Т. В. Ильина, методист музея-усадьбы «Приютино»), включает подробный анализ вышивки, фактуры ткани, цветового подбора ниток, узора. Это детальный и профессиональный анализ техники вышивки, ее образного ряда, структуры ткани. Алёна видит каждую петельку, каждый виток нити, определяя, как они выгорели и потеряли свой первоначальный цвет. И подробный анализ вышивки читается как интересный текст, совсем не скучный, потому что каждая фраза пронизана интересом исследовательницы к тому, о чем она рассказывает. И оказывается, что узор на обрядовом полотенце для обрамления иконы в красном углу комнаты, выполненный какой-то неизвестной мастерицей-вышивальщицей в Архангельской губернии, на Севере, в конце XIX — начале XX века, способен напомнить и о «земле, заросшей баобабам, как в сказке Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»», и о «дрожи на воде или в недрах земли».

Внимательно рассматривает фигурки солдатиков из коллекции Иосифа Бродского Зоя Бирюкова, ученица 10 класса ОАНО «Унисон» Санкт-Петербурга (руководитель Е. А. Печеник, методист «Американского кабинета Иосифа Бродского» в Музее Анна Ахматовой в Фонтанном Доме). Шотландский волынщик, пехотинец конфедератов, музыкант оркестра морской пехоты США, гвардеец охраны королевы Англии и гвардеец охраны папы римского. Разные роды войск, разные типажи, разное историческое время. С одной стороны, некая дань памяти не доигравшему в детстве в солдатиков Иосифу Бродскому, ленинградскому мальчику времен Великой Отечественной войны. А с другой — материальные знаки постоянного размышления поэта о войне — гражданской, оборонительной, захватнической, политической. И неприятие войны, ее полное отрицание Бродским как человеком думающим. Привлекая строчки из произведений Бродского, Зоя при взгляде на игрушечных солдатиков приводит нас к открытию поэтического мира Иосифа Бродского — яростного противника войны как вражды идеологий, в которой нет и не может быть победителей.

Подробно, академически анализирует связи творчества юной художницы Нади Рушевой с музыкой Виктория Карева, ученица 11 класса школы № 1466 г. Москвы (руководитель Н. В. Усенко, учитель русского языка и литературы, руководитель мемориального музея Нади Рушевой в школе № 14660). Виктория рассматривает срез семейных интересов Нади Рушевой: мама и бабушка были балеринами. Фиксирует интерес художницы к искусству балета, к классической и современной музыке. Чтобы сделать вывод о том, что свои музыкальные впечатления Надя Рушева соединяла с пластикой движений и передавала их в своих рисунках, создавая выразительные графические образы. Можно только пожалеть, что в этой работе не даны названия конкретных музыкальных произведений, оставшихся на пластинках и аудиозаписях, которые принадлежали Наде Рушевой, чтобы их можно было соотнести с ее рисунками.

Работа Оксаны Абдуселимовой, ученицы 11 класса школы № 235 им. Д. Д. Шостаковича в Санкт-Петербурге (руководитель В. В. Белевич, педагог дополнительного образования школы № 235 им. Д. Д. Шостаковича), посвящена истории музыкальных инструментов оркестра, исполнившего 9 августа 1942 года в блокадном

городе Седьмую симфонию Шостаковича. Но за каждым музыкальным инструментом — а их 9 — стоит не только их история, но и отдельная человеческая история их владельцев Судьба музыканта, его жизнь, его путь к музыке и оркестру. Тромбон М. Смоляка, который в начале войны ушел на фронт, сменив тромбон на пулемет, чтобы потом вернуться в оркестр и участвовать в исполнении Седьмой симфонии. Два гобоя и их владелицы, история их жизни в первые месяцы войны. Как в марте 1942 года К. Матус, открыв футляр со своим гобоем, ужаснулась: гобой весь позеленел. «Он тоже стал дистрофиком!» Маленький барабан и две палочки к нему — и их владелец, участник оркестра Ленинградского военного округа. Кларнет В. Козлова со свой 100-летней историей. Скрипка Х. Окуня, ставшая первым экспонатом будущего музея «А музы не молчали...». Из каждой такой истории складывается картина сопротивления человека и музыканта ужасу войны и блокады — и рассказ о том, как они все вместе сделали так, чтобы через музыку Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде передать свою веру в жизнь и победу над смертью.

Работа Полины Капитоновой, ученицы 6 класса школы № 683 Санкт-Петербурга (руководители К. Е. Шолкина, заведующая музеем «Истоки», и Н. Э. Демьянов, учитель школы № 683), посвящена истории венецианского окна в квартире архитектора Леонтия Бенуа (ныне Музей-квартира Л. Н. Бенуа). Знаменитый архитектор, человек из известной в городе художественной семьи. Это по его проекту в петербургской квартире Бенуа, в одной из комнат — в столовой, где собиралась вся семья, — была установлена оконная рама со стеклом, заказанным в Венеции: при свете короткого петербургского дня стекло играло всеми цветами радуги. В этой же комнате, столовой, висели работа итальянского художника Каналетто «Вид Венеции» и «Мадонна» Леонардо да Винчи, позже переданная в Эрмитаж.

Тщательное описание окна, дубовой консоли и деревянного подоконника сделаны с такой точностью, чтобы передать главное: это не просто диковинное окно в петербургской квартире. По замыслу архитектора, это окно в пространство европейской культуры, которой очень дорожил Л. Н. Бенуа. Именно это хотел передать архитектор членам своей семьи и своим правнукам. И в этом смысле очень важно наблюдение Полины: на деревянном подоконнике 1897 года

остались зарубки, связанные с блокадным временем, — во время блокады на нем рубили дрова, чтобы растопить печь и согреться... На фоне этого окна прошла жизнь семи поколений семьи Бенуа и огромный исторический промежуток времени, включающий три революции и две войны. Так история одного экспоната становится знаком как семейной истории, так и истории страны.

Работа Артура Хитрика, 8 класс школы № 50 Петербурга (руководитель А. Л. Короткевич, руководитель музея «Школа в портфеле» и педагог дополнительного образования школы № 50), связана с изучением истории деревянной школьной сумки 1930-х гг. Это подробное изучение и описание самого предмета, его фактуры: материал — фанера, дощечки скреплены гвоздиками, внутри обита зеленой тканью, похожей на брезент. По металлической пластине, найденной внутри, определен производитель таких школьных сумок и его адрес в городе: 5-я Советская, д. 45. По адресу, зафиксированному в справочниках «Весь Ленинград», Артур делает вывод о том, что такие школьные сумки выпускали в период с 1933 по 1937 год (позже артель переехала по другому адресу).

Важным дополнением к такому внимательному описанию и изучению предмета могла бы стать параллель в виде истории его бытования (если не из реальной жизни, то из текстов мемуаров или художественной литературы), чтобы дополнить историю предмета живой человеческой историей его возможного обладателя. И таким образом вывести историю одного предмета в пространство образа жизни какого-то круга людей, их привычек, пристрастий и некоего общественного опыта.

Подводя итоги анализу всех работ, представленных в этом разделе проекта «Музей открывает фонды», хочется отметить как особенное достоинство некую цельность сознания в самом ходе исследования: от частного к общему, от описания деталей — к целому. Что очень важно не только для музейного типа сознания, но и для личностного не в меньшей степени.

Нина Ивановна Попова
президент Фонда друзей

Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

ВОКРУГ СЕДЬМОЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ НАРОДНОГО МУЗЕЯ «А МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ...»)

ОКСАНА АБДУСЕЛИМОВА, 11 КЛАСС, ШКОЛА № 235 ИМ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ВЕРОНИКА ВАСИЛЬЕВНА БЕЛЕВИЧ**, ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЫ № 235 ИМ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА, ПЕДАГОГ-ОРГАНИЗАТОР

На третьем этаже Народного музея школы № 235 им. Д. Д. Шостаковича «А музы не молчали...» находится экспозиция, рассказывающая о музыкантах и композиторах. Центром этой экспозиции являются витрины, посвящённые исполнению Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в Ленинграде и непосредственно самим исполнителям. Большое внимание уделено музыкальным инструментам — участникам премьеры.

В собрании музея «А музы не молчали...» находятся 9 музыкальных инструментов — тромбон, два гобоя, труба, малый барабан, кларнет, смычок, барабанные палочки и скрипка. И это почти целый оркестр! Еще несколько лет назад музыканты приходили в музей и играли на своих собственных инструментах.

В музее хранится серебряный тромбон Михаила Ефремовича Смоляка. До дня получения мобилизационного предписания (9 июля 1941 г.) музыкант жил в Днепропетровске. Работал в кинотеатре «РотФронт», в эстрадном оркестре, в должности тромбониста. Его коллеги договорились отправиться на фронт со своими музыкальными инструментами, чтобы быть готовым оркестром. Но М. Е. Смоляк пришел без инструмента, решив, что «занятие музыкой в такое серьезное время — дело несерьезное» [6]. Еще до войны, занимаясь до войны в военном кружке, он изучил пулемёт Дятрярёва, поэтому был зачислен во 2-й полк дивизии и сменил, таким образом, тромбон на пулемёт.

Однако уже 13 августа Смоляк был ранен, вывезен в госпиталь в Нарву и в тот же день отправлен санитарным поездом в Ленинград. В конце месяца его перевели в приёмно-распределительный батальон 36-й строительной бригады и сразу же зачислили в качестве музыканта в санчасть. Позднее он стал командиром муззвода. Во второй половине июля 1942 г. М. Е. Смоляк узнал, что Ленинградский радиокомитет пополняет поредевшие ряды

оркестра музыкантами из воинских частей. По его просьбе он был откомандирован в распоряжение председателя радиокомитета для исполнения Седьмой симфонии. И вновь «вооружился» тромбоном.

В музее хранятся два гобоя, которые принадлежали музыкантам Вере Константиновне Петровой и Ксении Маркиановне Матус.

В. К. Петрова была музыкантом оркестра Ленинградского радиокомитета, одной из немногих, кто смог пережить первую блокадную зиму и участвовать в премьеры Седьмой симфонии 9 августа 1942 г. Сразу же после объявления войны весь состав оркестра радиокомитета был мобилизован на оборонные работы на подступах к Ленинграду. В районе станции Мга артисты оркестра вместе с другими ленинградцами сооружали противотанковый ров длиной в несколько километров. В небе кружили фашистские самолёты и периодически обстреливали работающих из пулемета.

В конце августа оркестр второй раз выехал на оборонные работы под Гатчину, где они пробыли две недели. Домой артисты оркестра отправились 10 сентября, шли пешком по Красносельскому шоссе. К двум часам ночи они добрались до Пушкина, откуда в пять часов утра 11 сентября выехали в Ленинград. Поезд, на котором уехали артисты, оказался последним — кольцо блокады замкнулось!

Артисты оркестра продолжали участвовать в оборонных работах, но после заявления Гитлера о том, что город захвачен, руководство радиокомитета решило систематически передавать симфонические концерты из осажденного Ленинграда. 27 сентября 1941 г. состоялась прямая трансляция Пятой симфонии Чайковского специально на Англию. С этого дня артисты расстались с ломом и лопатой, взялись за смычки и приступили к своим прямым обязанностям, систематически выступали по радио. Концерты передавались в разные страны Европы, это был голос непокорённого Ленинграда. 27 декабря концерт из произведений Свиндсена и Берлиоза транслировался на Швецию. Он стал последним — после этого оркестр замолк на долгих три месяца.

Весной 1942 г. В. К. Петрова, как и некоторые другие участники оркестра, была бойцом МПВО и защищала Дом радио. «В один из дней в Дом радио пришел К. И. Элиасберг и сказал музыкантам,

что оркестр возобновляет свою работу, город должен слышать их голос — голос музыки», — вспоминала Петрова [цит. по: 6]. По радио объявили, что всех музыкантов Ленинграда просят явиться в Дом радио. Музыканты пришли, и, хотя их оказалось не так уж много, как было необходимо для создания оркестра, 30 марта состоялась первая репетиция, а уже 5 апреля 1942 г. возобновленный оркестр дал свой первый концерт.

Ксения Маркиановна Матус родилась в 1916 г. в Петрограде и в 1934 г. окончила учебные классы Ленинградской академической капеллы, училась (в 1942 г.) и в Ленинградской консерватории. Так же, как и В. К. Петрова, она была в бригаде МПВО, защищала консерваторию, а позже театр им. С. М. Кирова. Когда Матус узнала о возобновлении работы оркестра радиокомитета, то достала гобой, открыла футляр и ужаснулась: «Гобой тоже стал дистрофиком!» [6]. Он весь покрылся зеленью, подушечки отклеились, набухли. Гобоистка отправилась к знакомому мастеру на улице Союза Печатников, и он пообещал починить инструмент. Вернувшись за оживленным гобоем, она увидела, что он весь покрыт жиром. Но откуда жир в такое время? Это её удивило, но во время разговора с мастером она заметила, что на кресле лежало много меховых шкур. Возможно, это был кошачий жир, потому что в благодарность за его работу мастер попросил Матус принести ему кошку. Рассказывая эту историю у нас в музее, Ксения Маркиановна признавалась, что кошек никогда не ловила и не ела, хотя слышала, что такие случаи в блокадном городе были.

После того как Матус передала свой гобой в музей, она часто приходила, чтобы поиграть на нём. Её оставляли наедине со своим инструментом, и она наслаждалась игрой, как в дни своей молодости.

Малый барабан и деревянные палочки, выполненные из дуба, принадлежали Жавдету Караматуловичу Айдарову. Для исполнения Седьмой симфонии Айдаров был прислан в Дом радио из Образцового оркестра Ленинградского военного округа, в котором он работал с предвоенного времени.

В книге О. Ф. Берггольц «Говорит Ленинград» есть фраза, которую диктует Яков Львович Бабушкин, художественный руководитель

Ленинградского радиокомитета: «Первая скрипка умирает, барабан умер по дороге на работу...» [3]. Этим «барабаном» был Жавдет Айдаров — хотя он, к счастью, не умер, но уже лежал в мертвецкой: «На одной из репетиций он отсутствует. На вопрос К. И. Элиасберга “Где ударник?” звучит ответ: “В мертвецкой”. Дирижёр не верит и идет проверять. Оказывается, Ж. К. Айдаров в голодном обмороке лежит среди покойников. Его возвращают к жизни: дополнительный кусочек хлеба оказывается спасительным, возрождая угасшие силы» [1]. А 9 августа 1942 г. Айдаров отбивал барабанную дробь во время исполнения Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича.

Кларнет В. Н. Козлова имеет интересную историю. Музыкант родился 24 сентября 1921 г. в Брянске. Первым учителем игры на кларнете стал для Козлова отец — заводской электромеханик, он самостоятельно выучился играть на кларнете, умел обращаться и с виолончелью. В 14 лет Виктор Козлов поступил в Брянский музыкальный техникум в класс кларнета, а в 16 поехал в Ленинград продолжать образование и поступил в Музыкальное училище им. М. П. Мусоргского. Но, так как у училища не было общежития, Козлов уехал в Сестрорецк, где поступил в Образцовый оркестр штаба Ленинградского военного округа. Несмотря на юный возраст, его зачислили в полк не воспитанником, а сразу на срочную службу.

Оркестр летом выезжал в Сестрорецк, и каждый день музыканты выступали в парке. Некоторые военные оставались жить в сестрорецких казармах, другие приезжали каждый день из Ленинграда. Во время блокады Козлов жил в казармах на Миллионой улице в Ленинграде и вместе с другими оркестрантами патрулировал улицы. В 1942 г. Козлов вместе с другими духовиками участвовал в симфонических концертах под руководством Карла Элиасберга. В премьере Седьмой симфонии он участвовал случайно, замещая больного коллегу, поэтому его фамилии нет в первой программке.

Из записи, которую музыкант оставил, когда дарил свой инструмент музею, мы узнали, что кларнету на данный момент больше 100 лет. Он был изготовлен в Германии, откуда выписывали духовые инструменты для музыкантов придворного оркестра. На этом кларнете играл Валерьян Иванович Зайнсковский,

у которого В. Н. Козлов и купил инструмент в 1939 г. Перед тем как передать любимый инструмент в музей, В. Н. Козлов его отреставрировал.

Скрипка Хонона Иоселевича Окуня стала первым музыкальным инструментом исполнителей Седьмой, поступившим в музей, и положила начало сбору коллекции. Из трудовой книжки Окуня мы узнали, что музыкант родился в 1904 г., в 1933 г. поступил в организованный в 1931-м симфонический оркестр Ленинградского радиокomiteта под руководством Карла Элиасберга.

В книге Т. В. Сталевой «Вечные дети блокады» рассказана история появления скрипки Х. И. Окуня: «Однажды в школу пришел скрипач. Желаящие послушать музыку собрались в зале. Леонид Осипович Окунь¹ открыл футляр, бережно вынул скрипку и заиграл. То была мелодия из Седьмой («Ленинградской») симфонии Шостаковича. Закончив выступление, музыкант положил скрипку на стол и сказал: “Она ваша”. Потом объяснил, что на этом самом инструменте он вел партию вторых скрипок на концерте в Большом зале филармонии 9 августа 1942 года, в день первого исполнения Седьмой симфонии в блокадном Ленинграде» [8].

Надеюсь, что наша работа поможет раскрыть историю музейных предметов, а также познакомит всех, кто её прочитает, с музыкантами-героями, которые выстояли в непростых блокадных условиях и подарили ленинградцам День Победы во время войны.

Литература

1. Айдаров Н. Служение музыке: страницы воспоминаний Ж. К. Айдарова // Musicus: вестник Санкт-петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. 2012. № 1 (29).

2. Балужева А. Блокадные звуки кларнета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.fontanka.ru/2005/03/18/124060/> (23.11.2018).

3. Берггольц О. Ф. «Говорит Ленинград». СПб.: АСТ, 2018.

4. Болотин С. В. Энциклопедический биографический словарь музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Л.: Музыка, 1969.

5. Крюков А. Н. Музыка в эфире военного Ленинграда. СПб.: Композитор, 2005.

6. Линд Е. А. «Седьмая...». 2-е изд., доп. СПб.: Гуманистика, 2005.

7. Музыка в дни блокады: Хроника / Автор-составитель А. Н. Крюков. СПб.,: Композитор, 2002.

8. Сталева Т. В. Вечные дети блокады: Документальные очерки. М.: Московский Детский Фонд, 1995.

¹ Именно так, Леонидом Осиповичем, обычно называли Хонона Иоселевича Окуня.

ВОЕННАЯ АТРИБУТИКА В БИОГРАФИИ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИОСИФА БРОДСКОГО

Зоя Бирюкова, 10 класс ОАНО «Унисон»

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПЕЧЕНИК**,
МЕТОДИСТ АМЕРИКАНСКОГО КАБИНЕТА ИОСИФА БРОДСКОГО
В МУЗЕЕ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ

Война, Ваша Светлость, пустая игра.
Иосиф Бродский. Письмо генералу Z.

В экспозиции Американского кабинета Иосифа Бродского можно увидеть предметы, окружавшие Бродского в Америке: банку из-под кока-колы, служившую ему корзиной для мусора, настольные часы в виде самолета, подтверждающие его увлечение авиацией, меню из его любимого китайского ресторана, бюст Пушкина, когда-то стоявший в ленинградском доме поэта, игрушечных солдатиков...

Специфические возможности музея, хранителя подлинных вещей поэта, и своеобразие поэтики Бродского, в стихах которого живут не столько вещи, сколько «мысли о вещах», — всё это позволяет увидеть в обычном предмете глубокий смысл, обнаружить спрятанную в нем историю или черту, характеризующую личность Бродского.

Какую же роль играли игрушечные солдатки в жизни и творчестве Бродского?

Из мемуаров Людмилы Штерн известно, что в солдатки любили играть в ее семье, а Бродский, когда приходил в гости, с интересом наблюдал за тем, как разыгрывались знаменитые сражения: «Папа коллекционировал оловянных солдатиков. Раза два в месяц к нам из военной секции Дома ученых приходили его друзья, “задвинутые” на военной истории России. <...> Крышка рояля опускалась, и на черной полированной поверхности “Беккера” устраивалось какое-нибудь знаменитое сражение. <...> Бродский очень любил эти военные вечера. Он облакачивался на крышку рояля и внимательно следил “за передвижением войск”. Я помню, с каким завороченным лицом Иосиф слушал объяснения “военачальников” об ошибках и Наполеона, и Кутузова во время

Бородинского сражения, и не раз высказывал свое мнение, как следовало бы им поступить...» [12].

В экспозиции «Американского кабинета Иосифа Бродского» в музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме представлены пять фигурок, поступивших в дар от вдовы поэта Марии Соццани-Бродской:

1. Волынщик шотландского полка. Отлит из олова, покрыт краской. Изготовлен после 1946 г. На прямоугольной подставке шагающий мужчина в шотландском национальном костюме — килте красного цвета, на плече тартановая накидка, на голове шапка со страусиными перьями, на ногах гольфы и башмаки. В руках держит волынку.

Тема Шотландии затрагивается Бродским в стихотворном цикле «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» (1974), где поэт обращается к статуе королевы «клетчатого клана».

2. Пехотинец конфедератов. Материал: пластмасса, бумага и резина. Изготовлен после 1975 г. фирмой «DEETAIL» в Великобритании. На прямоугольной подставке фигура мужчины в форме пехотинца конфедератов времен Гражданской войны в США — серый мундир, штаны синего цвета. В правой руке у пехотинца пистолет, в левой — флаг Конфедеративных штатов Америки.

В стихотворении Бродского «В разгар холодной войны» (1994) читаем:

*Всюду — жертвы барометра. Не дожидаясь залпа,
царства рушатся сами, красное на исходе.
Мы все теперь за границей, и если завтра
война, я куплю бескозырку, чтоб не служить в пехоте.*

3. Музыкант оркестра морской пехоты США. Отлит из олова, покрыт краской. Изготовлен после 1956–1960 гг. На прямоугольной подставке фигура шагающего мужчины в форме музыканта оркестра Морской пехоты США — красный мундир, черные брюки с красными лампасами, на голове фуражка. В руках держит музыкальный духовой инструмент — трубу. Руки подвижны благодаря шарнирным соединениям в плечевой части.

Я. А. Гордин вспоминал: «Нам с ним нравился американский вербовочный плакат с изображением бравого морского пехотинца и энергичной надписью: “Морская пехота сделает из тебя человека!” Иосиф вообще был не равнодушен к армейской атрибутике...

Он и сам охотно фотографировался в военной форме...» [5].

4. Гвардеец охраны королевы Англии. Отлит из олова, покрыт краской. Изготовлен во второй половине XX в. в Нидерландах. На подставке фигура мужчины в форме королевского гвардейца Великобритании — мундир красного цвета, на голове шляпа с широкими полями. Правая рука гвардейца подвижна благодаря шарнирным соединениям в плечевой части. На основании печатными буквами: «MADE IN HOLLAND».

5. Гвардеец охраны папы Римского. Отлит из олова и металла, покрыт краской. Изготовлен во второй половине XX в. в Великобритании. На многоугольной подставке фигура швейцарского гвардейца в церемониальной форме — полосатые черно-желтые укороченные штаны с чулками, кираса с гофрированным круглым воротником (фрезой), на голове морион с красным плюмажем. Правая рука гвардейца с алебардой подвижна благодаря шарнирным соединениям в плечевой части.

В фондах Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранится коллекция игрушечных солдатиков — античных воинов. Интерес к античности, к Римской империи, к империи как виду государственного устройства отчетливо прослеживается на протяжении всей жизни поэта: Бродский и сам был «осколком империи», как говорил о нем писатель Петр Вайль. Два солдатика из этой коллекции — римские легионеры. Образ легионера часто фигурирует в творчестве Бродского, например:

*...Рядом с ним — легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях империю прославил.
Сколько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил
(Письма римскому другу, 1972)*

Или:

*«Империя — страна для дураков».
Движенья перекрыто по причине
приезда Императора. Толпа
теснит легионеров, песни, крики;
но паланкин закрыт. Объект любви
не хочет быть объектом любопытства.
(Post aetatem nostram, 1970)*

На первый взгляд, собственно войне посвящены всего два поэтических текста Бродского, повествующие о современных ему вторжениях советских войск в Чехословакию («Письмо генералу Z.», 1968) и в Афганистан («Стихи о зимней кампании 1980 года», 1980). Однако упоминания о различного рода военных событиях и конфликтах щедро рассыпаны по его поэтическим и прозаическим текстам.

Троянская война в стихотворении Бродского — это и Вторая мировая, и Гражданская, которая началась в России в 1917 г., а затем, принимая разные формы, продолжалась все годы советской власти и как вражда идеологий продолжается до сих пор.

В стихотворении «Одиссей Телемаку» (1972) звучит мысль об абсурдности войны:

*Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.*

«Забывание» героем главного — кто победил в войне — отражает тот факт, что победитель неважен. В войне нет ни победителей, ни проигравших, она бессмысленна и абсурдна, не имеет ни начала, ни конца и ведется как бы в «застывшем» времени.

В коллекции материалов из фонда Бродского, в этих «неживых предметах», заложены многие возможности представления метафизических смыслов его поэзии. Изучение этих вещей — отличный способ для осмысления жизни, судьбы и творчества поэта и, говоря словами самого Бродского, повод для «проникновения в другие сферы»...

Литература

1. Александрова А. «Есть что-то дамское в пацифистах»: военная тема в творчестве И. Бродского // Иосиф Бродский в XXI веке: Материалы международной научно-исследовательской конференции. Санкт-Петербург. 20–23 мая 2010 г. / Под ред. О. И. Глазуновой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; МИРС, 2010.

2. Аллева А. Свет. Статуя. Вещь. Заметки о семантике Иосифа Бродского // Звезда. 2014. № 5. С. 147–155.

3. Алексеева Л. Memoria: личные вещи писателей в собрании Государственного Литературного музея // Наше наследие: интернет-журнал [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/litmuz01.php.

4. Бродский И. А. Сочинения. Т. 3. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 1994.

5. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 1991.

6. Гордин Я. А. Рыцарь и Смерть, или Жизнь как замысел: о судьбе Иосифа Бродского. М., 2010.

7. История игрушек. Оловянный солдатик. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/nhy/post408769847/>.

8. Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2006.

9. Лотман Ю. М. Между вещью и пустотой / Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.

10. Не мысли о вещах, но сами вещи: каталог / Вступит. тексты: Ахапкин Д., Попова Н. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 2017.

11. Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М., 2000.

12. Штерн Л. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М.: Независимая газета, 2001.

Волыщик шотландского полка

*Пехотинец
конфедератов*

*Музыкант оркестра
морской пехоты США*

*Гвардеец охраны
королевы Англии*

*Гвардеец охраны
Папы Римского*

О ЧЁМ ГОВОРИТ РУШНИК

АЛЁНА КОРОВКИНА, 7 КЛАСС, ШКОЛА № 163, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛИ: ТИМУР МУРАДОВИЧ САЛИМУРЗАЕВ, УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ, ШКОЛА № 163; ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ИЛЬИНА, МЕТОДИСТ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «ПРИЮТИНО», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Предметом моего исследования стало полотенце, которое хранится в фондах литературно-художественного музея-усадьбы «Приютино», расположенного во Всеволожском районе Ленинградской области. Оно из домотканого полотна, с красными кумачовыми нашивками на концах, вязаным кружевом. На нашивках — орнаментальный узор, выполненный нитями нескольких оттенков

Меня интересуют особенности костюма народов России, характерные черты вышивки, ведь в каждой губернии, в каждом поселении есть своя особенность вышивки и каждая фигура на полотне может что-то означать. С помощью вышивки люди разными способами пытались привлечь удачу, рассказать о своей жизни. Полотенце меня привлекло своей загадочной вышивкой, красотой, аккуратностью выполнения. Известно, что слово *рушник* связано с корнем *руш-* — ‘ломать, рвать’. То есть рушник — оторванный кусок ткани. До изобретения ножниц ткань рвали: делали небольшой надрез на ткани чем-то острым и рвали руками по нитке. Для вытирания рук пользовались утирками — небольшими кусками ткани. А настоящий рушник был длинным, его украшали вышивкой, тесьмой, кружевом. Руки им не вытирали.

В региональном каталоге [3] об экспонате имеется следующая запись:

Музей: Литературно-художественный музей-усадьба «Приютино»

Коллекция: Ткани, костюм

Музейный номер: ПРТ КП-1025

Название: Вышивка. Полотенце на икону

Материал, техника: кружево (шелковая нить); х/б нить; лен; вышивка полукрестом; вязание крючком; тамбурный шов

Размер: 220 x 43

Описание: Полотенце на икону, льняное домотканное белое с красными на концах нашивками и по ним вышивкой тамбурным швом белым, желтым и светло-коричневым (узор орнаментальный). Вышивка завершается вязаным кружевом.

Место создания: Архангельская обл.

Исследуемый рушник состоит из 3 частей: полотна, вышитых вставок и кружева. Так как у обрядового полотенца середину полотна оставляли белой, на краях выполняли вышивку и к концам полотна пришивали кружево (вязанное крючком, плетенное на коклюшках или фабричное), можно сделать вывод — это полотенце обрядовое. Ярко-красное (кумачовое) полотно с одной стороны подшито белыми нитками в технике полукрест, с другой стороны находится кромка. Внутри кумачовой вставки расположен интересный рисунок. Он выполнен шерстяными нитями. Вышивальщица многие элементы «прорисовывала» дважды и этим придавала дополнительную объёмность элементу вышивки. Если рассмотреть его подробнее, то можно увидеть, что рисунок заключён в вышитую рамку.

На 2 вставках использованы нити разных цветовых оттенков — белый, жёлтый, бежевый, розовый и чуть-чуть синего на одной вставке. Со временем цвета поблёкли. И изначально цвет был не бежевым, а зелёным, не розовым, а красным. Ближайшие к рамке — фрагменты с цветами, все они разные и по-своему уникальны. Если смотреть по бокам, то можно увидеть два вида цветов. Те, что расположены наверху, напоминают солнце. Их длинные лепестки свиваются в красивые узоры, напоминающие волны. Середина исполнена в форме шара. Он не такой большой, как лепестки. А теперь давайте взглянем на второй вид цветов. Они напоминают облака: в составе цветов главную роль играют неровные линии. В отличие от первых цветов середина здесь неровная — её, как и весь цветок, составляют витые линии, закрученные по спирали и выполненные нитью белого цвета. Наверху и внизу композиции мы видим цветущий виноград. Может быть, когда-то он был вышит зелёными нитками. Он украшен маленькими изящными цветами, которые исполнены жёлтыми нитками. Всё это складывается в симметричный узор. Символика вышивки — солнце, облака и виноград (который ассоциируется с красотой и молодостью). Очень красивое сочетание, не правда ли?

Ключевая фигура, которая находится в центре композиции и привлекает наибольшее внимание, — это фигура женщины

или дерева. Точно определить невозможно, но мне думается, что это женская фигура. Она окружена растительным орнаментом, который ассоциируется с плодородием. Под фигурой мы можем увидеть извивающуюся линию, которая напоминает воду или землю. Внутри линии есть нехитрый, но очень красивый узор, напоминающий небольшую дрожь на воде или в недрах земли. Под волнистой линией можно увидеть два шара, которые напоминают землю, заросшую баобабам, как в сказке Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Внутри шаров — причудливые узоры, которые исполнены красными нитями. Рушник обрамлен кружевом, которое, мы точно можем сказать, связано на спицах. Каждая петелька, каждая дырочка исполнена с большим мастерством. Само оно имеет остrokонечную форму. Вязка выполнена хлопчатобумажными нитями. Некоторые фрагменты кружева со временем распустились, а рисунок вышивки в отдельных местах утрачен. А теперь давайте посмотрим на изнаночную сторону. Рисунок на ней сохранился, заметны узелки, что свидетельствует о ручной работе — очень тонкой, требующей большого мастерства. К сожалению, не удалось установить имя мастерицы. Полотенце поступило в музей на постоянное хранение в начале 1970-х гг. от жительницы Всеволожска.

Определённо можно сказать, что рушник обрядовый — возможно, предназначался для обрамления иконы. Полотно льняное домотканое, вышивка на вставках выполнена тамбурным швом, работа ручная. Кружево выполнено на спицах хлопчатобумажной нитью. Определив размеры элементов рушника (размер домотканого полотна 150 x 42,5 см, красной вставки 15,5 x 40 см, размер кружев 12,5(11,5) x 40 см; итого размер полотенца в длину составляет $150 + 31 + 25 (23) = 206 (204)$ см), могу предположить, что со временем он «подсел». Сократились в длине и шерстяные нити. Это очень хорошо видно — ткань внутри вышивки как бы смята. Время изготовления данного рушника — скорее всего, конец XIX или начало XX в.

Надеюсь, что мое исследование принесет пользу музею, сотрудники которого смогут вновь обратить внимание на экспонат и, возможно, внести коррективы в его атрибуцию. Приношу слова благодарности всем, кто мне помогал в исследовании.

Литература

1. *Моисеенко Е. Ю.* Русская вышивка XVII — начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1978.
2. *Павлова Е. С.* Тайны старинного полотенца // III Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://school-science.ru/3/16/32493> (дата обращения: 06.06.2021).
3. Региональный каталог / ГБУК ЛО «Музейное агентство» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenoblmus.ru/kng/fund/view-funds.js> (дата обращения: 04.04.2019).
4. Тамбурная вышивка крючком: виды, подробное описание техники выполнения, пошаговый мастер класс // Вышивание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://steghok.ru/news/item/f00/s00/n0000025/index.shtml> (дата обращения: 06.06.2021).
5. *Чурина И.* Пора семейного счастья // Formula рукоделия. 2014. № 10(67).

Вышитый рушник. Вставка, кружево

Вставки. Вид с изнаночной стороны

Фрагмент вышивки. Вставки

ОКНО В МИР БЕНУА (ЭКСПОНАТ МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ Л. Н. БЕНУА)

ПОЛИНА КАПИТОНОВА, 6 КЛАСС, ШКОЛА № 683, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛИ: **КСЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ШОЛКИНА**, ЗАВЕДУЮЩАЯ МУЗЕЕМ «ИСТОКИ», **НИКОЛАЙ ЭДУАРДОВИЧ ДЕМЬЯНОВ**, УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ ШКОЛЫ № 683, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В самом центре Санкт-Петербурга, в доме 20 на 3-й линии Васильевского острова, находится музей-квартира выдающегося русского архитектора, градостроителя Петербурга, ректора Академии художеств Леонтия Николаевича Бенуа [1].

Музей был открыт в 2010 г. усилиями Анастасии Олеговны Мурзиной-Бенуа, праправнучки великого петербуржца. В семейной квартире представлены исторические интерьеры рабочего кабинета Л. Н. Бенуа и его супруги, концертный зал с домашним роялем, фисгармонией и арфой, столовая [4].

Уникальный экспонат музея — старинное окно, которое было спроектировано Л. Н. Бенуа. Жизнь выдающегося архитектора, а следовательно, и его семейное гнездо неоднократно вызывали интерес исследователей, но старинное окно в этой квартире никогда прежде не было изучено.

Комната, в которой расположено окно, не всегда была гостиной. При жизни Л. Н. Бенуа здесь находилась столовая. От окна до коридора, где висела картина художника Каналетто с видом в Венеции, стоял длинный стол, за которым собиралась вся большая семья Бенуа и их гости [1, с. 115]. Сбоку от окна висел свадебный подарок Л. Н. Бенуа — «Мадонна» кисти Леонардо да Винчи, которая сейчас находится в Государственном Эрмитаже [3]. Вид из окна — во двор, на мастерскую Бенуа.

Окно, спроектированное Л. Н. Бенуа, имеет следующие размеры: ширина 260 см, высота 210 см, форточка шириной 52 см, высота от пола до подоконника 74 см, ширина откоса внутри окна 30 см, ширина дубового наличника 47 см. Окно представляет собой деревянную конструкцию, состоящую из двух рам и дубового обрамления. В первой раме, которая находится со стороны улицы, стекло обычное, а вторая рама застеклена венецианским стеклом с особым видом facetsa.

Стекло с facetsom выглядит очень красиво, и при этом именно facets добавляет ему прочности, защищая от сколов и трещин.

Может быть, по этой причине венецианское стекло, которое было заказано в Италии, а затем вставлено в раму окна, находящегося в гостиной Л. Н. Бенуа, и было обрамлено прямолинейным facetsom. По словам праправнучки архитектора, окно на солнце играет всеми цветами радуги и по всей комнате разлетаются солнечные зайчики.

В центре окна расположены два металлических канделябра. На них в прежние времена располагалась стеклянная полочка, на которой стояла посуда из муранского стекла.

На раме центральной части окна имеется ручка, с помощью которой она открывается, и две узкие форточки справа и слева, которые также можно открыть. Наличники по бокам окна украшены объёмной резьбой. Резные дубовые гирлянды черного цвета выглядят очень нарядно на фоне коричневых наличников. Раньше такое же резное деревянное обрамление переходило и на стены гостиной, но, к сожалению, оно не сохранилось. Позднее дед А. О. Мурзиной-Бенуа снял этот декор и отвез его на семейную дачу в Петергофе.

Еще одним элементом декора рамы является дубовая консоль, на которой висят две занавески. Хозяйка рассказала, что консоль сохранилась еще со времен ее прапрадедушки. Кольца, на которых висят шторы, также старинные, а занавески из красного сукна с тесьмой спустя годы оказались проедены молью, и хозяйка их заменила, постаравшись максимально приблизить облик новых штор к историческому.

С правой стороны на наличнике повешен металлический колокольчик. По словам А. О. Мурзиной-Бенуа, он висит здесь столько, сколько она себя помнит. Вероятно, этот колокольчик служил семье Бенуа для вызова прислуги.

Деревянный подоконник окна тоже оригинальный — он был сделан в 1897 г. Время оставило на нем неизгладимые следы — память о блокадных годах Ленинграда. Всю блокаду в этой квартире жила дочь Л. Н. Бенуа, Нина, со своей семьей — мужем, известным мозаичистом Владимиром Фроловым, и сыновьями. Именно на этом подоконнике семья Фроловых рубила дрова, чтобы согреться. Вместе с А. О. Мурзиной-Бенуа мы посчитали, сколько поколений семьи Бенуа смотрели в это окно. Оказалось, что ее

дети и внуки — уже 6-е и 7-е поколение прославленной династии в Петербурге.

Дом № 20 на 3-й линии Васильевского острова стал свидетелем многих событий в истории России. Он пережил три революции: революцию 1905 года, Февральскую революцию 1917 г., Великую Октябрьскую революцию 1917 г. Был свидетелем Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн... За это годы не раз изменилось не только название города, в котором был построен этот дом, но и название страны: Санкт-Петербург и Петроград в России — и Ленинград, когда страна называлась уже Советским Союзом, и возвращение в 1991 г. исторического названия города, и создание нового государства — Российской Федерации.

Это исследование стало первой попыткой подробного описания старинного окна — значимой детали интерьера Музея-квартиры Бенуа. Надеюсь, оно поможет многим людям прикоснуться к удивительному и прекрасному миру великой петербургской династии деятелей культуры и искусства.

Литература

1. Леонтий Бенуа и его время: материалы конференции (16–17 октября 2006 г.) / М-во культуры Российской Федерации, Гос. науч.-исслед. учреждение культуры «Российский ин-т истории искусств. СПб.: Ин-т истории искусств, 2008.

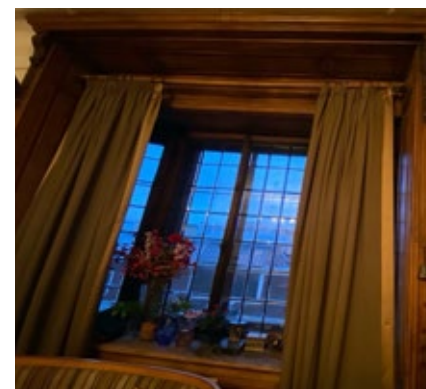
2. Лисовский В. Г. Леонтий Бенуа. СПб.: Белое и черное, 2003.

3. Музей Л. Н. Бенуа на Васильевском [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://privatemuseums.ru/o-proekte/geografiya/sankt-peterburg/muzej-l-n-benua-na-vasilevskom> (дата обращения: 17.08.2020). URL:

4. Музей семьи Бенуа. СПб.: Музей-заповедник Петергоф, 2008.

Дом № 20 на 3-й линии Васильевского острова
(фото из интернет-источника:
<https://sterh1973.livejournal.com/90672.html>)

Окно в гостиной
(Фото Полины Капитоновой,
сентябрь 2019 года)

Подоконник старинного окна
(Фото Полины Капитоновой,
сентябрь 2019 года)

**ДЕРЕВЯННАЯ ШКОЛЬНАЯ СУМКА 1930-Х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ «ШКОЛА В ПОРТФЕЛЕ» ШКОЛЫ № 50)**

АРТУР ХИТРИК, 8 КЛАСС, ШКОЛА № 50, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КОРОТКЕВИЧ**, РУКОВОДИТЕЛЬ МУЗЕЯ «ШКОЛА В ПОРТФЕЛЕ», ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЫ № 50, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Эта сумка была передана в наш музей Алексеем Викторовичем Тентиным в мае 2017 г. По его словам, предмет был найден в Ленинградской области. В книгу учета основного фонда предмет был включен как ранец (так его называл коллекционер). Так как лямок, необходимых ранцу, на изделии нет, то в музее за ним закрепилось название «портфель деревянный». Портфель представлен в экспозиции школьного музея, но подробной информации о нем, о времени его изготовления, его производителе в музее не было. Поэтому возникла необходимость изучения этого музейного предмета.

Музей средней школы № 50 был открыт 25 апреля 2017 г. Основное направление его деятельности — изучение истории школьных принадлежностей и одного из главных атрибутов школьной жизни, портфеля, поэтому музей называется «Школа в портфеле». Сейчас в коллекции музея около 1000 предметов. Есть уникальные предметы, которые школьники носили в портфелях, — например, аспидные доски или редкие грифельные тетради, на которых когда-то учились писать. Гордостью музея является коллекция портфелей — 40 экземпляров, в числе которых кожаные и деревянные портфели 1930-х гг., картонные ранцы послевоенного времени, разнообразных портфели 1960–70-х и 1980-х гг. Исследуемый в данной работе деревянный портфель является частью музейного раздела «Каким был портфель».

Основываясь на мнении коллекционера, от которого портфель поступил в музей, было сделано предположение, что он изготовлен в предвоенное время, то есть во второй половине 1930-х гг. Внутри портфеля была обнаружена металлическая пластина со следующим текстом: «ЛЕНДРЕВПРОМСОЮЗ. ТРУДМЕБЕЛЬЩИК. 5-я Советская 45».

Литературы об организации «Лендревпромсоюз» найдено не было, лишь в интернете обнаружили единичные ссылки, разъясняющие смысл названия. Литературы об артели «Трудмебельщик» тоже

не нашлось, кроме брошюры 1936 г. о бригадире этой артели. Производство портфелей освещено в книгах 1930-х годов «Производство ученических портфелей, сумок, ранцев и книгоносок» И. Г. Левина [9] и «Товароведение канцелярских товаров» И. Г. Палея [10].

Помощь в датировке портфеля нам оказал Артем Викторович Кокин, историк, военный эксперт и консультант фильма «28 Панфиловцев» [8].

Изучение деревянного портфеля было начато с замеров. Затем была исследована конструкция портфеля. Было определено, что фронтальная, тыльная сторона и поддон сделаны из фанеры, боковые стенки — из 8-миллиметровых дощечек. Снаружи школьная сумка обшита зеленоватой тканью, похожей на брезент, изнутри обклеена упаковочной бумагой. Фанера и дощечки скреплены гвоздиками. Внутри имеется табличка-шильдик коричневого цвета с золотистой обводкой со следующим текстом: «ЛЕНДРЕВПРОМСОЮЗ. ТРУДМЕБЕЛЬЩИК. 5-я Советская, 45». Этот шильдик держится при помощи заклёпок. Устройство крышки очень простое — это картон, который обшит той же тканью, что и сама школьная сумка (вероятно, это брезент). Ручка сумки кожаная, также имеется застёжка, которая состоит из кожаного ремешка и металлической пряжки, материал пряжки неизвестен. Цвет школьной сумки болотный.

Подобная конструкция описана в книге И. Г. Левина «Производство ученических портфелей, сумок, ранцев и книгоносок» [9], где имеется чертеж деталей сумки похожей конструкции — правда, размеры несколько отличаются (на чертеже — 18 x 25 x 7 мм, а у нас — 21,5 x 28,5 x 7,5 мм).

В книге И. Г. Палея «Товароведение канцелярских товаров» [10] также можно найти описание сумки, из дерева «сбитой», и аналогичные размеры сумок: для 1–2 классов и для 3–4 классов [10, с. 76]. Наша сумка по размерам ближе к той, что предназначена для 3–4 классов. Описание конструкции и материалов (дерева, мебельных гвоздей, ткани, ремней, пряжки на валике, застёжки) в книге Палея тоже соответствует сумке из школьного музея.

Таким образом, можно сделать вывод, что конструкция изучаемого портфеля могла быть использована разными предприятиями-изготовителями, а портфель из нашего музея правильнее называть «школьной сумкой сбитой».

Определить производителя школьной сумки возможно по табличке-шильдiku, исследовав надпись «Лендревпромсоюз. Трудмебельщик. 5-я Советская 45».

Начать мы решили с адреса производителя — 5-я Советская улица, дом 45. Обращение к сайту «SITYWALLS.Архитектурный сайт Санкт-Петербурга» [7] позволяет узнать, что в сохранившемся здании еще в 1922 г. находилось предприятие по обработке дерева (тогда это была 5-я Рождественская улица).

Теперь надо разобраться с названием «Лендревпромсоюз». Очевидно, что это сокращение полного названия организации. Такие сокращения были очень популярны в СССР. В справочнике «Список русских сокращений, применяемых в СССР» находится объяснение, что «Лендревпромсоюз» — это Ленинградский кооперативный союз деревообрабатывающей промышленности [14, с. 129].

Путеводитель по Ленинграду 1934 г. дает нам возможность понять, что в объединение «Лендревпромсоюз» входили организации по производству мебели, в том числе производственно-кооперативная артель «Трудмебельщик». А по адресу 5-я Советская, 45, находилось правление артели и одна из ее фабрик — № 4 [13, с. 63].

Что же такое производственно-кооперативная артель? В книге «Артель и артельный человек» [1, с. 93, 255] найдены две формулировки этого термина:

- 1) добровольное объединение людей для совместной работы с участием в общих доходах,
- 2) особый вид кооперации для совместной хозяйственной деятельности.

А термин «кооперация» происходит от латинского cooperatio — сотрудничество.

Из книги Г. М. Волчок «Стахановская бригада мебельщиков: Опыт бригады Г. Д. Онуфриева Ленингр. артели “Трудмебельщик”» становится понятным, что артель выпускала столы и буфеты [6, с. 4].

Когда же артель могла выпустить «школьную сумку сбитую»? Исходя из информации, приведенной в книгах Левина и Палея [9, 10], производство таких сумок началось в 1930-х гг. Информация о производителе портфеля позволяет расширить этот период, так как в путеводителе по Ленинграду 1934 г. по адресу, указанному на шильдике, работала фабрика № 4 артели «Трудмебельщик»,

а справочник сокращений позволяет сделать вывод, что объединение «Лендревпромсоюз» существовало и в 1954 г., то есть наша школьная сумка могла быть изготовлена в период с 1934 по 1954 г.

По мнению военного историка и консультанта Артема Викторovichа Кокина, деревянная школьная сумка изготовлена в предвоенные годы. Об этом говорят застежка из кожи и оцинкованного железа и ручка — именно такие детали использовали в то время при производстве, например, подсумков для гранат РГД-33 и Ф-1. Во время Великой Отечественной войны и позже, по мнению эксперта, использовались уже брезентовые ремешки. Артель «Трудмебельщик» могла выполнять военные заказы. Подтверждением этого являются документы блокадного Ленинграда. В Постановлении Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) о производстве боеприпасов от 3 сентября 1941 года есть решение «обязать директора фабрики «Трудмебельщик» т. Сигалова обеспечить изготовление спецкупорки в количестве и сроки, согласно заявке фабрики «Пятилетка» и Охтинского химкомбината» [2, с. 269]. Если бы до войны такого производства не было, то в документе, на наш взгляд, были бы использованы слова «наладить производство укупорки», а не «обеспечить изготовление спецкупорки» — вероятно, производство уже существовало в артели. Спецкупорка — это специальная тара для упаковки различных снарядов, мин, бомб и других боеприпасов. Поэтому временем производства школьной сумки всё же нужно считать довоенное время.

Чтобы выяснить годы нахождения артели по адресу 5-я Советская, 45, мы изучили данные телефонных справочников «Весь Ленинград», которые доступны в оцифрованном виде с 1931 по 1951 годы, чтобы узнать когда фабрика № 4 артели «Трудмебельщик» располагалась по этому адресу.

В справочнике за 1931 г. значится артель «Трудмебельщик», но она входит в объединение «Ленлесхимпромсоюз» и находится по другому адресу [3, с. 209].

В справочнике за 1932 г. артель уже находится по адресу 5-я Советская 45, но название объединения отсутствует [4, с. 158].

В 1933 г. фабрика № 4 артели находится по адресу 5-я Советская, 45, и входит в состав объединения «Лендревпромсоюз» [5, с. 66].

В 1934, 1935 и 1937 гг. эти данные повторяются (в 1936-м справочник не выпускался).

В справочнике 1939 г. артель также значится, но по другим адресам. Это подтверждается и справочниками 1940 и 1947 гг. А в справочнике 1951 г. мы вообще не находим упоминания об артели «Трудмебельщик».

Значит, можно сделать вывод, что артель «Трудмебельщик» работала по указанному на шильдике адресу 5-я Советская, 45 с 1933 по 1937 г.

Таким образом, нами была изучена конструкция портфеля и шильдик с информацией об изготовителе, найдены описания предмета в научно-технической литературе, определено время изготовления «сумки школьной сбитой». В результате мы пришли к выводу, что она изготовлена в период с 1933 по 1937 г., но, конечно, использовалась и в предвоенные, и в блокадные годы, и после войны.

Исследование этого музейного предмета позволило полноценно представить его в экспозиции и во время экскурсий по школьному музею, а также использовать результаты поисков для других исследований по истории портфелей и школьных принадлежностей 1930–1940 гг.

Литература

1. Артель и артельный человек. / Сост., введение В. В. Аверьянова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/139218970/?page=272> (дата обращения: 30.09.2019).

2. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К. А. Болдовский. Часть I. Июнь 1941 г. — март 1942 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/16166/1/Блокада.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).

3. Весь Ленинград: адресная и справочная книга на 1931 год. Л.: Изд-во Ленинградского Облисполкома и Ленинградского Совета, 1931. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020025/view#page=445> (дата обращения: 12.12.18).

4. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1932. Л.: Изд-во Ленинградского Облисполкома и Ленинградского Совета,

1932 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000073376/view#page=359> (дата обращения: 12.12.18).

5. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1933. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1933 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020082/view#page=142> (дата обращения: 11.12.18).

6. Волчок Г. М. Стахановская бригада мебельщиков: Опыт бригады Г. Д. Онуфриева Ленингр. артели «Трудмебельщик». М., Л.: Коиз, 1936.

7. Дом, 5-я Советская ул., 45 // CITYWALLS. Архитектурный сайт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house7846.html> (дата обращения: 10.12.2018).

8. Кокин А. В. Запись беседы с военным историком и консультантом фильмов о Великой отечественной войне в музее СОШ № 50 // Архив музея «Школа в портфеле», № 158.02-ВФ/МШ50СПб.

9. Левин И. Г. Производство ученических портфелей, сумок, ранцев и книгоносок. М., Л.: ВКОИЗ, 1939 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/prportfel/index.htm>. (дата обращения: 08.06.2018).

10. Палей И. Г. Товароведение канцелярских товаров. М.; Госторгиздат, 1937 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old-stationery.kanzoboz.ru/i_g_paley_tovarovedenie_kantselyarskih_tovarov_s_53_risunkami_v_tekste_1937_god/#sl41 (дата обращения: 10.06.2018).

11. Подсумок для гранат Ф-1, конец 1930-х — начало 1940-х гг. // Мешок [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://meshok.net/item/122911808> (дата обращения: 01.11.19).

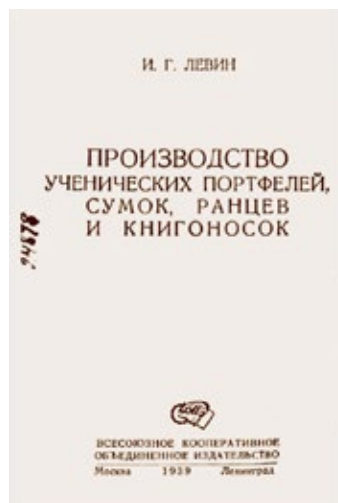
12. Подсумок от РГД-33, образца 1933 г. // Оружейная правда. Все о стрелковом оружии России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russianguns.ru/?p=5818#comments> (дата обращения: 01.11.19).

13. Путеводитель по Ленинграду. Л.: Издательство Леноблисполкома и Ленсовета, 1934 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=C1YqDwAAQBAJ&pg=PT87&lpg=PT87&dq=лендревпромсоюз&source=bl&ots=2dROsumG-&sig=LnLS_2Gha7niN5cxyzb7HJZAc0k&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjrxa-MgprfAhXRpIsKHCfvDYEQ6AEwBHoECAIQAQ#v=onepage&q=лендревпромсоюз&f=false. (дата обращения: 12.12.2018).

14. Список русских сокращений, применяемых в СССР. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vtoraya-literatura.com/pdf/spisok_russkikh_sokrashenyu_primenyaemykh_v_ssr_1954__ocr.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

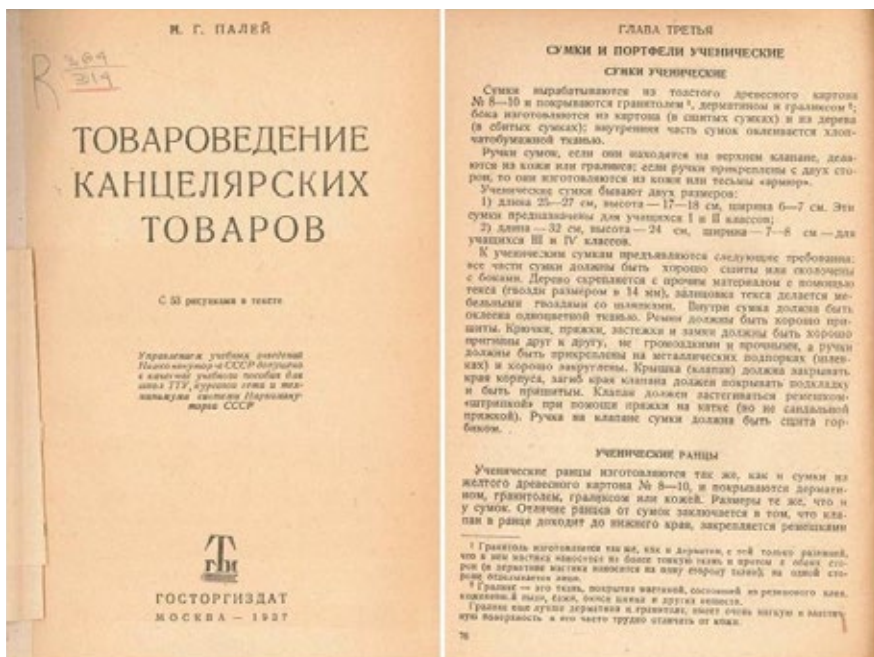
Портфель, переданный в школьный музей А. В. Тентиньим

Боковые стенки (бочки) могут быть изготовлены также из дощечек (еловых, сосновых или осиновых) толщиной 9—10 мм, сбитых с каркасом мебельными гвоздями. Такие стенки, так же как картонные или фанерные, обклеивают дерматином.

Клапан и каркас составляют одно целое. Их делают из одного куска картона и одного куска дерматина. Сумки и ранцы описанной конструкции известны под названием «сбитых».

Книга И. Г. Левина «Производство ученических портфелей, сумок, ранцев и книгоносок»

Книга И. Г. Палея «Товароведение канцелярских товаров»

Музыка в жизни и творчестве Нади Рушевой

Виктория Карева, 11 класс, школа № 1466 им. Н. Рушевой, Москва
 Руководитель: **Наталья Владимировна Усенко**, учитель русского языка и литературы, руководитель мемориального музея Нади Рушевой в школе № 1466 им. Н. Рушевой, Москва

Школьный мемориальный музей Нади Рушевой располагается в московской школе № 1466 имени Нади Рушевой с 1971 г. Основателями его стали Николай Константинович Рушев, отец художницы, и Нина Георгиевна Колесникова, в те годы пионервожатая, а впоследствии директор школы. В музее хранятся 1218 подлинных рисунков Нади Рушевой и мемориальные предметы, принадлежавшие ее семье. Фонды музея постоянно пополняются, экспонируются, изучаются.

Летом 2017 г. Наталья Борисовна Миронова, подруга Нади Рушевой и правопреемник ее наследия, передала школьному мемориальному музею некоторые предметы, среди которых были пластинки и аудиоплётки, принадлежавшие художнице. Благодаря сотрудничеству с Центральным государственным архивом Москвы, эти аудиоматериалы удалось оцифровать. Нам показалось интересным изучить новые документы, тем более что тема музыкальных пристрастий Рушевой ранее не изучалась.

Приступая к исследованию на тему «Музыка в жизни и творчестве Нади Рушевой», мы ставили перед собой цель изучить музыкальные предпочтения художницы, чтобы проанализировать воздействие музыки на ее творческую деятельность и в дальнейшем использовать полученные сведения в работе музея.

Предметом исследования стали пластинки, аудиоплётки, письма, дневник, рисунки, хранящиеся в школьном мемориальном музее Нади Рушевой.

Музыка в жизни Нади Рушевой была с самого рождения — ведь она росла в творческой семье. Мама художницы Наталья Дойдаловна Ажикмаа, тувинка по национальности, в 1942 г. поступила в балетную труппу Тувинского областного муздромтеатра. Осенью 1946 г. она стала женой Николая Константиновича Рушева, московского театрального художника, командированного в театр, где служила юная балерина. Спустя два года молодую семью направили в Таджикистан, а затем в Монголию, где в 1952 г. и родилась Надя.

После рождения дочери Рушевы переехали в Москву. Поселились у дедушки Нади Константина Николаевича Рушева (1895–1963), бывшего солиста театров оперы и балета в городах Куйбышеве, Горьком, Новосибирске, Уфе, а с 1946 г. — педагога вокального факультета Московской консерватории, и Татьяны Ивановны, второй его супруги (мама Н. К. Рушева Клавдия Алексеевна умерла во время войны от туберкулёза), — в прошлом балерины, ставшей затем балетмейстером в кружке автозавода имени И. А. Лихачёва.

Надя Рушева росла в творческой атмосфере семьи: «Я хорошо помню общую обстановку, родственные, теплые отношения, которые существовали в нашей большой семье. Все выходные дни, как правило, проводили вместе, и эти встречи запомнились мне как очень веселые, наполненные играми, шутками, музыкой (многие из членов семьи владели музыкальными инструментами), а также интересными разговорами взрослых», — вспоминала Зоя Анатольевна Грандберг, двоюродная сестра Н. К. Рушева [1].

В семье часто в шутку спорили, кем станет Надя, когда вырастет: дедушка отмечал, что у внучки чудесный голос и прекрасный музыкальный слух, Наталье Дойдаловне и Татьяне Ивановне, конечно, виделось балетное будущее девочки, но вскоре ни у кого не осталось сомнений, что она прирождённый художник.

В творчестве Нади Рушевой выделяется цикл «Балет», в котором насчитывается 653 рисунка (в школьном мемориальном музее их 52). Рисунки на художница начала создавать еще в 4–5 лет. Конечно, выбор тематики в первую очередь обусловлен профессией матери и бабушки — но не только этим. В детстве Надя Рушева бывала на балетных постановках в театре сравнительно немного — известно, что она видела спектакли «Аистенок» (музыка Д. Л. Клебанова), «Щелкунчик» и «Лебединое озеро» (П. И. Чайковский), «Спартак» (А. И. Хачатурян), однако она любила смотреть телепередачи, связанные с танцами, и часто фантазировала, рисуя пантомимы.

Рушева очень любила творчество Майи Плисецкой и не раз рисовала великую балерину в разных ролях. Однажды, прослушав радиопередачу с участием Майи Плисецкой и Родиона Щедриным, где знаменитая пара рассказывала о намерении создать балет «Анна Каренина», девочка была так вдохновлена, что тут же принялась рисовать балетные сцены. Эти рисунки увидела Майя

Михайловна Плисецкая, и некоторые позы так поразили балерину, что она включила подобные движения в танец.

В своих рисунках юная художница довольно часто меняла сюжеты и образы известных произведений — так, как ей казалось лучше, интереснее. Или же придумывала собственные истории, которые воплощала в рисунках. Многие из фантазий художницы воплощены в циклах «Балет» и «Балет на льду».

Рисунки цикла «Балет» позволяют предположить, что Рушева хорошо знала и чувствовала классическую музыку, пластику движений, которые художница и воплощала на бумаге. К циклу «Балет» примыкают серии «Балет на льду», «Пантомимы» — они также дают возможность сделать вывод, что восприятие и передача музыки у Нади тесно связаны с пластикой.

Известно, что Надя Рушева любила классическую музыку, особенно ей нравился Второй концерт Рахманинова. Интересны были Шопен (ему посвящено несколько рисунков), Бетховен, Прокофьев.

Анализ музыкальных интересов Нади Рушевой в области современной ей музыке показал, что каких-либо особенных пристрастий у неё не было — она слушала популярных в те годы исполнителей разных жанров, среди которых были и эстрадные артисты, и барды, и представители рок-н-ролла. В рисунках она в целом передавала дух времени, особенно уделяла внимание культуре стиляг — эти рисунки выполнены с большим юмором. Следует отметить, что среди рисунков цикла «Современность» довольно много композиций, где изображены танцующие люди. Здесь, по-видимому, снова можно отметить особенную способность Рушевой передавать своё восприятие музыки через пластику. Н. К. Рушев писал 31 января 1968 г.: «Надя и Алёна¹ принялись рисовать яркими фломастерами в созвучии с модной музыкой — смешных танцующих и играющих на инструментах стиляг. Было очень забавно» [5, с. 22]. На рисунках Нади Рушевой можем увидеть и твист, и шейк, модные в те годы.

Изучение пластинок, принадлежавших Наде Рушевой, её писем, рисунков, дневника отца, беседы с ее друзьями привели к выводу, что художница в своих музыкальных интересах не отличалась от сверстников. Она неплохо знала и любила классическую

¹ Алёна — подруга Нади Рушевой Елена Ивановна Дергилёва, художник-график; член МОСХа (с 1983 г.). Автор серии акварелей с пейзажами Москвы.

музыку, увлекалась современными мелодиями разных жанров, но тяготения к какому-то определённом направлению или исполнителю нам заметить не удалось. Однако мы увидели, что своё восприятие музыки Рушева передаёт через пластику — в её рисунках много композиций, где запечатлены сцены из балетов, современные танцы. Полученные в ходе исследования сведения, сделанные нами выводы позволяют сделать экскурсии в музее более подробными и интересными, а также дают новый материал для создания предполагаемого альбома-сборника о Наде Рушевой.

Литература

1. Воспоминания Зои Анатольевны Грандберг / Школьный мемориальный музей Нади Рушевой.
2. Графика Надежды Рушевой. М.: Институт холодинамики, 2009.
3. Графика Нади Рушевой. Альбом. М.: «Изобразительное искусство», 1976.
4. Надя Рушева / Лучшие современные художники. Т. 36. М.: Директ-Медиа, 2017.
5. Рушев Н. К. Последний год Надежды. Воспоминания о моей дочери. М.: ТЕИС, 2007.

Рисунок Нади Рушевой.
Без названия

Рисунок Нади Рушевой.
Без названия

Рисунок Нади Рушевой. Триумф русского балета

Надя Рушева с мамой на даче в Абрамцеве

IV. ПРОШЛОЕ В ОБРАЗАХ И КРАСКАХ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Проект «Музей открывает фонды», в рамках которого учащиеся пишут исследовательские работы на основе музейных коллекций, успешно существует уже 7 лет. За это время к участию в нем, помимо Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, присоединились школьные и городские музеи. Вдохновитель проекта, Исанна Михайловна Лурье, задумывала, чтобы начинающие исследователи писали свои работы «по-настоящему», создавая исследования, способные оказать музеям реальную помощь. Даже у Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, старейшего в нашем городе, остаются белые пятна в коллекциях. Поэтому так важно, чтобы учащиеся под руководством педагогов и сотрудников фондов могли познакомиться со стандартами написания научно-исследовательских текстов, попробовать свои силы в музейной работе — и помочь музеям.

В этом году в разделе работ по изобразительному искусству встретились Педагогический музей Академии постдипломного педагогического образования, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Народный музей «А музы не молчали...», Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», Кунсткамера и Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

В работе ученицы 10 класса 515 школы Анастасии Ветровой «Немецкие гравюры из фондов Педагогического музея» обращают на себя внимание грамотность, стройность изложения и научный подход. Благодаря знанию немецкого языка, Анастасия обращалась к иностранным сайтам, и ею была найдена информация, отсутствующая в русскоязычных источниках, что значительно повысило актуальность и научную значимость работы. Под руководством Анны Павловны Горбаневой автор статьи о немецких гравюрах проделала очень большую работу по их изучению и систематизации, подготовила описание фототипий, близкое

к музейным стандартам (размер, материал, состояние сохранности, инвентарные печати). Особенно хочется отметить исследование истории бытования экспонатов — начиная с изучения деятельности издательства и заканчивая тем, как светотипии попали в собрание Педагогического музея. Анастасия с большой скромностью оценивает значение своей работы, и здесь можно позволить себе не согласиться с автором. Изучение истории поступления и бытования музейных предметов — это важнейшая часть музейной деятельности, и, найдя эту информацию, автор статьи отвечает на актуальные потребности и запрос педагогического музея АППО. Мы видим, как удачно выбранная тема, серьезный исследовательский подход и интерес к работе привели Анастасию Ветрову к достойному результату.

О творчестве и трагической судьбе художника Ивана Ивановича Ваулина написала свою работу девятиклассница из 533 лицея Надежда Овчаренко. Вместе с Владимиром Ильичом Аксельродом ученица выбрала книгу А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург» с иллюстрациями Ваулина, находящуюся в книжном фонде Музея Анны Ахматовой. Исследовательница рассказала об излюбленных техниках художника, а также о сюжетах его работ. В них встречаются Петербург Пушкина и Петербург Ваулина, быт старинного города и атмосфера тревоги и напряженности первой половины XX века. На удивительный факт указала в своей работе Надежда: в переиздании 1933 года в качестве автора иллюстрации к книге указан И. И. Ваулин, хотя он и был уже к этому времени репрессирован. Несмотря на посмертную реабилитацию в 1939 году, творчество художника известно меньше, чем хотелось бы, и Надежда одной из первых обратилась к теме его иллюстраций к «Пушкинскому Петербургу».

Вероника Пуляевская (8 класс 116 гимназии, научный руководитель Фаина Львовна Аронс) изучила значение фигуры Александра Сергеевича Пушкина в жизни и творчестве Анны Андреевны Ахматовой. Она отметила множество пересечений в судьбах поэтов, что выражается и в похожих нравственно-этических взглядах, и в общих темах в творчестве, и в связанности сквозь время — например, через канонический портрет Пушкина работы Ореста Кипренского, офорт с которого, выполненный В. В. Матэ,

сейчас экспонируется в нашем музее. Интересно, что Вероника обращается и к современным портретам Пушкина — в частности, к работе А. И. Зыкова «Боль памяти. Реквием». Даже в самом названии работы мы видим связь с жизнью и творчеством Ахматовой: «И не с кем плакать, не с кем вспоминать...».

Ученик 9 класса 580 школы Алексей Суворов осуществил свое исследование на основе скульптуры на блокадную тематику из музея «А музы не молчали...». Под руководством Бориса Борисовича Романова Алексей изучил историю появления таких памятников в Ленинграде и принцип отбора монументов. Автор работы обнаружил, что ведущими принципами в этом процессе в СССР были глорификация и пропаганда, и новая Россия, по словам Алексея, наследовала эту традицию. Помимо исследования истории блокадной скульптуры на основе памятников из собрания музея и тех, что установлены в городе, в работе поднимаются вопросы о дальнейшей судьбе монументальной пропаганды и глорификации памяти. И пока они остаются открытыми.

Валерия Демчук, студентка III курса Педагогического колледжа № 8, целью своей работы определила отбор и систематизацию воспоминаний о создании «Ленинградской летописи» художника Алексея Федоровича Пахомова. Для этого (под руководством Елены Николаевны Дмитриевой) Валерия изучила книги художника, воспоминания о нем, хранящиеся в Народном музее колледжа «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», исследовала историю создания литографий Пахомова. Хочется отметить, что, несмотря на то что предметом исследования являются графические изображения, автор работы серьезно подошла к описанию книг, изучив их как материальный источник и музейный предмет. Студентка знакома с правилами научного описания книг и использует профессиональные термины. Работа Валерии приближается к искусствоведческому исследованию — благодаря объяснению выбора автором именно этой техники и описанию того, какое эмоциональное воздействие оказывают на зрителя некоторые художественные приемы. Исследование В. Демчук отличается трепетным отношением к музею «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», где она подвизается в качестве экскурсовода, подробными знаниями об истории его работы,

уважением к его сотрудникам. Студентка, изучавшая книгу, связанную с трагической темой блокады Ленинграда, выбрала для своего изложения тон, полный такта и восхищения подвигом ленинградцев.

Исследование Марины Калининой, ученицы 9 класса 233 школы (научный руководитель Наталья Павловна Столбова) основывается на коллекции фарфора династии Мин из собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого и посвящено проблеме атрибуции этих предметов. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью истории китайского фарфора и не полным научным описанием и исследованием фарфора династии Мин в собрании Кунсткамеры. В процессе исследования было обнаружено несоответствие атрибуции предметов коллекции фарфора династии Мин (в этикетаже и каталоге). Автор отмечает необходимость продолжить подробное научное исследование коллекции фарфора из собрания музея, начало которого положено в данной работе.

Японскую коллекцию цесаревича Николая Александровича в экспозиции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого изучил ученик 9 класса 233 школы Иван Пискарев под руководством Бэлы Сергеевны Аллахвердовой и Ольги Васильевны Комасовой. Коллекция сформировалась из предметов, полученных будущим императором Николаем II в качестве дипломатических даров во время его Восточного путешествия в 1891 году. Уникальность этой поездки и, как следствие, привезенных из нее предметов состоит в том, что это был первый дипломатический визит российского императора на Восток.

Редкий блокадный документ — «Ленинградский альбом» — выбрал объектом своего исследования семиклассник из 571 школы Михаил Котляров выбрал. Актуальность работы, которой руководила Ирина Васильевна Хохлова, обусловлена отсутствием описания этого предмета как художественного документа. Михаил изложил историю создания документа, установил его авторов, местонахождение предмета и его копии в настоящее время. Описал вид и содержание альбома. Кроме того, в работе присутствует анализ творчества художниц А. П. Остроумовой-Лебедевой и В. В. Милютиной на примере их работ, представленных в сборнике.

Хочется выразить благодарность всем авторам за участие в конференции и подчеркнуть несомненный вклад их руководителей в развитие научного интереса и исследовательских навыков учащихся.

Влада Мирославовна Львова
*хранитель фонда изобразительных материалов
Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме*

**НЕМЕЦКИЕ ГРАВЮРЫ — ЧАСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АППО)**

ВЕТРОВА АНАСТАСИЯ, 10 КЛАСС, ШКОЛА № 515 ИМЕНИ И. В. ГЁТЕ (ГЁТЕШУЛЕ), САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **Анна Павловна Горбанева**, заместитель директора школы № 515 имени И. В. Гёте (Гётешуле), Санкт-Петербург

Немецкий язык и культуру Германии я изучаю с 9 лет. Именно поэтому на экскурсии в Педагогическом музее АППО мое внимание привлекли экспонаты с подписями на немецком языке, похожие на гравюры. Когда же Л. В. Дербилова, заведующая Педагогическим музеем, сообщила, что об этих экспонатах почти ничего не известно и что в запасниках хранится 120 таких изображений, я решила посвятить им свое исследование.

Я выяснила, что эти экспонаты являются светотипиями (фототипиями) — то есть изображениями, сделанными таким способом печати на бумаге, который направлен на получение высококачественных цветных или чёрно-белых оттисков методом плоской печати. Фототипии из коллекции Педагогического музея АППО были созданы с 1884 по 1908 г. в издательстве А. Зээмана, филиалы которого находились в Дрездене, Лейпциге и других немецких городах.

Все 120 светотипий обнаруживают значительное сходство в оформлении:

— имеют прямоугольную форму при некоторых различиях в параметрах: 114 экспонатов имеют высоту 47 см и длину 100 см, при этом размер снимка № 34 составляет 43 см на 84 см;

— напечатаны на бумаге, покрыты защитной плёнкой и наклеены на основу из картона светло-коричневого цвета;

— задняя часть светотипии, как правило, укреплена тонким слоем ткани, на которой можно увидеть два вида инвентарных печатей:

- Государственный институт Научной Педагогики. Кабинет истории. Инвент. №...;
- Ленинградский городской институт усовершенствования учителей. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ. №...;

— большинство листов по краю укреплены (проклеены) тканевой лентой; по углам расположены небольшие люверсы (укрепленные металлом дырочки для надевания на гвоздики или крючки при демонстрации);

— информация о фототипиях расположена на лицевой стороне под изображением и содержит:

- дату создания светотипии (расположена внизу в центре);
- название издательства, в котором печаталась фототипия (все фототипии коллекции созданы в издательстве Артура Зэемана (A. E. Seeman));
- сведения о компаниях и конкретных людях, работавших над «светотенью фототипии и силой нажатия твёрдого материала на лист» (расположены в правом нижнем углу);
- номера, присвоенные данным снимкам (расположены в левом нижнем углу);
- название изображенного объекта (расположено в центре под светотипией).

Все экспонаты находятся в хорошем состоянии, но на некоторых встречаются легкие потертости и небольшие заломы, у нескольких нет защитной ткани на обратной стороне.

В ходе работы по систематизации экспонатов выяснилось, что фототипии представляют собой изображения объектов, относящихся к таким видам искусства, как скульптура, живопись, архитектура. Фотографии для них сделаны в Италии, Германии, Египте. Возможно, что существовали серии фототипий с изображением шедевров и других стран — ведь издательство Зэемана выпустило около 400 подобных фототипий.

Коллекция светотипий, хранящаяся в Педагогическом музее АППО, была, по всей видимости, приобретена Педагогическим музеем военно-учебных заведений, который был создан в Санкт-Петербурге в 1864 г. с целью демонстрации новейших наглядных пособий из области разных учебных дисциплин (в 1918 г. преобразован в Центральный педагогический музей, в 1924-м стал частью Государственного института научной педагогики (ГИНП), а в 2003 г. получил название Музея Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования). Менялись здания и названия учреждений — преемников первого Педагогического музея военно-учебных заведений, по примеру которого были созданы подобные музеи и в других странах. Менялись названия государства и формы его правления, но чьи-то заботливые руки бережно сохранили для нас эти

экспонаты, уберегли от наводнений и пожаров, бомбежек и новомодных преобразований.

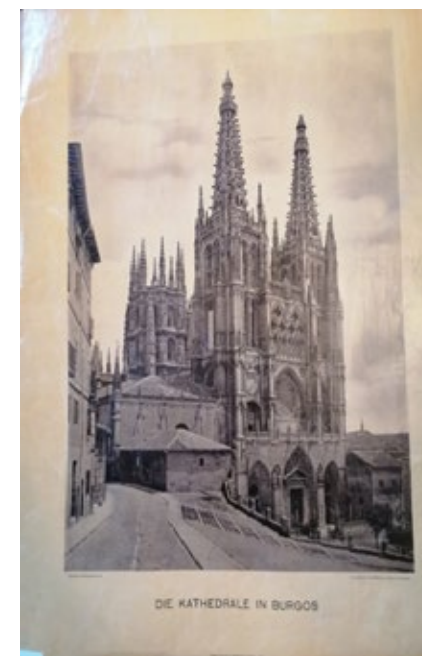
Перед началом работы над данным исследованием меня предупредили, что эти экспонаты — «белое пятно» в экспозиции музея. Почувствовать себя первооткрывателем было очень заманчиво! Надеюсь, моя работа уменьшила размер этого «белого пятна».

Литература

1. Музей Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spbappo.ru/struktura/obshcheakademicheskiye-tsentry/muzej/> (дата обращения: 06.06.2021).
2. Педагогический музей военно-учебных заведений / Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Педагогический_музей_военно-учебных_заведений (дата обращения: 06.06.2021).
3. Фототипия / Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фототипия> (дата обращения: 06.06.2021).
4. Фототипия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://printservice.pro/fototipija> (дата обращения: 06.06.2021).
5. Seemann E. A. / Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://de.wikipedia.org/wiki/E._A._Seemann (дата обращения: 06.06.2021).

Лицевая сторона светотипии

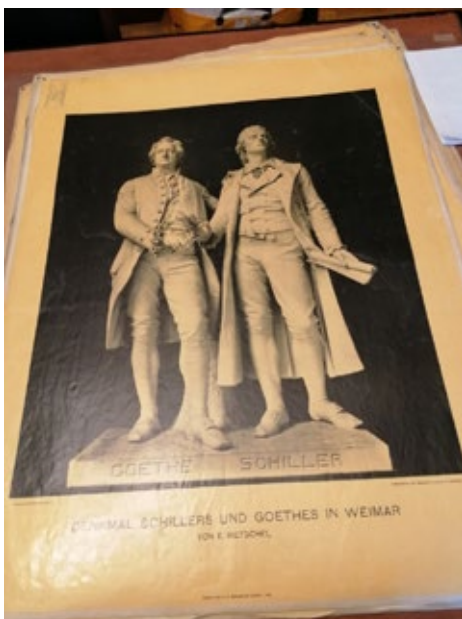
Архитектура Германии

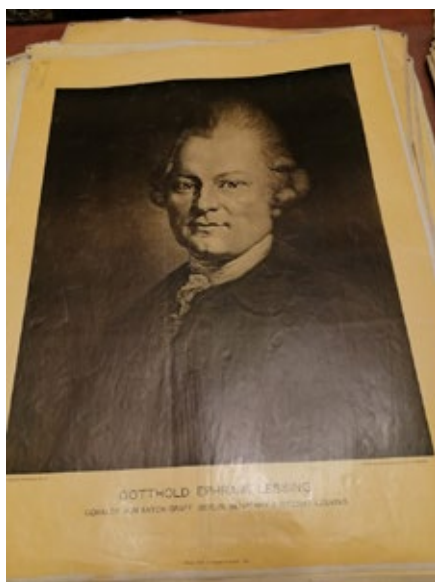
Оборотная сторона светотипии

Архитектура Италии

Скульптура (Памятник Гёте и Шиллеру в Веймаре)

Портрет (Готхольд Эфраим Лессинг)

Художник И. И. Ваулин и его иллюстрации к книге «Пушкинский Петербург»

НАДЕЖДА ОВЧАРЕНКО, 9 КЛАСС, ЛИЦЕЙ № 533, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ АКСЕЛЬРОД**, ДЕКАН ЮНОШЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПЕТЕРБУРГА, КАНД. ИСТ. НАУК, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В книжном фонде Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранятся книга А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург» (1931) с иллюстрациями И. И. Ваулина и несколько рисунков этого художника.

Судьба художника и стала предметом моего исследования.

Ивана Иванович Ваулин родился в 1885 г. в Санкт-Петербурге в семье выпускника Академии художеств, преподавателя рисунка Смольного института Ивана Ивановича Ваулина (старшего). С 1907 г. учился на юридическом факультете Петербургского университета, но закончил историко-филологический факультет. По специальности не работал, а посвятил себя изобразительному искусству. Известен как автор серии рисунков «Старый Петербург». Увлекался архитектурой разных эпох, исполнял обмеры старинных зданий для Музея старого Петербурга. В 1930 г. под эгидой Совета общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» состоялась выставка графических работ И. И. Ваулина (младшего) в помещении Академии художеств. В 1931 г. этим же обществом была издана книга А. Г. Яцевича¹ «Пушкинский Петербург» с иллюстрациями И. И. Ваулина (младшего). В 1930-м был репрессирован. Большая часть его творческого наследия была конфискована и исчезла без следа. В культурном обороте остались лишь те работы мастера, которые по разным причинам оказались недоступны органам НКВД. В настоящее время основная часть работ И. И. Ваулина (младшего) сосредоточена в коллекциях Музея А. С. Пушкина, Музея-квартиры Ф. М. Достоевского, Музея Анны Ахматовой [1].

В становлении Ваулина-младшего решающую роль сыграли уроки отца, который был не только художником и преподавателем рисунка, но и коллекционером графики начала XIX в. В семейной коллекции было много видов Петербурга работы русских и английских граверов и литографов. Неудивительно, что в работах

¹ Андрей Григорьевич Яцевич (1887, СПб. – 1942, Ленинград) — искусствовед, краевед, пушкинист. Член общества «Старый Петербург — Новый Ленинград».

Ваулина-младшего сказало близкое знакомство с этими первоклассными вещами [3, с. 324–328].

Как отмечает М. Ромм в статье, посвященной графическому наследию Ивана Ваулина, «в его работах — отзвук старинных литографий с их мягкими очертаниями. Рисунки приобретают своеобразную тональность благодаря тому, что художник “пропускает” цвет бумаги сквозь рисунок. Мягкие, жирные линии на сероватой или темно-голубой бумаге передают все оттенки петербургского сумрака. Заходящее мартовское солнце — серовато-фиолетовая “подкладка” рисунка. Меловая бумага, на которую рисунок нанесен тонкими линиями острого твердого карандаша, — особенный блеск белой ночи. У Ивана Ваулина своеобразная, нервно извивающаяся линия. Каждый ее штрих вызывает множество ассоциаций, вспоминаются работы предшествующих мастеров. Линия у него во многом создает настроение картины. Неожиданно сочетание жирных черных линий контуров с нежными светлыми растушевками плоскостей» [4, с. 219].

Ваулин-младший в основном писал картины углем или графитным карандашом, с растушевками на листах картона, иногда добавляя в свои работы цвет с помощью пастели, и изредка используя соус и сангину. Практически единственной темой его творчества была архитектура Петербурга. На многих его работах изображены дома, связанные со знаменитыми личностями — литераторами А. С. Пушкиным, Н. М. Карамзиным, А. А. Дельвигом, П. П. Вяземским, архитектором К. И. Росси, художниками О. А. Кипренским и Н. И. Уткиным, декабристами А. М. Булатовым и Н. М. Муравьевым. Многие здания не сохранились и известны только по этим зарисовкам [3, с. 324–328].

Петербург И. Ваулина — пушкинский и в то же время современный художнику город. Старинные виды Петербурга всегда оживлены фигурами людей [4, с. 220].

Один из самых известных циклов Ваулина — серия рисунков «Старый Петербург» (1920–1930), большая часть которой находится в лекциях Музея А. С. Пушкина, Музея-квартиры Ф. М. Достоевского и Музея А. А. Ахматовой в Фонтанном Доме. В этом цикле 14 работ, которые были предназначены для иллюстраций к книге А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург», впервые вышедшей в 1931 г., причём Яцевич в своем предисловии к изданию счел необходимым отметить

«ряд оригинальных рисунков с натуры члена Общества <<Старый Петербург — Новый Ленинград>> И. И. Ваулина, зарисовавшего, по поручению Общества, ряд зданий города, в большинстве своем совершенно неизвестных и воспроизводящихся в печати впервые» [7, с. 7].

Как указано в статье Ю. И. Казимова [2], И. И. Ваулин (младший) был арестован 30 октября 1930 г. и 7 июля 1931 г. обвинён Коллегией ОГПУ по статье 58–6 УК РСФСР². Основанием для обвинения стала переписка с подругой юности, которая после революции уехала в Польшу. Приговор — 8 лет концентрационного лагеря. Отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала, где и умер в 1937 г. [6, с. 220]. Посмертно реабилитирован Военной прокуратурой ЛВО 13 сентября 1939 г. [2, с. 24].

Интересно, что в переиздании книги А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург» в 1933 г. и в подготовленном, но не вышедшем из печати переиздании 1935 г. указано имя И. И. Ваулина как автора иллюстраций, несмотря на арест художника.

Литература

1. Ваулин И. И. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://artchive.ru/artists/16643~Ivan_Ivanovich_Vaulin (дата обращения: 06.06. 2021).
2. Казимов Ю. И. Жертвы Большого террора. Репрессированные ленинградские искусствоведы и художники 1917–1956.: Биографический словарь, СПб., 2019.
3. Левандовский С. Н. Краткий биографический очерк И. И. Ваулина / Универсанты в мире искусства. СПб., 2008.
4. Ромм М. И. Петербург И. И. Ваулина // Художник. 1983. № 2.
5. Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.-М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
6. Северюхин Д. Я. Три века художественного рынка Санкт-Петербурга, или Проза художественной жизни. СПб.: Изд. дом «Мир», 2018.
7. Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. Л.: Труды Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград», 1931.

² Шпионаж, то есть передача, похищение или собирание с целью передачи информации, являющейся государственной тайной, или экономических сведений, которые не являются государственной тайной, но не подлежат оглашению по прямому запрещению законом или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий.

И. И. Ваулин. Старый Петербург

«ЕСТЬ ПАМЯТЬ ОБО МНЕ».

**ИКОНОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА
(ГРАВЮРА В. В. МАТЭ И КАРТИНА А. И. ЗЫКОВА)**

ВЕРОНИКА ПУЛЯЕВСКАЯ, 8 КЛАСС, ГИМНАЗИЯ № 116, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
 РУКОВОДИТЕЛЬ: **ФАИНА ЛЬВОВНА АРОНС**, УЧИТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА
 И ЛИТЕРАТУРЫ ГИМНАЗИИ № 116, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выбор темы для этого исследования, прежде всего, основывается на моем интересе к образу Пушкина, к восприятию этого образа современниками поэта и выдающимися людьми искусства. А. С. Пушкин восхищал многих, направлял их в творчестве и вдохновлял. Исключением не стала и Анна Ахматова. Я бы хотела понять, во-первых, почему для Анны Андреевны Ахматовой пушкинский образ был настолько значим, чем он привлекал её, а во-вторых, почему художники по сей день изображают поэта, что в их представлениях общего и что их отличает.

Анна Ахматова нередко обращается к образу Пушкина в своем творчестве. К примеру, в стихотворениях, посвящённых Царскосельскому лицу, и стихотворении «Царскосельская статуя» мы чувствуем особенное отношение Анны Ахматовой к поэту: она обращается к нему, как это может делать только влюблённая женщина — с ревностью и трепетом, нежностью и обидой. Однако кроме этой чисто человеческой, чувственной любви, которую она пронесла через всю свою жизнь, для Ахматовой Пушкин был образцом, эталоном, кумиром, направляющим ее в творчестве. Именно поэтому нельзя не отметить и влияние Пушкина на стиль Ахматовой, ведь во многом благодаря ему она оставалась традиционалисткой.

В столовой музея-квартиры Анны Ахматовой в Фонтанном доме представлена выполненная Василием Васильевичем Матэ гравюра с портрета Пушкина, написанного О. А. Кипренским. Этот портрет заслуженно считается одним из самых лучших прижизненных изображений поэта. Он был написан в 1827 г. по заказу лицейского друга поэта — Антона Дельвига. Работа Кипренского отличается торжественностью и величием, автор передал в нём душевную красоту поэта, которая была названа в черновике Пушкина «чудом»: «Но чудо — зеркало мне льстит».

Портрет, написанный Кипренским и признанный каноническим изображением Пушкина, известен и множеством копий

и гравюр. Одной из таких гравюр и является офорт, выполненный Василием Матэ в 1882 г. В. В. Матэ — известный русский художник, гравёр, академик и действительный член Императорской Академии художеств. Его врожденное трудолюбие, удивительная выносливость, блистательная техника, талант помогли ему снискать раннее признание.

Матэ считал особенно важным предельно точно воссоздать композицию, для чего необходимо скрупулезное копирование деталей. Благодаря мастерству Матэ, глубокий психологизм оригинала, к которому обратился художник, не исчез в гравюре и не утратил своей целостности, а может быть, приобрел еще большую выразительность.

Нередки изображения Пушкина и в творчестве современных художников. Так, Анатолий Иванович Зыков едва ли не всю свою жизнь посвятил пушкиниане: среди его работ иллюстрации к «Руслану и Людмиле» (1955), цикл графических листов «Сквозь штормы судьбы. Пушкин» (1987–1995), «По мотивам лирики Пушкина» (1988–1990) и другие. Я бы хотела остановиться на картине А. И. Зыкова «Боль Памяти. Реквием».

В этой картине три плана. Вдали виднеется помост с виселицей и палачом, который стоит в ожидании новых жертв, одетый в кроваво-красную рубаху. В центре картины полыхает костёр, который как бы отбрасывает багровые отблески не только на помост, но и на всю Россию. На переднем плане, слева, — Александр Сергеевич Пушкин. В его позе и выражении лица — сила и стремление действовать, а также — глубокая боль. Справа же на переднем плане полотна — Анна Ахматова, которая пережила многое в своей жизни: расстрел первого мужа Николая Гумилева и драматичную судьбу сына Льва Гумилева, многочисленные аресты Николая Пунина, его смерть в лагере и собственную гражданскую казнь, о чем писала в поэме «Реквием».

Эта картина повествует о странном роке судьбы, неисповедимых и не указанных путях человека и человечества. В 1996 г. она была представлена на выставке живописи А. И. Зыкова, и заслуженный деятель искусств Олег Буткевич так отозвался об этом полотне: «Освещенная пламенем огромного костра с палачом на заднем плане монументальная сидящая фигура скованной

скорбью, замкнувшейся в гневе Анны Ахматовой. А по другую сторону бешено-оранжевого пламени, пожирающего рукописи, регалии и сами жизни декабристов, — черный силуэт пораженного, яростного, как-то мучительно некрасивого Пушкина... Великая, неистовая духовная сила и физическое бессилие поэзии перед самодержавным произволом — вот тема картины» [6].

Взгляд Зыкова на Пушкина глубок и многогранен. В отличие от художников, которые жили с ним в одну эпоху, знали его лично, видели, как он ходит, творит, живет, Зыков смотрит на Пушкина сквозь призму лет и его творчества. Так, в созданных Зыковым портретах проявляется всё величие фигуры Пушкина, которое не смогли в полной мере запечатлеть его современники.

В заключение хотелось бы сказать, что Пушкин не только ознаменовал своим появлением целую эпоху в истории русской поэзии, но и сумел показать людям, что даже в самые сложные периоды своей жизни можно и нужно оставаться счастливым. Как писал А. Блок: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними — это легкое имя: Пушкин». Именно поэтому Анна Ахматова находила отраду в его творчестве, обращаясь к нему в самые тяжелые моменты своей жизни, когда не могла писать стихи.

Я думаю, что имя Пушкина, его сочинения неотрывны от светлого понятия Родины, ведь оно таинственным образом соединилось с жадной лучшей долей, с потребностью нормальной духовной жизни. Именно поэтому поэты и художники будут вновь и вновь обращаться к образу Пушкина, иконография поэта будет пополняться год от года, так же как и трактовки его произведений.

Литература

1. А. С. Пушкин и его литературное окружение: портреты и рисунки / ред. и вступ ст И. С. Зильберштейна. Москва: Изд. гос. лит. музея, 1938.
2. Алленова О. Орест Кипренский. М.: Белый город, 2000.
3. Анненков П. Материалы для биографии Пушкина. // Современник, 1984.

4. Анучин Д. Н. А. С. Пушкин: Антропологический эскиз. М.: Тип. «Русских ведомостей», 1899.
5. Ахматова А. А. О Пушкине: статьи и заметки / сост., послесл., примеч. Э. Г. Герштейн. Л. : Сов. писатель, 1977.
6. Буткевич О. Разговор Пушкина с Есениным. // Правда. 1996. 10 апр.
7. Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М.: АСТ, 2011.
8. Голлербах Э. Ф. История гравюры и литографии в России. М., 2003.
9. Добринская Л. Рассказы из Пушкинского дома. Л.: Дет. лит., 1983.
10. Есипов В. М. Божественный глагол. М., 2003.
11. Зыков А. И. «Где твой огонь горит». Записки художника. М., 1999.
12. Кошевая Л. Е. Петербургские встречи Пушкина. Л.: Лениздат, 1987.
13. Лотман Ю. М. Биография писателя. Александр Сергеевич Пушкин. Л.: Просвещение, 1981.
14. Михайлова К. В. Орест Адамович Кипренский, 1782–1836: биография отдельного лица. Л.: Художник РСФСР, 1986.
15. Памятники Отечества // Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1986. № 2. М.: Сов. Россия.
16. Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб.: Невский Диалект, 2009.
17. Пушкин и его друзья: портреты и рисунки / ред. и вступ. ст. И. С. Зильберштейна. М. : Изд. Гос. лит. музея, 1937
18. Федорова В. В. Матэ и его ученики — Л., 1982.
19. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Кн. 1. М., 1989.
20. Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина / ред. и предисл. М. А. Цявловского. М.: Журнально-газетное объединение, 1936.

А. И. Зыков. Боль Памяти. Реквием

*О. А Кипренский.
Портрет А. С. Пушкина*

*В. В. Матэ. Портрет
А. С. Пушкина. Офорт*

БЛОКАДНАЯ СКУЛЬПТУРА: МЕЖДУ ПРИЗНАНИЕМ И ОТРИЦАНИЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАРОДНОГО МУЗЕЯ «А МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ...»)

АЛЕКСЕЙ СУВОРОВ, 9 КЛАСС, ШКОЛА № 580, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **БОРИС БОРИСОВИЧ РОМАНОВ**, ПЕДАГОГ

ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЫ № 580, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Мое внимание привлекли хранящиеся в музее «А музы не молчали...» скульптуры, посвященные блокаде Ленинграда. Это работы Виктора Зайко, Михаила Звягина, Виктора Бажинова и других. Выразительны названия их работ: «Реквием», «Скорбящая», «Замерзающие на улице мать с ребенком», «У сожженного очага»...

Почти все авторы пытались передать нам ужасы блокадного Ленинграда, отчаяние, которое порой охватывало всех его жителей, трагические образы женщин и детей.

Особенно выразительными показались мне скульптуры работы Михаила Звягина под названием «Отчаяние» и «Блокадная мадонна» — полное экспрессии изображение женщины с умирающим ребенком на руках.

Скульптуры, которые я увидел в музее «А музы не молчали...», резко отличаются от большинства установленных в городе памятников блокаде. Чтобы понять причину этого различия, я задал себе вопросы — когда начали устанавливать «блокадную скульптуру» в нашем городе, с какими событиями это было связано?

После войны И. В. Сталин наложил табу на тему блокады Ленинграда [2, с. 180–181]. Об этом табу свидетельствует печальная история Музея обороны Ленинграда, закрытого в 1949 г. Памятники блокаде длительное время не создавались из-за отрицания уникальной судьбы Ленинграда и его исключительного блокадного опыта. Официальная позиция заключалась в том, что нужно ставить памятники героям-победителям, а о жертвах не вспоминать.

Традиция создания монументальных памятников связана с монументальным искусством, которое начали продвигать большевики с 1918 г. И после войны монументальный стиль остался тем же самым.

Исключение составляет принятое в 1962 г. решение о сохранении на стене дома № 14 по Невскому проспекту надписи с текстом «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна», которая сопровождается мемориальной табличкой «В память

о героизме и мужестве ленинградцев в дни 900 дневной блокады города сохранена эта надпись». Этот вид памятника представляет совершенно другую традицию обращения к памяти — традицию сохранения аутентичной атмосферы.

В основном же в современной России принято выбирать в качестве способа передачи памяти о событиях Великой Отечественной войны глорификацию — то есть восхваление, превознесение, восторженное славословие.

Примерами глорификации могут служить следующие монументы: «Мать-Родина» на Пискаревском кладбище (шестиметровая бронзовая скульптура на каменном постаменте, которая изображает женщину, держащую в руках гирлянду дубовых листьев — символ вечности), мемориал жертвам блокадного Ленинграда на Серафимовском кладбище (четырёхпролётный портик, на фоне мощных пилонов которого стоят скульптуры, изображающие защитников и жителей блокадного Ленинграда). Подобные монументы напоминают о том, какие подвиги совершили граждане СССР в годы войны, рисуют ленинградцев героями. Но при этом они, по моему мнению, задают стереотипный образ размышлений на военную тему. Критики монументального стиля в СССР не было, поэтому память о блокаде и брежневское время продолжали утверждать через монументальную традицию.

Находящиеся в музее «А музы не молчали...» скульптуры произвели на меня огромное впечатление. Они заражают такими эмоциями, которые способны доставить дискомфорт современным людям. Авторы этих работ пытались рассказать не о подвигах, а о страданиях ленинградцев во время блокады. Они нарушают официальную версию истории Второй мировой войны как летописи подвигов, идут вразрез со стереотипным образом мышления граждан, которое, может быть, не готово к восприятию современного искусства и к эмоциям, которые не похожи на те, что мы привыкли испытывать при восприятии памятников блокаде.

Если такие памятники и появляются на улицах города, то они, скорее, становятся исключением и вызывают бурные дискуссии. Например, в 2002 г. в Петербурге (на брандмауэре дома 12 по Кронверкской ул.) открыли памятный знак женщинам, служившим в МПВО. Авторы этого мемориала, во-первых, попытались

сохранить аутентичность места, во-вторых же, в городском пространстве появился новый образ — образ женщины-защитницы. Памятник носит сюрреалистический характер — дыры в человеческом теле символизируют утрату, нарушение целостности, расколотость.

Остановлюсь на музейной скульптуре «Блокадная Мадонна». Она была создана в 2000 г. из металла черного цвета, в стиле экспрессионизма. Ее автор, скульптор Михаил Леонидович Звягин, хотел передать всю боль, мучения, лишения, которые испытывали жители блокадного Ленинграда.

У этой скульптуры очень интересная история. Автор подарил городу свою работу в честь 65-летия Победы, и ее планировалось установить в сквере на Светлановской площади [3]. Но позднее решили на некоторое время поместить ее в Музей обороны и блокады Ленинграда — с тем, чтобы собрать отзывы горожан. Я провел анализ полученных отзывов — и могу засвидетельствовать, что очень многие возражали против установки этого монумента, а некоторые даже заявляли, чтобы место ему может найтись разве что в мастерской самого скульптора.

Иначе говоря, люди по-прежнему считают, что городская скульптура, созданная в память о войне и блокаде, должна быть создана по шаблонам советского монументального памятника. И в большинстве случаев государство идет навстречу таким настроениям. Поэтому в общественном пространстве до сих пор не запечатлена память о тех, кто уязвлен войной.

Если в СССР была четкая и строгая идеологическая установка в отношении памятников, которая ориентировалась на пропаганду и потому приветствовала создание пафосных монументов, то современное государство, казалось, должно быть готово отказаться от этой установки — но слишком многое в этой области зависит от общественных настроений, люди же в большинстве своем по-прежнему хотят видеть в запечатленными в памятниках блокаде те образы, на которых они воспитывались в школьные годы, которые были внушены советскими фильмами о войне. Многие граждане России до сих пор уверены, что скульптуры должны быть величественными, должны изображать мужественных, отважных, гордых героев. А образ униженного, подавленного, горящего

человека вызывает у них неприятие вплоть до негодования — они считают, что таким изображением автор пытался оскорбить тех, кто прошел войну и пережил блокаду Ленинграда.

Меня продолжают волновать вопросы, которые я попытался затронуть в этой работе. Как долго в политике увековечения памяти будут торжествовать пропаганда и глорификация? Если это процесс завершится, то каким образом? Какие новые формы памяти о блокаде, запечатленной в скульптурных изображениях, могут появиться? Быть может, место скульптур, посвященных не героям, а жертвам, скульптур, вызывающих не только чувство гордости за победу в великой войне, но и чувство скорби, именно в музее?

Литература

1. *Бажинов В. И.* Неумная Русь многолика, вековечно в страданиях Великая : выставка работ. СПб.: УЦВТ, 2005.
2. *Бранденбергер Д.* «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // Новейшая история России. 2016. № 3. С.175–186.
3. *Головашина О. В.* Победа образа: идентификационные риски коммеморативных практик // *Studia Humanitatis*. 2017. № 1.
4. Интервью автора данной работы со скульптором В. В. Зайко. Октябрь 2019.
5. *Леонтьева О. Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // *Диалог со временем*. 2015. Вып. 50. С. 59–96.
6. Памятник «Блокадная Мадонна» временно выставят в музее // *Канонер* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kanoner.com/2011/02/06/20642/> (дата обращения: 06.06.2021).
7. *Сталева Т. В.* Блокадных детей просветленные лица. М.: Торопец, 2010.
8. *Толстой В. П.* Ленинский план монументальной пропаганды в действии. М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1961.

Памятная табличка на доме № 14 по Невскому проспекту

Михаил Звягин. Блокадная мадонна

НАВЕКИ В ПАМЯТИ, В СЕРДЦАХ

(РАБОТА ХУДОЖНИКА А. Ф. ПАХОМОВА НАД СОЗДАНИЕМ ЭСКИЗОВ ЛИТОГРАФИЙ «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ» В ГОДЫ БЛОКАДЫ)

ВАЛЕРИЯ ДЕМЧУК, 3 КУРС, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ № 8

Руководитель: **ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ДМИТРИЕВА**, заведующая Народным музеем «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа № 8

Я являюсь экскурсоводом Народного музея педагогического колледжа № 8 «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда». Создатель нашего музея — Любовь Борисовна Береговая и студентки ее классной группы: Людмила Гранаткина, Елена Дмитриева, Валентина Тихомирова, Ирина Попова, Римма Буренкова. В нашем музее хранятся экспонаты блокадной эпохи: игрушки, детские книги, фотографии, письма, воспоминания педагогов, врачей, детей. В нашем музее вы можете увидеть экспозиции «Групповая комната блокадного детского сада», «Комната блокадницы», «Стена разрушенного дома», «Реликвии ленинградского фронта». В этом году Народному музею колледжа исполнилось 48 лет.

Очень важно передавать память о подвиге ленинградцев в годы блокады от поколения к поколению. Как будущий воспитатель, я задумалась о том, как работали педагоги в страшное блокадное, время.

Благодаря Елене Николаевне Дмитриевой — заведующей нашим музеем, я познакомилась с книгой ленинградского художника Алексея Пахомова «Про свою работу». Я очень заинтересовалась творчеством художника. А из воспоминаний А. В. Сергеевой, которые я изучала в прошлом году, когда писала исследовательскую работу о детском саду № 38 при заводе им. А. А. Кулакова, узнала, что Алексей Федорович Пахомов в годы блокады создавал эскизы будущих литографий в этом детском саду.

Среди экспонатов нашего музея хранятся репродукции работ Алексея Пахомова. Фотокопии некоторых литографий художника в виде слайдов так же размещены на витринах нашего музея. Благодаря его работам мы можем более подробно рассказывать на своих экскурсиях, как педагоги боролись за жизнь детей.

Книга А. Ф. Пахомова «Про свою работу», которая хранится в нашем музее, была издана в 1971 г. и переиздана в 1982-м. (Я изучала оба издания и чаще использовала издание 1982 г.)

На суперобложке издания 1971 г. помещены работы А. Ф. Пахомова «Дети» и «Ребенок с полотенцем после купания в реке». Клапан суперобложки без текста и иллюстраций. Крышка из толстого картона в дерматине желтого цвета, на корешке надпись: «А. Ф. Пахомов. Про свою работу». Каптал белый, закладки нет, на фронтисписе — фотография художника за работой. Книга увеличенного формата (60 x 90 см), 306 страниц, тираж 10 000 экземпляров. Суперобложка снизу надорвана. Книга разделена на 24 главы. Перед каждой главой размещен перечень иллюстраций с указанием страниц, затем — воспоминания о данном отрезке времени, после них — иллюстрации.

Л. Б. Береговая рассказала студентам своей группы о А. Ф. Пахомове, о его иллюстрациях к детским книгам, и они решили познакомиться с художником. Встреча произошла в 1972 г., когда собирали экспонаты для будущего музея. Студент Елена Дмитриева и Мария Сомм узнали адрес Пахомова в Ленинградском отделении Союза художников и побывали у него дома.

А. Ф. Пахомов подарил нашему музею книгу «Про свою работу» и сделал на первой странице дарственную надпись: «5-ому педагогическому училищу с величайшим уважением за организацию музея и широту интересов учащихся и руководства училища. 1972 год»¹. Тогда же для нашего музея была куплена папка-альбом с литографиями Пахомова «Ленинградская летопись» (издание 1965 г.).

Серия литографий Пахомова «Ленинград в дни блокады и войны (Ленинградская летопись)» создавалась в военные годы. Художник не покидал блокадный Ленинград. Он продолжал выполнять эскизы литографий в городе-фронте.

Благодаря воспоминаниям художника, опубликованным в книге «Про свою работу», и воспоминаниям Алевтины Владимировны Сергеевой, которая в дни блокады работала в детском саду № 38 завода имени А. А. Кулакова помощником воспитателя без оформления продуктовой карточки и без зарплаты (тогда ей было всего 12 лет, и ее работа была помощью маме — Зинаиде Евграфовне Флоренской, заведующей этим детским садом), можно поименно назвать всех, кто изображен на литографиях Алексея Пахомова. Рукопись воспоминаний А. С. Сергеевой хранится в нашем музее, а опубликованы они были в сборнике «Эта память — наша совесть...» [4].

¹ Тогда наш колледж назывался педагогическим училищем № 5.

Так, на литографии Пахомова «Проводы на фронт. 1941» мы видим проводы на фронт бойцов, семьи которых остаются в Ленинграде. У женщины, которая несет ребенка на плечах, глаза полны слез, она как будто предчувствует беду. Это З. Е. Флоренская, она уже попрощалась со своим мужем (он быстро идет впереди и машет рукой) — как оказалось, навсегда: Владимир Флоренский погиб, защищая Ленинград. Когда А. Ф. Пахомов работал над эскизом этой литографии в 1943 г., художник еще не знал о смерти Флоренского, но сумел передать всю тяжесть расставания. На втором плане — прощальный поцелуй. На литографии есть изображения воспитательницы детского сада Тамары Михайловны Пятницкой и (вполоборота) сотрудницы детского сада Татьяны Ивановны Пахомовой (однофамилицы художника). Пахомов прекрасно передает настроение людей и их чувства, а также всё окружающее — мрачный холодный город, постепенное начало тревоги.

Из книги А. Ф. Пахомова «Про свою работу» я узнала, как работал художник в это страшное время: он делал очень мало набросков с натуры, больше наблюдал и запоминал. На зарисовки требовалось разрешение, но даже когда оно было получено, ленинградцы с таким недоверием относились к рисующему, подозревая в нем диверсанта и шпиона, что рисование на улицах превращалось в непрерывные объяснения.

Художник еще до войны был частым гостем в детском саду № 38 завода имени А. А. Кулакова, который находился на Петроградской стороне, на улице Яблочкова, 12.

Ведь он был не только знаком, но и дружен с заведующей этим детским садом Зинаидой Евграфовной Флоренской. Посещения этого детского сада Алексей Пахомов описывает в книге «Про свою работу», в главе «Ленинград в дни блокады». Художник вспоминает, что, войдя в здание, он сначала подумал, будто детский сад эвакуирован: не слышно было обычного детского шума, стояла мертвая тишина, в комнатах — мороз и иней на окнах. Оказалось, что все дети (младшие, средние, старшие и даже школьники) жили в единственной отапливаемой комнате, в большом зале. Когда Пахомов зашел в зал, еще стоял день, но окна были завешены темными шторами и забиты фанерой, так как стекла были выбиты взрывной волной. Художник увидел, как тесно стояли кровати,

одна возле другой, а ребята сгрудились вокруг железной печурки, труба которой была выведена в форточку. При свете печки-буржуйки воспитательница читала книгу. Ребята слушали. Художник, который был в детском саду своим человеком, стал рисовать ребят при свете печурки. Вскоре на основе этих зарисовок он сделал эскиз литографии «Детский сад. 1941» (позже эта литография получила название «В детском доме»). Фотокопия этой работы размещена на витрине «Дети. Блокада» в нашем музее.

Чтобы передать трагизм всего происходящего, А. Пахомов использовал игру света и тени. Дети освещены светом из печурки, все тянутся к воспитателю, которая читает им книгу. И дети, и воспитатель очень худые — это последствия голода. Но есть надежда: детям интересно — значит, они будут жить! Воспитательница старенькая, или ее такой сделали голод и горе, но она (это изображение Серафимы Андреевны Васильевой) всеми силами стремится поддержать в детях эту искру жизни.

Литография художника «За водой» является плодом строгого отбора впечатлений. Художник писал, что у проруби на Кронверкском канале на Петроградской стороне, куда и он ходил за водой, отсутствовала гранитная набережная, а деревья и кустарники делали этот уголок Ленинграда похожим на деревенский пейзаж. И чтобы сцену «За водой» сделать именно «блокадной», ленинградской, драматичной, недостаточно было показать душевное состояние людей, выражение их лиц. По первоначальному замыслу художника ведро с водой должен был нести мужчина (возможно, ленинградский профессор). Это казалось удачной находкой — профессор с ведрами на коромысле. Но, сделав первый эскиз, художник заменил мужскую фигуру женской. Из воспоминаний А. В. Сергеевой я узнала, что на литографии «За водой» изображены воспитанница детского сада № Валя Петренко и ее мама. Художник показывает силу духа детей и женщин военного времени, стремится передать внутреннее состояние героев.

Литографии А. Ф. Пахомова, эскизы которых художник сделал в детском саду («Проводы на фронт. 1941», «В детском доме», «За водой»), размещены на витринах в нашем музее.

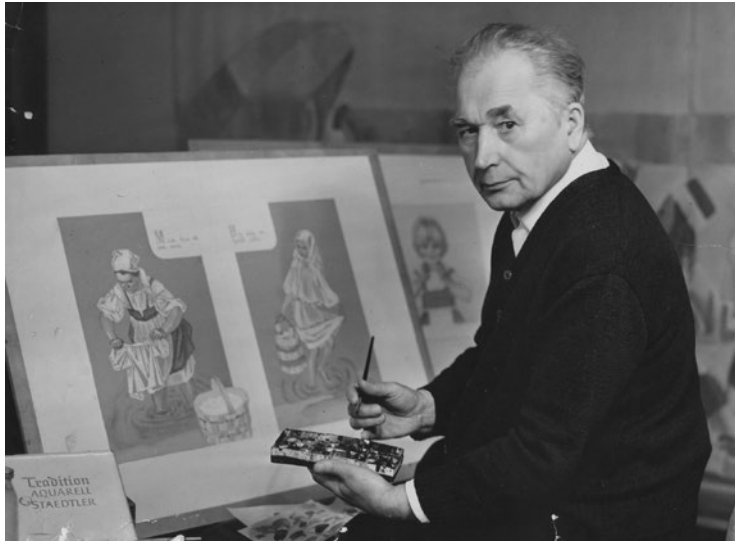
За серию литографий «Ленинград в дни блокады» А. Ф. Пахомов в 1946 г. был награжден Сталинской премией второй степени.

Как свидетельствует дочь художника, В. А. Пахомова, его литографии военных лет — «это не протокол, не иллюстрация блокады, а факт искусства, личный документ, выстраданное и претворенное в художественный образ... Чтобы так, из последних сил, когда каждый день мог оказаться последним, отреагировать на творящееся в кошмаре блокадного города, так любовно рисовать живущих и с такой щемящей болью то, что от них осталось после крестных мук на ленинградской Голгофе, нужно было, по отзывам военного поколения, обладать душеустройством и рукой “великого человека” Пахомова, как его назвал В. Конашевич. <...> Особая ценность этой серии и в том, что она создана не по воспоминаниям, как большинство работ на военную тему, а буквально по следам событий. <...> Для Пахомова с высоким идеализмом его отношения к миру и человеку зримая красота была тождественна моральному закону в человеке. Художественно-эмоциональная сила его работ, очевидно, таилась именно в этой вере: не в абстрактную победу, в первые месяцы войны вопреки утверждениям советской историографии вовсе не казавшуюся несомненной, а в победу красоты человечности и человеческого даже в нечеловеческих условиях изнуренного голодом и войной города» [3].

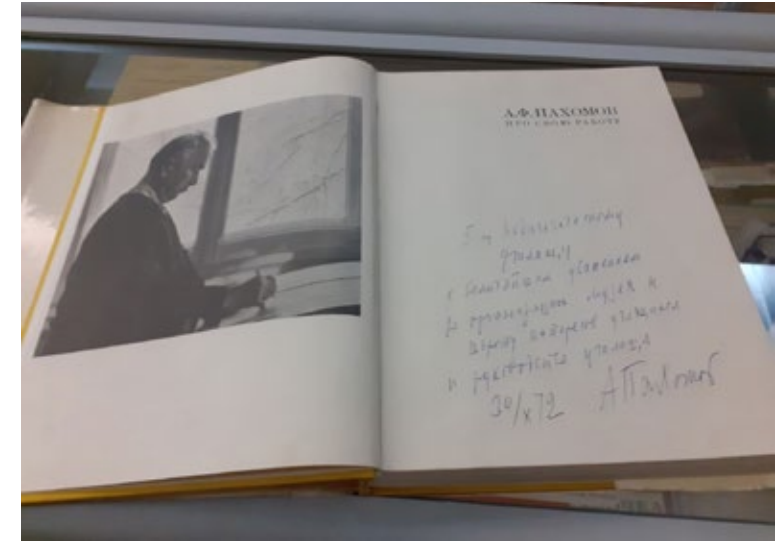
Для меня, как для будущего педагога, очень важна память о подвиге ленинградцев блокадной эпохи. Ведь без прошлого нет будущего. Очень важно передавать эту память из поколения в поколение, потому что это наше общее сокровище.

Литература

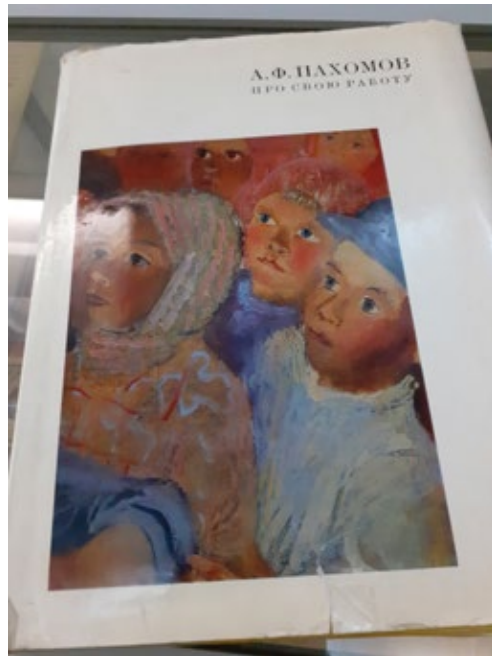
1. Буров А. В. Блокада день за днем. СПб.: Геликон Плюс, 2011.
2. Интервью с Е. Н. Дмитриевой. Февраль-апрель 2020.
3. К 118-летию со дня рождения Алексея Пахомова // Сфера: журнал о культуре Вологодской области [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cultinfo.ru/journal/2018-osen/k-118-letiyu-sodnya-rozhdeniya-alekseya-pakhomova/>
4. «Эта память — наша совесть...»: Сб. трудов Второй научно-практической конференции преподавателей и студентов колледжей, посвящённой 60-летию Великой Победы над фашизмом / Сост. Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева. СПб., 2007.

А. Ф. Пахомов

Дарственная надпись А. Ф. Пахомова на книге «Про свою работу»

Книга А. Ф. Пахомова «Про свою работу»

А. Ф. Пахомов. Проводы на фронт. 1941

А. Ф. Пахомов. Детский сад. 1941

А. Ф. Пахомов. За водой

ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ ФАРФОРОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ КИТАЙСКОЙ ДИНАСТИИ МИН

В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

МАРИНА КАЛИНИНА, 9 КЛАСС, ШКОЛА № 233, КРАЕВЕДЧЕСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «ОХТА» ДДЮТ «НА ЛЕНСКОЙ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА СТОЛБОВА, МЕТОДИСТ
КРАЕВЕДЕНИЯ, ПЕДАГОГ ДДЮТ «НА ЛЕНСКОЙ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Китайская коллекция Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) формировалась на протяжении трех столетий, начиная с Петровской эпохи. Предметы ее восходят к разным китайским династиям. Важное место в коллекции занимает знаменитый китайский фарфор.

В каталоге китайского фарфора музея — 52 предмета, экспонируемых — около 40, большая их часть принадлежит династии Цин (1644–1912).

Несмотря на достаточную изученность истории китайского фарфора в целом, в ней имеется немало лакун, одна из которых — отсутствие работ, посвященных фарфору династии Мин в китайской коллекции Кунсткамеры.

В каталоге китайского фарфора музея указаны необходимые, но минимальные сведения: размер, материал, собиратель, место создания. Время создания известно не для всех предметов. Описание в соответствии с жанром нередко отсутствует.

Во время работы над описанием экспонируемых образцов китайского фарфора эпохи Мин были выявлены разночтения в атрибуции (в данном случае — отнесение к эпохе) в каталоге и экспозиции китайской коллекции.

В ходе работы использовались такие методы исследования, как анализ, сопоставление, вследствие чего удалось дать первичное описание нескольких предметов из коллекции китайского фарфора Кунсткамеры (восьми предметов, выполненных в эпоху Мин, шесть из которых экспонируются в китайском зале, а еще два — в особой кладовой Кунсткамеры) и выявить в отношении еще шести предметов несоответствие атрибуции в экспозиции и каталоге.

Практически все предметы, рассматриваемые в настоящей работе, являются частью коллекции князя Э.Э. Ухтомского

(1861–1921) — дипломата, исследователя истории, религии, культуры и искусства народов Центральной, Южной Азии и Дальнего Востока, публициста, поэта и переводчика, собрание которого поступило в Кунсткамеру в 1921 г.

Был проанализирован каталог коллекции Ухтомского, привлечены находящиеся в открытом доступе монографии Араповой Т. Б., Кислякова В. Н., Кузьменко Л. И. и других, поднимающие общие вопросы.

Своеобразие и специфику изделий из фарфора династии Мин ярче всего отразил расписной фарфор с подглазурной синей кобальтовой росписью.

Предметов китайской коллекции Кунсткамеры с кобальтовой росписью, выполненных в эпоху Мин, шесть: одна ваза, четыре чаши и чашечка на ножке.

Наряду с кобальтовой росписью, в эпоху Мин широкое распространение получила полихромная роспись по фарфору: к синей подглазурной краске добавляли надглазурные — желтую, зеленую и другие. Фарфор минского периода пятицветный — использовались красные, лиловые, желтые, синие и черные краски.

Наибольшее развитие в минских росписях получили жанровые композиции, включающие бытовые сценки, иллюстрации к литературным произведениям, а также изображения персонажей, олицетворявших в глазах современников достижения национальной культуры [2].

В китайской коллекции эпохи Мин экспонируются одна ваза и одна чаша с полихромными росписями.

Особый интерес для описания представляют собой сюжетные жанровые композиции двух ваз — одной с кобальтовой, другой с полихромной росписью. Приведём описание этих сюжетов.

В росписи белой вазы с кобальтовой росписью (илл. 1), экспонируемой в китайском зале Кунсткамеры, усматривается батальная сцена — предположительно осада крепости. Предмет создан в годы правления Цзяцзин (1521–1567 гг.) — поздняя Мин. Это время обострения внешнеполитического положения Минской империи, нападения японских пиратов (пиратская война продолжалась до 1566 г.). Нельзя исключить, что здесь изображен сюжет, связанный с дерзким нападением пиратов на город Нинбо в 1523 г. Клеймо представляет

собой двойное кольцо с прописанными внутри каллиграфическими символами, что характерно для более ранних периодов эпохи Мин.

Декоративная ваза цвета слоновой кости с многофигурной полихромной росписью экспонируется там же (илл. 2). Изображена жанровая сцена, назовём её «Возвращение с охоты». На переднем плане — знатный вельможа на коне в сопровождении слуг, двое из которых несут охотничий трофей — оленя. На заднем плане виден пейзаж со скалами, олицетворяющими долголетие. Действие происходит весной или летом, на это указывают зелёная растительность и лёгкое одеяние людей. Клеймо характерно для поздней эпохи Мин.

В отношении ряда предметов выявлено разночтение в атрибуции. В этикетаже на полке с этими предметами в экспозиции музея указано, что они принадлежат эпохе Мин, однако в каталоге коллекции Э. Э. Ухтомского они атрибутированы как предметы эпохи Цин. Этикетаж экспозиции в отношении этого ряда предметов, по нашему мнению, требует уточнения.

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к следующим выводам:

- Эпоха Мин — расцвет китайского фарфорового производства в художественном отношении за счет разнообразия красок, мотивов и жанров росписей, усовершенствования технологий.
- Экспонируемые восемь предметов эпохи Мин китайской коллекции Кунсткамеры являются ценными образцами, вобравшими характерные черты своего времени.
- Большая часть китайской фарфоровой коллекции Кунсткамеры поступила в музей в составе коллекции Э. Э. Ухтомского в 1921 г.
- При описании шести предметов, выявлено несоответствие атрибуции в экспозиции (указаны как Мин) и атрибуции коллекции Э. Э. Ухтомского (указаны как Цин). В их отношении необходимо уточнить атрибуцию, обратившись к анализу клейм и росписей, а также архивным документам коллекции Ухтомского.
- Этикетаж экспозиции китайского фарфора эпохи Мин в коллекции Кунсткамеры, по нашему мнению, требует уточнения.
- Экспонаты китайского фарфора эпохи Мин Кунсткамеры требуют выделения в отдельную группу, создания более подробных аннотаций и дальнейшего изучения.

Литература

1. *Арапова Т. Б.* Китайский фарфор конца XIV — первой трети XVIII века. М.: 1974. С. 15.

2. *Чэнь Сецзюнь.* Сине-белый фарфор эпохи династии Юань. / Пер. Ван Юе. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 7.

3. Экспонаты Кунсткамеры (каталог) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?person=68> (дата обращения: 03.08.2020).

*Ваза эпохи Мин (1368–1644), годы правления Цзяцин (1521–1567).
Китайская коллекция Кунсткамеры. Фото. 2019*

*Ваза эпохи Мин (1368–1644), годы правления Чэнхуа (1464–1487).
Китайская коллекция Кунсткамеры. Фото. 2019*

**ЯПОНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

ИВАН ПИСКАРЕВ, 9 КЛАСС, ШКОЛА № 233, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛИ: **БЭЛА СЕРГЕЕВНА АЛЛАХВЕРДОВА**, ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА КОМАСОВА, УЧИТЕЛЯ ГЕОГРАФИИ ШКОЛЫ № 233, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Японское собрание Музея антропологии и этнографии Петра Великого обязано своим существованием пристальному вниманию и прямой помощи многих российских императоров. Значительная часть коллекции была подарена музеем от имени Николая II — столь ценный дар был сделан по итогам его Восточного путешествия.

В 1890 г. император Александр III принял решение проложить Транссибирскую магистраль, и его наследник Николай должен был принять участие в церемонии ее открытия. Молодой цесаревич отправился в путешествие на Восток на борту крейсера «Памяти Азова».

Цесаревич Николай прибыл в Японию 15 апреля 1891 г. В программу посещения страны входило знакомство с достопримечательностями городов Нагасаки, Кагосима, Осака, Киото, Оцу, а завершиться путешествие должно было роскошным приёмом в Киото. Однако 11 мая 1891 г. в Оцу наследник российского престола подвергся нападению полицейского, в результате которого программа пребывания в Японии была нарушена.

18 мая в честь дня рождения цесаревича на борту крейсера был устроен приём, в ходе которого наследнику престола были преподнесены роскошные подарки. В середине мая он отправился во Владивосток, где произошла церемония закладки железной дороги. Путешествие закончилось 4 августа 1891 г. возвращением в Царское Село.

В 1912 г. в Эрмитаже была устроена выставка привезенных предметов. Несколько позже они были распределены между рядом музеев, среди которых был Музей антропологии и этнографии.

Среди экспонатов — великолепные доспехи и драгоценное японское оружие (мечи, катаны), а также восхитительные фигурки-окимоно, куклы в традиционных костюмах, веера, вышитый императорский штандарт, художественные модели кораблей, домов и другие предметы японской культуры. Рассмотрим некоторые из них.

Дзимбэй К. Кукла, изображающая танцовщицу-майко. Япония, до 1893. Наиболее интересные экспонаты были выполнены на мануфактуре «Кавасима Оримоно». Это крупнейшая в Японии мануфактура, выпускавшая традиционные ткани, принадлежала дизайнеру Кавасима Дзимбею. От имени императора Мэйдзи на фабрике «Кавасима» была изготовлена кукла гейши, которая хранится в Кунсткамере. Эта облаченная в роскошные одеяния кукла с настоящими волосами и лицом живой девушки представляет собой настоящий шедевр японского прикладного искусства.

Мифическая рыба-дракон. Япония XVIII век. Скульптура «Мифическая рыба-дракон» (фигура с головой дракона, чешуёй и хвостом рыбы) выполнена из железа с позолотой. Она изображает священную в Японии и других буддийских странах рыбу карп. Легенда гласит, что каждый уважающий себя карп мечтает стать драконом. Когда он немного подрастает и набирается мудрости, то добирается до волшебной реки и плывёт против течения. На пути его подстерегают подводные острые камни, мели, водовороты, и если он преодолевает все трудности, то перед ним открываются «драконовы ворота». В момент прыжка через ворота и происходит превращение рыбы в дракона: смелого, большого, мудрого и бессмертного. Именно эта метаморфоза изображена в скульптуре.

Дом с садиком и оградой. Модель. Япония. Конец XIX — начало XX в. Модель выполнена из дерева, железа и гипса. На макете изображён традиционный японский дом — двухэтажное деревянное строение. Во время землетрясений, а в Японии их бывает около тысячи в год, дома «сгибаются», но не разрушаются. Японский дом состоит из опоры, которую изготавливают из цельной древесины. Внешние стены дома изготавливают из соломы, бамбука и глины, а вот внутренних стен в доме нет. Пространство комнат разделяют перегородками: фусума и сёдзи. Фусума — это скользящая дверь, оклеенная бумагой васи. Спят японцы на полу, расстилая поверх татами матрас футон. Коридор по периметру дома — энгава, его дверие в тёплое время раздвигаются, и дом гармонично переходит в сад. Японцы могут часами любоваться садом.

Ширма четырехстворчатая. Япония. XIX в. Для разделения пространства комнаты в Японии использовали также ширмы, или бёбу. Это небольшие перегородки, выполненные из нескольких

панелей с использованием росписи или каллиграфии. Четырехстворчатая ширма, привезённая цесаревичем Николаем Александровичем из Японии, обтянута шелковой тканью, на которой нанесены пейзажи, изображающие четыре времени года.

Модель торгового судна XVII–XIX вв. Япония, конец XIX в.

На макете изображено торговое судно, характерное для эпохи Момоямо и Эдо. В эпоху Момоямо Япония становится открытой для европейцев. Развивается торговля с Португалией и Испанией, позже с Голландией и Великобританией — следовательно, развивается и судоходство. В период правления Эдо начинается процесс закрытия страны. Под страхом смертной казни с 1636 г. японцам запрещалось покидать территорию своей страны без особой правительственной санкции, а также строить большие суда, пригодные для дальних плаваний. Торговля со всеми западными странами, за исключением Голландии, была прекращена.

Путешествие, совершенное цесаревичем Николаем, стало первой поездкой будущего российского императора не на Запад, а на Восток. Экспонаты, привезенные им из Японии и переданные Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого по итогам Восточного путешествия, имеют огромную историко-географическую значимость.

Литература

1. Мельников Р. М. Полуброненосный фрегат «Память Азова». 1885–1925 гг. СПб., 2003.
2. Мецзяков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2003.
3. Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток его Императорского высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. СПб., 1893–1897.

Дзимбэй К. Кукла, изображающая танцовщицу-майко. Японцы. Япония, до 1893.

Мифическая рыба-дракон. Японцы. Япония. XVIII век.

Дом с садиком и оградой. Модель. Японцы. Япония. XIX — начало XX вв.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ БЛОКАДНОГО «ЛЕНИНГРАДСКОГО АЛЬБОМА»

МИХАИЛ КОТЛЯРОВ, 7 КЛАСС, ШКОЛА № 571 С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **Ирина Васильевна Хохлова**, учитель музыки, педагог дополнительного образования школы № 571 с углубленным изучением английского языка, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Государственном музее истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб) хранится малоизвестный документ блокадного времени — «Ленинградский альбом», состоящий большей частью из изобразительных документов:¹ гравюр, рисунков, фотографий. Описания «Ленинградского альбома» как художественного документа до сегодняшнего дня не было.

Для того чтобы создать такое описание, мы обратились к разным источникам: воспоминаниям художников А. П. Остроумовой-Лебедевой и В. В. Милютиной, искусствоведческим исследованиям, посвященным их творчеству, художественным экспонатам разных музеев города (гравюрам А. П. Остроумовой-Лебедевой из Государственного Русского музея и рисункам В. В. Милютиной из фондов ЦГАЛИ СПб.).

История возникновения «Ленинградского альбома» необычна: он появился в 1942 г. как ответное послание женщинам блокадного Ленинграда женщинам Шотландии, поддержавшим их в это трудное время рукописным «Шотландским альбомом». На страницах альбома из Шотландии, созданного в 1941 г. горожанками Эйрдри и Коутбриджа под руководством Агнессы Максвелл, председателя общества «Россия сегодня», были размещены слова приветствия, листы с подписями, рисунки и фотографии с городскими пейзажами. Это послание из Шотландии хранится в рукописно-документальном фонде Государственного музея истории Санкт-Петербурга под номером КП 59792 / ПИБ-8061-Д.

Сам «Ленинградский альбом» хранится в библиотеке Митчелла в шотландском городе Глазго, а его факсимильная копия, выполненная в 2005 г. главным библиотекарем библиотеки Митчелла Патрисией Грант по просьбе сотрудников ГМИ СПб., передана

¹ Изобразительный документ — документ, содержащий информацию, выраженную посредством изображения какого-либо объекта.

в рукописно-документальный фонд Музея истории Санкт-Петербурга, где хранится под номером КП-167003всп / III Б-8890 всп.

Над посланием из блокадного Ленинграда работала группа людей. Сбором документов занималась Анна Федоровна Волкова, член горкома ВКП(б), оформлением — художники Анна Петровна Остроумова-Лебедева, Вера Владимировна Милютина, Яков Осипович Рубанчик и Борис Павлович Светлицкий.

Размер альбома — 30 на 44 см. На форзацах размещены два изображения: флаги СССР и Шотландии. На титульном листе — памятник Ленину перед Смольным. На страницах альбома — акварели, чёрно-белые и цветные гравюры, запечатлевшие прекрасный образ довоенного Ленинграда. Текст под рисунками выполнен художественным графическим шрифтом. В альбоме помещены также и чёрно-белые фотографии военного Ленинграда. В кармашки, приклеенные клеем к страницам разворотов, вложены листы с подписями горожанок.

Гравюры А. П. Остроумовой-Лебедевой «Ростральная колонна под снегом» и «Петербург. Адмиралтейство под снегом» подчеркивают величественность города, находящегося в кольце блокады. Каждый штрих, пятно, линия гравюр отточены. Силуэты колонны и зданий выразительны. Пейзажи построены на взаимодействии нескольких цветов: белого, черного, серого, желтого.

На первой гравюре («Ростральная колонна под снегом», илл. 3) изображена нижняя часть маяка со стороны Биржи. Колонну украшают ростры со скульптурами крылатых наяд, памятник по периметру обрамляет чугунная ограда в виде провисшей цепи. Вдали виднеются абрис зданий Эрмитажа и столбы фонарей.

На второй гравюре («Адмиралтейство под снегом», илл. 4) запечатлены в необычном ракурсе западный флигель Адмиралтейства, Синод и бульвар, примыкающий к набережной. На переднем плане — здание флигеля Адмиралтейства с аркой, над ней — изображение парящих фигур ангелов.

Эти две работы раскрывают главные черты языка гравюр А. П. Остроумовой-Лебедевой: лаконичность исполнения, строгость формы, лиризм и поэтичность. Хранятся они сегодня в Русском музее.

Рисунки художника В. В. Милютиной, изображающие флаги и гербы Советского Союза и Шотландии, отличает гармоничность

красок, выразительность линий, соразмерность частей. Строгие символы выглядят здесь очень поэтично, создается ощущение, что флаги трепещут на ветру, а величественные и красочные гербы говорят символическим языком.

На первом рисунке (илл. 5) мы видим полотнища 2-х флагов: военно-морского флота СССР (белого цвета с голубой полосой, пятиконечной звездой, серпом и молотом) и Королевского военно-морского флота Шотландии (красного цвета с морским якорем в обрамлении троса).

На втором и третьем рисунках (илл. 6, илл. 7) размещены гербы СССР и Шотландии. Красные и золотые цвета звезды, серпа и молота советского герба контрастно оттеняет лазоревый цвет земного шара. Гармоничность небесно-лазоревого, червлёного и золотого цвета отличает герб Шотландии, в центре которого размещен 4-частный щит, украшенный королевской короной. На лазоревой ленте начертан девиз «Dieu et mon droit». Мелкие ажурные завитки на фигурах животных и ленте герба образуют красивое обрамление в форме круга.

Эти рисунки раскрывают главные черты письма художника В. В. Милютиной: умение увидеть поэзию в обыденном, выразить своё миропонимание понятными средствами. Работы находятся в фондах ЦГАЛИ СПб (Фонд Р-495. Оп. 1. Д. 565. «Документы об участии в создании “Ленинградского альбома”». Лист 8, 9).

Страницы этого блокадного документа позволяют почувствовать животворящую силу искусства и могучую силу единения и поддержки людей разных стран, одержавших победу над фашизмом.

Литература

1. *Барташевич А. А.* Блокадный дневник / Публ., вступ. и прим. Л. Штакельберга // Звезда. 2011, № 6.
2. *Коган И. С.* Народная дипломатия как форма культурного сотрудничества СССР и Великобритании в годы II Мировой войны и в послевоенный период [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.terrahumana.ru/arhiv/12_01/12_01_19.pdf (дата обращения: 14.10.2019).
3. Ленинградский альбом — история поддержки, мужества и дружбы [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/the-leningrad-album-a-story-of-support-courage-and-friendship.ru> (дата обращения: 14.09.2019).

4. Милютина В. В. Воспоминания // Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Л.: Лениздат, 1969.

5. Они жили просто и возвышенно. Александр Розанов и Вера Милютина. Воспоминания друзей, письма, документы / Сост. Сахарова. О. В. СПб.: Галерея Принт, 2010.

6. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. Т. 1-3. М.: Изобразит. ис-во, 1974.

7. Полякова Е. И. Город Остроумовой-Лебедевой. М.: Советск. художник, 1983.

8. Розанов А. С. Вера Милютина и о ней. М.: Прометей, 1991.

9. Синицын Н. В. Гравюры Остроумовой-Лебедевой. М.: Искусство, 1964.

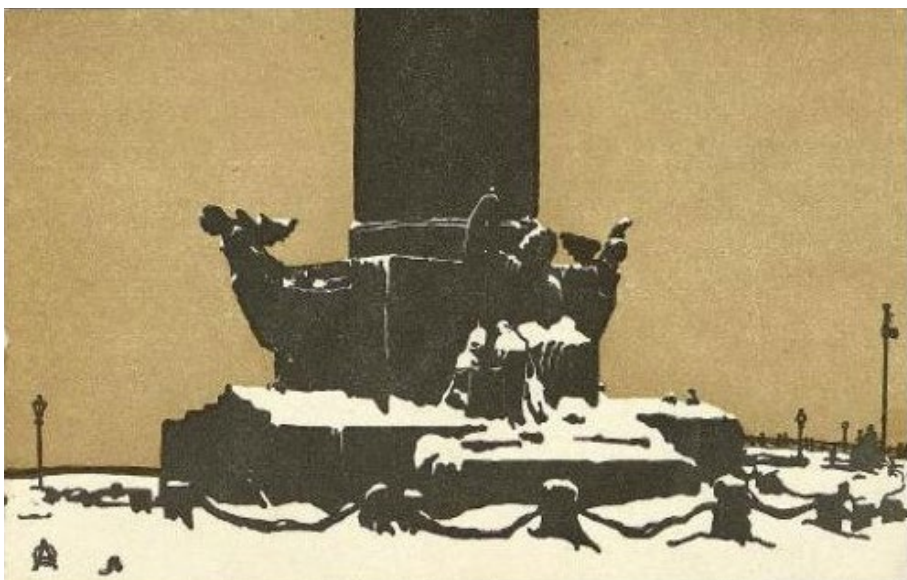
10. Henderson Margaret. Dear Allies... a story of Women in Monklands and Besieged Leningrad. Monklands, Monklands District Libraries, 1988.

1-я страница «Ленинградского альбома»

2-я страница «Ленинградского альбома»

*Гравюра А. П. Остроумовой-Лебедевой
«Ростральная колонна под снегом»*

*Флаги СССР и Шотландии.
Рис. В. В. Милутиной*

Гравюра А. П. Остроумовой-Лебедевой «Адмиралтейство под снегом»

Герб СССР. Рис. В. В. Милутиной

Герб Шотландии. Рис. В. В. Милютиной

V. ФОТОГРАФИЯ. ЗАПЕЧАТЛЁННОЕ ВРЕМЯ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Исследования в этом разделе объединены тем, что предметами анализа в них, так или иначе, являются фотографии, хранящиеся в ряде российских музеев (среди них Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», Краснокамский краеведческий музей, Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства, Российский государственный музей Арктики и Антарктики).

Как отмечается в одной из представленных работ, «любой музейный объект может стать своеобразным “порталом”, позволяющим внимательному исследователю проникнуть в самые разные пространства и эпохи» (Даниил Голубев, Таисия Киселева, Анастасия Кикнадзе «“Время по-своему судит...” Фотография Булата Окуджавы из фотофонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме»). Фотография, рассматриваемая как исторический источник, действительно может быть понята как дверь в другую историческую эпоху. Это особый вид соприкосновения с прошлым через фрагмент реальности, как будто бы выхваченный чьим-то чужим, ограниченным линзой фотокамеры взглядом, — будь ракурс случайным или выбранным осознанно, а запечатленный момент «естественным» или «постановочным». Тем не менее в этот «портал» не так-то просто войти, и мы вынуждены стоять на пороге, вглядываясь внутрь, а точнее — скользя взглядом по ровной поверхности. Прошлое и как будто становится чуточку ближе (ведь мы привыкли верить нашему взгляду), и при этом постоянно отдаляется от нас в своей фрагментарности, да и просто в связи с созданной временем дистанции. Не растеряться на этом пороге, кажется, помогает особое исследовательское воображение. И эту способность демонстрируют все авторы раздела.

Задачей проекта «Музей открывает фонды» является работа с музейным предметом, в нашем случае — с фотографией, то есть

предполагает атрибуцию и анализ изображения. В собранных здесь работах фотография фигурирует и как основной предмет анализа, и как источник в ряду других — архивных записей, интервью. В некоторых работах, например о Я. Штейберге и А. Бродском, она выступает как образец индивидуальной «оптики», точки зрения конкретного фотографа, через которую можно обратиться к глобальным историческим событиям. В других — как след исторической действительности, важный источник в работе памяти, как это происходит в работах в рамках проекта «Спасенное детство». Она может быть средством погружения в исторический контекст или рассматриваться как документ, подтверждающий или опровергающий какое-либо событие.

В самом центре внимания исследователей фотография оказывается в уже упомянутой работе Даниила Голубева, Таисии Киселевой и Анастасии Кикнадзе (школа № 1811 «Восточное Измайлово», Москва); руководитель Галина Сергеевна Ростошинская). Задача, поставленная авторами, — атрибуция фотографии Булата Окуджавы 1966 г. авторства С. И. Васина из фотофонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Авторы берутся установить место создания фотографии и предполагают, что она сделана в редакции московского журнала «Юность». Тем не менее изображение здесь служит отправной точкой для исследования более широкого исторического контекста: творческий путь Сергея Ивановича Васина и судьба его фотоархива, а также взаимоотношения между Булатом Окуджавой и Анной Ахматовой.

Фотография стала отправной точкой для исследования Арины Говоровой (Историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; руководитель Елена Павловна Стальмак) «“Мы живем вдали от Ленинграда дружною веселою семьей...” Судьбы сотрудников Легаевского интерната». Исследование проводится в рамках проекта «Спасенное детство», работа которого направлена на изучение жизни детей, эвакуированных из Ленинграда во время Великой Отечественной войны, и посвящено детскому саду № 20 Октябрьского района Ленинграда, эвакуированному сначала в Ярославскую, а позже в Молотовскую область (ныне — деревня Легаевка Чернушинского района Пермского края). Как пишет Арина, найденная в фонде Народного музея «Дети и дошкольные

работники осажженного Ленинграда» фотография одиннадцати воспитательниц интерната заставила сфокусироваться на судьбах изображенных женщин: отправиться в архивы на поиски свидетельств об их жизни и профессиональной деятельности, провести интервью с родственниками. В результате удалось идентифицировать работниц интерната на фотографии, а также собрать биографические материалы, воспоминания и дополнительные письменные и визуальные источники, которые не только будут интересны музею, но и могут стать основой для продолжения исследования.

Работа другой ученицы «Петрополя» и участницы проекта «Спасенное детство», Анны Поповой (школа № 477; руководитель Е. П. Стальмак), посвящена эвакуированному в Пермский край детскому лагерю ленинградского Литературного фонда — организации при Союзе писателей СССР, занимавшейся различными материально-бытовыми проблемами работников литературы. Дети из семей ленинградских писателей были приняты в школу села Черное Краснокамского района. Анна анализирует фотографию, найденную во время работы над материалами из Краснокамского краеведческого музея, одну из немногих сохранившихся, на которой запечатлена жизнь школы во время войны. В исследовании используется и множество других источников — в частности, документы из нескольких архивов (ЦГА, ЦГАЛИ, Государственный архив Ярославской области), среди которых анкеты членов Литфонда, планы эвакуации и списки эвакуируемых. Стоит отметить, что работы участников проекта «Спасенное детство», Анны Поповой и Арины Говоровой, важны не только как вклад в изучение вопросов в рамках истории эвакуации, но напрямую касаются более широкой дисциплины — истории детства.

Другие тексты в разделе носят биографический характер. Работа Кьяры Сганги (школа № 553, Историко-краеведческий клуб «Петрополь»; руководитель Мария Михайловна Осипова) — об исследователе Севера, писателе и художнике Николае Васильевиче Пинегине. Одним из источников служат здесь фотографии из архива Российского государственного музея Арктики и Антарктики, сделанные во время экспедиции к Северному полюсу под руководством Георгия Яковлевича Седова 1912–1914 гг. Экспедиция Седова — безусловно, важный и при этом трагический эпизод

освоения Арктики: из-за плохой организации участники вынуждены были находиться в тяжелых условиях, несколько человек, в том числе сам Седов, погибли. Николай Пинегин отвечал за различного рода документацию, делал зарисовки и фотографии, а также занимался киносъемкой, что стало в итоге важными документами истории освоения Арктики. Внимательно анализируя фотографические источники, Кьяра делает попытку восстановить быт офицерского состава экспедиции. Подчеркну, что параллельно анализу фотографии Кьяра обращается к дневникам и воспоминаниям самого Пинегина. Выбранная точка зрения — сквозь призму деятельности Николая Пинегина — в какой-то мере является альтернативой сложившемуся в советской историографии и литературе взгляду на это историческое событие, фокусирующемуся, в первую очередь, на фигуре Г. Я. Седова.

Анастасия Сидоранова (школа № 316, Историко-краеведческий клуб «Петрополь»; руководитель Мария Михайловна Осипова) подготовила работу, посвященную артисту балета Георгию Альфредовичу Розаю, солисту Мариинского театра, участнику «Русских сезонов» в Париже. Бросается в глаза объем проанализированного визуального материала, который был найден исследовательницей в коллекции Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Среди них — фотографии Розая в сценических образах, а также групповые фотографии актеров Мариинского театра на гастролях в Лондоне (1909). Изображения служат Анастасии подспорьем в ее работе над биографией Георгия Розая — фигуре, о которой читатель знает намного меньше, чем, скажем, о другом артисте балета того времени, Вацлаве Нижинском. С другой стороны, они являются источниками, которые могут служить материалом для исследования других тем, — в этом смысле вызывает большой интерес предпринятый исследовательницей анализ сценических костюмов, в том числе сделанных по эскизам Льва Бакста.

Героем работы Лидии Биджамовой (школа № 238; руководитель Татьяна Николаевна Бойко) является фотограф Яков Владимирович Штейнберг. Лидия обращается к архивным документам (к его автобиографии, а также записям воспоминаний Ольги Яковлевны Штейнберг, дочери фотографа), работает с большим объемом исследовательской литературы. В этой работе биографический элемент

превалирует — перед нами текст, охватывающий всю жизнь Якова Штейнберга, с акцентом на его профессиональной деятельности. Лидия отмечает богатый опыт Штейнберга-фотографа: он известен и как успешный фотопортретист, и как хроникер Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны, как организатор петроградского Общества художественной и технической фотографии и как заведующий фотолабораторией Музея Революции (ныне — Государственный музей политической истории). На мой взгляд, заслуживающей особого внимания частью исследования является обращение к «Книге записи снимков за 1917–1921 гг.» из семейного фонда Штейнбергов в ЦГАЛИ — источнику, необходимому для целостного анализа фотодокументального наследия Якова Штейнберга.

В работе Полины Баданиной (школа № 490 Красногвардейского района Санкт-Петербурга; руководитель Оксана Валерьевна Хведченя) также анализируется фигура документалиста-фотокорреспондента имеющая, однако, отношение уже к несколько другому времени. Полина обращается к исследованию профессиональной деятельности Александра Ивановича Бродского (отца знаменитого поэта). Здесь среди используемых источников и снимки Бродского, сделанные в блокадном Ленинграде, и его альбом с послевоенными фотографиями, хранящиеся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, и фотографии, на которых фотограф изображен за своей работой. Фотография здесь предстает как образец индивидуального взгляда, через который, как отмечает Полина, можно приблизиться к пониманию события в истории.

В заключение скажу, что во всех работах продемонстрировано умение искать информацию и анализировать ее, работать как с исследовательской литературой, так и различными источниками, в список которых входят не только письменные, но и визуальные документы, в нашем случае — фотографии. Примечательно, что многие авторы видят опубликованные здесь результаты шагом к продолжению исследования.

Степан Евгеньевич Качалин
*хранитель фонда фотоматериалов
Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме*

**СУДЬБА ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БРОДСКОГО
(ФОТОАЛЬБОМ ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ АМЕРИКАНСКОГО КАБИНЕТА
ИОСИФА БРОДСКОГО В МУЗЕЕ АННЫ АХМАТОВОЙ
В ФОНТАННОМ ДОМЕ)**

Полина Баданина, 7 класс, школа № 490, Санкт-Петербург
Руководитель: **Оксана Валерьевна Хведченя**, педагог
дополнительного образования школы № 490

Мое внимание привлекла судьба отца поэта Иосифа Бродского — Александра Ивановича Бродского (1903–1984), который был фотокорреспондентом и журналистом во время Советско-финской (1939–1940), Великой Отечественной (1941–1945) и Советско-японской (1945) войн.

А. И. Бродский работал корреспондентом фотохроники Ленинградского отделения ТАСС, снимал хронику жизни блокадного Ленинграда и прорыва блокады. Его фотоочерки публиковались в журнале «Ленинград» и других изданиях. В 1944 г. был переведён на Черноморский флот, где стал военным фотокорреспондентом газеты «Известия».

В фондах Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранятся корреспондентский билет А. И. Бродского и альбом с фотографиями. В альбоме содержатся 185 фотографий, сделанных с 1900-го по 1970 г. Оформлен альбом был после войны, но, к сожалению, неизвестно, кем именно: можно предположить, что альбом оформлял сам Бродский, а возможно, ему помогала жена — Мария Моисеевна.

Особенно интересными мне показались фотографии, запечатлевшие самого А. И. Бродского в военное время. Мы можем увидеть его и на палубе судна, и в проеме вагона, и у Адмиралтейства. Одна из самых атмосферных фотографий сделана другим военным фотографом — Д. М. Трахтенбергом. На ней отец поэта изображен стоящим в полный рост на поле перед ограждением с колючей проволокой. Одет в военную форму, на голове каска. К левому глазу поднесен фотоаппарат.

В Американском кабинете Иосифа Бродского хранится одна из фотографий, сделанных А. И. Бродским в 1942 г. в блокадном Ленинграде, — на ней изображена артиллерийская позиция на

Стрелке Васильевского острова. Экспонат поступил в музей в 2007 г. из семейного архива Бродских

Другие фотографии, сделанные Александром Бродским, я нашла на сайте информационного агентства ТАСС, в электронном каталоге архива кинофотодокументов и в книге «Упрямый город» [10, 14, 16]. На своих фотографиях А. И. Бродский сумел показать блокадное детство, трудности и отвагу военной жизни, трудовые будни города, радость победы.

Мне кажется, что история страны гораздо лучше воспринимается через личное соприкосновение с историей человека.

Литература

1. *Бондаренко В. Г.* Бродский: Русский поэт. М.: Молодая Гвардия, 2016.
2. Бродский Александр Иванович / Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://spbsj.ru/knigha-pamiati/brodskii-alieksandr-ivanovi> (Дата обращения — 17 декабря 2019).
3. *Бродский И. А.* Полторы комнаты. Пер. Д. Чекалова // Новый Мир. 1995. N 2.
4. Военные корреспонденты Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://infourok.ru/voennie-korrespondenti-velikoy-otechestvennoy-voyni-4004065.html> (Дата обращения — 21 января 2020).
5. Военный корреспондент и его профессиональный статус в условиях боевых действий. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://studfile.net/preview/6328970/page:7/> (Дата обращения — 21 января 2020);
6. Военный корреспондент. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://old.proektoria.online/professions/voennyj_korrespondent/ (Дата обращения — 21 января 2020).
7. Военный корреспондент. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Военный_корреспондент (Дата обращения — 16 марта 2020).
8. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2012.
9. *Измайлов А.* «Я сын фотографа...» — писал Иосиф Бродский // Нева. 2010. № 5.

10. Информационное агентство России ТАСС. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tassphoto.com/ru> (Дата обращения — 19 февраля 2020).

11. «Лейка», готовая к бою. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://news.rambler.ru/other/42968183/?utm_content=news-media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения — 17 декабря 2019).

12. Подвиг Ленинграда: докум.-худож. сборник / сост. А. В. Сапаров. М.: Воениздат, 1960.

13. *Рейн Е.* Человек в пейзаже // Иосиф Бродский: Большая книга интервью / сост. В. Полухиной. М.: Захаров, 2000.

14. Российский государственный архив кинофотодокументов. Электронный каталог. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://photo.rgakfd.ru> (Дата обращения — 19 февраля 2020).

15. *Соколовский М. Б.* Петербургский некрополь. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://spb-tombs-walkeru.narod.ru/2013/5/18-1.htm> (Дата обращения — 17 декабря 2019).

16. Упрямый город. Блокада 1941–1944. СПб.: Лимбус Пресс, 2019.

Полина Баданина, автор работы, у входа в Американский кабинет
(Фото О. В. Хведчени. 19 ноября 2019)

Корреспондентский билет Александра Ивановича Бродского

ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ ВРЕМЯ: Яков Владимирович Штейнберг (по материалам Центрального государственного архива литературы и искусства СПб (ЦГАЛИ) и фондам музея «Герои Ораниенбаумского плацдарма» школы № 238)

Лидия Биджамова, 11 класс, школа № 238, Санкт-Петербург

Руководитель: Татьяна Николаевна Бойко, учитель истории,
руководитель музея «Герои Ораниенбаумского плацдарма» школы
№ 238, Санкт-Петербург

Фотографии Я. В. Штейнберга нам показала его внучка Наталья Евгеньевна Гаврилина, друг нашей школы и музея «Герои Ораниенбаумского плацдарма». Фотографии, воспоминания, документы, письма семьи Штейнбергов хранятся в фондах нашего музея, они неоднократно экспонировались на школьных и районных выставках «Ленинград. Война. Блокада».

Фотографии Я. В. Штейнберга хранятся в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов (Санкт-Петербург), представлены в двухтомной «Антологии советской фотографии» (М.: Планета, 1986–1987), описаны в исследовании В. Вальрана «Советская фотография. 1917–1955» [10]. Работы Штейнберга входят в фотоальбомы, монографии и школьные учебники, его имя упомянуто в энциклопедиях и справочниках по истории фотографии, однако характеристика творчества этого фотохудожника (и то только в период 1917–1918 гг.) дана лишь в книге Л. Ф. Волкова-Ланита «История пишется объективом» [11].

Задачей моей работы стало создание биографического портрета Я. В. Штейнберга.

Основными источниками послужили материалы Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), фонда Я. В. Штейнберга и О. Я. Штейнберг (Р-656) и семейного архива Н. Е. Гаврилиной, а также интервью с искусствоведом, автором книг по истории советской фотографии В. Н. Вальраном.

Яков Владимирович Штейнберг родился 30 января 1880 г. в городе Двинске (ныне Даугавпилс) в семье фотографа.

Установлены петербургские адреса Я. В. Штейнберга. В 1907 г. [8, с. 1] семья переехала в Петербург. Я. В. Штейнберг, его жена Софья Владимировна (девичья фамилия жены — Иоэль — была уточнена мною в ходе изучения материалов семейного архива; во всех

источниках, включая ЦГАЛИ, она указана неверно) и их дочь Ольга сначала поселились у родственников, затем жили в маленькой квартирке на Николаевской улице (ныне улица Марата), в 1912–1917 гг. Я. В. Штейнберг работал у А. А. Оцуца, который владел мастерской на углу Литейного и Бассейной (ныне улица Некрасова) [13, с. 43]. С 1914 г. семья проживала по адресу: Эртелев переулок (ныне улица Чехова), д. 3, кв. 16 [8, с. 1]. Здесь же находилась и мастерская фотохудожника. Как вспоминает Н. Е. Гаврилина, под фотолабораторию было приспособлено небольшое помещение (часть коридора) рядом с ванной.

В 1912–1917 гг. Я. В. Штейнберг был фоторепортером множества журналов и газет: «Нива», «Солнце России», «Искра», «Огонек», «Панорама Петрограда»... [1, с. 2]. Там печатались его снимки: сцены из городской жизни и портреты популярных деятелей искусства (певицы Л. Я. Липковской, балерины Т. П. Карсавиной, художников Б. М. Кустодиева и А. Н. Бенуа, шахматиста А. Алехина) [13, с. 44].

Дочь и внучка запомнили Якова Владимировича ярким, разносторонним человеком, добрым и любящим отцом и дедом. И вместе с тем обе говорят о том, что Яков Владимирович был «непреложным авторитетом» для всей семьи [16, с. 2]. Дочь фотографа вспоминает: «Дома любили музыку, было фортепьяно, на котором в дни семейных посиделок Яков Владимирович аккомпанировал жене Софье Владимировне. У него не было музыкальной подготовки, и он делал это на слух, несомненно обладая музыкальными способностями» [8, с. 2]. «Отцу и матери одинаково было свойственно гостеприимство», они создавали атмосферу доброжелательности, приветливости и уюта [8, с. 2].

С 1917 по 1923 г. Штейнберг работал в журнале Петроградского совета «Пламя» и журнале «Огонек», освещая своими фоторепортажами важные для истории страны события: забастовки, шествия, демонстрации, похороны жертв Февральской революции на Марсовом поле, собрание делегатов фабрично-заводских комитетов в Смольном... Документальность и беспристрастность — отличительные черты этих фотографий.

«В Февральскую революцию мои родители, как и многие интеллигенты того времени, уверовали, как в настоящую. Ликовали. Отец не расставался с фотоаппаратом. С утра до темноты проводил на

бурлящих событиями улицах, подвергаясь порой опасности, а мать была с ним. Оба они были как бы на гребне быстро развивающихся событий. <...> Отец в это время сделал в Петрограде ставший затем знаменитым снимок: расстрел мирной июльской демонстрации (большевиков) против Учредительного собрания», — вспоминала О. Я. Штейнберг [7, с. 8].

В ЦГАЛИ сохранился удивительный документ — «Книга записи снимков за 1917–1921 гг.», в которой Я. В. Штейнберг вел регистрацию всех негативов, датируя время съемок и записывая сведения о снимаемом. Этот документ свидетельствует о том, что фотограф не пропускал ни одного значительного события в жизни города. Ежедневно он проводил несколько съемок, делал до 34 записей. По его работам можно наблюдать почти ежедневную хронику Петрограда.

Одна из фотографий публикуется под двумя названиями: «Пикет Красной гвардии. 1917 г.» и «Красногвардейский патруль на улице Петрограда в первые дни Октябрьской революции». На фотографии запечатлены трое мужчин, сидящих на деревянных чурках вокруг костра, — это красногвардейский патруль. На заднем фоне — стена дома с обрывками листовок и объявлений. Один из мужчин (справа) держит руки над костром, мужчина посередине курит и смотрит прямо нам глаза, а молодой человек слева сидит согнувшись, с опустошенным взглядом. Их объединяют винтовки со штыками, костер и внутренняя сосредоточенность. Фотография наполнена духом времени — об уличных кострах, привычных в те времена, писали многие поэты, такие как А. А. Блок и А. А. Ахматова. Здесь есть всё: история, рассказ, время и т. д., то есть это схваченный фотообъективом момент истории, с главными действующими лицами, которые действительно важны для этого периода, невероятно точная ситуация [4, с. 2].

В 1924 г. в залах Академии художеств была создана большая фото-выставка. Среди трех тысяч представленных фотографий — экспозиция под названием «День за днём» Якова Штейнберга. 300 фотографий представляли задокументированную фотографом хронику событий 1917 г. в Петрограде [11, с. 152]. В 1928 г. в Москве, в помещении Музея Красной армии на Воздвиженке, открылась юбилейная выставка «Советская фотография за 10 лет», на которой демонстрировались

самые лучшие произведения, созданные в этот отрезок времени. Не каждый мастер удостоился чести показать больше пяти работ. Штейнберга попросили дать двенадцать [11, с. 155].

Заведующий фотолабораторией Петрогубкомунны (1920–1924), затем заведующий фотолабораторией Музея революции, располагавшегося в стенах Эрмитажа, (1926–1935) — Я. В. Штейнберг не только художник, но и организатор, руководитель. В феврале 1935 г. Штейнберг уволился из Музея революции, оставив в его фондах около 500 фотоотпечатков [13, с. 45], и тогда же принял решение передать все оригиналы своих работ государству. На заседании экспертной комиссии фотокиноархива при Ленинградском областном архивном управлении 27 февраля 1935 г. было решено принять на постоянное хранение негативы фотомастера: «Негативы в количестве 6286 штук представляют исключительную историческую ценность» [3, с. 2].

С декабря 1938 г. до дня смерти Я. В. Штейнберг работал старшим фототехником во Всероссийской академии художеств.

Дочь Штейнберга вспоминает блокадные годы: «Отец уходил за дрожжевым супом на Васильевский остров, в Академию художеств, где он был на котловом питании» [9, с. 80]. Ежедневно, преодолевая 6 км от дома до Академии и столько же обратно, он приносил бидон супа с редкими крупинками. Весь хлеб в семье делили на две части, съедали половину утром, половину вечером. Мучил холод. Железную печурку топили журналами (их было много), иногда сжигали и мебель. Я. В. Штейнберг спас свою семью, но сам был очень истощен, тяжело заболел. Умер 4 февраля 1942 г. и был похоронен в общей могиле на Смоленском кладбище (позднее прах перезахоронен на Пискаревском кладбище).

Как оценить деятельность и творчество Я. В. Штейнберга?

В период с 1912 по 1938 г. им было создано более 10 000 фотографий исторической и бытовой хроники. Эти работы стали своеобразной «фотолетописью революции», запечатлели сложные поворотные события в истории нашей страны. «Если бы из всех работ этого человека нам остались только фотографии, сделанные им в 1917 году, то и тогда бы его имя вошло в историю советской фотопублицистики. Никому иному, как именно ему, мы обязаны самой подробной фотодокументацией событий Октября,

происходивших в Петрограде. <...> Все его фоторепортажи проникнуты острым чувством времени» [11, с. 136]. Современные исследователи также пишут о большом историческом значении фотографий Я. В. Штейнберга — именно благодаря его работам, которые точно передают дух эпохи, мы можем почувствовать атмосферу того времени.

Время идет, всё вокруг нас меняется, мы меняемся — и только фотография способна остановить мгновенье, поймать момент, а фотограф запечатлеть его.

Источники

1. Автобиография. Машинопись, автограф Я. В. Штейнберга / ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Дело № 7.
2. Документы о назначении Я. В. Штейнбергу персональной пенсии: справки, ходатайства, выписки из протокола / ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Дело № 10.
3. Документы о передаче фотонегативов Я. В. Штейнберга в Фотокинофотоархив и отдел Политконтроля: опись негативов и выписка из протокола / ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Дело № 12.
4. Интервью с В. Н. Вальраном. 1 марта 2019 / Фонды музея ГБОУ СОШ № 238.
5. Книга записи снимков / ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Дело № 4.
6. Фотографии похорон бывшего народного комиссара путей сообщения М. Т. Елизарова на Волковском / ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Дело № 2.
7. Штейнберг О. Я. Воспоминания об отце. Автограф / ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Дело № 13.
8. Штейнберг О. Я. Воспоминания о матери. Автограф / ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 2. Дело № 11.
9. Штейнберг О. Я. Хроника моей жизни. Машинопись / Личный архив Н. Е. Гавриловой.

Литература

10. Вальран В. Советская фотография. 1917–1955. - СПб.: Лимбус Пресс, 2016.
11. Волков-Ланнит Л. Ф. История пишется объективом. - М.: Планета, 1971.

12. Королёва Г. В. Революционный 1917 в фотодокументах РГАКФД // Доклады Всероссийской научной конференции «Революция 1917 года в России: историографические практики, идеологическое наследие, современные проблемы национального единства». М.: РГГУ, 2017.

13. Крецу Д. А. Малоизвестные факты из биографии фотографа Якова Владимировича Штейнберга: По материалам отдела фотонегативных источников Государственного музея политической истории России // Сб. докладов конференции «Фотография в музее». Санкт-Петербург, 19–22 мая 2015 г. СПб. Государственный музейно-выставочный центр Росфото, 2015.

14. Кулегин А. М. Петрокоммуна // Санкт-Петербург. Энциклопедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.encspb.ru/object/2804022901?lc=ru> (дата обращения: 18.04.2019).

15. Липатов В. Краски времени. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://itexts.net/avtor-viktor-sergeevich-lipatov/102262-kraski-vremeni-viktor-lipatov/read/page-18.html> (дата обращения: 18.04.2019).

16. Липатова М. Е., Богатырева А. А. Актуализация межкультурного диалога в современном интернет-пространстве // Вестник РУДН, серия «Социология», январь 2016, т. 16, № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-mezhkulturnogo-dialoga-v-sovremennom-internet-prostranstve> (дата обращения: 18.04.2019).

17. Тулин Б. Шварц В. Вспышка магния и... свет истории. Из истории ленинских фотографий. М.: Изд-во политической литературы, 1989.

Книга записи снимков Я. В. Штейнберга

*Фотография Я. В. Штейнберга «Пикет Красной гвардии. 1917 г.»
(«Красногвардейский патруль на улице Петрограда
в первые дни Октябрьской революции»)*

Я. В. Штейнберг с внучкой

«МЫ ЖИВЕМ ВДАЛИ ОТ ЛЕНИНГРАДА ДРУЖНОЮ ВЕСЕЛОЮ СЕМЬЕЙ...»: СУДЬБЫ СОТРУДНИКОВ ЛЕГАЕВСКОГО ИНТЕРНАТА (ФОТОМАТЕРИАЛЫ ИЗ ФОНДОВ ШКОЛЫ № 5 ГОРОДА ЧЕРНУШКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ И НАРОДНОГО МУЗЕЯ «ДЕТИ И ДОШКОЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ ОСАЖДЕННОГО ЛЕНИНГРАДА»)

Арина Говорова, 8 класс, Историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Руководитель: **Елена Павловна Стальмак**, педагог дополнительного образования, ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Легаевский интернат — это эвакуированный в годы Великой Отечественной войны детский сад № 20 Октябрьского района города Ленинграда. Сначала ребят и воспитателей вывезли в Ярославскую область, а затем в Пермский край. И на 3 года и 9 месяцев деревня Легаевка Пермского края стала домом для ленинградцев.

Мое исследование, которое было создано в рамках проекта «Спасенное детство», предполагающего «встречное» изучение истории эвакуации детского сада № 20 Октябрьского района города Ленинграда исследователями Санкт-Петербурга и Чернушки, посвящено судьбам воспитателей детского сада.

Работа над исследованием началась с разбора копий архивных документов, предоставленных учениками и учителями школы № 5 города Чернушки Пермского края. Среди документов много фотоматериалов, стихов и рисунков, созданных эвакуированными детьми, а также справки и отчеты, составленные директором Легаевского интерната — Е. Н. Скотниковой. Ценные сведения (справка об интернате, написанная Е. Н. Скотниковой, информация о послевоенном периоде жизни воспитанников интерната, записанная также Е. Н. Скотниковой, воспоминания воспитанника интерната Валентина Трыкова и еще несколько фотографий воспитателей Легаевского интерната) обнаружались в Народном музее «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа № 8 Санкт-Петербурга. В музее Академии постдипломного педагогического образования (АППО) нам удалось выяснить, что часть сотрудников детского сада № 20 осталась в Ленинграде и продолжила работать в осажденном городе. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) была найдена информация о годах учебы Е. Н. Скотниковой,

а также довоенный паспорт детского сада №20. Материалы Объединенного архива Комитета по образованию Санкт-Петербурга помогли познакомиться с книгами приказов детского сада №13 Куйбышевского района, который после войны возглавляла Е. Н. Скотникова, и сведениями о работе А. А. Трещаловой в блокадном Ленинграде. Прояснить детали биографии библиотекаря Ф. А. Дегтяревой удалось благодаря Пермскому государственному архиву социально-политической истории.

Однако началось знакомство с воспитателями Легаевского интерната с их фотографий. Одна из общих фотографий сотрудников интерната хранится в Народном музее «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», вторая, точно такая же, — в музее истории школы №5 города Чернушка Пермского края. На ней изображены 11 женщин, которые спасли ленинградских детей. Черно-белый снимок очень хорошо сохранился. В атрибуции снимка помогла фотография сотрудников Легаевского интерната на фоне Красного знамени, а также «Справка о Легаевском интернате», составленная Е. Н. Скотниковой, и воспоминания воспитанников интерната. Так, в «Справке о Легаевском интернате» написано, что из Ленинграда был вывезен, помимо детских игрушек, детских вещей, большой ковер, который прошел с воспитателями весь военный путь. Именно этот ковер служит фоном для фотографии.

Давайте знакомиться с героями этой фотографии. В верхнем ряду, слева направо, мы видим женщину в белой рубашке. Это помощница воспитателей — Елизавета Борисовна Герчикова. Герчикова официально числилась уборщицей, а на самом деле была правой рукой воспитателей. По воспоминаниям ее сына И. Х. Фарберова, с которым нам удалось поговорить, Елизавета Борисовна помогала во всем: и за детьми приглядывала, и готовила. Идентификация ее личности вопросов не вызывает — мы видели много ее фотографий в семейном альбоме Фаберовых.

Вторая слева — библиотекарь Фелицата Алексеевна Дегтярева. Она больше всего запомнилась воспитанникам вкусным хлебом, который пекла в настоящей русской печке. Нам удалось разыскать дочь Ф. А. Дегтяревой — воспитанницу Легаевского интерната Римму Ефимовну Князюк. Она подтвердила, что на фотографии именно ее мама.

Рядом с Дегтяревой — воспитатель старших групп Александра Алексеевна Трещалова. Она осталась в осажденном городе, собирая зимние вещи своих воспитанников, и лишь в 1942 г. вновь присоединилась к интернату. Ее идентификация на снимке тоже не вызвала затруднений, поскольку удалось найти внуков Трещаловой, которые поделились фотографиями бабушки. А. А. Трещалова, Ф. А. Дегтярева и наша следующая героиня, Е. Н. Скотникова, дружили и долгие годы после войны.

Евгению Николаевну Скотникову вспоминают все воспитанники без исключения. Ведь она на самом деле многое сделала, чтобы спасти детей. Как выглядела директор интерната, мы знаем, поскольку в ЦГА СПб удалось найти личное дело студентки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена Е. Н. Скотниковой, в котором хранится ее довоенная фотография.

Пятая в верхнем ряду — Ольга Федоровна Смирнова, воспитательница младшей группы. В Чернушинском краеведческом музее им. В. Г. Хлопина мы нашли подписанную фотографию О. Ф. Смирновой с сыном, также у нас есть ее послевоенные снимки из частной коллекции воспитанниц интерната Жени и Ляли Тайдышко.

Рядом со Смирновой — ее коллега Анастасия Ивановна Михайлова. У этих двух воспитательниц в интернате была особенно важная роль, ведь они работали с младшими воспитанниками, заменяли им мам на протяжении четырех лет, и их все вспоминают с большой благодарностью. Идентифицировать на снимке А. И. Михайлову нам помог другой снимок, с подписанными рукой Е. Н. Скотниковой фамилиями воспитателей.

Во втором ряду — помощники воспитателей. Первая — Анна Васильевна Осипова. Нам удалось разыскать ее дочь, Ирину Марковну Шварц, которая показала нам фотографии матери и поделилась воспоминаниями о ней. Благодаря И. М. Шварц мы имели возможность сопоставить фотографии, хранящиеся у дочери, с этим снимком. В списках интерната А. В. Осипова значится уборщицей, но все уборщицы работали и нянечками, а также помогали на кухне.

Рядом с Осиповой — очень важный для интерната человек, Полина Никитична Васильева. Изображения П. Н. Васильевой, М. А. Пучковой, А. П. Матвеевой и Н. Н. Журавлевой мы идентифицировали благодаря подписной фотографии сотрудников на фоне

знамени. Полина (Пелагея) Никитична Васильева до эвакуации работала в детском саду нянечкой, а в Легаевке стала поваром интерната. Все вспоминают, что в интернате очень вкусно кормили, и это заслуга П. Н. Васильевой. Судя по воспоминаниям, Васильева была прекрасным рассказчиком, поэтому у нее на кухне всегда было много ребят.

Посередине сидит Мария Алексеевна Пучкова. Она уехала вместе с интернатом в 1941 г., так как детский сад № 20 посещала ее дочь Надежда (Нонна) Пучкова, а сама Пучкова работала в детском саду уборщицей.

Рядом с Пучковой мы видим Анну Петровну Матвееву. В списках она значится как ночная няня, но про нее пока совсем мало информации.

И наш последний, одиннадцатый герой — Нина Никитична Журавлева. Мама двух воспитанниц Легаевского интерната, помощница воспитателей.

Эта работа — дань памяти воспитателям и сотрудницам Легаевского интерната, которые в эвакуации смогли заменить детям семью. Пока удалось выяснить лишь самые основные факты их биографии. Благодаря работе, проведенной в музеях (Чернушинском краеведческом музее им. В. Г. Хлопина, музее истории школы № 5 города Чернушки, музее АППО, Народном музее «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», Государственном музее истории Санкт-Петербурга), архивах (ЦГА СПб, Объединенном архиве Комитета по образованию Санкт-Петербурга, архивном отделе Администрации Чернушинского муниципального района Пермского края, Пермском государственном архиве социально-политической истории), удалось выполнить все задачи, поставленные на данном этапе исследования:

— провести атрибуцию групповой фотографии из фондов Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда»;

— выявить полный список воспитателей и сотрудников Легаевского интерната;

— составить биографии четырех сотрудников интерната — директора Е. Н. Скотниковой, воспитателей А. А. Трещаловой и Ф. А. Дегтяревой, уборщицы Е. Б. Герчиковой;

— установить все довоенные ленинградские адреса сотрудников Легаевского интерната и часть их адресов в послевоенные годы;

— найти могилы Е. Н. Скотниковой, А. А. Трещаловой, Ф. А. Дегтяревой, Е. Б. Герчиковой., П. Н. Васильевой и М. А. Пучковой.

Самой большой удачей я считаю то, что нам с научным руководителем — Еленой Павловной Стальмак — удалось разыскать 9 воспитанников Легаевского интерната, поговорить с ними, собрать уникальные воспоминания и артефакты, которые мы обязательно передадим в музей.

Литература

1. Весь Ленинград: адресная и справочная книга за 1940 г. Л., 1940.
2. Максимова Э. Вторая Победа // Дети военной поры: сб. М., 1984.
3. Микишатъев М. Н. ДК Первой пятилетки // Адреса Петербурга. 2005. № 18/19. С. 26–31.

Источники

1. Воспоминания воспитанника Легаевского интерната Валентина Трыкова // Архив народного музея «Дети и дошкольные работники Легаевского интерната».
2. Годовой отчет о работе Легаевского интерната деревни Легаево станции Чернушка Молотовской области. 1944. / Архив музея истории школы № 5 г. Чернушка Пермского края.
3. Годовой отчет Легаевского интерната станции Чернушка Молотовской области деревни Легаево. Январь 1945. / Архив школы № 5 г. Чернушка Пермского края.
4. Справка о Легаевском интернате. 1944. / Архив школы № 5 г. Чернушка Пермского края.
5. Фотография «Сотрудники Легаевского интерната эвакуированных детей Ленинграда у развернутого знамени» / Архив школы № 5 г. Чернушка Пермского края.

*Фотография сотрудников Легаевского интерната
эвакуированных детей Ленинграда*

**ВРЕМЯ ПО-СВОЕМУ СУДИТ
(ФОТОГРАФИЯ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ
ИЗ ФОТОФОНДА МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ)**

Некоторые вещи — это просто вещи, а некоторые в то же время являются еще и знаками.... Среди этих знаков есть просто сигналы, есть пометы и атрибуты, а есть — символы.

Святой Августин

**ДАНИИЛ ГОЛУБЕВ, АНАСТАСИЯ КИКНАДЗЕ, ТАИСИЯ КИСЕЛЕВА, 10 КЛАСС,
ШКОЛА № 1811 «ВОСТОЧНОЕ ИЗМАЙЛОВО», МОСКВА**

**РУКОВОДИТЕЛЬ: ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА РОСТОШИНСКАЯ, УЧИТЕЛЬ ШКОЛЫ
№ 1811 «ВОСТОЧНОЕ ИЗМАЙЛОВО», МОСКВА**

Предметом нашего исследования стала фотография Булата Окуджавы, которая хранится в фотофонде Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (номер в Госкаталоге 19272170, инвентарный номер ДФ-822). Это чёрно-белая фотография размерами 23,5 см на 17 см, сделанная в Москве весной 1966 г. Автор снимка известен — это Сергей Иванович Васин, легендарный советский фотограф. На обороте имеется запись карандашом: «1966 г. / С. Васин». Место, где сделан снимок (редакция журнала «Юность»), время его создания (1966-й — год смерти А. Ахматовой, суда над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем), личность портретируемого (Булата Окуджавы) являются для истории нашей страны и её культуры не просто значимыми, а в полном смысле знаковыми.

Цель исследования — поиск и анализ информации о музейном экспонате, жизни и деятельности С. И. Васина, которого связывали с Б. Ш. Окуджавой сотрудничество и дружеские отношения. Удивительно, но «случайный», на первый взгляд, в фондах музея экспонат стал темой для еще одной линии исследования — несостоявшейся дружбы Окуджавы и Ахматовой.

В коллекции Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранится значительное число фотографий Булата Окуджавы, и практически все они экспонировались в рамках выставки «Я потом, что непонятно, объясню», которая была организована совместными усилиями Музея Ахматовой, Фонда Булата Окуджавы и Дома-музея

Булата Окуджавы в Переделкине и проходила с 26 апреля по 27 мая 2007 г. в Музее Ахматовой. Петербургский художник Игорь Лебедев создал на основе фотографий и материалов из домашнего архива Окуджавы и его друзей инсталляцию: вдоль всего зала протянулся деревянный стол, который символизировал и ход времени, и работу писателя, и широкое грузинское застолье, дружбу — всё, чем была наполнена жизнь Булата Шалвовича.

В 2019 г. (14 июня — 16 августа) в Фонтанном Доме прошла выставка уникальных фотографий современников поэтессы, приуроченная к 130-летию со дня рождения Анны Ахматовой. В этой экспозиции, которая стала своеобразным собирательным фотообразом творческой интеллигенции XX в., был представлен и фотопортрет Булата Окуджавы, выполненный С. И. Васиным в 1964 г. в Доме Советской армии.

В 1999 г. Музей Ахматовой приобрел коллекцию фотографий М. А. Балцвиника, которая после смерти фотографа находилась у К. М. Азадовского. Историк литературы Б. Я. Фрезинский написал по этому поводу: «...Две с половиной тысячи фотографий, составивших потрясающую иконографическую летопись нашей литературы от Блока до Бродского и материализующих страсть души, дар собирателя и мастерство фотографа — начали новую жизнь, служа нашей культуре...» [6].

Среди фотографий Б. Ш. Окуджавы, хранящихся в музее, есть фотопортрет, выполненный в 1987 г. известным немецким фотографом Андреем Райзером (судя по всему, он входит в один из авторских альбомов Райзера — «Портреты»). В коллекции музея имеются также две фотографии поэта, сделанные знаменитым советским фотографом Александром Александровичем Лессом в 1960-е гг. Но наибольшее число известных фотоportретов Окуджавы сделаны С. И. Васиным. Некоторые из них, удивительно трогательные и светлые, явно свидетельствуют о дружеских отношениях между поэтом и фотографом. Это и снимок на фоне окна (1961), и домашний снимок 1968 г. Несколько фотографий сделаны во время выступления Окуджавы в Доме Советской армии в 1964 г.

Исследуя фотографию Булата Окуджавы, сделанную Васиным в 1966 г., мы пришли к выводу, что поэт был снят в редакции журнала «Юность». На заднем плане, за спиной у Окуджавы, виднеется

часть стенгазеты. Восстановить ее текст полностью, к сожалению, невозможно, но ясно читаемая фраза «Среди людишек при вотчине “Юность”» позволяет предположить, что местом съемки стала редакция одноименного журнала. Аргументом в поддержку нашей версии служит и то, что С. И. Васин в 1960-е гг. активно сотрудничал с «Юностью». Одежда Окуджавы и веточка вербы указывают, что фотография была сделана весной.

В 1966 г. редакция журнала находилась в Москве, на улице Воровского (сейчас Поварская), дом 52. Многие краеведы считают, что именно это здание XVIII столетия, городская усадьба Долго-руковых-Соллогубов, послужило для Л. Н. Толстого прототипом дома Ростовых в романе «Война и мир». После революции здесь размещались разные учреждения: ВЧК, Литкомиссия ВЦИК, Комитет по делам национальностей. В 1920 г. здесь открылся «Дворец искусств», в котором выступали А. А. Блок, С. А. Есенин, Б. Л. Пастернак, А. Н. Толстой, М. И. Цветаева и другие литераторы. В 1921 г. в усадьбе начал работу Высший литературно-художественный институт, основателем и ректором которого был поэт В. Я. Брюсов, а в 1932-м — правление Союза писателей СССР. И Анна Ахматова, которая в 1939 г. была принята в Союз писателей, не могла не бывать в этом здании. В 1955 г. здесь разместилась и редакция журнала «Юность». В настоящее время здание занимают Международное сообщество писательских союзов и редакция журнала «Дружба народов». Главный дом усадьбы, церковь, здание служб, территория парадного двора, ограда являются объектами культурного наследия федерального значения.

Таким образом, эта фотография интересна не только тем, что на ней изображен Б. Ш. Окуджава, но и тем, что она сделана в самом центре литературной жизни.

Автор фотографии, Сергей Иванович Васин, родился в 1912 г. в Москве. Рано начал увлекаться фотографией, а после окончания техникума (в начале 1930-х) пришел в «Пионерскую правду» сначала внештатным, а затем и штатным фотокорреспондентом газеты. Одним из первых ответственных заданий, которое он получил в газете, стала фотофиксация парада физкультурников, проходившего в 1938 г. на Красной площади. Сохранились уникальные кадры, на которых мы видим членов ЦК партии и советского

правительства, колонны молодых спортсменов. В эти годы С. И. Васин много снимал в школах, пионерских лагерях, детских учреждениях Москвы и Подмосковья.

В годы Великой Отечественной войны Сергей Васин продолжил работать в «Пионерской правде», и сделанные им в эту эпоху снимки рассказывают о военном детстве советских ребят.

После окончания войны Васин снимал для «Пионерской правды» мирную жизнь московских пионеров и школьников, в 1950-х был внештатным фотокорреспондентом газеты «Советский спорт», печатался в газете «Программы радио и телевидения». С начала 1960-х сотрудничал с журналом «Юность», снимал портреты поэтов и прозаиков, пришедших в литературу на гребне «оттепели», — Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Василия Аксенова, Андрея Дементьева, Булата Окуджавы и многих других.

Фотоархив (прежде всего негативы) Сергея Ивановича Васина чудом уцелел после его смерти в 1979 г. благодаря фотографу Юрию Садовникову, который дружил с Васиным еще со времен совместной работы в журнале «Юность» в 1970-х гг. Садовников не только спас архив от уничтожения, но и начал работу по систематизации фотонаследия С. И. Васина. Когда Ю. Н. Садовникова не стало, негативы Васина перешли в фонды Мультимедиа Арт Музея Москвы (МАММ) [5].

Атрибуция снимка, запечатлевшего Окуджаву, имеет важное значение для установления реальных фактов биографии поэта: в различных интервью на одни и те же вопросы он давал абсолютно разные ответы, никогда не публиковал ни дневников, не мемуарных записок, поэтому его биографам нелегко отделить правду от художественного вымысла. Среди таких загадок — встреча Булата Окуджавы с Анной Ахматовой: была ли она? Мы попробовали найти ответ на этот вопрос.

В первую очередь мы обратили внимание на споры о дате переезда Окуджавы в Северную столицу — ведь именно здесь он мог бы встретиться с Ахматовой. Как утверждает исследователь Андрей Крылов, «первая встреча с ней, по-видимому, могла состояться лишь в 1964–1965 годах. Поздняя граница периода, в который могла произойти встреча, — это время возвращения Окуджавы в Москву

и переезда в новую квартиру (ноябрь–декабрь 1965-го). <...> Мы можем датировать их личное знакомство лишь... летом — 1965 года» [3]. По мнению Дмитрия Быкова, встреча была: «...И как он <Окуджава> повторял: “Мне трудно было при ней рот открыть — я не знал, что говорить, разговаривала жена”. Он потому, может быть, и произвел на Ахматову такое прекрасное впечатление, что по большей части молчал или пел, а это и есть оптимальная позиция для поэта» [2].

В Доме-музее Булата Окуджавы на Арбате мы встретились с вдовой поэта Ольгой Владимировной, и на вопрос, какие отношения связывали Окуджаву и Ахматову, она ответила: «Никакие». А чуть помолчав, добавила: «Он робел при ней, очень смущался. Она была для него богиней». Эта оценка подтверждается и словами самого Окуджавы, сказанными им в одном из интервью: «Для меня она была живым богом, я никак не мог решиться к ней поехать. Я боялся» [1]. И тем не менее поэты встретились. Это произошло в Комарове, в ахматовской «Будке». «Я помню, что она вошла, села, очень милая, очень располагающая, стала со мной говорить — о чем, я не помню. Я был в полуобморочном состоянии. Я глупо улыбался, кивал ей. Мы сидели довольно долго там у неё. Потом я уехал» [1]. Но Окуджава произвел на Ахматову приятное впечатление: «Булат — замечательный» [2].

Пожалуй, самая красивая и, вместе с тем, печальная история — это история о последнем телефонном звонке Ахматовой Окуджаве. Окуджаву сам рассказывал эту историю в одном из своих интервью: «...Однажды — здесь, в Ленинграде, я находился — я должен был срочно уезжать в Москву, у меня был билет, и через полчаса я должен был быть на вокзале. И вдруг мне позвонил её друг и секретарь и сказал, что “Анна Андреевна очень просит тебя приехать”. Я сказал: “Нет, я не могу, я сейчас уезжаю. Я вот вернусь и сразу к ней заеду!” Тут она взяла трубку и говорит: “Я прошу вас приехать!..” Я тогда не понимал, что я говорю с царицей. Не понимал. Я говорю: “Анна Андреевна! Вы знаете, какие обстоятельства, я должен...” — и засуетился, какую-то чепуху понёс... И она взяла и повесила трубку. Я потом уже понял, что я должен был выкинуть этот билет и поехать к ней. А вскоре она умерла. И больше мы не виделись. Как сказал Александр Яшин: “Спешите делать добрые дела”» [1].

Наша работа, начавшись с изучения фотографии Б. Ш. Окуджавы, закончилась реконструкцией его отношений с А. А. Ахматовой. Любой музейный объект может стать своеобразным «порталом», позволяющим внимательному исследователю проникнуть в самые разные пространства и эпохи: от московской усадьбы XVIII в. — через редакцию журнала «Юность» в 1960-е — в Комарово под Ленинградом — к Фонтанному Дому начала XXI столетия.

Литература

1. ...А Арбата больше нет: Интервью с Б. Ш. Окуджавой. [Записал Олег Терентьев.] // Огонёк. 1997. № 30. С. 18.
2. Быков Д. Л. Булат Окуджава. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2018. С. 529.
3. Крылов А. Е. Ахматова — Окуджава — Брик. Сопоставляя цитаты и даты. // Грани. 2016. № 258. С. 93–110.
4. Настоящий двадцатый век. Фотоверсия // Фотографии из собрания Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме: Каталог. СПб., 2019. С. 184
5. Разина А. В. Война и дети. На материале фотоархива Сергея Васина из собрания Мультимедия Арт музея // Сб. докладов конференции «Фотография в музее». М.: Федеральное гос. бюджетное учреждение культуры «Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО», 2015.
6. Фрезинский Б. Я. Михаил Балцвиник. «Здесь хорошо, хотя с погодой мне не повезло...». Стихи, письма, фотографии, воспоминания современников. СПб.: Бельведер, 2006.

*Булат Окуджава в редакции журнала «Юность».
Фото С. И. Васина. 1966*

**ЭВАКУАЦИЯ ЛАГЕРЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЛИТФОНДА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ФОТОГРАФИЯ ИЗ ФОНДОВ КРАСНОКАМСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (Г. КРАСНОКАМСК ПЕРМСКОГО КРАЯ))**

Анна Попова, 9 КЛАСС, ШКОЛА № 477, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КЛУБ «ПЕТРОПОЛЬ», ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **Елена Павловна Стальмак**, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Моё исследование посвящено эвакуации лагеря Ленинградского Литературного фонда в годы Великой Отечественной войны и изучению музейного экспоната из фондов Краснокамского краеведческого музея — фотографии военного времени, на которой изображен дом и воспитанники лагеря. Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, эвакуация учебных учреждений — это темы, которые интересовали меня ещё с самого детства. В сентябре прошлого года я стала участником проекта «Спасённое детство», основная задача которого — изучение эвакуации ленинградских детей в годы войны. Так и началась работа над исследованием.

В ходе работы мне удалось связаться с музеем черновской школы и познакомиться с Галиной Трофимовной Литовой — директором музея. Этот школьный музей был создан в 1970-е гг., и в нем есть несколько выставок, посвященных истории села Чёрная, включая период Великой Отечественной войны, когда там располагался лагерь Ленинградского Литературного фонда. Помимо этого, я узнала о выставке «Кама — Нева: дети войны», расположенной в Краснокамском краеведческом музее, открытом в 1960 г. Мне удалось связаться с директором этого музея — Наталией Константиновной Парфеновой, которая любезно предоставила мне фотографии и документы с выставки.

Я думаю, что моя исследовательская работа актуальна, ведь я пишу об одной из самых страшных страниц нашей истории — о Великой Отечественной войне. Эвакуация — одна из самых важных и значимых страниц истории Великой Отечественной войны, ведь более 2 миллионов ленинградцев покинули свой родной город, спасая себя и своих родных. Изучение этой темы важно и в современной жизни, ведь эвакуация объединяет жителей самых разных городов нашей страны. Изучая эту тему, мы знакомимся с нашими

коллегами-исследователями из разных регионов, вместе работаем над сохранением памяти о Великой Отечественной войне. Эвакуация лагеря Ленинградского Литературного фонда — тема, которая ранее подробно не исследовалась.

Изучая материалы Краснокамского краеведческого музея, я обнаружила интересную фотографию, подписанную: «Здание школы в д. Чёрная» [Илл. 1]. Здесь жили младшие ребята. Об этом доме писала Наталья Рождественская, которая была эвакуирована вместе с лагерем: «Нам предоставили новое, только что построенное здание школы, где наши ребята жили соответственно своему возрасту и классу». Но точно ли школа изображена на снимке? Чтобы ответить на этот вопрос, я воспользовалась другими иконографическими источниками, которые хранятся в школьном музее села Черная, а именно современной фотографией сохранившегося дома [Илл. 2]. Снимок подтвердил моё предположение. Мне удалось узнать, что здание начальной школы в селе Чёрная находилось на улице Космонавтов (дом Нечаева Д. А.), в настоящее время оно пребывает в полуразрушенном состоянии.

Привлекло мое внимание не только здание, но и ребята, изображенные на снимке. Им лет по 11–12. Все они честно работают, стараются, что-то копают... Скорее всего, ставят новый забор. В материалах фондов Краснокамского краеведческого музея я обнаружила «Списки детей-подростков, в период Отечественной войны 1941–1945 годов, работавших в колхозах “Восьмое марта” и “Первое мая” Черновского сельского совета Краснокамского района Пермской (Молотовской) области» [Илл. 3]. Часть ребят, чьи имена содержатся в этих списках, изображены на фотографии. Все ленинградские школьники работали в колхозе, а также выполняли обязательные работы по содержанию своих домов и придомовых территорий в порядке. Фотография является ценным материалом для моего исследования, ведь, к сожалению, фотографий Лагеря Литературного фонда осталось совсем немного.

На данном этапе работы я связалась с директором музея Черновской школы и сотрудниками Краснокамского краеведческого музея; поработала в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центральном Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб)

и Государственном архиве Ярославской области; нашла необходимые книги в Российской национальной библиотеке; встретила с одной из воспитанниц лагеря — Татьяной Николаевной Шишловой, а также с Ниной Семёновной Катерли; отыскала родственников эвакуированных и пообщалась с ними. А именно: с Александром Владимировичем Шишловым — сыном Татьяны Николаевны Шишловой и Николаем Борисовичем Вахтиным — сыном Бориса Борисовича Вахтина и Ирины Владимировны Вахтиной (Фехнер); прочитала множество военных писем, статей, книг.

Результатом этой работы стало следующее:

1. Благодаря экспонатам музея Черновской общеобразовательной школы и Краснокамского краеведческого музея, а также помощи их сотрудников, мне удалось проанализировать уникальную фотографию воспитанников лагеря Ленинградского Литературного фонда, которая дала возможность увидеть, как жили ребята в годы эвакуации.

2. Мне удалось выяснить, что эвакуация лагеря Ленинградского Литфонда проходила в два этапа. На первом этапе (с июня по сентябрь 1941 г.) лагерь был эвакуирован в город Гаврилов-Ям Ярославской области. На втором этапе (с сентября 1941 по 1944 г.) ребята находились в селе Чёрная Пермского края.

3. С помощью краеведа Сергея Ивановича Киселева в материалах Государственного архива Ярославской области я нашла списки эвакуированных в город Гаврилов-Ям.

4. Удалось найти информацию о врачах лагеря Самуиле Григорьевиче Берлянде, воспитателях Ирине Валерьяновне Карнауховой и Александре Ивановне Лаврентьевой-Кривошеевой.

Я буду продолжать писать свою работу, углубляясь в историю эвакуации лагеря Литфонда, историю проживания детей в городе Гаврилов-Ям Ярославской области и в селе Чёрная Пермского края. Я хочу посетить краеведческие музеи Гаврилова-Яма и Краснокамска, а также побывать в школьном музее села Чёрная. Мне очень хочется найти больше военных фотографий лагеря и людей, которые состояли в нём, и больше узнать о них. История эвакуации лагеря Ленинградского Литфонда — это лишь одна небольшая страничка огромной летописи Великой Отечественной войны, но в ней, как в капле воды, отразилась история и проблемы эвакуации в целом.

Источники

1. Анкета членов Литфонда. А-Г. // Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф.Р-372. Оп. 4. Д. 2.

2. Анкета членов Литфонда. А-Г. // Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф.Р-372. Оп. 4. Д. 3.

3. Из фондов МБОУ // Музей Черновской школы.

4. Из фондов МБУК // Краснокамский краеведческий музей.

5. Катерли Н. С. Интервью. 27 января 2020.

6. План эвакуации от 5 июля 1941 г. по Октябрьской дороге. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р-330, Оп. 2, Д. 1.

7. План эвакуации от 6 июля 1941 г. по Октябрьской дороге. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р-330, Оп. 2, Д. 2.

8. План эвакуации от 7 июля 1941 г. по Октябрьской дороге. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р-330, Оп. 2, Д. 3.

9. Протоколы заседаний ленинградского отделения. // Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф.Р-372. Оп. 1. Д. 11.

10. Расчёты с детским лагерем эвакуированных детей. Годовой отчёт отделения за 1941 г. // Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф.Р-372. Оп. 1. Д. 9.

11. Сведения о сотрудниках лечебного отдела ЛО Литфонда по состоянию на 28/XI-44 г. Штаты и сметы отделения на 1944 г. // Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф.Р-372. Оп. 1. Д. 12.

12. Сведения о ходе отправки детей из Ленинграда на 5 июля 1941 года. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р-330, Оп. 2, Д. 12.

13. Сводка об отправке детей в районы Ярославской области с 29-го июня по 5 июля 1941 г. включительно. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р-330, Оп. 2, Д. 16.

14. Сводка отправки детей из Ленинграда за 5 июля 1941 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р-330, Оп. 2, Д. 13.

15. Списки эвакуированных из г. Ленинграда и размещённых в эвакуационных пунктах Гаврилов-Ямского района. // Государственный архив Ярославской области. Ф.Р-3335, Оп. 1, Д. 101.

16. Список районных троек по эвакуации детей и их номера телефонов. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р-330, Оп. 2, Д. 4.

17. Шишлова Т. Н. Интервью. 1 октября 2019.

Литература

1. Авдоненкова А. «Память сердца» // «Я на войне был школьником блокадным...»: работа образовательных учреждений Ленинграда в период блокады и эвакуации : мат-лы открытой гор. конф. / С.-Петерб. гор. Дворец творчества юных. СПб., 2020.

2. Альтерман С. Голоса из блокады: ленинградские писатели в осаждённом городе, 1941–1944. СПб.: Наука, 1996. С. 234–239.

3. Варшавский В. И. Поток сознания // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://is.ifmo.ru/important/_potok.pdf (дата обращения: 13.11.2019).

4. Город моей судьбы: [сборник]. Краснокамск: городской клуб краеведов «Родник», 2010. Вып.4. С. 39–50.

5. Иванова Т. Г. Карнаухова Ирина Валериановна — фольклорист и писатель // Тайны истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://secrethistory.su/681-karnauhova-irina-valerianovna-folklorist-i-pisatel.html> (дата обращения: 5.11.2020).

6. Карнаухов И. Частичка Ленинграда в Краснокамском районе // Пермские новости. 2010. 23.05.

7. Карнаухова И. В. Повесть о дружных. Л.: Изд-во детской литературы, 1951.

8. Кузнецова М. Во время гастролей Михаил Козаков заезжал в деревню Черную под Пермью, куда был эвакуирован в войну // Комсомольская правда. 2011. 23.04.

9. Ленинградские писатели-фронтовики, 1941–1945: автобиографии, биографии, книги / авт.-сост. В. С. Бахтин. Л.: Советский писатель, 1985.

10. Нина Катерли Война и кусочек мира // Дома: Звезда, 2010.

11. Протасова Е. В. Уральские школы в годы Великой Отечественной войны // По материалам архивов и музеев Пермского края. Пермь, 2018. С. 244–264.

12. Роскина И. А. Письма военных лет // Из семейного архива. Ч. 6. 3.05.2018.

13. Рубашкин А. Памяти Владимира Бахтина // Звезда. 2001. № 8.

14. Согреты теплом любви в годы войны были ленинградцы, эвакуированные в село Чёрная // Краснокамская звезда. 1984. 27.12. С. 9.

15. Торговля в годы Великой Отечественной войны // Ленинград. Победа! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://leningradpobeda.ru/blog/torgovlya-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 5.01.2020).

16. Царькова Т. С., Прозорова Н. А. Блокадные дневники. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 г. СПб.: ИРЛИ (Пушкинский дом), 2015. С. 71.

17. Шварц Е. Л. Телефонная книжка. М.: Искусство, 1997. С. 14.

18. Шнейдерман Э. О деятельности ЛО ЛФ СССР в 1930–1950-е годы // Звезда. 2004. № 1.

19. Щукин Е. Ф. Об усопших — только доброе. Кривой Рог, 2010.

20. Щукин Е. Ф. Письмо в детство // Письмо в прошлое. Кривой Рог, 2014.

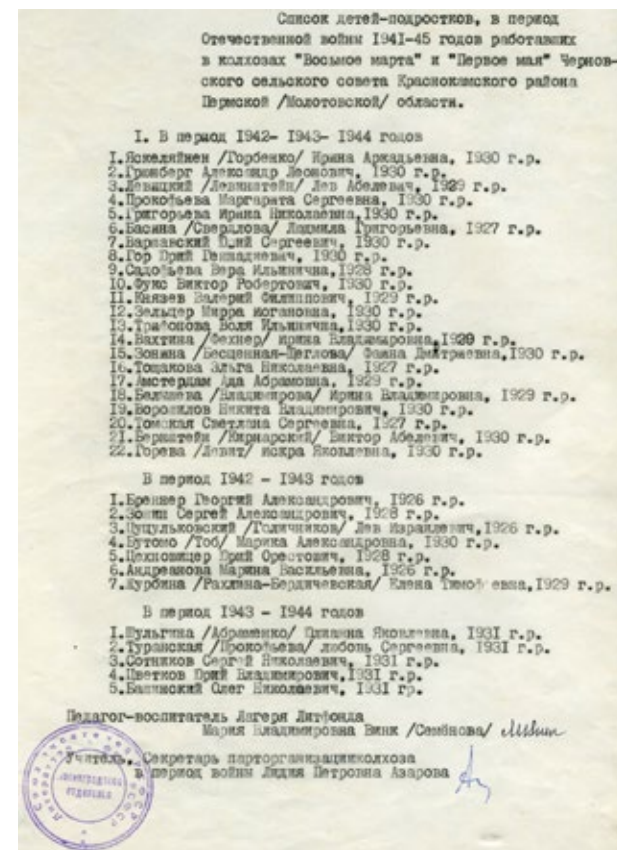

Здание школы в д. Чёрная.

Фото из архива Краснокамского краеведческого музея

Изба, в которой размещался интернат эвакуированных ленинградцев в с. Чёрная. Фото из газеты «Краснокамская звезда»

Список детей-подростков, в период Отечественной войны 1941-1945 гг. работавших в колхозах «Восьмое марта» и «Первое мая» Черновского сельского совета Краснокамского района Пермской/Молотовской/ области.

Фото из архива Краснокамского краеведческого музея

**ГЕОРГИЙ АЛЬФРЕДОВИЧ РОЗАЙ.
ПО СЛЕДАМ ЖИЗНИ ОДНОГО ТАНЦОРА
(ФОТОГРАФИИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ТЕАТРАЛЬНОГО И МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА)**

АНАСТАСИЯ СИДОРАНОВА, 10 КЛАСС, ШКОЛА № 316, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КЛУБ «ПЕТРОПОЛЬ» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ОСИПОВА**, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Балетмейстер М. М. Фокин в своих воспоминаниях писал: «Кто теперь знает имя танцовщика Розая?» [5, с. 128]. А уж в наши дни, десятилетия спустя после замечания Фокина, имя Розая тем более можно считать забытым. Однако изучение жизни и карьеры артиста позволит узнать больше об особенностях развития русского балета, о том, как складывались судьбы его представителей.

Целью моего исследования стало изучение жизни и творчества артиста балета Георгия Альфредовича Розая (1887–1917).

Профессиональный путь Георгия Розая был достаточно успешным. Благодаря усердной учебе в старших классах, ему удалось стать выдающимся танцовщиком. Он с успехом выступал на сцене Мариинского театра и блистал в рамках «Русских сезонов» в Париже, Лондоне и других европейских столицах. Созданные им образы сохранили для нас музейные фотографии.

Эти фотографии хранятся в Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства, и мне удалось поработать с теми из них, что представлены на сайте Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации.

Одной из ключевых ролей для Г.А.Розая стала роль Шута в танце буфонов в балете «Павильон Армиды», поставленном М. М. Фокиным в 1907 г. в Мариинском театре по сценарию Александра Бенуа. В Музее театрального и музыкального искусства сохранилась датируемая 1907–1909 гг. фотография, на которой артист запечатлен в костюме к этому балету.

Эта портретная фотография сделана на почтовой карточке с помощью черно-белой фотопечати. Танцовщик сфотографирован

в полный рост — он стоит, широко раскинув руки в стороны на уровне плеч, и улыбается. На артисте балетные туфли, белые гольфы до колен, светлые панталоны чуть ниже колен, такого же цвета верхняя часть костюма, украшенная четырьмя крупными пуговицами. На голове шутовская шапка с кисточкой.

Особенностью танца шутов было большое количество ритмичных поворотов и прыжков. «Розай высоко взлетал, переплетая совершенно согнутые ноги, и падал затем на одно колено», — вспоминал М. Фокин [5, с. 180]. Г. Розай утверждал, что это самый трудный танец, который ему когда-либо приходилось исполнять: «Есть там одно па: нужно высоко подпрыгнуть с поджатыми ногами по-турецки, а затем опуститься на одно колено. Фокин заставлял меня повторять его снова и снова» [4, с. 258–259].

Летом 1909 г. на премьере «Русских сезонов», исполняя труднейшую партию Шута в балете «Павильон Армиды», Георгий Розай по-настоящему очаровал парижскую публику [1, с. 31]. Практически сразу после окончания сезона в театре Шатле, Г. Розаю предложили двухмесячный контракт с лондонским мюзик-холлом «Колизей» [3, с. 54].

Судя по четырем лондонским фотографиям 1909 г., Г. Розай гастролировал в столице Англии вместе с Леонидом Сергеевичем Леонтьевым (1885–1942), Федором Михайловичем Козловым (1882–1956) и Александром Александровичем Орловым (1889–1974). На одной этих жанровых фотографий юноши запечатлены сидящими в кафе на улице, на других они отдыхают на природе: стоят на берегу реки или сидят на дереве. Все фотографии черно-белые, сделаны на фотобумаге с картонной подложкой в технике наката. К сожалению, автор снимков неизвестен. Данные изображения подтверждают факт того, что Г. Розай участвовал в лондонских гастрольях и состоял в товарищеских отношениях с упомянутыми танцовщиками.

В 1911 г. Розай в последний раз танцевал у С. Дягилева. В новых балетах, представленных дягилевской труппой в Париже, он появился в партиях Беотийца в «Нарциссе», Кучера в «Петрушке» и Золотой рыбки в «Садко» [1, с. 53]. О том, что Г. А. Розай танцевал Беотийца в балете «Нарцисс», свидетельствует фотография, датируемая «не ранее 1911 г.», автором

которой был Август Берт. Фотография студийная, портретная, сделана в Париже. Георгий Розай одет в костюм Беотийца. Костюм свободный и напоминает древнегреческие одежды. На ногах у танцовщика сандалии белого цвета. На правой руке мы можем разглядеть кольцо (предположительно, обручальное). Согласно документам, в феврале 1910 г. Г. Розай действительно обвенчался с дочерью купца второй гильдии Екатериной Семеновной Токмачевой [3, с. 56].

Эта фотография демонстрирует не только самого Г. Розая, его внешность, но и костюм к балету «Нарцисс», созданный по эскизам театрального художника Льва Бакста. В статье в онлайн-журнале «Porusski.me», посвященной творчеству художника, приведены фотографии эскизов костюмов, запечатленных в них артистов, а также самих костюмов [2]. Среди них есть один, напоминающий по своему крою и орнаментам костюм Г. Розая.

К сожалению, автор статьи не уточнил, являются ли сфотографированные костюмы подлинными или они реконструированы по эскизам художника. Впрочем, на фотографии отчетливо видны разводы и пятна на ткани костюма. Можно предположить, что это подлинный костюм, который ныне хранится в музее Виктории и Альберта в Лондоне [6]. Возможно, перед нами костюм самого Г. А. Розая. На этом изображении тунику, в которой запечатлен танцовщик, дополняют накидка и светлая шляпа. На парижской фотографии накидка отсутствует, а шляпа находится за спиной артиста. В костюме преобладает синий цвет, который сочетается с оранжевым и белым. Я думаю, такой выбор цветов связан с тем, что балет стремится воссоздать атмосферу Эллады, которая находилась у моря. Цветная фотография костюма позволяет нам точнее представить образ Г. Розая. А черно-белые фотографии, сохранившиеся в музее, являются подлинными свидетельствами того времени и переносят нас в эпоху дягилевской антрепризы.

Полученные и систематизированные мною сведения можно использовать для более глубокого и детального изучения репертуара «Русских сезонов» и императорских театров начала XX в. Собранные материалы я передам хранителям Музея театрального и музыкального искусства.

Музейные предметы

Берт А. Фотография черно-белая. Г. А. Розай — Беотиец в балете «Нарцисс» Н. Н. Черепнина. Франция, Париж. Не ранее 1911. СПбГМТМИ ГИК 6963/26 // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13230111>. (дата обращения: 20.11.2019).

Фотография черно-белая на бланке. Л. С. Леонтьев, Г. А. Розай, А. А. Орлов, Ф. М. Козлов в окрестностях Лондона. Великобритания, Лондон. 1909. ГИК 410/7 // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3831699>. (дата обращения: 20.11.2019).

Фотография черно-белая на подложке. Л. С. Леонтьев и Г. А. Розай на берегу Темзы. Великобритания, Лондон. 1909. ГИК 9409/40 // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3831684>. (дата обращения: 20.11.2019).

Фотография черно-белая на подложке. Л. С. Леонтьев, Ф. М. Козлов, А. А. Орлов, Г. А. Розай в Лондоне. Великобритания, Лондон. 1909. ГИК 9409/38 // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3831680>. (дата обращения: 20.11.2019).

Фотография черно-белая на подложке. Л. С. Леонтьев, Ф. М. Козлов, Г. А. Розай, А. А. Орлов в Лондоне. Великобритания, Лондон. 1909. ГИК 9409/37 // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3831682>. (дата обращения: 20.11.2019).

Фотография черно-белая на почтовой открытке. Г. А. Розай — Шут в танце буффонов (шутов) в балете «Павильон Армиды» Н. Н. Черепнина. Россия. 1907–1909. ГИК 4615/894 // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3831014>. (дата обращения: 20.11.2019).

Литература

1. Григорьев С. Л. Балет Дягилева, 1909–1929. М.: Артист. Режиссер. Театр. 1993.
2. Губанкова Ю. Лев Бакст — художник, изменивший мировую моду // Poruski.me. 2016. 27 мая [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://poruski.me/2016/05/27/04-bakst/> (дата обращения: 06.01.2020).
3. Злобина Н. С. Георгий Розай — имя, которое звучит так незнакомо. Материалы к биографии // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2014. № 4 (33). С. 50–57.
4. Нижинская Б. Ф. Ранние воспоминания. В 2 ч. Ч. 1. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1999.
5. Фокин М. М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Сценарии и замыслы балетов. Статьи, интервью и письма. 2-е изд., доп. и испр. Л.: Искусство. Ленинградское отделение. 1981.
6. Judkis M. Ten costumes from the National Gallery's 'Ballets Russes' that wouldn't look out of place at Urban Outfitters // The Washington Post. 2013. 10 May [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/going-out-guide/wp/2013/05/09/ten-costumes-from-the-national-gallery-s-ballets-russes-that-wouldnt-look-out-of-place-at-urban-outfitters/> (дата обращения: 10.10.2020).

Г. А. Розай — Шут в танце буффонов (шутов) в балете «Павильон Армиды» Н. Н. Черепнина

*Г. А. Розай — Беотиец в балете
«Нарцисс» Н. Н. Черепнина*

*Костюм Беотийца к балету «Нарцисс» Н. Н. Черепнина,
созданный по эскизам Л. С. Бакста*

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕВЕРА НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПИНЕГИН
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
АРКТИКИ И АНТАРКТИКИ И ПРИМОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА)**

КЬЯРА СГАНГА, 11 КЛАСС, ШКОЛА 553, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КЛУБ
«ПЕТРОПОЛЬ» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ОСИПОВА**, ПЕДАГОГ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Моё исследование посвящено человеку, который внёс большой вклад в литературу, живопись и науку, был одним из пионеров завоевания Арктики, — Николаю Васильевичу Пинегину. В честь него названы улица в Невском районе Петербурга, остров, находящийся около Новой Земли, несколько мысов, ледник, озеро и река в Арктике, однако жизнь Пинегина, связанная с нашим городом, по-прежнему остается малоизученной.

В ходе работы я пользовалась статьями о Н. В. Пинегине, воспоминаниями и книгами самого исследователя, а также архивными материалами, которые хранятся в РГИА и Пушкинском Доме. Важная роль принадлежит также сохранившимся фотографиям того времени. Они опубликованы в журналах, а также представлены на сайтах «Госкаталог» (из фондов Российского государственного музея Арктики и Антарктики) и «Мировая цифровая библиотека» (из фондов Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева). В данной статье я расскажу про три из них.

Один из самых запоминающихся эпизодов жизни Н. В. Пинегина — участие в экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу в 1912–1914 гг. Рассмотрим две фотографии, сделанные в Архангельске в день отправления экспедиции — 14 (27) августа 1912 г. В центре палубы на шхуне «Святой мученик Фока» стоят Н. В. Пинегин, ветеринарный врач М. А. Кушаков, начальник экспедиции Г. Я. Седов, геолог М. А. Павлов и географ В. Ю. Визе. Первая фотография входит в коллекцию, сохранившуюся в семейном архиве геолога М. А. Павлова. Изображенные на ней люди не подписаны, в качестве автора снимка указан Н. Пинегин. Но из подписи к фотографии в журнале «Огонек» [2, с. 14] мы узнаем, что Н. Пинегин сам изображен на ней. В журнале также указано, что

автором фотографии является архангельский фотограф И. Соберг [2, с. 14]. Судя по сходству фотографий и учитывая тот факт, что в то время Н. Пинегин не мог сфотографировать сам себя, я думаю, что автором первой фотографии также был И. Соберг, а в журнале был опубликован ее фрагмент.

Во время экспедиции Н. В. Пинегин выступил в роли художника и кинодокументалиста, он был первым, кто снял документальный фильм об Арктике. Однако этими ролями он не ограничился. Его назначили помощником профессора В. Ю. Визе, который научил Пинегина метеорологии, после чего художник стал квалифицированным метеорологом [1, с. 100]. Кроме того, среди участников экспедиции Пинегин был одним из лучших охотников. Его часто брали на охоту на тюленей и медведей [3, с. 36–38].

Несмотря на трудные условия экспедиции и тяжелую работу, команда Г. Седова не лишала себя удовольствия отмечать различные праздники, будь то именины или Рождество [3, с. 84–87]. Одним из таких праздников стали именины геолога М. А. Павлова, которые и запечатлел на фотографии один из участников экспедиции. Её матовый позитив (светло-коричневый, фотопечать чёрно-белая) сохранился в Российском государственном музее Арктики и Антарктики.

Согласно информации с сайта «Госкатолог», фотография сделана 10 (23) ноября 1912 г. в кают-компании судна во время зимовки у полуострова Панкратьева на Новой Земле. Фотография является жанровой. На ней за праздничным столом изображены члены экспедиции. Они одеты в деловые костюмы, отчего создается впечатление, что они находятся вовсе не в экспедиции, а на дружеской встрече. Стол накрыт фаянсовой посудой, в центре видны бутылка вина и сахарница в форме шкатулки. По воспоминаниям Н. В. Пинегина, не все эти продукты входили в меню регулярно: «У нас есть сахар, печётся раз в неделю свежий хлеб, три раза в неделю какао. По праздникам — роскошь: консервированные фрукты и даже конфеты. Многие позавидовали бы таким запасам!» [3, с. 191]. Ни конфет, ни консервированных фруктов на фотографии не видно. Атмосфера в каюте царит торжественная и весёлая. Слева на переднем плане, отвернувшись от зрителя, сидит Н. В. Пинегин. Правее мы видим мужчину с усами, еле

поместившегося в кадр. Это штурман Н. М. Сахаров. Рядом с ним (в чёрном костюме и белой манишке) — ветеринарный врач П. Г. Кушаков. Далее расположились капитан судна Н. П. Захаров и начальник экспедиции Г. Я. Седов. Правее них на заднем плане можно заметить человека с закрытыми глазами — это механик И. А. Зандер, который погибнет от цинги в 1914 г. На переднем плане справа — именинник М. А. Павлов (открывает бутылку). Слева от него — метеоролог В. Ю. Визе со слегка прикрытыми глазами. Единственный человек, который на фотографии стоит, — буфетчик И. Кизино. По обеим сторонам на фотоснимке запечатлены зажжённые керосиновые лампы, служившие единственным источником света во время полярной ночи. Интерьер каюты достаточно скромный: невысокий потолок, видны несколько картин (предположительно написанные Н. В. Пинегиним) и стопки книг на заднем плане, рядом с которыми висит барометр или другой подобный прибор.

Интересно сравнить эту фотографию с воспоминаниями Н. В. Пинегина. В мемуарах он приводит цитату из своего дневника: «8 ноября. Лёгкий северо-западный ветер, -21–28° С. Именины Павлова. К обеду явились в парадных костюмах, — капитан даже в сюртуке. За столом Седов пожелал здоровья имениннику и всем, кто его в этот день вспоминает. За седовским тостом посыпались горохом другие, пока бутылка коньяку не высохла. После обеда все отправились прогуляться, а вечером — грандиозный концерт. В заключение его — “Ночь на Лысой Горе” Мусоргского. Исполнители — именинник и Визе» [3, с. 78]. Можно предположить, что на фотографии М. А. Павлов держит в руках упоминаемую бутылку коньяка. Причину указания разных дат именин (8 и 10) ноября по старому стилю я планирую выяснить, рассмотрев эту фотографию в фондах музея лично и обсудив этот вопрос с хранителями.

Новизна моего исследования заключается в описании ранее неизученных документов, рассказывающих о личной жизни Н. В. Пинегина и событиях, которые с ним произошли. Моей перспективной задачей является охарактеризовать художественную деятельность Н. В. Пинегина и его вклад в науку на примере создания музея Арктики, фонды которого я планирую посетить. Текст работы передан главному хранителю этого музея.

Музейные предметы

Пинегин Н. В. Участники экспедиции к Северному полюсу на палубе судна «Святой мученик Фока» перед выходом в море: [фотография] // Мировая цифровая библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wdl.org/ru/item/20548/> (дата обращения: 13.02.2020).

Фотография. Празднование именин геолога М. А. Павлова в кают-компании судна «Святой Фока». Зимовка у п-ва Панкратьева, Новая Земля. 10 ноября (ст. ст.) 1912 г. РГМАА О-4377/22 // Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Российский государственный музей Арктики и Антарктики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15391435> (дата обращения: 20.04.2019).

Литература

1. Визе В. Ю. Н. В. Пинегин // Проблемы Арктики. 1940. № 11. С. 99–102.
2. Первая русская экспедиция к Северному полюсу // Огонек. 1912. № 35. С. 14.
3. Пинегин Н. В. В ледяных просторах. Экспедиция Г. Я. Седова к Северному полюсу, 1912–1914 г. Л.: Гос. изд., 1924.

Участники экспедиции к Северному полюсу на палубе судна «Святой мученик Фока» перед выходом в море

Фрагмент фотографии, опубликованный в журнале «Огонек»

*Празднование именин геолога М. А. Павлова
в кают-компании судна «Святой Фока»*

VI. НАУЧНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Реалии сегодняшнего дня свидетельствуют о том, что система образования, вступая в следующий этап своего развития, должна обеспечить новое качество, которое измеряется не количеством узкопредметных знаний, умений и навыков учащихся, а компетентностью в решении учебных и жизненных проблем различного характера.

Повышению мотивации и эффективности учебной деятельности школьников способствует включение их в учебно-исследовательскую и проектную деятельность, имеющую следующие особенности:

1) цели и задачи этих видов деятельности определяются как личностными, так и социальными мотивами ученика. Это означает, что такая деятельность должна быть направлена не только на повышение компетентности подростков в предметной области определённых учебных дисциплин, на развитие их способностей, но и на создание продукта, имеющего значимость для других;

2) учебно-исследовательская и проектная деятельность должна быть организована таким образом, чтобы обучающиеся смогли реализовать свои потребности в общении со значимыми группами одноклассников, учителей и т. д. Строя различного рода отношения в ходе целенаправленной, поисковой, творческой и продуктивной деятельности, подростки овладевают нормами взаимоотношений с разными людьми, умениями переходить от одного вида общения к другому, приобретают навыки индивидуальной самостоятельной работы и сотрудничества в коллективе;

3) организация учебно-исследовательских и проектных работ школьников обеспечивает сочетание различных видов познавательной деятельности. В этих видах деятельности могут быть востребованы практически любые способности подростков, реализованы личные пристрастия к тому или иному виду деятельности.

Среди многообразия форм учебно-исследовательской деятельности городской конкурс «Музей открывает фонды» занимает особое место, так как участие в конкурсе связано с изучением реальных музейных объектов и освоением технологий музейного дела.

Естественнонаучная секция конкурса работает на базе ведомственного музея Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования с 2015 года. Начало работе секции положили интерактивные занятия с учениками общеобразовательных школ в музейной экспозиции наглядных пособий. На занятиях у школьников была возможность взять в руки учебные принадлежности, которым более 50 лет, внимательно рассмотреть все детали и начать задавать вопросы. Чтобы найти все ответы на свои вопросы, ребята возвращались в музей как исследователи.

«Разглядывая экспонаты в отделе физико-технических предметов Педагогического музея, я заинтересовалась двумя темными коробочками — как выяснилось позже, это были гоговальни» (из работы Анны Петровой). «Интересных экспонатов в музее много, но один экспонат заинтересовал меня больше других — это наглядное учебное пособие «Огонь. Его добывание прежде и теперь». Оказалось, что про пособие почти ничего не известно, что его никто прежде специально не исследовал, поэтому я решила проследить историю его создания, выяснить, где и как оно применялось» (из работы Киры Препьяловой).

Высказывания участников конкурса показывают отличительные особенности учебно-исследовательской деятельности на разных ступенях обучения. Ученики основной школы в своей деятельности опираются на материал учебных предметов (историю, географию, математику, химию, физкультуру). Ценность их работы определяется возможностью пройти путь ученого-исследователя. Для старшеклассников исследование приобретает статус инструмента, необходимого для освоения профессии, социальной жизни и культуры.

Для начинающего ученого особенно важна поддержка руководителя исследовательской работы. Например, кропотливая работа руководителя прослеживается при организации сравнительного исследования химических индикаторов, выполненного Андреем Ивановым. Именно руководитель создает условия для выбора

темы и цели исследования, подбора оборудования и методик выполнения наблюдений и измерений. Практическую же часть ученик основной школы вполне может выполнить самостоятельно, так как владеет необходимыми умениями.

На уровне среднего общего образования руководитель исследования на равных участвует в работе, ненавязчиво направляя деятельность своего подопечного. Роль руководителя исследованием Ольги Замараевой угадывается благодаря списку использованных источников информации, сам же автор работы «Атрибуция лабораторного прибора» демонстрирует комплекс исследовательских умений: структурировать и обобщать данные исследования; применять знания астрономии и математики для реконструкции алгоритма работы с лабораторным прибором; проводить оценку свойств лабораторного прибора по разработанным самостоятельно критериям.

Главным смыслом учебно-исследовательской и проектной деятельности в образовании является развитие личности: формирование творческой инициативы, навыка самостоятельного движения в информационном поле, способности самостоятельно мыслить, добывать и применять знания, тщательно обдумывать и планировать свои действия.

Татьяна Георгиевна Яковлева

старший преподаватель

кафедры естественно-научного образования СПб АППО,

почетный работник общего образования РФ

**АТТРИБУЦИЯ ЛАБОРАТОРНОГО ПРИБОРА, ПРЕДСТАВЛЕННОГО
В ФОНДАХ МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «ФЕНИКС»
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ СПб АППО)**

Ольга Замараева, 10 КЛАСС, ШКОЛА № 619, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **Елена Михайловна Колпакова**, учитель физики
школы № 619, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В архиве музея физического оборудования музейно-педагогического комплекса «Феникс» при СПб АППО находится лабораторный прибор Я. И. Ковальского «Видимые перемещения солнца в течение года».

На устройстве имеются надписи:

— в верхней части по центру: «Видимые перемещения солнца в течение года, а также пределы видимых перемещений Луны. Прибор Я. И. Ковальского»;

— в нижней части: слева — «Литография Богданова, Эртелев пер. № 1»; справа — «Инв. № 220» и «Чертеж Шт. Кап. Баранова, 1901».

Все надписи выполнены типографским способом, за исключением «а также пределы видимых перемещений Луны» и «Инв. № 220», внесенных шариковой ручкой зеленого цвета.

Прибор сделан из многослойного картона толщиной 0,3 мм с нанесением на него методом плоской печати изображения чертежа, дорисованного шариковой ручкой зеленого цвета. Устройство состоит из двух частей: основы — кусок картона прямоугольной формы размером 49 x 39 см; и верхней подвижной части — кусок картона в форме полукруга диаметром 29 см с выступающим указателем (стрелкой) в виде равнобедренной трапеции размерами 3,5 x 29,2 x 1,5 см. Части друг с другом подвижно скреплены канцелярской кнопкой.

Картон пожелтел, есть его утраты, края и углы неровные и потрепаны.

Время изготовления прибора — 1901–1917 гг., ближе к 1901 г., в типографии в Эртелевом переулке при издательстве А. С. Суворина.

Исходя из периода создания, данный предмет является культурной ценностью и согласно пунктам 2.3¹ и 5² Приложения

¹ «Предметы техники, приборы, инструменты, аппаратура, оборудование научного, производственного, бытового и военного назначения и/или их составные части, созданные более 50 лет назад».

² «Печатные издания, созданные более 50 лет назад».

1 к Приказу Минкультуры России [6] входит в перечень культурных ценностей, подпадающих под действие закона Российской Федерации от 15.04.1993 г. № 4804–01 «О вывозе и ввозе культурных ценностей...».

Устройство позволяет определять по двум известным из трех величин: широта, дата, время нахождения солнца над горизонтом — третью. Например, зная широту местности и календарную дату, можно установить время нахождения солнца над горизонтом в этот период на данной параллели Земли. Прибор не предназначен для проведения точных расчетов, выполняет демонстрационную функцию, является наглядным пособием по астрономии.

Автор прибора Яков Игнатьевич Ковальский (1845–1917) — физик, педагог-методист. Разрабатывал методику наглядного преподавания физики при помощи опытов и наблюдений, стал учителем для многих педагогов-физиков. С 1880 г. Я. И. Ковальский состоял в нескольких отделах Русского технического общества, входил в Русское физико-химическое и астрономическое общества. Более 30 лет педагогическая и просветительская работа Ковальского была связана с Педагогическим музеем военно-учебных заведений в Соляном городке, крупнейшим центром педагогической мысли России того времени. Яков Игнатьевич распространял идеи наглядного преподавания, знакомил учителей с отечественными и иностранными учебными пособиями, разрабатывал новые и рецензировал существующие пособия и методики.

Немалая заслуга Я. И. Ковальского состоит в том, что по его инициативе в Петербурге открылась первая русская дешевая мастерская физических приборов (созданная мастером Н. Брюккером при книжном магазине Н. Фену на Невском пр., д. № 42).

Я. И. Ковальский лично участвовал в подготовке экспонатов (изобретенных и/или изготовленных в России учебных пособий по физике) для представления музея на всероссийских и всемирных выставках. Вероятно, именно исследуемый в данной работе прибор Я. И. Ковальского был представлен на выставке приборов и пособий по космографии под номерами 28 и 28-bis во время Первого всероссийского съезда преподавателей физики, химии и космографии, проходившей в Санкт-Петербурге 23.12.1913–06.01.1914 г. [5, с. 51].

Опишем методику (алгоритм) использования прибора Я. И. Ковальского.

I. Определить время нахождения Солнца над горизонтом на заданные календарную дату года и географическую широту места.

1. Переместить стрелку-указатель Z подвижной части на широту места.

2. По заданной дате (например, 22 июня) найти пересечение суточной параллели, в данном случае верхней параллели, с истинным горизонтом.

3. Посчитать по меридианам, сколько часов на заданной параллели не закрыто подвижным полукругом, и умножить это число на 2. Полученный результат — это время, которое солнце будет находиться над горизонтом ($9 \text{ ч} \times 2 = 18 \text{ ч}$).

Сравнивая прибор Я. И. Ковальского с инструментами получения данных о видимом движении Солнца в течение года, которые используются ныне, следует признать, что первый значительно уступает современным аналогам по точности и удобству использования. Однако устройство физика-методиста имеет существенное преимущество, заключающееся в наглядности. Оно одновременно позволяет произвести элементарные расчеты по длительности дня на разных широтах Земли и разные даты года и дает стереометрическое представление о движении Солнца.

Проведенным исследованием установлено, что прибор Я. И. Ковальского «Видимое движение солнца в течение года» является культурной ценностью. В соответствии с музейной схемой проведена его атрибуция с целью дальнейшего представления в каталоге Виртуального музея физического оборудования музейно-педагогического комплекса «Феникс» при СПб АППО.

Литература

1. Виртуальный музей физического оборудования музейно-педагогического комплекса «Феникс»/ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://fiz-muz-spb.ucoz.net/index/redkie_izdanija/

2. Воронцов-Вельяминов Б. А., Страут Е. К. Астрономия. 10–11 класс. Базовый уровень. Учебник. М.: Дрофа, 2017.

3. Ковальский Я. И. Сборник первоначальных опытов, при помощи которых можно познакомить детей с самыми простыми физическими и химическими явлениями. Пособие для учителей начальных школ, а также для родителей и воспитателей. СПб.: Издание Д. Д. Полубояринова, 1885.

4. Официальный сайт Государственного этнографического музея [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ethnomuseum.ru/atribuciya>

5. Первый Всероссийский съезд преподавателей физики, химии и космографии. 27 декабря 1913–6 января 1914 г. СПб.: Типография М.Волковича, 1914.

6. Приказ Минкультуры России от 07.08.2001 № 844 «Об уточнении порядка оформления документации на право вывоза культурных ценностей и предметов культурного назначения с территории Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minkultury-rf-ot-07082001-n-844/>

7. Ромашов Т. В. География в цифрах и фактах: Учебно-методическое пособие. Томск: ТОИПКРО, 2008. .

8. Система научного описания музейного предмета. Справочник. – СПб.: Арт-люкс, 2003.

Фото прибора Я. И. Ковальского

АНАЛИЗ МУЗЕЙНЫХ ГОТОВАЛЕН (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ СПБ АППО)

АННА ПЕТРОВА, 9 КЛАСС ШКОЛЫ 450, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ТОКАРЕВА**, УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ШКОЛЫ № 450, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В конце октября 2019 г. я и несколько моих друзей побывали в Педагогическом музее АППО. Разглядывая экспонаты в отделе физико-технических предметов Педагогического музея, я заинтересовалась двумя темными коробочками — как выяснилось позже, это были готовальни. Они стали предметом моего исследования.

Первая музейная готовальня представляет собой тяжёлую коробку, верхняя и нижняя внешние части которой отделаны дерматином («под кожу»), внутренние обиты бархатом «манчестер» чёрного цвета, внутри видны потёртости. Её длина — 265 мм, ширина — 112 мм, толщина — 17 мм. По сравнению со второй готовальней она выглядит более старой, больше по размеру, имеет больше дефектов: края ободраны, верхняя крышка поцарапана, печать плохо читается (частично стёрлась), на некоторых углах видно дерево (материал-основа), верхняя крышка немного отделяется от нижней (плохой крепёж), тяжело закрывается и открывается. Следовательно, перед тем, как готовальня попала в Педагогический музей, она была использована в работе, то есть поступила не прямо с завода или склада. Готовальня закрывается с помощью защёлки, похожей на гвоздик, в её правом нижнем углу.

Вторая готовальня сохранилась лучше. Она представляет собой тяжёлую коробку с поверхностью «под кожу» (отделана дерматином), внутренняя ее часть обита бархатом «манчестер» красно-коричневого цвета. Ее длина — 240 мм, ширина — 87 мм, толщина — 16 мм. Дефектов у данной готовальни практически нет, крышка держит заданное ей положение (хороший крепёж), только кое-где края потертые и клеймо нечетко читается, а в остальном она отлично сохранилась. Готовальня закрывается с помощью защёлки, похожей на гвоздик, в ее правом нижнем углу. Эта деталь (защёлка) по своему оформлению схожа с защёлкой первой готовальни.

На верхней крышке первой готовальни можно увидеть клеймо, которое плохо читается. Я смогла разобрать следующее: «Москва, ЗД ТИЗПРИБОР, № 1112». Обратила внимание и на то, что внутри отсутствует некоторое количество инструментов.

Дата производства готовальни не указана. Обращение к источникам [21] позволило установить, что завод ТизПрибор был основан в 1933 г. и работает до нынешнего времени. В исторической справке [21] отмечается, что в военные годы завод занимался производством оружия, а после специализировался на оснащении электростанций, металлургических, химических, нефтеперерабатывающих и других предприятий — едва ли в это время он производил «простые» готовальни. Можно предположить, что время создания этой готовальни варьируется от 1933 до 1940-х гг. По каталогу [7, с. 24] можно установить название первой готовальни — «Готовальня 12-предметная для сложных чертежно-конструкторских работ». По названию можно узнать и её предназначение, и то, какие инструменты должны в ней находиться. В готовальне из Педагогического музея были следующие инструменты: разметочный кронциркуль, удлинитель, разметочный циркуль, карандашный циркуль, ручка-пенал рейсфедера, 2 рейсфедера (один из них лежит на кронциркуле). Но главным из всех инструментов, по моему мнению, является карандашный циркуль. В готовальне лишь 7 инструментов — значит, не хватает ещё 5. При сравнении со списком, найденным в каталоге, выясняется, что не хватает следующих инструментов: вставная ножка, отвёртка штампованная, пенал с 2 запасными иглами и графит, падающий кронциркуль с рейсфедером, карандашная вставка падающего кронциркуля. Предполагаю, что часть не всегда используемых инструментов была отложена, а затем потеряна, поскольку сохранившиеся в музейной готовальне инструменты наиболее часто используются в учебных целях. Отсюда делаю вывод, что музейной готовальней пользовались ученики, и что им не нужны были отсутствующие инструменты.

Исследуя вторую готовальню, обращаю внимание, прежде всего, на клеймо. Несмотря на то, что клеймо не четко читается, понятно следующее: «М. М. П., РСФСР, ЗАВОД “Союз”, им. Л. Б. Красина, г. Ленинград. ТИП III». На сайте «Архивы

Санкт-Петербурга. Информационные ресурсы» есть сведения, помогающие узнать историю завода «Союз»: «По инициативе Л. Б. Красина Акционерное общество “Международная книга” приступает к организации в Ленинграде промышленного производства канцелярских принадлежностей, которые до послевоенного времени импортировались из различных стран мира за чистое золото. В четырехэтажном здании бывшей конфетной фабрики А. Н. Пылина (Лиговский пр., д. 166) создается первое в стране производство канцелярских принадлежностей, получившее вскоре имя Л. Б. Красина. Завод существует с 11 мая 1925 года под названием: Ленинградское отделение 1-й госфабрики канцелярских принадлежностей и находится в ведении Акционерного общества “Международная книга” В 1933 году начался промышленный выпуск логарифмических линеек и готовален... В 1936 году специальным постановлением Совнаркома фабрика “Союз” переименована в завод школьных металлических изделий “Союз” имени Л. Б. Красина» [14]. Известно, что в первые месяцы войны на заводе производили ручные гранаты типа РГД-41 и РГД-43. Затем завод был эвакуирован в Ярославль и с 1941 по 1944 г. там было организовано производство перьев и авторучек. В 1945 г. на заводе начали восстанавливать цеха по производству пера, готовален и логарифмических линеек. В 1965 г. выходит приказ по заводу «Союз» № 101 от 21 мая 1965 года «О ликвидации готовального цеха и прекращения производства готовален». Производство готовален передается в Москву на завод готовален. Благодаря полученным данным можно установить точный период изготовления этой готовальни — от 1936 до 1965 г. Но сузить эти границы помогает название на клейме «М. М. П., РСФСР, ЗАВОД “Союз”, им. Л. Б. Красина, г. Ленинград. ТИП III» — в послевоенное время завод носил название «Союз», а в военные годы он находился в эвакуации в Ярославле и не известно, какие клейма ставил на свою продукцию. Следовательно, готовальня изготовлена приблизительно в 1936–1941 гг. Установить дату изготовления готовальни более точно пока не представляется возможным.

Во второй готовальне 7 инструментов, которые сохранились. Следовательно, это были самые необходимые для пользования инструменты. Кроме того, благодаря сведениям, данным в ГОСТе

6100–57, известно, что в готовальни типа III входят 7 инструментов, используемых для школьных работ.

В данной готовальне были следующие инструменты: разметочный циркуль, карандашный циркуль улучшенный с карандашной вставкой, удлинитель, рейсфедер линейный большой с ручкой, 2 колесика, пенал, карандашная вставка. В отличие от первого набора, в данном сохранились все инструменты, однако видно, что не все они принадлежат данному инструментарию: например, карандашная вставка явно лежит не на своём месте.

Проделанная работа позволила прийти к выводу, что по внешнему облику готовален можно узнать многое: их завод-изготовитель, приблизительное время, когда они были созданы. Сравнивая их, можно сделать вывод, что каждый тип готовален предназначен для определённой специальности, для определённых работ. Но некоторые из инструментов все-таки должны находиться во всех типах инструментариев. Каждый ученик советского времени знал предназначение таких инструментов и мог использовать их для черчения. Становится понятным, что люди того времени обладали значительно большими умениями.

В музее СПб АППО имеются два экспоната, которые помогают заглянуть в прошлое и понять, что выполнять чертежные работы можно при помощи не только компьютерной, но и прикладной техники. Компьютерная графика облегчила работу чертежникам, но научила их думать. Черчение руками будет занимать больше времени, но оно улучшает мыслительную деятельность, предоставляет разнообразие вариантов и возможность выбрать из них более рациональный.

Литература

1. *Акимов В.* Как обращаться с чертёжными инструментами. Практическое руководство для начинающих. СПб., 1906.
2. *Галкин В. М., Тимофеев К. А.* Гравировальные и чертежные приборы, инструменты и принадлежности. М., 1978.
3. *Гангнус Р. В.* Заочная школа 2-й ступени для взрослых. Чертёжные приборы (пособие по математике). М.: Главполитпросвет, 1928.
4. *Готовальни.* [Каталог]. М., 1962.

5. Готовальня // Готовальня: Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.02.2020).

6. «Готовальня», завод чертёжных принадлежностей. Сводный каталог. М.: Центральный научно-исслед. ин-т информации и технико-экономических иссл. приборостроения, средств автоматизации и систем управления, 1968.

7. Готовальня и чертежные инструменты. Каталог-прейскурант. М.-Л.: Каталогиздат, 1939.

8. Инструменты и приборы для выполнения чертежных и картографических работ: Информационный перечень каталогов и проспектов фирм Ротринг и Аристо / М-во геологии СССР, В/о «Зарубежгеология» ВНИИ геологии зарубеж. стран ВНИИ зарубежгеология. – М., 1989.

9. Корнаков В. П. Приборы и пособия, необходимые для уроков геометрического черчения и краткого курса землемерия в народных школах. СПб.: Синод. тип., 1899.

10. Кузин А. А. Краткий очерк истории развития чертежа в России. Пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1956.

11. Кузин А. А. Очерк по истории технических документальных материалов /русского чертежа/ в дореволюционной России. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: Московский государственный историко-архивный институт, 1949.

12. Механический чертёжный прибор и пользование им в работе (Краткая инструкция). М.: тип. «Авиатор», 1937.

13. Прохоров А. М. Готовальня // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 1972. Т.7. С. 186.

14. Справочная информация // Гос. унитарное предприятие «СОЮЗ» Мин-ва промышленности, науки и технологий РФ (ГУП «СОЮЗ»): Архивы СПб. / ЦГАЛС СПб. Фонд Р-297. [СПб.], 1925–2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgals/R-297> (дата обращения: 19.02.2020).

15. Типы готовален // Готовальни: Товарный словарь: Музей торговли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mintorgmuseum.ru/vocabulary/1456> (дата обращения: 13.03.2020).

16. Трофимук Л. А. Развитие графического общения, российской инженерной графики. Красноярск: Сиб. ГТУ, 2003.

17. Чертежные инструменты и готовальни. /Каталог/. М., 1955.

18. Чертёжный прибор и пользование им в работе. М.: Изд. и тип. Центр. аэро- гидродинамического ин-та им. проф. Н. Е. Жуковского, 1937.

19. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Готовальня // Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М., 1997. С. 61.

20. Якубовский Ю. Первые шаги юного чертёжника. М.-Л.: Мол. гвардия, 1928.

21. 80 лет успеха // О заводе: Завод «ТИЗПРИБОР»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tizpribor.com/zavod> (дата обращения: 20.02.2020).

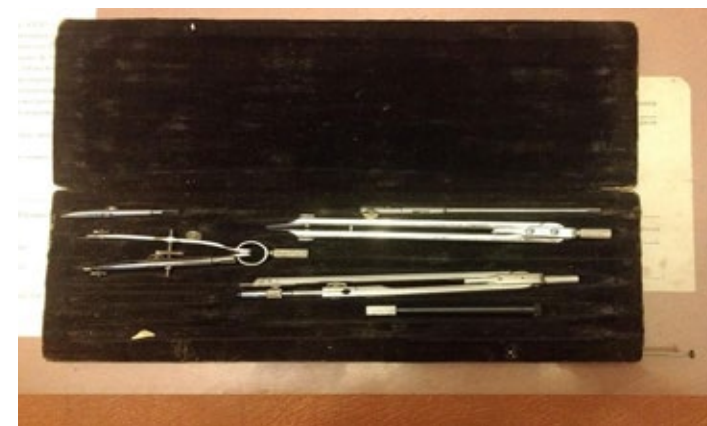
Общий вид первой готовальни

Общий вид второй готовальни

Потертости на углу крышки первой готовальни

Содержимое первой готовальни.

Заметно отсутствие нескольких инструментов: вставная ножка, отвёртка штампованная, пенал с 2 запасными иглами и графит, падающий кронциркуль с рейсфедером, карандашная вставка падающего кронциркуля

Содержимое второй готовальни

**АНАЛИЗ ПОСОБИЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ ГЛАЗА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ СПб АППО)**

Иван Холодов, 10 КЛАСС, ШКОЛА № 69, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **Юлия Валерьевна Спиридонова**, учитель химии
и биологии школы № 69, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Объект нашего исследования — учебное пособие по изучению глаза дореволюционного периода, хранящееся в Педагогическом музее СПб АППО. Пособие представляет собой книгу в виде разборной модели глаза и привлекает внимание прежде всего своей необычностью, яркостью и тщательностью исполнения. Оно было создано в московском типографическом издательстве «Гросман и Кнебель».

В ходе работы были проанализирована научная литература, посвященная истории издательства, преподаванию анатомии с помощью разборных моделей, особенностям современных анатомических пособий.

При первом взгляде на пособие издательства «Гросман и Кнебель» можно заметить, что некоторые его страницы отсутствуют, а бумага с течением времени приобрела желтовато-тёмный оттенок. Однако нельзя не оценить прекрасную работу иллюстраторов-художников и книгоиздателей. Ведь картинки пособия не только прекрасно иллюстрируют строение глаза, но и спустя долгие годы сохраняют актуальность информации, которую они несут. Изображения тканей, мышц, сосудов и других частей глаза выполнены настолько реалистично и искусно, что остается только удивляться мастерству и профессионализму художников и ученых того времени.

Основой пособия является картон с приклеенной на него бумагой. Присутствует остаток от переплётa чёрного цвета. Видно название издательства, выпустившего пособие. При более детальном рассмотрении можно увидеть цифры, которые обозначают части глаза. Краски и бумага уже потемнели от времени. Размеры пособия: 18,5 x 24 см.

На обратной стороне исследуемого предмета приведены названия других пособий, выпущенных тем же издательством, с дореволюционными ценами, что позволяет сделать некоторые

сравнения, представить их относительный масштаб и сложность устройства. Так, объект исследования оценен в 1 рубль 25 копеек, как и, например, модель пчелы, тогда как разборная модель человеческого тела стоила 15 рублей. Любопытно также сопоставить эти цены с зарплатами разных категорий работников в России того времени. В пересчете на современные цены пособие стоило бы 1 600 рублей.

Издательство «Гросман и Кнебель» начало свою деятельность в России издания в 1882 г. путеводителей на немецком языке, а позже специализировалось в большей степени на пособиях высокого качества для учебных целей. Востребованность подобных пособий подтверждается данными по истории изучения естествознания в России, где во второй половине XIX в. использовались школьные программы, построенные согласно принципам А. Любена, автора первой методики естествознания. Любен предлагал индуктивный метод изучения естествознания, при котором познание природы шло от простого к сложному, от известного к неизвестному, от конкретного к отвлеченному. В основе индуктивного метода лежали непосредственные наблюдения учащимися натуральных объектов и осмысливание отношений между ними. Дальнейшее развитие школьного естествознания связано с работами К. Д. Ушинского, введением в 1902 г. в гимназиях программы природоведения, составленной Д. Н. Кайгородовым, выходом в 1917 г. «Методики начального естествознания» И. И. Полянского.

Исследуемое нами пособие состоит из 10 слоёв, каждый из которых иллюстрирует ту или иную часть глаза и прилегающие к нему ткани, мышцы, органы и т. д.

Цифрами на деталях пособия обозначены морфологические структуры. Судя по всему, пособие должно было сопровождаться списком с обозначениями, но он, к сожалению, утерян. Поэтому одним из самых трудоемких, но и самых интересных этапов исследования стало выяснение того, что же обозначают все эти цифры, и восстановление приложения. Современные пособия различных типов на всевозможных носителях не соответствуют по своей структуре послойной анатомии старинного пособия, и только анализ большого количества научных источников позволил нам достичь поставленной цели.

Так, нам удалось установить, что на илл. 1 цифрами обозначены:

1. Верхнее веко. Более толстая кожная складка.
2. Нижнее веко. Более тонкая кожная складка.
3. Бровь. Толстый, поперечно ориентированный кожный валик, густо усаженный жесткими волосками.
4. Разделение веко-щека. Находится по краю глазницы.
24. Роговица. Передняя выпуклая прозрачная часть глазного яблока, одна из светопреломляющих сред глаза.

На илл. 2:

1. Внутренний кантус.
12. Наружный кантус.
15. Круговая мышца глаза.
- 15а. Внутренняя круговая мышца глаза.
89. Большая скуловая мышца.
8. Отверстия Мейбомиевых железок на свободном крае века.
58. Лобная кость.

На илл. 3:

8. Отверстия Мейбомиевых железок на свободном крае века.
9. Верхняя тарзальная пластинка.
10. Нижняя тарзальная пластинка.
11. Внутренняя спайка.
12. Наружная спайка.
13. Фасция, соединяющая хрящ века с краем глазницей.
- 20а. Слезная железа.
58. Лобная кость.
60. Скуловая кость.
68. Подглазное отверстие.

Проделанная работа позволила прийти к выводу, что в дореволюционном пособии информация о строении и оболочках глаза представлена более наглядно, объёмно и конкретно. Следовательно, каждый ученик и гимназист того времени мог получить информацию о каждой структуре глаза. К тому же, пособие представляет собой разборную модель из нескольких слоёв, а значит, ребёнку было более интересно изучать строение глаза человека, слой за слоем погружаясь в мир зрительного анализатора. После этого становится понятным, почему в то время люди, выпускавшиеся из гимназий, университетов и школ, были столь разносторонне образованными.

Литература

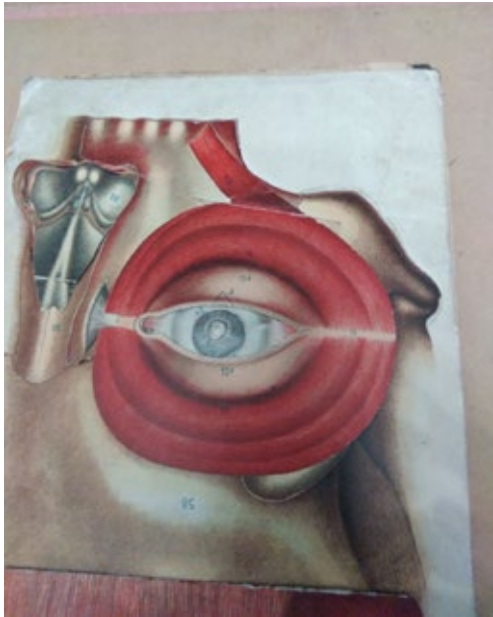
1. *Абрахамс П., Анваер А.* Анатомия человека. М.: АСТ, 2016.
2. *Билич Г. Л., Крыжановский В. А.* Биология для поступающих в вузы: Справочник. Изд. 6-е. Ростов-н/Д.: Феникс, 2014.
3. *Вит В. В.* Строение зрительной системы человека. М.: Астропринт, 2003.
4. *Кайзер П. К., Фридман Н. Д., Пинеда Р.* Офтальмология: Иллюстрированное руководство. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019.
5. *Колесников С. И.* Биология: Большой справочник. М.: Легион, 2020.
6. *Колесов Д. В., Маш Р. Д., Беляев И. Н.* Человек: Школьный учебник по биологии для 8 класса. М.: Дрофа, 2016.
7. *Крылова Н. В., Наумец Л. В.* Анатомия органов чувств (глаз, ухо) в схемах и рисунках. М.: Медицинское информационное агентство, 2016.
8. *Сапин М. Р., Билич Г. Л.* Анатомия человека. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008.
9. *Федюкович Н.* Анатомия и физиология человека. Ростов-н/Д.: Феникс, 2003.
10. *Фениш Х., Даубер В.* Карманный атлас анатомии человека. Изд. 5-е. М.: Диля, 2014.

Первый слой

Третий слой

Второй слой

**ИНДИКАТОРЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АППО)**

АНДРЕЙ ИВАНОВ, 7 КЛАСС ЛИЦЕЯ № 150, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ИВАНЬШИНА**, КАНД. ПЕД. НАУК,
ДОЦЕНТ, УЧИТЕЛЬ ХИМИИ ЛИЦЕЯ № 150, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Объектом этого исследования стал старинный набор индикаторных полосок в картонном футляре фирмы «Schering», на который нанесены некоторые сведения от производителя. Коробочка хранится в коллекции естественнонаучных экспонатов Педагогического музея СПб АППО.

Коробочка-футляр изготовлена из картона, покрыта глянцевым составом, чёрного цвета, с плотным колпачком, защищающим от попадания света, воздуха и влаги. Полоски лакмуса: структура пористая, цвет оранжево-розовый, размер 0,5 см x 5 см). Производитель: немецкая компания «Schering».

«Schering» — известная немецкая фармацевтическая компания, ведущая свою историю с 1851 г., когда аптекарь Эрнст Шеринг открыл в северной части Берлина аптеку, которая получила название «Зелёная аптека Э. Шеринга» и стала предтечей концерна «Schering», в 2006 г. вошедшего в состав концерна «Bayer AG. Schering». Компания, которая обладает собственной исследовательской базой и является производителем инновационной продукции, и сегодня занимает ведущие позиции на специализированных рынках по всему миру, в том числе в России. В Санкт-Петербурге представительство «Химической фабрики на паях (бывш. Э. Шеринг)» открылось в 1885 г. В 1888 г. Э. Шеринг получил от российских властей разрешение на создание акционерного общества с капиталом в 200 тысяч рублей. На рубеже XIX–XX вв. Российская империя стала одним из крупнейших импортёров химикатов и лекарственных препаратов компании. В 1905 г., после окончания Русско-японской войны, Россия резко повысила таможенные пошлины, и компания «Шеринг» решила открыть в стране собственное производство, которое стало первым зарубежным предприятием компании.

Продукция компании была широко распространена, использовалась и в учебных целях, поэтому не удивительно, что подобный экспонат попал в Педагогический музей Санкт-Петербургской

академии постдипломного педагогического образования. Этот музей уникален тем, что является преемником традиций и хранителем коллекций первого в мире Педагогического музея (Педагогического музея военно-учебных заведений), созданного в Петербурге в 1864 г. с целью демонстрации новейших наглядных пособий из области разных учебных дисциплин.

Сохранившаяся часть музейной коллекции включает в себя библиотеку учебной и методической литературы, уникальные наглядные пособия, учебное оборудование и приборы второй половины XIX — начала XX в. В дальнейшем коллекция была дополнена экспонатами, отражающими историю советской школы Петрограда-Ленинграда. Все экспонаты имеют интересную историю, однако у данного экспоната не было даже описания. Тем более интересно было его исследовать.

Выяснилось, что в футляре находятся полоски лакмусового индикатора, действие которого еще можно оценить. Для того чтобы узнать о применении таких индикаторов сегодня, а также создать свой бытовой индикатор, мы изучили материалы по истории открытия индикаторов, начиная с опытов XVII в., когда английский физик и химик Роберт Бойль случайно обнаружил изменение окраски лепестков фиалок в разных растворах. Лучшие результаты дали опыты с лакмусовым лишайником. В его настой Бойль опустил обыкновенные бумажные полоски, дождался, когда они пропитаются настоем, а затем высушил их, получив прообраз нашего экспоната — индикатор (в переводе с латинского «указатель»), указывающий на среду раствора.

В ходе работы были проведены эксперименты по выделению природных индикаторов (с использованием нескольких описанных в литературе методик), их испытанию и сравнению их действия с работой лакмуса.

В результате выяснилось, что сок лишайника можно использовать в качестве индикатора, но он менее информативен — в частности, по причине отсутствия необходимой разновидности лишайников (например, *Roscella tinctoria*) на территории России. Достаточную эффективность показали соки клубники, свёклы, малины, черники, вишни, краснокочанной капусты, чёрной смородины и других тёмнопигментированных растений. В качестве

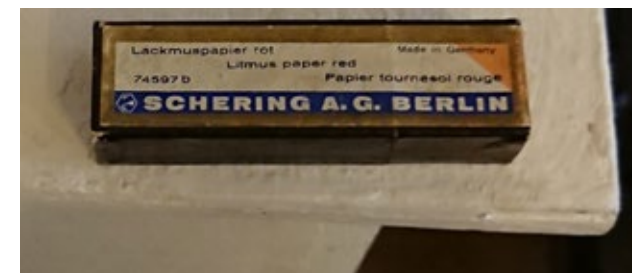
эффективной индикаторной бумаги оказалось возможным использовать свекольную, которая интенсивно изменяет окраску в зависимости от кислотности среды.

Для сравнительного эксперимента были взяты лакмусовые индикаторы (бумажные и растворы) из школьной лаборатории и исследуемый экспонат. Мы капнули на индикатор щелочь, кислоту и воду — и во всех случаях индикатор исправно показывал среду (кроме нейтральной), изменяя цвет.

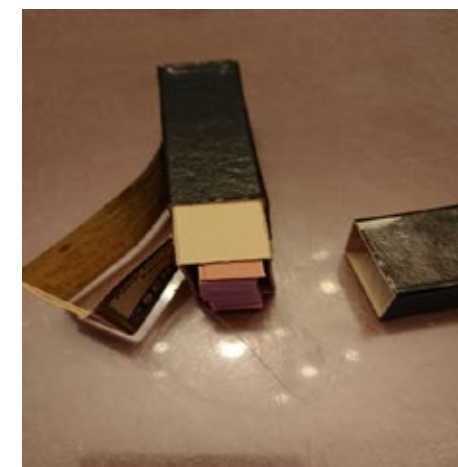
Работа позволила прийти к выводам о важности индикаторов, их значении, которое начинали понимать уже в Древнем Риме и Древнем Египте. Общая задача их — контролировать процесс или изменение состояния объекта (среды) в форме, удобной для человеческого восприятия. По мере развития производственной и научной деятельности человека было создано огромное множество разнообразных индикаторов. Изучая экспонаты, подобные сохраненному в Педагогическом музее, можно многое узнать об этом разнообразии, а также о конкретном сроке действия экспоната фирмы Шерринг — о чем, возможно, не знают в самой фирме.

Литература

1. Аликберова Л. Ю. Занимательная химия: Книга для учащихся, учителей и родителей. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
2. Байкова В. М. Экскурсии по химии в природу: Пособие для учащихся. Петрозаводск: Карелия, 1979.
3. Случайные открытия в химии [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://allhimikov.ru/himerunda/indikatory.html>.

Коробочка для индикаторной бумаги

Полоски индикаторной бумаги в упаковке

Экстрагирование индикатора из лишайника

**MANDSHUROSAURUS AMURENSIS В АЗИАТСКОМ ЗАЛЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ГЕОЛОГОРАЗВЕДЧНОГО МУЗЕЯ ИМ. АКАДЕМИКА Ф. Н. ЧЕРНЫШЕВА**

Даниил Ситников, учащийся Историко-краеведческого клуба
«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», Санкт-Петербург

Руководитель: **Елена Павловна Стальмак**, педагог
дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», Санкт-Петербург

Скелет утконосного динозавра (*Mandshurosaurus amurensis*, маньчжурозавр) — крупный экспонат, заметно выделяющийся среди тех, которые выставлены в Азиатском зале Центрального научно-исследовательского геологоразведочного музея им. академика Ф. Н. Чернышева. История появления этого скелета, который можно назвать одним из главных результатов исследований ученого, геолога и палеонтолога Анатолия Николаевича Рябинина (1874–1942) в области изучения ископаемых позвоночных, рассматривается в рамках исследования, посвященного биографии А. Н. Рябинина.

Заслуги Рябинина в области палеонтологии не исчерпываются названным музейным экспонатом, но более всего заслуживает внимания именно он, поскольку наибольшую известность ученый приобрел благодаря работе по реконструкции облика рептилии с Дальнего Востока. Символично, что портрет А. Н. Рябинина висит в залах музея прямо напротив скелета утконосного динозавра — в галерее директоров Геологического комитета (ныне это Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского), который был главным геологическим учреждением России последней трети XIX — первой трети XX в.

История экспоната изучена достаточно хорошо, но разные ее аспекты остаются не собранными воедино; процесс сбора материалов и непосредственной сборки экспоната неотрывны друг от друга и требуют совместного описания.

Источниками по истории музейного предмета служат публикации, относящиеся к истории музея, в котором выставлен маньчжурозавр, а также статьи, повествующие о работе А. Н. Рябинина с привезенным с Дальнего Востока костным материалом.

Коллекция костей, составляющих скелет травоядного утконосного динозавра *Mandshurosaurus amurensis*, значится в музее под № 1644 [3, с. 119].

История возникновения этого экспоната начинается с установления мест его находки во второй половине XIX в. В 1859 г. на правом берегу Амура геологом Федором Богдановичем Шмидтом были найдены ископаемые остатки, принятые за кости млекопитающих. Во второй раз они были замечены в начале XX в. полковником Генерального штаба М. М. Манакиным, когда местные казаки использовали в качестве грузила для ловли рыбы окаменелые остатки животных, принятые за остатки мамонтов, которые были распространены в Сибири. Манакин передал находку в Хабаровский музей естественной истории, о чем было сообщено в газетах [5].

Интерес к этому месту как источнику для археологических раскопок и геологических экспедиций возник после известий о нахождении там останков. В 1902 г. Приамурское отделение Императорского Русского географического общества направило Алексея Яковлевича Гурова составлять археологическую карту Амурской области [5]. Местонахождение (район Белые Кручи, ныне — территория провинции Лунгуншань, Китай) остатков было отмечено на карте, которая хранится в Амурском областном краеведческом музее (доступна на сайте Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации, № 10988597).

В 1915 г. в экспедицию на Амур по поручению Геологического комитета отправился палеоботаник, адъюнкт-геолог Геологического комитета А. Н. Криштофович [1, с. 69]. А. Я. Гуров передал ему находку, которую тот отвез в Петроград А. Н. Рябинину [5], заинтересовавшемуся ею, поскольку ранее подобного материала для изучения на территории России не находилось. Этой находкой была задняя берцовая кость динозавра.

Зимой 1915–1916 гг. Рябинин предложил Геологическому комитету отправить экспедицию для исследования мест остатков фауны. Результаты экспедиции, возглавленной В. П. Рененгартемом, оказались успешными, поэтому по предложению Рябинина летом 1916 г. была организована следующая экспедиция (во главе с П. Н. Степановым). По материалам раскопок Рябинин смог сделать вывод о принадлежности костей к разным таксонам динозавров. Тогда же был поставлен вопрос о монтировании этих костей в Музее Геологического комитета.

Представленный на заседании Русского палеонтологического общества 13 января 1917 г. доклад «Динозавр с р. Амур» вызывал оживленную дискуссию, в которой были задействованы столпы тогдашней геологии. Единодушно было дано согласие на продолжение раскопок и включение их в план работы. Исследования продолжились летом того же года [1, с. 69].

Из экспедиции привезли несколько десятков пудов костей динозавров, из которых смонтируют скелет [1, с. 70].

Сбор материала для реконструкции скелета прекратился из-за событий революции и Гражданской войны и недоступности для исследований в 1918–1922 гг. территории Дальнего Востока. За последующие шесть лет привезенные останки были препарированы, но для начала полноценных работ по сборке не хватало сравнительного материала, который А. Н. Рябинин привез из командировки осенью 1924 — зимой 1925 г.

Предполагалось поместить скелет в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном музее, формирование которого началось еще в 1920 г. комиссией, преобразованной в Совет Музея, в который входил А. Н. Рябинин [2].

Совместно с геологом Н. П. Степановым и скульптором Яном Мартыновичем Эглоном была начата реставрация скелета из имеющихся костных останков. Сборщики использовали разрозненный костный материал, окатанный и утративший фрагменты, которые заменялись гипсом [1, с. 73].

В течение нескольких лет продолжалась реконструкция скелета из найденных на Амуре останков динозавров. Профессор Н. Н. Яковлев сравнил проведенную работу с ремеслом не только профессионального палеонтолога, но и талантливого художника, каким А. Н. Рябинин, несомненно, являлся.

Экспозиция была открыта для посетителей 2 мая 1930 г. [2]. Помимо названного экспоната, выделяющегося среди остальной экспозиции, в Музее хранится еще 50 коллекций А. Н. Рябинина, что составляет 518 образцов. Материалами служат окаменелости, останки скелетов рептилий и амфибий, доставляемых с 1901 г. В монографическом отделе хранится множество публикаций ученого с 1911 по 1945 г., которыми пользуются профессиональные палеонтологи [4, с. 29].

Коллекция А. Н. Рябинина является уникальным материалом по изучению палеонтологии. Собранные во многих странах в конце XIX — начале XX в. экспонаты являются уникальными и актуальными в настоящее время [4, с. 29].

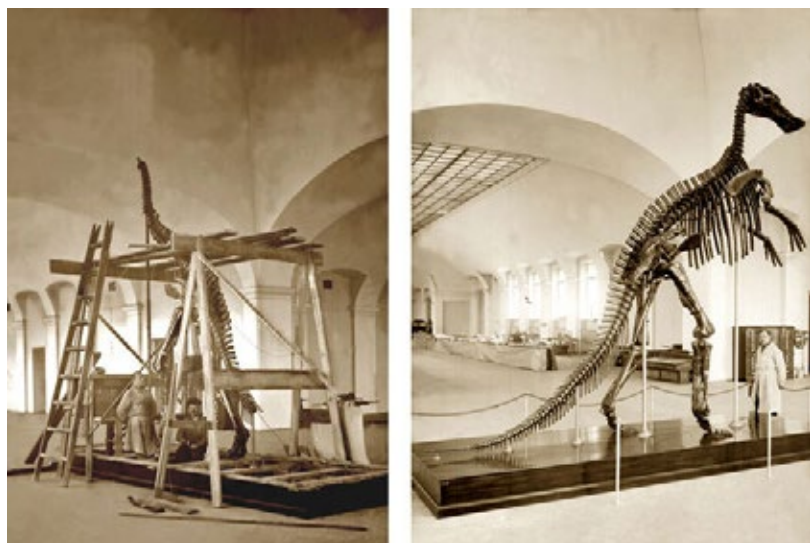
Восстановление облика маньчжурозавра стало важным опытом воссоздания видов и отражало объем существовавших на тот момент знаний об ископаемом животном. Позже подлинность представляемого образца поставили под сомнение, так как он был собран из фрагментов динозавров различных видов, но это не отменяет того факта, что А. Н. Рябинин стал первым исследователем динозавров в России.

В годы Великой Отечественной войны экспонат пострадал от бомбежек и почти полностью рассыпался. Его восстановлением занимались в 1945–1946 гг., уже после смерти А. Н. Рябинина.

История скелета утконосого динозавра — важная часть истории музея, в котором он экспонируется. Значительная часть палеонтологической коллекции ЦНИГР музея возникла благодаря исследованиям А. Н. Рябинина и непосредственным работам по реконструкции динозавра с р. Амур.

Литература

1. Ермацанс И. А., Болотский И. Ю. А. Н. Рябинин — первый в России исследователь динозавров // *Природа*. 2016. № 11. С. 68–76.
2. История музея // Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vsegei.ru/ru/about/museum/museum-history> (дата обращения 14.01.2020).
3. Каталог монографических палеонтологических коллекций, хранящихся в ЦНИГР музее. Л.: Недра, 1966.
4. Куражева Т. В. Коллекции А. Н. Рябинина в ЦНИГР музее ВСЕГЕИ // Сто лет изучения динозавров Приамурья: научная сессия, посвященная выдающемуся палеонтологу и геологу А. Н. Рябинину (Благовещенск, 18 декабря 2015 г.): сборник докладов. Благовещенск, 2016. С. 29–32.
5. Скелет утконосого динозавра // Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vsegei.ru/ru/about/museum/museum-show/dino/index.php> (дата обращения: 19.04.2020).

*Скелет травоядного утконосого динозавра *Mandshurosaurus amurensis* в Азиатском зале Центрального научно-исследовательского геологоразведочного музея им. академика Ф. Н. Чернышева*

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЕ Л. Н. ТОЛСТОГО (ИССЛЕДОВАНИЕ СПОРТИВНЫХ СНАРЯДОВ, СОХРАНИВШИХСЯ В УСАДЬБЕ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»)

ТИМОФЕЙ МАЛЫШЕВ, 5 КЛАСС, ШКОЛА № 683, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководители: **КСЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ШОЛКИНА**, ЗАВЕДУЮЩАЯ МУЗЕЕМ «Истоки» школы № 683, **НИКОЛАЙ ЭДУАРДОВИЧ ДЕМЬЯНОВ**, УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ школы № 683, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В 2019 г. я вместе с одноклассниками побывал в Туле. За время поездки мы посетили несколько музеев: музей оружия, музей «Тульские древности», Тульский кремль, музеи в Яснополянской школе и саму усадьбу Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. На территории усадьбы я увидел три столба, предназначенные, по моему мнению, для физических упражнений. Эта конструкция стала объектом моего исследования, а его предметом — методика преподавания физкультуры в конце XIX — начале XX в. Выбранная тема интересна по многим причинам. Одна из них в том, что виды спорта, популярные в те времена, в большинстве не требовали сложного оборудования. Значит, помимо исторического интереса, исследование имеет и практическое применение. Возможно, некоторые из незаслуженно забытых видов физической активности вполне можно было бы возродить в наши дни.

В работе над исследованием очень полезна была книга Н. В. Кудрявой «Толстой-педагог: от народного учителя к учителю жизни» [1]. Из нее я узнал, как проводились уроки физкультуры в школе Л. Н. Толстого. Эта книга примечательна тем, что в ней есть не только описание, но и живые истории с уроков. Также в исследовании помогла статья «Путеводитель по Ясной Поляне» [2], поведавшая о том, как Лев Николаевич Толстой занимался физкультурой.

Спортивные снаряды на территории усадьбы в Ясной Поляне имеют такую конструкцию: три столба с перекладиной, которая соединяет их вершины.

Столбы имеют примерно 3 м в высоту. Они сделаны из брёвен диаметром около 25 см. Перекладина — из квадратного бруса такой же толщины. На перекладине видны крепления, но на них ничего не подвешено. Между двумя столбами металлическая перемычка приблизительно на уровне груди.

Конструкция находится в хорошем состоянии, покрашена в зелёный цвет. Скорее всего, эти столбы были сделаны одновременно с первой школой Л. Н. Толстого. В интернет-источниках есть фотографии, на которых эти столбы изображены рядом с деревянным зданием первой школы. Они явно использовались писателем и его учениками для физических упражнений. Возможно, к ним подвешивали канаты и цепляли турник.

Сделав запрос по поводу наличия в коллекции музея-усадьбы каких-либо еще предметов, связанных с преподаванием физической культуры в школе Л. Н. Толстого, я узнал, что вещей, которые относились именно к работе школы, почти не сохранилось, за исключением нескольких ученических тетрадей детей и их воспоминаний. Однако в коллекции музея есть спортивный инвентарь, которым пользовались в семье графа: 1. Набор ракеток для лаун-тенниса. Великобритания, Лондон. Конец XIX начало XX века. 2. Две гири чугунные из спальни Л. Н. Толстого. 3. Набор для игры в крокет. Россия, начало XX века. Вероятно, в школе использовался аналогичный инвентарь.

Если сравнивать занятия гимнастикой в школе Л. Н. Толстого и в современности, мы увидим следующее. Сейчас учитель физкультуры выступает наставником, следит за правильностью выполнения упражнений. Л. Н. Толстой сам очень любил гимнастику, и никто из его учеников не мог превзойти его [2].

Из воспоминаний В. С. Морозова: «После занятий перед обедом Лев Николаевич почти постоянно занимался гимнастикой. Гимнастика была устроена в нижнем этаже школы. В большой свободной комнате были устроены перекладины, ввёрнуты кольца, стояли станки, гири: двухпудовики, пудовики и другие, поменьше, — словом все принадлежности для гимнастического искусства. Любили и мы, ученики, делать со Львом Николаевичем гимнастику... Руководил гимнастикой он сам. Вот он возьмется за перекладину, повиснет на ней и с вытянутыми руками и выпрямленным телом, не доставая ногами до пола, повисит так немножко, потом начинает подниматься на руках до перекладины, потом опять тихонечко опускаться, потом опять подниматься. Подымется первый раз — отсчитает “раз”, подымется второй раз — отсчитает “два”, и так отсчитывает всякий раз,

чтобы насчитать, сколько раз всего поднялся и опустился... Пробуем, и мы по очереди это проделывать. Но нам дается трудно. Повиснуть на перекладине — еще повиснешь, а уж подняться не так-то легко. <...> Лев Николаевич сам проделывал всю гимнастику до усталости, потом начинал прыгать через козлы. Козлы были устроены в саду, сверху были обиты мягким для того, чтобы в случае промаха, не убить колена. Лев Николаевич с разбега прямо, как птица, перелетал. С виду казался тяжел, а прыгать был легок. Постепенно и мы привыкли к гимнастике. Лев Николаевич хвалил гимнастику, говорил, что от нее человек развивается, крепнет телом и аппетит приобретает» [1, с. 128].

На месте большого дома граф Толстой построил специальный спортивный снаряд, который так и назывался — «гимнастика», оборудовал его перекладиной, гимнастическими кольцами и трапецией; в передней части дома висели параллельные брусья. Эти брусья не сохранились, а вот от гимнастики остался каркас и перекладина.

Сын писателя Илья вспоминал, что одно время Толстой почти ежедневно собирал детей у «гимнастики», где они должны были проделывать всякие сложные упражнения. «Самое трудное — это был прием на трапеции с пролезанием через спину, который назывался “Михаил Иванович”» [2].

Проведенное мною исследование позволяет показать, что Лев Николаевич Толстой был не только писателем, но и педагогом. Он основал школу со своей уникальной методикой преподавания.

Из материалов исследования становится очевидным, какую заботу проявлял граф о своих крестьянах, помогал развиваться детям из простых семей. Большой интерес также представляет определение различия в проведении уроков физкультуры сейчас и гимнастическими занятиями той поры.

По материалам исследования была сделана 3D-реконструкция спортивного оборудования усадьбы в Ясной Поляне, которая может быть использована в музейной работе для увеличения интереса школьников к спортивной деятельности Льва Николаевича Толстого. Компьютерные модели позволяют лучше понять назначение и способ использования старинных предметов, представленных в музее.

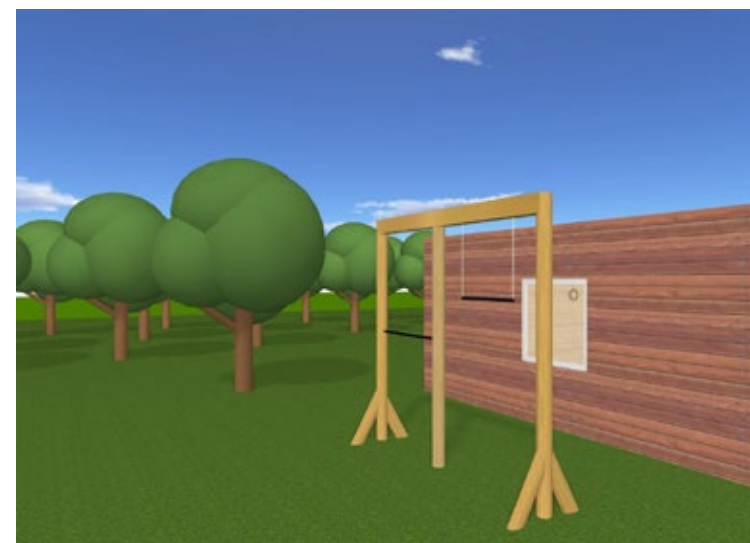
Литература

1. Кудрявая Н. В. Толстой-педагог: от народного учителя к учителю жизни: Учебное пособие. Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013.

2. Судакова А. Путеводитель по Ясной Поляне // Arzamas [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/1754> (дата обращения: 06.06.2021)

*Гимнастические конструкции в усадьбе Л. Н. Толстого.
Фото с сайта Arzamas*

*3D-реконструкция гимнастических снарядов
в музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Ясной Поляне (фрагмент).
Авторы: Малышев Тимофей и Малышев С. В.*

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

(УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ОГОНЬ. ЕГО ДОБЫВАНИЕ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АППО)

КИРА ПРЕПЬЯЛОВА, 6 КЛАСС, ШКОЛА № 683, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководители: **КСЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ШОЛКИНА**, ЗАВЕДУЮЩАЯ МУЗЕЕМ «ИСТОКИ» ШКОЛЫ № 683, **НИКОЛАЙ ЭДУАРДОВИЧ ДЕМЬЯНОВ**, УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ ШКОЛЫ № 683, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Однажды учитель истории предложил мне посетить один из самых необычных музеев при учебном заведении в Санкт-Петербурге — музейно-педагогический комплекс «Феникс» Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. Он является преемником первого в мире Педагогического музея, созданного в Петербурге в 1864 г., и посвящен истории педагогической науки в нашем городе. Музей АППО невелик, всего 4 комнаты, но его безусловным преимуществом для посетителя является то, что здесь можно присесть за стол и подробнее рассмотреть экспонаты, полистать книги, рассмотреть приборы.

Интересных экспонатов в музее много, но один экспонат заинтересовал меня больше других — это наглядное учебное пособие «Огонь. Его добывание прежде и теперь». Оказалось, что про пособие почти ничего не известно, что его никто прежде специально не исследовал, поэтому я решила проследить историю его создания, выяснить, где и как оно применялось.

Пособие «Огонь. Его добывание прежде и теперь» относится к группе натуральных наглядных пособий. Это деревянная коробка с крышкой, под которой находятся экспонаты, описывающие добывание огня в разные исторические периоды. Точное количество предметов в пособии позволяет установить опись, сделанная от руки и прикрепленная под крышкой коробки с пособием. Всего в коробке должно быть 27 предметов, связанных с добыванием огня. Однако 2 предмета отсутствуют. Очевидно, они были утеряны ранее.

Ниже приведены составленные мною таблицы, позволяющие наглядно представить структуру и состав пособия.

Таблица 1. Структура пособия

п/п	Раздел, подразделы	№	Название предмета	Размер, см
1.	ОГНИВО ДЕРЕВЯННОЕ			
		1)	Модель первобытного бурава для добывания огня трением отъ дерева. (Одна четвертая часть натур. величины)	10 x 10,5x2
2.	ОГНИВО КРЕМНЕВОЕ			
		2)	Кремень	4 x 2
		3)	трутть	2 x 3
		4)	серный колчеданъ	2 x 3
		5)	плашка	2 x 5
3.	СПИЧКИ			
3.1.	Спички серные зажигательные	6)	сера горная	2 x 3
		7)	лучинки, обмаканные въ расплавленную серу (серянки)	6
		8)	бертолетова соль	4,5
		9)	сахаръ	4,5
		10)	готовыя спички	6
		11)	баночка съ пропитаннымъ серной кислотой азбестомъ	4
3.2.	Фосфорныя спички	12)	Модель станка для зажима спичекъ при обмакиванія	7 x 3 x 1,5
		13)	Сковорода для массы	8 x 6 x 1
		14)	Декстринъ	4,5
		15)	Сурикъ	4,5
		16)	Фосфоръ	4,5
		17)	Мелкій песокъ со шмальтою	4,5
		18)	Готовыя спички	6
3.3.	ШВЕДСКІЯ СПИЧКИ			
3.3.1.	Масса для головки спичек	19)	Бертолет. соль	4,5
		20)	Окись железа	4,5
		21)	Хромово-кислый калий	4,5
		22)	Молотая сера	4,5
3.3.2.	Масса для зажигания на коробке	23)	Аморфный фосфоръ	4,5
		25)	сернистая сюрма (утер.)	-
		24)	гуммиарабикъ (утер.)	-
		26)	стекольный порошокъ	4,5
		27)	коробка готовыхъ спичекъ	5,8 x 3,5 x 2

Таблица 2. Словарь терминов и определений

№ в пособии	Раздел	Название предмета/ детали/ вещества	Краткое определение ¹
1.	Огниво деревянное	Бурав	Инструмент для сверления отверстий цилиндрической формы
2.	Огниво кремневое	Кремень	Твердый минерал, состоящий из кварца и халцедона
3.	Огниво кремневое	Трут	Фитиль или высушенный гриб трутник, употребляющийся для высекания огня
4.	Огниво кремневое	Серный колчедан	Минерал из класса сульфидов, золотистого цвета. Научное название — пирит
5.	Огниво кремневое	Плашка	Металлическая пластинка небольшого размера разного назначения
6.	Спички серные зажигательные	Сера горная	Химический элемент, легко воспламеняющееся вещество желтого или сероватого цвета
8.	Спички серные зажигательные	Бертолетова соль	Калиевая соль хлорноватой кислоты; чувствительна к трению и ударам. В определенных сочетаниях является взрывчатым веществом
11.	Спички серные зажигательные	Асбест	Волокнистый минерал, обладающий огнестойкостью и теплоизолирующими свойствами для замедления процесса горения
14.	Фосфорные спички	Декстрин	Органическое соединение, получаемое из крахмала и применяемое как клеящее вещество
15.	Фосфорные спички	Сурик	Минерал, представляющий собою окись свинца с примесью железа, предотвращает взрывной характер горения
16.	Фосфорные спички	Фосфор	Химический элемент, легко воспламеняющееся и светящееся в темноте вещество
17.	Фосфорные спички	Смальта	Ярко-синяя краска, полученная из кремниевой кислоты и кобальта, скрепляющий материал для головки спички
20.	Шведские спички	Окись железа	Соединение железа и кислорода, используется как инертный краситель

¹ Определения даны в соответствии с лексикографическим источником: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

21.	Шведские спички	Хромовокислый калий	Неорганическое соединение, соль металла калия и хромовой кислоты; мощный окислитель, вызывающий горение
23.	Шведские спички	Аморфный фосфор	Темно-малиновый порошок без запаха, не ядовит
25.	Шведские спички	Сюрьма	Химическое вещество серебристо-белого цвета, использовалось как окислитель
24.	Шведские спички	Гуммиарабик	Твёрдая прозрачная смола, состоящая из высушенного сока различных видов акаций, использовалась как клей для компонентов спички

Дата создания пособия нигде не указана, но датировке помогает орфография аннотации — очевидно, что оно было выпущено до орфографической реформы 1917–1918 гг.

Информации о составителе пособия, к сожалению, найти не удалось. Место изготовления — Передвижной музей И.Р.Т.О (Императорского русского технического общества) в Санкт-Петербурге, располагавшийся по адресу: улица Прилукская, дом 10. Этот музей занимал важное место не только в развитии педагогической науки, но и в культурной жизни города того времени. Передвижные музеи были широко распространены в конце XIX — начале XX в., так как в эту эпоху в преподавании истории и других дисциплин был очень популярен метод наглядности [1].

История Петербургского музея наглядных пособий началась с инициативы простых учителей организовать в арендованной комнате собрание наглядных учебных пособий. Этот своеобразный «музей» существовал тогда только на взносы организаторов. Но идея распространялась довольно быстро, поэтому вскоре добавилась еще одна комната, побольше, а через год появилась потребность открыть музей для всеобщего пользования. Тогда члены музея обратились в Постоянную комиссию по техническому образованию и «с осени 1884 г. музей начал свою деятельность с вывеской: “Подвижной музей наглядных пособий при Постоянной Комиссии по техническому образованию Императорского Русского Технического Общества”» [5].

Музей разрастался быстро и скоро стал занимать целое 3-этажное здание. Графиня С. В. Панина, известная благотворительными

начинаниями, предложила музею бесплатное помещение при проектируемом ею Народном доме на Прилукской улице [3]. Предложенное здание соответствовало целям и задачам музея — при нем появились своя мастерская, склад пособий, издательский отдел.

Музей обслуживал школы, выдавал пособия различным краткосрочным курсам и даже частным лицам. За один день выдавалось свыше 1500 предметов. Пользование было платным — можно было купить абонемент на год или воспользоваться услугами музея разово. Музей печатал указатели наглядных пособий, чтобы было удобнее знакомиться с его коллекциями. Пользовались фондами музея самые разнообразные учреждения: в отчете за 1901–1902 г. указано, что за пособиями обратилось 268 учреждений (в основном школы) и 220 частных лиц. За 1901–1902 г. было выдано 69 267 предметов [4].

Практическое применение своей работы я вижу в том, что она может быть полезна посетителям музея, начинающим исследователям. Юным историкам она расскажет о том, как раньше преподавали историю, а юным химикам — об истории добывания огня с помощью разных химических веществ.

Литература

1. Дригота В. В. Подвижные музеи наглядных пособий в прошлом и настоящем // Начальная школа. 2015. № 4. С. 3–6.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
3. Народный дом графини С. В. Паниной [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://amsmolich.livejournal.com/258336.html> (дата обращения: 22.12.2018).
4. Новорусский М. В. Подвижной музей учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию И.Р.Т.О. 1895–1910 гг.: Кто пользуется музеем? СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. С. 3–5.
5. Страхова М. И. Подвижные музеи наглядных пособий, их задачи и образовательное значение, СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902. С. 3–14.

Наглядное пособие «Огонь. Его добывание прежде и теперь». Фото К. Препьяловой. Октябрь 2018

Здание Народного дома графини Паниной. Фото из интернет-источника (<https://amsmolich.livejournal.com/258336.html>)

*Графиня С. В. Панина с А. В. Пешехоновой,
библиотекарем Лиговского Народного дома. 1910-е гг.
Фото из интернет-источника (<http://www.sof-panina.ru>)*

VII. НА ПОРОГЕ БОЛЬШОЙ НАУКИ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Участники молодежной секции проекта «Музей открывает фонды» представляли результаты своих исследовательских работ в цифровом формате видеоконференций на платформе Zoom в мае 2020 года, когда очные выступления были невозможны в силу сложной эпидемиологической ситуации. В качестве докладчиков выступили как студенты, так и молодые специалисты, сотрудники музея. Среди них мы видим молодых хранителей, внимательно и творчески изучающих музейные экспонаты. Всё это дает повод говорить о преемственности в непростом деле музейного хранения.

Спектр тем и сюжетов, выбранных авторами в 2020 году, затрагивал изучение материалов не только фондов Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, но и архивных документов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, а также частных коллекций — например, домашнего архива историка-краеведа С. И. Сенина, переданного впоследствии на хранение в музей города Бежецка.

В работе Натальи Перовой, сотрудницы отдела фондов Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, проводится изучение такого уникального явления, как книга художника. В собрании музея можно найти целый корпус необычных экспонатов, созданных и переданных музею талантливым художником Михаилом Карасиком. Наталья Перова предприняла попытку проследить истоки и взаимосвязи творческой мастерской Михаила Карасика с высоко чтимым им автором XX века — Даниилом Хармсом, чье творчество неразрывно связано с постоянным экспериментом. Михаил Карасик продолжил эту линию эксперимента и постоянной игры, воплотив в своей книге художника один из главных тезисов Хармса о постоянном ожидании чуда. Описание необычного экспоната, составленное Натальей Перовой, открывает перспективы для его дальнейшего изучения и использования в выставочных проектах и акциях.

Продолжая линию по уточнению материалов, имеющих на сегодняшний день у исследователей биографии Анны Ахматовой, важные детали раскрывает в своей работе Алёна Сугоровская, сотрудница Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Автор изучила документы, хранящиеся в ЦГИА Санкт-Петербурга, и на их основе составила последовательное описание деятельности курсов Н. П. Раева, слушательницей которых недолгое время была Анна Ахматова. В своей работе Алёна приходит к последовательному анализу поводов и взаимосвязей в выборе данных курсов Анной Ахматовой.

Студент IV курса факультета мировой культуры СПбГИК Игорь Кириллов, также анализируя, а в большей степени систематизируя собранные материалы, подробнейшим образом раскрывает влияние творчества Николая Гумилёва на отечественную рок-культуру. Опираясь на документированные источники, молодой исследователь выявляет большой потенциал обозначенной им темы и приводит многочисленные примеры особого интереса к стихотворному наследию Николая Гумилева в среде музыкантов и исполнителей даже в период замалчивания текстов поэта и запрета на их распространение. Игорь Кириллов, используя широкий культурологический подход, делает заявку на более глубокое исследование, которое может иметь продолжение в научно-просветительской деятельности музея в преддверии юбилейных дат, связанных с жизнью и творчеством Николая Гумилёва. При этом одной из площадок для такого рода проектов может стать филиал музея на Коломенской улице — мемориальный музей-квартира Л. Н. Гумилёва.

К экспонатам, представленным в экспозиции этого камерного, но представляющего уникальную подлинность музейного пространства, обратились Яков Слепков, студент III курса кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена, и его руководитель, Алексей Владимирович Бондарев, старший научный сотрудник музея-квартиры Л. Н. Гумилёва. В ходе проведенного ими исследования были значительно расширены данные в отношении подаренной Л. Н. Гумилёву иконы Казанской Богоматери. Используя культурологический подход, авторы исследования раскрывают музейный предмет с разных точек зрения, обозначая

возможные параллели и взаимосвязи для уточнения биографических сведений как о самом ученом, так и его окружении.

Подобную скрупулезную работу по систематизации, описанию и внедрению в научный оборот материалов из домашнего архива известного гумилёведа, ахматоведа, краеведа и коллекционера С. И. Сенина (1954–2018), провела целая группа студентов III курса кафедры теории и истории культуры Института философии человека РГПУ им. А. И. Герцена. Екатерина Арашина, Артем Володько, Дария Горнович, Милена Новичкова и Рада Смирнова работали с хранившимися у С. И. Сенина предметами семейного архива тверской ветви Кузьминых-Караваевых. Данная работа была необходима для понимания ценности коллекции исторических материалов, оставшихся у вдовы ученого. Составленные молодыми исследователями описательные таблицы, проведенная оцифровка и систематизация данных сыграли важную роль в осмыслении имеющихся на сегодняшний день материалов по истории дворянского рода Кузьминых-Караваевых.

Новые сведения к изучению биографии Иосифа Бродского можно почерпнуть из исследовательской работы Анны Завьяловой, сотрудницы фондов Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Автору удалось выявить соответствия и взаимосвязи в жизни и творчестве двух известных писателей XX века — Иосифа Бродского и Брюса Чатвина, опираясь на изучение четырех открыток, принадлежавших Бродскому и переданных впоследствии Музею Анны Ахматовой. В увлекательной форме Анна Завьялова повествует о подробностях жизни и творчества обоих писателей, приводя большое количество обнаруженных фактов и ярко иллюстрируя свою работу изображениями музейных предметов.

Повествовательный тон превалирует в работе, которую представила участница из Китая, Лю Сыцзя, на данный момент обучающаяся в аспирантуре Института истории СПбГУ. Под руководством Антонины Александровны Никоновой, заместителя заведующего кафедрой музейного дела и охраны памятников Института истории СПбГУ, Лю Сыцзя в своем исследовании внимательно проследила развитие темы о представлении студий художников в XVII веке, взяв в качестве примера живописные полотна Геррита Дау. Автор раскрыла, помимо искусствоведческого, еще и важный

социальный контекст данного сюжета. Сравнивая картины из разных музейных собраний, Лю Сыцзя проанализировала ряд иконографических прототипов поз и жестов героев, бытовых деталей и типичных натюрмортов, стилистических особенностей полотен художника.

Все, на первый взгляд, разные сюжеты и полученные аналитические результаты представленных молодыми исследователями на конференцию работ, объединяет глубокий интерес и стремление к продолжению изучения предметов, имеющих музейную и общекультурную ценность, что является основной задачей реализации межмузейного проекта «Музей открывает фонды». Хочется пожелать всем молодым исследователям и специалистам музейной сферы успешной увлекательной работы и новых интересных открытий.

Светлана Владимировна Прасолова

заведующая отделом гостеприимства и волонтерства

Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме,

куратор Молодежной секции проекта «Музей открывает фонды»

«Есть ли чудо?»

КНИГА ХУДОЖНИКА МИХАИЛА КАРАСИКА

(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ)

НАТАЛЬЯ ПЕРОВА, СОТРУДНИК ОТДЕЛА ФОНДОВ МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ
В ФОНТАННОМ ДОМЕ¹

РУКОВОДИТЕЛЬ: НАТАЛИЯ ПЕТРОВНА ПАКШИНА, ХРАНИТЕЛЬ ФОНДА
РЕДКОЙ КНИГИ МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ

Своими корнями современная книга художника в России уходит к изданиям футуристов 1910–1920-х гг. В русской футуристической книге воплощался синтез поисков художников в живописи и поэтов в искусстве слова. Самодельная брошюровка, листы разного размера, бумага, как бы случайно подвернувшаяся под руку, рисунки, кажущиеся поспешными, свобода пространства, игра со шрифтами — всё это разрушало форму традиционной книги [7, с. 167–168]. «...Футуристы взяли книгу на вооружение для своих творческих экспериментов и сделали ее инструментом и материалом для художественного жеста» [6, с. 6].

«Российский термин “книга художника” является калькой с французского *livre d'artiste* и английского *artist's book*». Но эти понятия стоит разделять, считает Михаил Погарский, современный исследователь и создатель книги художника. «И если *artist's book* и “книга художника”, безусловно, имеют множество пересечений и параллелей, то с *livre d'artiste* российская “книга художника” имеет очень мало общего». *Livre d'artiste* — это, «в первую очередь, издательский проект... Участие художника в данном проекте — всего лишь звено в многоплановом производственном процессе» [6, с. 6].

В нашем музее хранится великолепное книжное собрание — книги здесь представлены в самых разных формах и материалах. Футуристические издания занимают значительное место в фонде редкой книги, особое внимание уделено и работам современных авторов в жанре книги художника — о макете одной из таких книг и пойдет речь.

«Есть ли чудо?» — так названа книга художника Михаила Карасика со стихами и прозой Даниила Хармса. «Хармс думал о чуде всю жизнь. Он искал ответов не только в православном христианстве, к которому принадлежал по происхождению и воспитанию,

¹ Автор благодарит Марину Орлову (Карасик) за предоставленные материалы.

но и в магии, мистике, оккультизме, в практике восточных религий, в иудейской эзотерической традиции — каббале, в языческих обрядах и верованиях. Причем ко всему этому подходил не как знаток-исследователь и не как адепт-ортодокс, а как путник, прохожий, но бесконечно заинтересованный человек»,² — утверждает составитель книги, Анна Герасимова.³

Название книги — цитата из записной книжки Хармса 1937 г.: «Есть ли чудо? Вот вопрос, на который я хотел бы услышать ответ» [9, с. 196]. Этот год, страшный для многих арестами, для Хармса тоже страшен, но по-другому — вновь арестован и заключен он будет позже. Пока же его не печатают, не платят, он голодает и описывает свое падение, потерю воли и радости жизни.

Для Михаила Карасика Хармс — одна из главных тем творчества. Книга «Есть ли чудо?» создана в 1995 г. в Санкт-Петербурге, как раз в то время, когда Карасик, помимо прочего, был организатором Хармс-фестивалей (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, с 1995 по 1998 и затем 2005), выставок в Доме Матюшина и Русском музее (2005). Он создавал книги по произведениям Хармса, печатал их под маркой «Хармсиздат». Книга художника как явление современности во многом связана с именем Михаила Карасика. Будучи вовлеченным в процесс возвращения Хармса читателю, Карасик смело выступал и как куратор мероприятий, и как исследователь.

Если футуристические издания предполагали поэта и художника в одном лице (Крученых, Маяковский) или их договоренность о сотворчестве (Мариенгоф и Якулов, Есенин и Турова, Бобров и Гончарова), то в данном случае Карасик сам берет на себя смелость стать соавтором Хармса, несмотря на то, что их разделяет время. «Авторская книга может быть сделана по стихам только самых близких поэтов. <...> это — создание собственного произведения — книги — прочитанного, прочувствованного и увиденного от буквы и штриха до качества бумаги и брошюровки каждого экземпляра» [4, с. 272]. Создавая книгу с текстами автора из прошлого, Карасик чувствует его время, его стилистику, продолжает обэриутскую игру.

² Из рабочих материалов к книге, любезно предоставленных Мариной Орловой (Карасик).

³ Анна Герасимова (Умка) — поэт, переводчик, музыкант, автор первой в России диссертации по ОБЭРИУ («Проблема смешного в творчестве ОБЭРИУтов»).

Вернемся к нашему предмету. Открываем макет книги на первом развороте: динамичная композиция в бордово-сиреневых тонах, за столом — группа людей, весьма разнообразных на вид — быть может, аллюзия на то самое сборище друзей?⁴ Позади них на стенах — громады теней, а перед ними на столе, будто игральном, цифры, собранные в некоем порядке: 5, 1, 13, 9, 9, 11, 21, 1, 16, 12, 17 и т. д. Что это? Известно, что математика занимала Хармса весьма — как и его отца (отец также задавался и вопросом о возможности чуда). Обратившись к записным книжкам чинаря [8, с. 132], находим там такую же последовательность цифр — она означает «Даниил Хармс» (в записной книжке Хармс добавляет еще свою настоящую фамилию Ювачев, также зашифрованную). Данную последовательность цифр встречаем еще несколько раз в книге художника — на титуле и на последней странице (на последней странице Карасик как бы подсказывает нам расшифровку — первой строкой идут цифры, а ниже, точно под каждой из них, — как раз «Даниил Хармс»).

Но что же это на стене? $6L = II...$ Еще одна загадка. Формула? Случайный или выверенный ряд неведомых знаков? Точно такой записи где-либо найти не удалось, но удалось найти расшифровку тайнописного алфавита Хармса [Никитаев 2006: 242] — каждый его знак соответствует определенной букве. И таким образом знаки на стене прочитываются как имя поэта с некоторой его модификацией: не «Даниил Хармс», а «Даниил Тармс». Те же знаки будут крупно воспроизведены на обложке — это первое, что видит человек, глядя на книгу. Известно, что Хармс использовал много вариантов написания своего псевдонима: Чармс, Хормс, Ххармс, Хаармс, Шардам и др. Что же мы видим здесь? Игру художника? Или просто его оплошность? Может, Михаил Карасик здесь автор собственной мистификации? Может, здесь он вступает в игру не только с читателем-зрителем, но и с самим Хармсом?

В книге на тридцати двух страницах собрано четырнадцать произведений Хармса, созданных с 1927 по 1940 г. Тексты представлены составителем в хронологическом порядке, «потому что это отражает некую эволюцию хармсовской идеи чуда», среди

⁴ «Вот сборище друзей оставленных судьбою...» — из стихотворения Даниила Хармса.

них: «Приходите приходите», «Звонитьлететь», «боги наги боги маги», «Колесо радости жена», «Шарики сударики блестят», «Не маши колесом, не стругай колесо», «Господи пробуди в душе моей пламень», «Как легко человеку запутаться в мелких предметах». Начинается, казалось бы, с забавы — возбуждающей смеси, кончается суровой иронией о путанице в мелких предметах (как за житейскими мелочами углядеть большое и чудесное?) Девицы — создания вселенной, математика, бесконечность, алфавит (слово как таковое) — эти образы напоминают о чуде. Неоднократно присутствие Бога и обращение к нему — тут у Хармса всё переплетено, есть и Господь, и «боги наги» — христианство и пантеизм. Образы колеса, круга, шара встречаем в текстах на протяжении всей книги: это и шарики, и солнце, и мельница, и хождение из угла в угол, а иначе — по кругу.

Макет практически идентичен итоговой книге и дает достаточно полное представление о том, какой она получилась. Книга в папке (брошюровка отсутствует) состоит из отдельных листов, сложенных вдвое и образующих четыре страницы. Всё выполнено в духе книги художника. Тираж небольшой — 21 нумерованный экземпляр. Цветные литографии сделаны непосредственно художником. «Камень, литографская тушь, бумага ручного литья — материалы из прошлого. Литография, печать для меня не ремесло, хотя я долгие годы пытался понять эту технику, а искусство» [2, с. 21]. Текст в макете дается акварелью, черным цветом, рисунки — также черным, кроме того, страницы сопровождают отдельные буквы русского алфавита, окрашенные в фиолетовый и желтый цвета (алфавит, к которому отсылает запись, сделанная Хармсом в дневнике в апреле 1931 г. и включенная в книгу: «Сила, заложенная в словах, должна быть освобождена...»), местами оформление дополняет блестящая бумага — фольга, в которой отражаются зеркально написанные слова на соседней странице.

Иллюстрации как даются на весь разворот, так и размещаются внутри текста — цифры, рисунки, иероглифы и монограммы то и дело вплетаются в него (египетский крест, знаки хармсовской тайнописи, глаз, перст указующий, разнообразные женские формы и др.). Шрифт рукописный, хотя и заключен в рамки страницы, может приобретать причудливые

направления, переходить в рисунки или обрамлять их. Вся книга превращается в игру. Среди иллюстраций есть и колесо, которое было «одним из ключевых хармсовских “иероглифов” “реального искусства”; ср., в частности, его рисунок, изображающий колесо с подписью “REAL”» [1, с. 206]. Этот бесконечно многогранный образ — и древнейший солярный символ, и отсылка к каббалистической традиции, и ассоциация непосредственно с процессом печати — оборотом вала литографского станка, и движение в пространстве и времени...

Есть ли чудо? Даниил Хармс «считал, что ожидание чуда составляет содержание и смысл человеческой жизни <...> Чуда не было год назад и не было вчера. Оно не произошло и сегодня. Но, может быть, оно произойдет завтра, или через год, или через двадцать лет. Пока человек так думает, он живет» [5, с. 381–382]. Михаил Карасик тоже надеется на чудо и в то же время иронизирует над наивностью собственной надежды.

Наивно, вероятно, прозвучит и вывод о скромном значении данной работы для музея — она может быть использована в процессе подготовки к выставке, представляющей современную книгу художника в нашем собрании, и при составлении каталога к ней.

Источники

Хармс Даниил. Есть ли чудо? [Макет] / сост. Анна Герасимова, автолит. Михаила Карасика. СПб.: Хармсиздат, 1995. 28 с.

Бумага, картон, фольга; литография, акварель, коллаж

31,4x24,0 см; папка 31,5x24,2x1,0 см

Инв. ОФ-2987

Литература

1. Герасимова А. Г. Как сделан «Врун» Хармса / Седьмые Тыняновские чтения / отв. ред. М. О. Чудакова. Рига; Москва, 1995–1996. С.206.

2. Карасик И. Карасик про Карасика / Михаил Карасик=Mikhail Karasik / сост. М. Орлова. СПб., 2008. С. 21.

3. Никитаев А. Тайнопись Даниила Хармса. Опыт дешифровки / Рисунки Хармса / сост. Ю. С. Александров. СПб., 2006. С. 242.

4. Перц В. О ранних книгах Михаила Карасика / Перц В. Эпизоды: Воспоминания. Встречи. Статьи об искусстве. СПб., 2020. С.272.

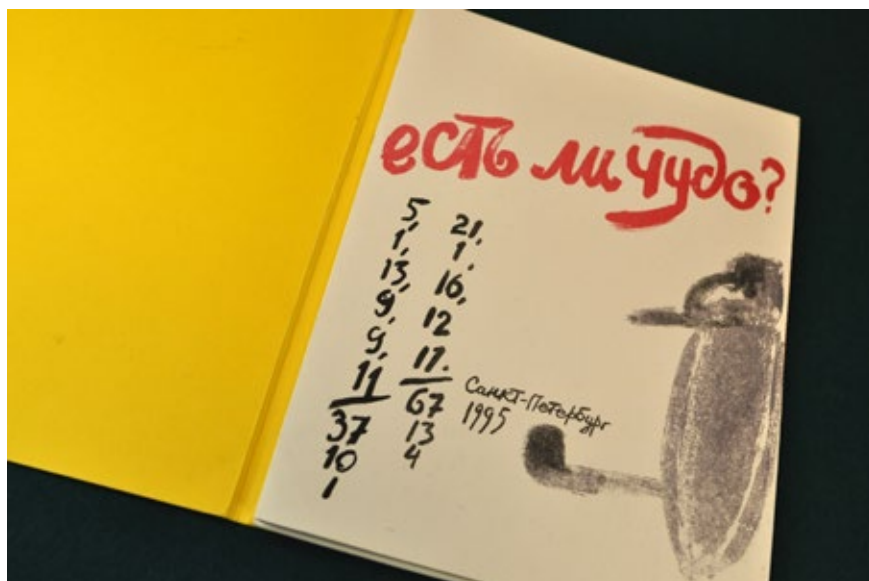
5. Петров В. Н. Воспоминания о Хармсе / Даниил Хармс глазами современников. Воспоминания. Дневники. Письма / под ред. А. Дмитренко и В. Сажина. СПб., 2019. С.381–382.

6. Погарский М. Книга художника, Artist's Book и Livre D'Artiste / Музей «Книга художника»: каталог выставки. СПб., 2011. С.6.

7. Поляков В. В. Книги русского кубофутуризма. М., 2007. С.167–168.

8. Хармс Д. Записные книжки. Дневник. В 2 кн. Кн. 1. / подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. СПб., 2002. С. 132.

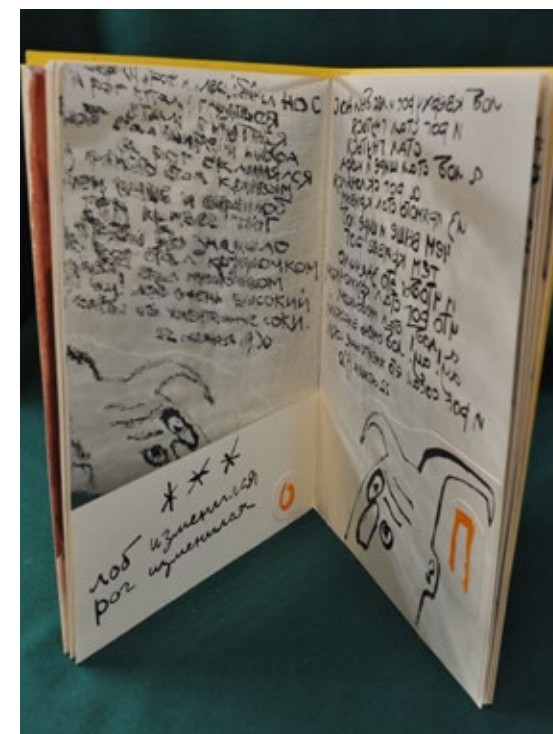
9. Хармс Д. Записные книжки. Дневник. В 2 кн. Кн. 2. / подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. СПб., 2002. С.196. (22 ноября 1937 г.)

Титульный лист книги Михаила Карасика «Есть ли чудо?»

Первый разворот книги Михаила Карасика «Есть ли чудо?»

Один из разворотов (с коллажем)
книги Михаила Карасика «Есть ли чудо?»

О МАЛОИЗВЕСТНОМ ЭПИЗОДЕ БИОГРАФИИ АННЫ АХМАТОВОЙ (по документам ЦГИА СПб.)

АЛЁНА СУГОРОВСКАЯ, сотрудник Музея Анны Ахматовой
в ФОНТАННОМ ДОМЕ, СТУДЕНТКА 1 КУРСА МАГИСТРАТУРЫ СПбГИК,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Руководитель: **Татьяна Сергеевна Позднякова**, старший методист
научно-просветительского отдела Музея Анны Ахматовой
в ФОНТАННОМ ДОМЕ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

После венчания с Гумилёвым и свадебного путешествия в Париж в июне 1910 г. Анна Ахматова вернулась в Петербург. Потом будут снова Киев, снова Париж, вхождение в литературную жизнь Петербурга, Башня Вячеслава Иванова, «Аполлон», Общество ревнителей художественного слова, первые публикации, Цех поэтов — и стихи, стихи, стихи...

Но вот из воспоминаний Ахматовой, записанных Амандой Хейт: «Переехав в Петербург [из Киева, в 1910 г.], я училась на Высших историко-литературных курсах Раева. В это время я уже писала стихи, вошедшие в мою первую книгу» [4, с. 72].

В подтверждение этой записи — материалы ЦГИА СПб. Ф. 52. (Курсы Раева) Оп. 1. Д. 21. Л. 37: дело № 263 Анны Андреевны Гумилевой (р. Горенко) с пометкой «октябрь 1911 года» и необходимыми для поступления документами (копия гимназического аттестата и оригинал свидетельства о крещении).

Петербургские Высшие женские курсы Раева имели два отделения — историко-литературное и юридическое.

Известно, что в Киеве Ахматова училась на юридическом отделении Высших женских курсов. Из автобиографических записок: «Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна, когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела» [1].

При поступлении в Петербурге на курсы Раева Ахматова выбирает историко-литературное отделение.

Несколько слов о самих курсах, их основателе и руководителе.

Николай Павлович Раев (1856–1919) — российский государственный деятель, действительный статский советник, в 1912 г. утвержден в потомственном дворянстве. Почти вся жизнь Н. П. Раева была посвящена деятельности в сфере народного просвещения.

В начале своей карьеры он служил инспектором и директором народных училищ, в 1894 г. исполнял обязанности чиновника особых поручений при министре народного просвещения.

С 1895 до 1905 г. Н. П. Раев был директором Санкт-Петербургских высших женских курсов (Бестуживских). Опыт работы на этом посту, безусловно, пригодился ему в дальнейшем.

Высочайшим указом от 3 декабря 1905 г. разрешено было открывать в России частные высшие учебные заведения. Создание правовой основы привело к росту вольной высшей школы: негосударственные высшие учебные заведения были свободны от излишнего академизма, от узкой направленности на подготовку чиновничьего аппарата, в них существовала предметная система обучения, гарантировавшая свободу личности студента и преподавателя.

В этом же 1905 г. Н. П. Раев выступил инициатором открытия в Петербурге новых частных Высших женских курсов (с 1906 г. — Петербургский вольный женский университет).

Организационная фаза завершилась к осени 1906 г., и с 4 сентября 1906 г. было начато систематическое обучение слушательниц. Курсы находились в ведомстве Министерства народного просвещения.

До 1916 г. Николай Павлович Раев исполнял обязанности директора курсов. За служение Отечеству был награжден несколькими орденами.

(Послереволюционная судьба Н. П. Раева трагична: некоторое время скрывался, был допрошен ВЧК, в Гражданскую войну переехал на юг России, жил на Кавказе при бывшем митрополите Питириме, очень нуждался, пел на клиросе, погиб безвестно в 1919 г.).

Нас прежде всего интересует историко-литературное отделение курсов Раева, поэтому рассмотрим вопрос формирования именно этого отделения.

В преддверии открытия курсов Раев 8 августа 1906 г. обратился к попечителю Петербургского учебного округа с письменной просьбой об утверждении профессорами курсов «по вольному найму» двенадцати преподавателей (ЦГИА СПб. Ф. 52. (Курсы Раева) Оп. 1. Д. 21. Л. 5) и представил текст необходимых правил, в которых было закреплено преподавание на историко-литературном факультете следующих предметов: богословие, психология,

логика, педагогика, философия, русская литература, всеобщая литература, русская история, всеобщая история, история искусств, латинский язык для желающих

19 февраля 1909 г. Раев, подводя итог четырехлетней деятельности курсов, перечислил уже 17 предметов, которые к тому моменту преподавались для слушательниц историко-филологического отделения. Появились новые дисциплины — русский язык, общее языкознание. Античная литература читалась, видимо, поначалу довольно кратко, в составе общего курса, то же можно сказать и об истории Греции, и об истории Рима; теперь они выделены были в отдельные позиции.

В качестве обязательных для обучающихся фигурируют английский, латинский, немецкий и французский языки и древнегреческий для желающих.

Главная цель развития курсов заключалась в том, чтобы добиться права для их выпускниц сдавать экзамены по образцу университетов, то есть получать в результате право преподавания в старших классах женских гимназий. Своей цели Раеву удалось достичь только четыре года спустя — как следует из документов Департамента народного просвещения, лишь 4 сентября 1913 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа был извещен о том, что слушательницы, представившие удостоверение об окончании курсов Раева, «допускаются к экзаменам в испытательных комиссиях на тех же основаниях, что и лица, получившие выпускное от ун-тов свидетельство».

Но Ахматову, скорее всего, эта проблема не волновала — едва ли мечтала она о преподавательской карьере.

Вернемся к вопросу об обучении Анны Ахматовой на курсах Раева.

К осени 1911 г., то есть ко времени поступления ее на историко-литературное отделение курсов, там преподавали: Н. А. Гредескул, Н. С. Карцов, Я. Л. Барсков, В. Н. Бенешевич, В. Д. Кузьмин-Караваев, К. Н. Соколов, А. Л. Фрейтаг-Лоринговен, Л. С. Таль, П. А. Кулаковский, В. И. Иванов, А. И. Буковицкий, Н. В. Ястребов. В качестве профессоров курсов были утверждены Ф. В. Тарковский и М. А. Таубе, руководителем практических занятий был А. В. Попов.

Вячеслав Иванов с октября 1910 г. преподавал на курсах Раева античную словесность.

К письму Н. П. Раева А. А. Мусину-Пушкину от 10 марта 1912 г. приложено «Расширение лекций и практических занятий на Санкт-Петербургских историко-литературных и юридических высших женских курсах». Из него следует, что античной словесности уделялось в общей сложности четыре часа в неделю на первом курсе и столько же на втором. Половина времени приходилась на лекции, половина — на практические занятия.

Возможно, сам факт того, что в 1910 г. историю античной литературы был приглашен читать Вячеслав Иванов, и сыграл свою роль в том, что Ахматова выбрала для обучения именно курсы Раева.

Но может быть, важно и другое: с 1908 г. курсы размещались в доме № 20 по улице Гороховой. До Гороховой улицы совсем недалеко от Царскосельского вокзала. Не то что до Бестужевских курсов, которые находились на Васильевском острове! Ахматова ведь жила в Царском (летом 1911 г. А. И. Гумилева купила дом в Царском Селе, на Малой улице), и каждый день ей надо было ездить на паровичке в Петербург.

В списке слушательниц курсов за 1910–1911 гг. (ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21) фамилии «Ахматова/Гумилева» не значится. Возможно, это связано с тем, что она подала документы на обучение уже после начала учебного года — в октябре. Не отмечена Ахматова и в экзаменационных карточках курсов. То есть об обучении ее там нет никаких других свидетельств, кроме дела, заведенного при поступлении.

Значит, на курсах Раева пробыла Ахматова недолго — и без них достаточно насыщенной была в конце 1911 г. ее жизнь.

Новые заседания Цеха Поэтов, опять чтение стихов «на Башне» (да еще и в присутствии А. Блока!), в «Академии стиха», участие в кружке К. К. Случевского, публикации в «Аполлоне», в «Русской мысли»...

Трагическое событие — самоубийство из-за несчастной любви к ней Михаила Линдеберга. Чувство вины за это не оставит Ахматову до конца жизни.

И наконец, открытие на Михайловской площади литературно-художественного кабаре «Бродячая собака» — богема, игра! Это уж точно не для строгой курсистки.

Литература

1. *Ахматова Анна*. Автобиографическая проза. (Очерки, заметки, дневниковые записи) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ocls.kyivlibs.org.ua/ahmatova/proza/bio_proza.htm (дата обращения: 30.03.2020).
2. *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма. / сост. Л. А. Зыкова. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000.
3. РГАЛИ. Ф. 2633. оп. 1. Ед. хр. 8 (май 1922) // Письма Н. Н. Пунина.
4. *Хейт А.* Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма. М.: Радуга, 1991.
5. ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21. Л. 37 // Курсы Н. П. Раева. Дело № 263 Анны Андреевны Гумилевой.
6. *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Индрик, 2008.

ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РОК-КУЛЬТУРЕ

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ, СТУДЕНТ 4 КУРСА ФАКУЛЬТЕТА МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ СПБГИК

РУКОВОДИТЕЛЬ: **ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕОНОВ**, д.к.н., доцент СПБГИК

Предметом настоящей статьи является то, как творчество Н. С. Гумилёва бытует в отечественной рок-культуре; речь идёт преимущественно (но не исключительно) об использовании текстов Н. Гумилёва отечественными рок-исполнителями. Объект исследования — советская и российская рок-культура 1980–2010-х гг.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что рок-культура, рок-музыка составляют неотъемлемую и существенную часть современной культуры, будоражат сердца и умы множества наших соотечественников и являются предметом изучения для представителей различных отраслей гуманитарного знания. Постижению рок-культуры посвящено не менее 70 диссертаций, защищенных в России начиная с конца 1980-х гг., сотни статей; издаётся специализированный альманах «Русская рок-поэзия: текст и контекст», проходят научные конференции и т. д. [2]. Всё это свидетельствует о большом внимании российского социума к рок-культуре, в том числе и о внимании со стороны научного сообщества. Между тем ни одной работы культурологического характера, посвященной многочисленным рок-песням на стихи Н. Гумилёва и его значению для российской рок-культуры, ранее опубликовано не было.

Николай Гумилёв, несмотря на десятилетия непечатания и замалчивания, никогда не исчезал окончательно из советского культурного пространства. Стихотворения Гумилёва читали всегда, даже в 1930–1940-х гг., когда хранение и распространение произведений расстрелянного контрреволюционера могло представлять физическую опасность. Уже в 1960-х гг., по множеству свидетельств, Н. Гумилёв был весьма популярен в интеллигентских кругах. Ходили по рукам книги Н. Гумилёва (изданные в 1910–1920-х, а также эмигрантские издания, нелегально ввезённые в СССР), машинописные и рукописные копии его стихов. В 1976–1983 гг. в Ленинграде действовал неофициальный семинар памяти Гумилёва; предпринимались попытки устроить официальный вечер памяти поэта, опубликовать, обойдя цензурные рогатки, его стихи

в советской прессе и т. д. [7]; Н. Гумилёв упоминался в подцензурных литературоведческих работах. В советской поэзии (и официальной, и неофициальной) имеется столько прямых и косвенных цитат и отсылок к Н. Гумилёву, что это позволяет литературоведам говорить о «тайном культе Николая Гумилёва» у советских поэтов [9; 10].

Вполне закономерно, что к творчеству Николая Гумилёва обратились и деятели советской неофициальной музыкальной культуры, в том числе рок-музыканты — тем более что отечественной рок-музыке свойственно чрезвычайное влечение к текстовой составляющей, текстоцентричность. Творчество поэтов Серебряного века было для рок-авторов важнейшим источником вдохновения [5, с. 8, с. 18], что отчётливо проявлялось уже на ранних этапах существования русского рока. По Н. Гумилёву, «всякое направление испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего» [3, с. 149–150]. Многим российским рок-музыкантам, начинавшим творческий путь в 1970–1990-х гг., была свойственна влюбленность в Серебряный век российской культуры, и для многих из них «могила» Гумилёва важна и значима.

Самый ранний известный случай использования рок-музыкантами текста Н. Гумилёва — песня «Жираф», записанная в 1982 г. московской рок-группой «Волшебные сумерки». (Нельзя исключать того, что рок-музыканты обращались к творчеству Н. Гумилёва и ранее: отечественная рок-культура конца 1960-х — начала 1980-х гг. документирована плохо, она была в основном концертной, и многое из того, что тогда исполнялось на полуподпольных концертах, не было зафиксировано на плёнку).

В середине 1980-х гг., после ослабления цензурных запретов, последовало множество обращений рок-музыкантов к произведениям Н. Гумилёва. Самый, пожалуй, известный случай — исполнение Борисом Гребенщиковым (группа «Аквариум») романса А. Вертинского «Китай», текст которого представляет собой последние две строфы стихотворения Н. Гумилёва «Я верил, я думал...». Гребенщиков исполняет «Китай» с несколько изменённым текстом — неизвестно, является ли это искажение сознательным. Впервые, судя по всему, Гребенщиков публично спел этот романс в марте 1987 г. [1]. В 1988 г. Гребенщиков спел «Китай» в популярной

телепрограмме «До и после полуночи» — очевидно, это был первый случай, когда песня на стихи Николая Гумилёва прозвучала на телевидении. «Китай» время от времени исполняется группой «Аквариум» и в наше время. В 1994 г. песня была выпущена на альбоме Гребенщикова «Песни А. Вертинского», который впоследствии неоднократно переиздавался. Достоин внимания также и то, что в 1991 г. режиссёр А. Берсенев и оператор А. Лукашевич сняли клип на песню «Китай» в исполнении Гребенщикова. Этот ролик неоднократно транслировался по центральному телевидению и весной 1992 г. занимал первое место в программе «9» (хит-парад видеоклипов).

Эти культурные акты достойны того, чтобы их считали существенной частью кампании по возвращению российской публике творчества Н. Гумилёва. Во второй половине 1980-х к рок-музыке было приковано колоссальное внимание советского общества, она стала одной из значительных детерминат отечественной культуры того периода. Рок-движение превратилось в реальную общественную силу. А. Вознесенский писал тогда: «...Происходит рождение коллективного музыкального сознания. Миллионы магнитофонов страны сливаются в духовную индустрию, по кассетному селектору откликаются миллионы душ. Это — явление!» [цит. по: 6, с. 8]. Для множества людей известные рок-артисты были настоящими культуртрегерами, проводниками в новые культурные пространства. И то, что Борис Гребенщиков и другие артисты исполняли (на телевидении и на официальных концертных площадках) песни на стихи Н. Гумилёва (который на тот момент ещё не был реабилитирован), способствовало повышению популярности поэта и легитимации его присутствия в советской культуре. При описании того, как творчество Николая Гумилёва (равно как и других подзапретных авторов) в перестроечные годы возвращалось широкой аудитории, исследователи нередко обращают внимание только на историю бумажных публикаций; между тем изучение вопроса о проникновении гумилёвского наследия в электронные СМИ и в репертуар различных артистов также представляет серьёзный интерес

Использовали тексты Н. С. Гумилёва, помимо Б. Гребенщикова, и другие известные рок-исполнители. Так, Константин Кинчев (группа «Алиса») в начале 1990-х гг. разрабатывал теорию рока как

магического пространства, попадая в которое люди не возвращаются назад. Стихотворение Н. Гумилёва «Волшебная скрипка» хорошо подходило к этой концепции, и К. Кинчев в 1993–1994 гг. много раз декламировал его на концертах (что, в частности, зафиксировано на концертном DVD «Для тех, кто свалился с Луны»). Также к «Волшебной скрипке» обращался Александр Васильев (группа «Сплин»): он тоже читал «Волшебную скрипку» на концертах, а позднее положил этот текст на музыку и выпустил получившуюся песню на мини-альбоме «Тайком» (2019). В начале 1990-х гг. дважды обращалась к творчеству Н. Гумилёва группа «Квартал», которая записала песни «Жираф» и «Сада-Якко». Изящная «салонная» песня «Сада-Якко» до сих пор регулярно звучит на российских радиостанциях, на неё был снят клип.

Достоинство внимания использование в песне «Путешествие в Китай» группы «Ва-БанкЪ» одного четверостишия из одноименного стихотворения Н. Гумилёва. Эта песня вошла в альбом «Нижняя тундра» (1999), который являлся совместным литературно-музыкальным проектом проектом «Ва-БанкаЪ» и писателя Виктора Пелевина: этот диск — своеобразный саундтрек к пелевинскому рассказу «Нижняя тундра», который был написан специально для альбома и напечатан во вкладыше буклета. Так через посредство рок-музыки творчество поэта былых времён оказалось связано с творчеством знаменитого современного писателя.

Две песни на стихи Н. Гумилёва есть в репертуаре группы «Мельница» — «Хельга» (в качестве текста использовано стихотворение Гумилёва «Эльга») и «Змей»; ещё одна песня на стихи Гумилёва («Маргарита») присутствует на сольном альбоме вокалистки «Мельницы» Натальи О'Шей. Перепевали Н. Гумилёва Светлана Сурганова («Она»), андеграундный Василий К. («Пьяный дервиш»), регги-группа «Джа Дивижн» («Сказка»), блэк-металлическая группа «Eoront» («Солнце бросило для нас...») и многие другие артисты — разной стилистической направленности, разного уровня популярности, профессионализма и таланта. Курская группа «Маленькие трагедии» записала на стихи Н. Гумилёва три полновесных альбома.

Помимо прямого использования текстов Николая Гумилёва, в произведениях российских рок-артистов присутствуют также

скрытые цитаты и отсылки к его творчеству. Отметим и то, что многие рок-музыканты в интервью называли Николая Гумилёва в числе любимых поэтов и признавали его влияние на своё творчество — так, у Дмитрия Ревякина (группа «Калинов Мост») есть стихотворение, посвящённое Н. Гумилёву («Слуги Господа, Помазанника воины...»). Таким образом, определённо можно сказать, что Н. Гумилёв является значимой фигурой для российской рок-культуры — по количеству использований его текстов рок-музыкантами и по степени влияния на рок-среду Н. Гумилёв из всех поэтов Серебряного века сопоставим разве что с А. Ахматовой, М. Цветаевой и В. Маяковским.

Эта небольшая статья — не более чем «постановка вопроса», который кажется достаточно важным для понимания того, как бытует наследие поэта Николая Гумилёва в современной отечественной культуре. Заявленная тема ещё ждёт обстоятельного исследования, в том числе и в рамках деятельности Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме и его филиала, Музея-квартиры Льва Гумилёва. По всей видимости, без такого исследования наши представления о месте, роли и значении Н. Гумилёва для современной российской культуры (в том числе и для её массового сегмента) не будут полными и адекватными.

Литература

1. Аквариум. Справочник. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://handbook.severov.net> (дата обращения: 11.05.2020).
2. Гавриков В. А. Рок-культура в отечественном диссертационном изучении // Художественная культура. 2019. № 3. Т.2. С. 426–435.
3. Гумилёв Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 7. М.: Воскресение, 2006. С. 146–150.
4. Касьянова Е. В. Рок-культура в контексте современной культуры: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб, 2003. 22 с.
5. Кормильцев И. В., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. Вып. 1. С. 5–33.
6. Кушнир А. И. 100 магнитоальбомов советского рока. Избранные страницы истории советского рока 1977–1991: 15 лет подпольной звукозаписи. М.: ЛЕАН, АГРАФ, КРАФТ+, 1999. 400 с.

7. Сурикова О. А. Судьба наследия Николая Гумилёва в 1960–1980-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 5. С. 111–120.

8. Струве Г. П. О четырёх поэтах. Блок, Сологуб, Гумилёв, Мандельштам. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1981. 187 с.

9. Тименчик Р. Д. История культа Гумилёва. М.: Мосты культуры, 2018. 640 с.

10. Тименчик Р. Д. Читатели Гумилёва // Natales grate numeras? Сборник статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2008. С. 548–560.

ЭКСПОНАТ МУЗЕЯ КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ (ИКОНА КАЗАНСКОЙ БОГОМАТЕРИ В МЕМОРИАЛЬНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ Л. Н. ГУМИЛЁВА)

Яков Слепков, студент III-го курса кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена,

Алексей Владимирович Бондарев, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Музея-квартиры Л. Н. Гумилёва, доцент кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена

В Музее-квартире Л. Н. Гумилёва, который находится на Коломенской улице в Санкт-Петербурге, на столе учёного в его кабинете стоит икона с изображением Богоматери (Илл. 1–2). Эта икона расположена на школьной подставке для книг с надписью: «Учиться, учиться и учиться! В. Ленин». Что это за икона? Почему именно эта икона оказалась здесь? Каковы её происхождение и история? Как эта икона попала к Гумилёву? Что может рассказать этот экспонат о личности Л. Н. Гумилёва? Почему образ Богоматери оказался в столь необычном сочетании с цитатой Ленина? Эти и другие вопросы будут находиться в центре нашего исследования.

Описание исследуемого экспоната. Икона деревянная (МА КП-13318 / Инв. № Ж-117). Размеры: 25,0 x 17,5 (края неровные). Подставка, на которой она стоит, — типовая пластмассовая школьная подставка для книг с металлической дугой. На подставке надпись: «Учиться, учиться и учиться! В. Ленин». Предположительно, икона была написана во второй половине XIX в. На иконе отчетливо видны лики и руки Богоматери и младенца Иисуса, сидящего у нее на руках (Илл. 2). Остальное изображение почти полностью утрачено, видны только контуры. Исходя из этого можно сделать предположение, что икона относится к народным иконам, на которых изображение прорисовывали черным контуром. Вероятно, у иконы был оклад, который закрывал изображение, открывая только лики Богородицы и Иисуса Христа.

Версии появления иконы у Л. Н. Гумилёва. Опираясь на сведения, сообщенные М. Г. Козыревой — создателем Музея-квартиры Л. Н. Гумилёва, на протяжении многих лет собиравшей любые свидетельства о мемориальных предметах в экспозиции, — можно выдвинуть три альтернативных версии появления иконы у Гумилёва. Все версии сходятся в том, что икона — подарок

Л. Н. Гумилёву. Разница — в дарителях. Первым из них называется священник Абарцумов из Всеволожска. Имеется также предположение, что эту икону (и ещё несколько других: иконку с изображением Георгия Победоносца и икону-панагию) привезла коллега Гумилёва — этнограф Татьяна Александровна Крюкова. По третьей версии, эта икона могла быть подарена Гумилёву Л. Азадовской в начале 1970-х гг.

Независимо от того, кто на самом деле подарил эту икону Гумилёву, можно предположить, что такой подарок не был случайным. Это был осознанный выбор определенного образа Богородицы.

Анализ смысловых пластов экспоната. Тип этой иконы — Одигитрия, а именно — икона Казанской Божией Матери. В переводе с древнегреческого «Одигитрия» значит «Указующая путь». На иконах такого типа Богоматерь предстает в оплечном изображении, она чуть повернута к младенцу (в случае с иконой Л. Н. Гумилёва — наклонена голова); младенец изображается анфас с поднятой правой рукой, застывшей в благословляющем жесте. Богословский смысл этой иконы заключается в явлении миру «Небесного Царя и Судии», а также в поклонении Царственному Младенцу. Причем исторически изображение на иконе Богомладенца Иисуса стало возможно именно благодаря изначально возникшей иконописной традиции изображения Богородицы (по легенде эта традиция заложена самим апостолом Лукой).

При наложении на изображение «золотого сечения» (Илл. 3) становится особенно ясно, что композиционная доминанта иконы — Богоматерь. Спиралевидная динамика нашего восприятия задана несколькими округлыми элементами композиции. Она заставляет зрителя, уловившего эти особенности композиционного построения иконы, продолжить взглядом движение от Богородицы к Младенцу. Богоматерь тем самым как бы «указует» нам на Богомладенца, являющегося истинным центром всей композиции. Геометрия иконы схватывается зрителем сразу, благодаря кажущейся простоте изображения. В видимой изобразительной части икона носит двухмерный, плоскостной характер, но в нашем восприятии она приобретает особую глубину, как бы «третье измерение». Дева Мария оказывается ближе к зрителю, чем младенец. Она — Проводница, Путеводительница в нашем приближении ко Христу.

Изображение нанесено на деревянную основу, скорее всего масляными красками. Основа цветовой гаммы этой иконы — охра. Детали выполнены черной краской, белилами. Скучный цветовой набор оправдывается вероятным происхождением иконы — это так называемое крестьянское письмо.

Личностное измерение. Значение этой иконы для Льва Гумилёва тоже имеет несколько возможных вариантов.

Во-первых, в сферу научных интересов Льва Гумилёва входило изучение истории казанских татар, а образ, представленный на этой иконе, — именно Казанская Богоматерь. Стоит отметить, что техника писания народных икон («краснушек», «чернушек»), в том числе таких, как эта, получила преимущественное распространение в Сибири, что тоже символично для Гумилёва.

Во-вторых, икона и установка ее на видном месте может служить своеобразным напоминанием о матери Л. Н. Гумилёва — Анне Ахматовой. Такая ассоциация появляется у любого зрителя, знакомого с творчеством Ахматовой. Параллель между судьбой Богородицы и своей судьбой А. А. Ахматова проводит, например, в стихотворении «Распятие»:

*Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.*

Сходство судеб матерей, оказавшихся бессильными перед роковым приговором, их мужественное смирение перед трагическими ударами судьбы, глубокая вера в промысел Божий и т. д. — всё это и рождает в нас при взгляде на эту икону в этом пространстве мысль (через ассоциацию со стихотворением «Распятие») о самой Ахматовой и её единственном сыне (эта ассоциация вполне созвучна также тому обстоятельству, что рассматриваемая икона расположена в непосредственной близости с широко известной фотографией 1915 г. — той самой, где вся семья сфотографирована вместе и Ахматова держит на руках маленького Лёву).

Третий, наиболее вероятный вариант того значения, которое сам Гумилёв придавал этой иконе, связан именно с упомянутой школьной подставкой и цитатой Ленина. По сохранившимся фотографиям и видеозаписям различных лет доподлинно известно,

что икона стояла именно на этой подставке ещё с 1980-х годов (Илл. 4–5). В парадоксальном сочетании с иконой избитая фраза «Учиться, учиться и учиться!» приобретала новый смысл — происходила своеобразная семантическая инверсия. Гумилёв как бы обращал внимание любого смотрящего на эту икону (в том числе и самого себя) на то, у кого и чему на самом деле нужно «учиться, учиться и учиться». Первый ученик Л. Н. Гумилёва — Гелиан Прохоров, принявший православие под его влиянием, — вспоминал, что особую глубину внутреннему миру этого человека придавала органически присущая ему искренняя христианская вера. «Я всё приглядывался к нему, чем он отличается от большинства людей и от меня тоже. И потом понял, что верой. Верой, которая давала как бы добавочное измерение личности. Я плоский, а у него еще вертикальное есть», — вспоминал Г. М. Прохоров [6]. Парадоксальное сочетание в этом мемориальном экспонате православной иконы с такой цитатой Ленина открывает перед нами ещё одну грань в образе Л. Н. Гумилёва — его удивительное чувство юмора и одновременно его глубокое отношение к религии.

Сложную морфологию семантики этого мемориального экспоната удалось выявить благодаря использованию культурологического подхода. Икона в мемориальном кабинете Л. Н. Гумилёва имеет несколько смысловых пластов, которые связаны с богословием иконы, её историей, её композицией, со значением, которое было придано этой иконе Л. Н. Гумилёвым. Хрестоматийная цитата Ленина на типовой советской подставке в сочетании с такой иконой обретает совершенно особый и весьма неожиданный смысл: Богородица-Одигитрия, указывает, у кого на самом деле надо «учиться, учиться и учиться». Исследование этого мемориального экспоната дополняет уже известный образ Л. Н. Гумилёва. Перед нами раскрываются его обострённое ощущение абсурдности советских реалий, его тонкое парадоксальное чувство юмора, а также присущее ему православное восприятие окружающего мира, в том числе и советских реалий (Илл. 6).

Литература

1. Бондарев А. В. «Сила открытия» // Живая вода. № 10 (153). 2012. С. 28–29.

2. Володихин Д. К 100-летию Льва Гумилёва. Инопланетяне или Бог. Кто движет цивилизациями, по мнению Гумилёва? // Фома. 2012. № 10. С. 66–71.

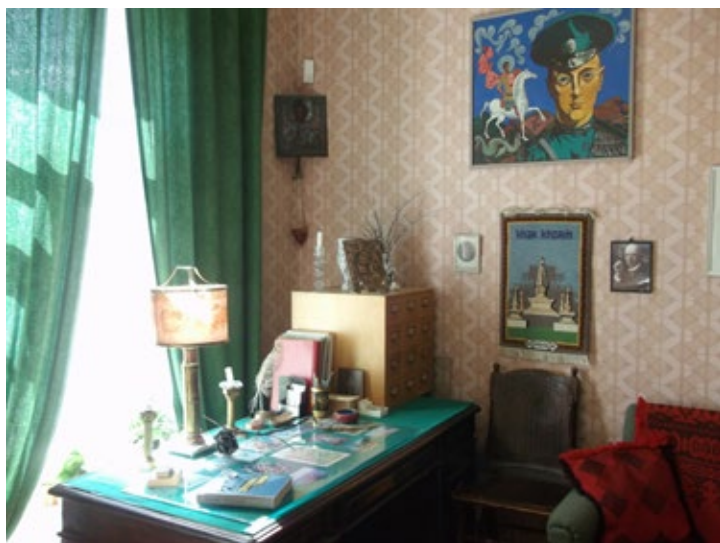
3. Вспоминая Л. Н. Гумилёва: воспоминания. Публикации. Исследования / сост. и комм. В. Н. Воронович, М. Г. Козырева. СПб.: Росток, 2003.

4. Гумилёв Л. Н. Возрождение истории. Предисловие к пособию «Закон Божий: Начальные сведения для младшего возраста». Л.: ПЭЦ ПО Всероссийского фонда культуры, 1990. С. 4.

5. Живя в чужих словах: воспоминания о Л. Н. Гумилёве / Сост., вст. ст., комм. В. Н. Воронович, М. Г. Козырева. СПб.: Росток, 2006.

6. Интервью с Гелианом Михайловичем Прохоровым [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orthodox-malaga.livejournal.com/1926.html> (дата обращения: 12.04.2020).

7. Стекляникова Л. Д. Вечная память // Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-Пресс, 2003. С. 528–557.

*Мемориальная экспозиция в кабинете Л. Н. Гумилёва (фрагмент).
Фото А. В. Бондарева. 2013*

*Икона Казанской Богоматери с наложением золотого сечения.
Схема Я. Слепкова*

*Икона Казанской Богоматери в мемориальной экспозиции
Музея-квартиры Л. Н. Гумилёва.
Фото А. В. Бондарева. 2012*

*Л. Н. Гумилёв в своём кабинете в коммунальной квартире на Большой
Московской улице. На заднем фоне видна икона Казанской
Богоматери, расположенная на подставке на библиотечном кубе.
1980-е гг.*

*Л. Н. Гумилёв и его супруга Наталия Викторовна. 1980-е гг.
На заднем фоне, в красном углу комнаты — икона Казанской
Богоматери на подставке.*

*Л. Н. Гумилёв на конференции в Ленинградской Духовной академии.
1988 г. (на этом снимке на фоне обязательного портрета В. И. Ленина
сфотографированы митрополит (ныне патриарх) Кирилл (Гундяев),
ректор Академии о. Владимир (Сорокин), о. Глеб (Якунин) и др. участники
конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси)*

ТЕМА СТУДИИ ХУДОЖНИКА В ЖИВОПИСИ ГЕРРИТА ДАУ (XVII в.)

ЛЮ СЫЦЗЯ, аспирант Института истории СПбГУ

Руководитель: **АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА НИКОНОВА**, доцент, канд. филос. наук, заместитель заведующего кафедрой музейного дела и охраны памятников Института истории СПбГУ

Предметом этого исследования стала тема студии художника на полотнах лейденского живописца Геррита Дау, отраженная в двух его картинах с одинаковым названием «Художник в мастерской» (первая — 1630–1632, галерея Ньюхаус, Нью-Йорк, см. илл. 1; вторая — 1647, Берлинская картинная галерея, Берлин, см. илл. 3).

Тема студии художника расцвела в Лейдене в конце 1620-х гг. Популярность студийных сцен — таких, например, как у Рембрандта Ван Рейна: «Художник в мастерской» (ок. 1628, Музей изящных искусств, Бостон) — является одним из свидетельств растущего профессионального сознания голландского художника.

В Лейдене в 1575 г. был открыт университет, немедленно ставший весьма знаменитым. Известность университета привлекла большое количество европейских ученых. В то же время городские власти в течение долгого времени отклоняли просьбы художников о формировании гильдии — Лейден к XVII в. оставался единственным крупным голландским городом, в котором художники не принадлежали к гильдии Святого Луки. Членство в гильдии давало ряд преимуществ, в том числе защиту от внешней конкуренции. Художники южных Нидерландов активно искали заказчиков и в северных провинциях, чем наносили ущерб интересам северных художников [2, стр. 13]. Власти упрямо придерживались позиции, что изобразительное искусство принадлежит к ремесленничеству и интересы художников не нужно защищать. Поэтому в начале 1640-х гг. многие известные художники, в том числе Рембрандт, покинули Лейден и переехали в Амстердам.

В этих условиях появление большого количества картин, изображавших студии художников, стало своего рода саморекламой, которая помогала повысить социальный и профессиональный статус мастера кисти.

Геррит Дау был одним из самых уважаемых голландских художников XVII в. и считался основателем Лейденской школы «изысканных живописцев» (*fijnschilders*). Он специализировался на

создании небольших, кабинетного формата картин, написанных в виртуозной технике с эффектом полной иллюзии реальности предметов. Дау поступил в лейденскую мастерскую Рембрандта 14 февраля 1628 г. и, хотя и оставался с Рембрандтом в течение всего лишь трех лет [4, стр. 28], в своих ранних произведениях использовал тематику молодого Рембрандта, усвоил его интерес к светотени и некоторые живописные приемы.

Как и Рембрандт, Дау изображал в автопортретах этапы своей личной и художественной карьеры. Пространство его картины «Художник в мастерской» (1630–1632, Ньюхаус Галереи, Нью-Йорк) наполнено предметами, большая часть которых являются инструментами рисования. Глобус, слепок головы, череп, лютня, книги, меч — эти предметы традиционно ассоциировались с идеей *Vanitas*, были символами эфемерности жизни. Дау включил эти символы мимолетности в свою композицию затем, чтобы подтвердить, что краткий миг земного существования преодолевается бессмертием созданного (*ars longa, vita brevis*).

На картине лицо художника находится в тени — затененное лицо долгое время было призвано символизировать беспокойность или меланхоличность ума портретируемого. Рембрандт, учитель Дау, часто рисует затененное лицо и глаза и тем самым создает меланхолическую атмосферу.

Меланхолический темперамент, связанный с депрессией, самоанализом и художественным творчеством, художникам удалось переосмыслить как признак великих философов, пророков, художников и героев. На гравюре «Меланхолия» Альбрехта Дюрера (1514) Меланхолия в облике крылатого духа восседает в позе, характерной для тех, кто поражен ее проклятьем или удостоился ее даров: голова ее опирается на левую руку, взгляд напряжен и сосредоточен, лик темен (*facies nigra*), что и свойственно меланхоликам с присущим им избытком черной желчи [1].

В XVII в. считалось, что ученые, гуманисты, философы, поэты — все, кто занимался уединенными интеллектуальными занятиями, — непременно должны страдать психической болезнью. Неудивительно, что Лейден, город знаменитого университета и не менее известной медицинской школы, породил множество диссертаций по меланхолии и изображений меланхоликов.

Ян Давидс де Хем (1606–1683/1684) написал в 1628 г. картину «Ученый в своем кабинете» (Музей Эшмола, Оксфорд — илл. 2): молодой ученый, сидящий в задумчивой позе (характерной для меланхолии), отворачивается от книг на своем столе. Он, кажется, размышляет о содержимом письма, лежащего на столе. Прочие предметы, изображенные на картине, связаны с обучением военному делу: многие молодые люди выбирали для поступления школы фехтования Лейденского университета и получали военное образование. На стене висят портрет офицера, карта и доска для игры [3, стр. 301]. В аналогичной работе Питера Кодде «Молодой учёный в своем кабинете» задумчивое лицо ученого также погружено в тень.

Другой способ выразить свои чувства использует в автопортрете Питер Кодде: художник сидит перед мольбертом в мастерской, где нет никаких лишних украшений. Художник курит и смотрит на зрителей. Считалось, что курение, «сухое пьянство», затуманивает мозг, окрашивает тело в коричневый цвет и искусственно вызывает состояние меланхолии [2, стр. 28].

Совершенно иную трактовку напряженной мысли и работы художника представил Дау в картине «Художник в мастерской» (1647, Берлинская картинная галерея, Берлин — илл. 3). Здесь он изображает себя идеальным художником, разбирающимся в истории, теории искусства и других научных дисциплинах.

Художник изображен в бархатном берете и табарде — традиционном домашнем халате, который в XVII в. носили юристы, ученые и священнослужители. Берет не только говорит о профессии художника (изображенные на картинах «Художник в мастерской» Рембрандта и «Аллегория живописи» Яна Вермеера художники носят береты), но и демонстрирует его социальный статус: береты с 1630 г. носили профессора Лейденского университета, студенты, ученые и философы.

Скульптура Геркулеса, побеждающего Какуса, которая стоит на столе, подчеркивает аллегорический смысл этого автопортрета — победа старательности над ленью и обманом.

Такие предметы, как маска, статуя и глобус, отсылают к научным интересам и образованности и подчеркивают интеллектуальные и творческие устремления портретируемого.

Дау подчеркнул, что он прежде всего ученый: на картине палитра художника, висящая над фигурой, почти теряется в тени. Глобус, морская раковина на полке сверху и скульптурная маска на краю стола указывают на разнообразие интересов художника, в то время как свеча означает усердие и постоянное стремление к совершенствованию.

Художник сидит за столом, его рука замерла. Перо, которое держит Дау, аллегорически выражает связь художественных занятий с интеллектом и учебой. На краю стола — музыкальный инструмент (альт). Представление о родственной природе изобразительного искусства и музыки было обычным явлением в голландской художественной мысли, и многие художники представляли себя либо занятыми изображением музыкантов, либо играющими на музыкальных инструментах. Так, например, на картине старшего современника Дау Питера Кодде «Разговор об искусстве» изображены лежащие на столе музыкальные инструменты, альт и лютя, рядом с другими атрибутами занятий художествами.

На картине Дау под рукой художника на книжной странице изображен молодой человек под деревом, на котором сидит птица. Позади него видны камень и корова или вол, головы животных обращены к нему. По всей видимости, Дау изображает легендарного певца Орфея. Ничто не могло устоять перед его прекрасными мелодиями — ни люди, ни звери. Даже деревья и камни были очарованы его музыкой. Это традиционный сюжет, повествующий о судьбе творца; музыкант чувствует природу в гармонии своей музыки, а художник — в своем искусстве. Кроме того, и сломанный слепок головы у локтя художника, за которым лежит альт, может указывать на судьбу Орфея: согласно Овидию, он был растерзан фракийскими менадами за то, что презрел их любовные притязания.

Все эти предметы символизируют обучение художников, творческие способности и трудолюбие, как символы достоинства искусства живописи, и усиливают одну из основных тем работы: бессмертие художника, достигнутое с помощью его искусства. Изобразительное искусство способно победить время, продолжая жить в веках.

Литература

1. *Хеласдоттир Эбби*. Хела и меланхолия Сатурна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://northern.thesaurusdeorum.com/helstudy/I129> (дата обращения: 13.09.2019).
2. *Chapman Perry H.* Rembrandt's Self-Portraits: A Study in Seventeenth-Century Identity. New Jersey: Princeton University Press, 1992. P. 13.
3. *Muller Sheila D.* «Young Scholar in his Study»: Painters and Scholars Learning the Art of Conversation in Early Seventeenth-Century Leiden // *Netherlands Yearbook for History of Art*. 2009. Vol. 59. P. 301.
4. *Wheelock Arthur K., Baer Ronni.* Gerrit Dou (1613–1675). Washington. 2000. P. 28.

*Геррит Дау. Художник в мастерской. 1630–32.
Дерево, масло. 59 x 43.5 см, Ньюхаус Галерея, Нью-Йорк*

*Геррит Дау. Художник в мастерской. 1647.
Дерево, масло. 43 x 34,5 см. Берлинская картинная галерея, Берлин*

*Ян Давидс де Хем. Ученый в своем кабинете. 1628.
Музей Эшмола, Оксфорд*

**БРЮС ЧАТВИН И ИОСИФ БРОДСКИЙ:
ЧЕТЫРЕ ОТКРЫТКИ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ
В ФОНТАННОМ ДОМЕ**

АННА ЗАВЬЯЛОВА, СОТРУДНИК МУЗЕЯ АННЫ АХМАТОВОЙ
В ФОНТАННОМ ДОМЕ

15 марта 1987 г. английский писатель Брюс Чатвин¹ отправил редактору Элизабет Сифтон в Нью-Йорк письмо, перечисляя в нем людей, которым следует послать экземпляры его новой книги «The Songlines» (в русском переводе — «Тропы песен») [5, с. 477–478]. Среди десяти имен в этом списке назван и Иосиф Бродский. Дошла ли книга до адресата — неизвестно. По крайней мере, ее нет в собрании Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, где в итоге осела большая часть библиотеки поэта — не только ленинградского, но и американского периода.

В источниках, связанных с Чатвином, удалось найти два упоминания имени Бродского: в указанном письме и еще как минимум в одной дневниковой записи, но упоминания Чатвина Бродским обнаружить пока не удалось. Единственным прямым свидетельством о том, что Бродскому было знакомо это имя, являются четыре принадлежавшие ему открытки, напечатанные в итальянском издательстве «Adelphi» в 1993 г. Все эти изображения, согласно выходным данным, являются репродукциями работ, представленных в книге «L'occhio assoluto», что можно перевести как «Абсолютное зрение», по аналогии с абсолютным слухом. Под таким названием в Милане в 1993 г. (по-видимому, одновременно с английским и французским изданиями) вышел альбом фотографий и путевых записей Брюса Чатвина, через четыре года после его смерти. В библиотеке Бродского альбом отсутствует, и появление

¹ Брюс Чатвин (1940–1989) — англичанин, ровесник Иосифа Бродского. В первую очередь писатель, автор нескольких произведений, в основном в жанре травелога. Еще при жизни его творчество было высоко оценено. На русский язык переведены наиболее известные его работы: «В Патагонии» (путевые заметки о путешествии по Патагонии, территория Южной Америки) и «Тропы песен» (о путешествии к австралийским аборигенам), а также книга «Утц», где собраны разные тексты, в основном связанные с искусством и культурой в целом. Профессиональную карьеру Чатвин начинал как специалист по искусству в аукционном доме «Сотбис» — но из-за ухудшившегося зрения ему пришлось оставить эту работу, после чего он посвятил себя путешествиям, литературе и фотографии. В «Утц» содержится также небольшое произведение, представляющее собой диалог с Надеждой Мандельштам, с которой он виделся в Москве в 1974 г.

открыток в его коллекции могло быть связано с разными обстоятельствами. Их могли подарить миланские друзья-переводчики, в числе которых был Фаусто Мальковати, профессор Миланского университета, в чьем доме на острове Иския Бродский гостил осенью 1993 г. Открытки могли быть присланы из самого издательства «Adelphi»: большинство изданий Бродского по-итальянски было напечатано именно здесь.

Ответ на вопрос о происхождении этих предметов могут дать только факты, которыми мы пока не располагаем. Однако можно сделать некоторые предположения о причинах интереса Бродского к работам Чатвина. Не секрет, что Бродский с юности горячо интересовался искусством, о чем свидетельствует, в том числе, и его коллекция открыток, в которой содержится множество репродукций. Особым почетом пользовалось искусство античности и эпохи Возрождения, однако искусство XX в. было ему не менее интересно, как до эмиграции, так и после, и в интервью он упоминал фамилии разных художников-модернистов, зачастую не схожих между собой по характеру живописи. Так, одна из открыток с фотографией Чатвина, «Casa di Pisé (Mali)» (КП-20101, с изображением дома в африканской деревне), может вызвать ассоциации с произведениями Марка Ротко, американского художника-эмигранта, известного своими яркими абстрактными композициями. В одном из интервью Бродский упоминает его и еще одного американского абстракциониста, Джексона Поллока («герой моей юности!»), а также Эдварда Хоппера («очень похож на Роберта Фроста»): «Об этом трудно говорить, даже просто сказать, что мне нравится, — это настолько часть меня» [1, с. 311]. К произведениям Хоппера может отсылать другая открытка, «In Mauritania» — «В Мавритании» (КП-20099). Сходство здесь заключается, на наш взгляд, в некоем застывшем напряжении светотеневого контраста, при четкости и ясности фигур. Геометрия пространства, соотношение цвета и форм может вызывать в памяти работы итальянского авангардиста Джорджо де Кирико, к которым Бродский также был неравнодушен².

Что касается двух других открыток, они в меньшей степени похожи на живопись, но в них раскрываются темы времени,

² См. в интервью: «Я позволял себе все, кроме жалоб», Ларс Клеберг и Сванте Вейлер; «У меня нет принципов, есть только нервы...», Биргит Файт [1, с. 429, 580].

изменения состояния, жизни и смерти, тема памяти. Эти категории исследователи отмечают как одни из ключевых в поэтике Бродского. И если названные выше открытки могли привлечь формой, то здесь может иметь значение и содержание, хотя в атрибуции именно этих открыток нет привязки к конкретному месту на карте: потекшая краска скорее всего не в первый раз перекрашенного оконного наличника, трещины, выбоины в стене (КП-20102); помещение, может быть, бывшего христианского храма, диск с изображением Иоанна Богослова, слегка помятый, куски штукатурки, валяющиеся рядом, которые намекают на руины («San Giovanni Evangelista», КП-20100).

Несмотря на то что открытка чаще всего является сувениром визуальным, можно предположить далее, что для Бродского могло что-то значить имя автора репродуцируемых фотографий. Даже если допустить, что Бродский не получил экземпляр «The Songlines» в марте 1987-го, как того хотел Чатвин (к слову, этот жест имел место еще до присуждения Нобелевской премии), имя Чатвина должно было что-то ему говорить.

Еще в 1979 г. Брюс Чатвин приехал в Нью-Йорк — после выхода в свет книги «В Патагонии» он был награжден «The E. M. Forster Award», премией имени Эдварда Моргана Форстера, которая с 1972-го ежегодно присуждается ирландским или британским писателям Американской академией искусств и литературы на покрытие расходов на поездку в США. Иосиф Бродский стал членом Академии 23 мая того же года и присутствовал на церемонии — наряду с Дерекотом Уолкоттом, Сьюзен Зонтаг, Алленом Гинзбергом, Куртом Воннегутом и другими «священными коровами», как выразился в дневнике Чатвин [6, с. 354]. И Чатвина, и Бродского печатали в «The New York Times Magazine», а весной 1993-го их имена появились даже на одной странице — в игре на эрудицию «Author! Author!», в которой нужно было соотнести цитату с автором и угадать, кто из них является лауреатом Нобелевской премии [4]. Имена их встречались и на страницах журнала «Vogue». К тому же у них, по-видимому, имелись общие друзья или по крайней мере собеседники: например, Сьюзен Зонтаг и, возможно, редактор Чатвина Элизабет Сифтон.

Подводя итог, можно отметить, что, какими бы ни были основания и источник происхождения открыток с фотографиями Чатвина

в коллекции Бродского, эти предметы позволили затронуть ранее не поднимавшуюся тему, и намеченные нами направления исследования могут выявить интересные подробности пересечения судеб и творчества двух признанных мастеров слова и знатоков искусства.

Источники

— Открытка с репродукцией фотографии Брюса Чатвина. В Мавритании. Принадлежала И. А. Бродскому. Милан: Адельфи. 1993. МА КП-20099 (АП-881)³.

— Открытка с изображением диска с ликом Св. Иоанна Богослова. Принадлежала И. А. Бродскому. Милан: Адельфи. 1993. МА КП-20100 (АП-882).

— Открытка с изображением дома в Мали. Принадлежала И. А. Бродскому. Милан: Адельфи. 1993. МА КП-20101 (АП-883).

— Открытка с видом окна (в синей раме). Принадлежала И. А. Бродскому. Милан: Адельфи. 1993. МА КП-20102 (АП-884).

Литература

1. *Бродский И.* Большая книга интервью / Сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2000.

2. *Лосев Л.* Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2011.

3. *Янгфельдт Б.* Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. М.: Corpus, Астрель, 2012.

4. «Author! Author!» // The New York Times Magazine, 07.03.1993. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1993/03/07/magazine/author-author.html> (дата обращения 25.01.2020).

5. *Chatwin B.* Under The Sun. Under the sun: the letters of Bruce Chatwin / selected and edited by Elizabeth Chatwin and Nicholas Shakespeare. New York: Viking, 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://archive.org/details/undersunletterso00chat> (дата обращения: 25.01.2020).

6. *Shakespeare N.* Bruce Chatwin. New York: Nan A. Talese, 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://archive.org/details/brucechatwin00nich> (дата обращения: 25.01.2020).

³ КП — Книга поступлений основного фонда, МА — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, АП — фонд «Афиши и печатные материалы».

Брюс Чатвин. Дом в Мали

Брюс Чатвин. Изображение окна в синей раме

Брюс Чатвин. В Мавритании

Брюс Чатвин. Св. Иоанн Богослов

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме благодарит
за помощь в реализации проекта «Музей открывает фонды»

соучредителей проекта:

Музей СПб АППО и лично заведующую музеем
Л. В. Дербилову;
сектор исторического краеведения и музееведения ГБНОУ
«Санкт-Петербургский государственный Дворец творчества
юных» и лично заведующую сектором исторического
краеведения и школьного музееведения Т. Г. Смирнову;
методиста сектора исторического краеведения
и музееведения, декана Юношеского университета
Петербурга В. И. Аксельрода; методиста сектора
исторического краеведения и музееведения
И. Г. Васильеву;

партнеров проекта:

Народный музей «А музы не молчали...» и лично О. Г. Прутт,
Народный музей «Дети и дошкольные работники
блокадного Ленинграда» и лично Е. Н. Дмитриеву;

сотрудников Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме
Е. И. Арефьеву, А. В. Бондарева, С. А. Грушевскую,
Е. С. Джумук, С. Е. Качалина, В. М. Львову, Н. П. Пакшину,
Е. А. Печеник, С. В. Прасолову, А. И. Рыбачка, А. А. Сугоров-
скую, Д. А. Фетисова

Составители сборника И. М. Лурье, М. И. Мясникова,
Т. С. Позднякова
Редактор С. В. Друговейко-Должанская
Дизайнер А. В. Мельник

Научное издание

«МУЗЕЙ ОТКРЫВАЕТ ФОНДЫ»

Материалы юношеских и молодежных
научно-практических конференций
(2019–2020)

Выпуск 4

Составители сборника ????????????

Редакторы ??????????????????

Дизайнер ??????????????????

Подписано в печать ????.2021.

Печать ????, бумага ?????.

Тираж ??? экз., заказ № ?????

Отпечатано ??????????????